

ГОРНО-АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ВОДНЫХ И ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ СО РАН
АЛТАЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ

МИР НАУКИ, КУЛЬТУРЫ, ОБРАЗОВАНИЯ

№ 4(7)

Октябрь-декабрь 2007г.

ISSN 1991-5497

Научный журнал
Издается с января 2006 года
Выходит один раз в три месяца

Главный редактор А.В. Петров –
доктор педагогических наук, профессор,
член международного союза журналистов
(г. Горно-Алтайск)

УЧРЕДИТЕЛИ ЖУРНАЛА:

Горно-Алтайский государственный университет,
г. Горно-Алтайск
Институт водных и экологических проблем СО
РАН, г. Барнаул
Алтайская государственная академия культуры и
искусств, г. Барнаул

АДРЕС РЕДКОЛЛЕГИИ:

649000, г. Горно-Алтайск,
ул. Ленкина, 1.
Университет, редколлегия
журнала «Мир науки, культуры, образо-
вания».

Тел.: 8 (388-22) 2-30-76, 2-21-86.

Факс: 8 (388-22) 2-67-35.

E-mail: psa@gasu.ru

<http://iwep.asu.ru/journal.htm>

Научный журнал «Мир науки, культуры, образова-
ния» включен ВАК РФ в перечень ведущих научных
журналов и изданий, выпускаемых в Российской
Федерации, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций на соис-
сание ученой степени кандидата наук по направле-
нию «Филология».

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ
по делам печати и телерадиокоммуникаций.
Свидетельство о регистрации
№ ПИ 77-14649.

Centre International de l'ISSN 20 rue
Bachauumont 75002 Paris France

Подписано в печать 20.03.2008 г.

Формат 60x84/8. Усл.печ.л. 15,25

Тираж 500 экз. № 92

Типография АлтГАКИ

656015, г. Барнаул, ул. Ленина, 66

© Горно-Алтайский государственный университет,
2007

© Институт водных и экологических проблем
СО РАН, 2007

© Алтайская государственная академия
культуры и искусства, 2007

НАУЧНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ю.В. Табакаев (председатель совета) – доктор философских наук, про-
фессор, ректор ГАГУ (г. Горно-Алтайск)

Ю.И. Винокуров – доктор географических наук, профессор, директор
института водных и экологических проблем СО РАН (г. Барнаул)

А.С. Кондыков – кандидат философских наук, профессор, ректор Алт-
ГАКИ (г. Барнаул)

Ш.А. Амонашвили – доктор психологических наук, профессор, акаде-
мики РАО (г. Москва)

А.В. Усова – доктор педагогических наук, профессор, академик РАО
(г. Челябинск)

В.И. Загвязинский – доктор педагогических наук, профессор. Акаде-
мик РАО (г. Тюмень)

Д. Майкельсон – доктор филологических наук, профессор (США)

Н.Т. Ултургашева – доктор культурологии, профессор (г. Кемерово)

Б.Б. Новиков – доктор философских наук, профессор (Украина)

М.С. Панин – доктор биологических наук, профессор (Казахстан)

НАУЧНАЯ РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А.И. Гурьев (зам. главного редактора) – доктор педагогических наук,
профессор, член международного союза журналистов (г. Горно-
Алтайск)

Е.В. Лукашевич (ответственный редактор) – доктор филологических
наук, профессор (г. Барнаул)

А.В. Шитов – кандидат геолого-минералогических наук, доцент (г.
Горно-Алтайск)

М.И. Ясков – доктор сельскохозяйственных наук, профессор (г. Гор-
но-Алтайск)

Н.И. Романов – кандидат культурологии, доцент (г. Кемерово)

Д.И. Безматерных – кандидат биологических наук, доцент, ученый
секретарь Института водных и экологических проблем СО РАН (г. Бар-
наул)

Г.В. Оленина – кандидат педагогических наук, доцент (г. Барнаул)

М.Г. Сухова – кандидат географических наук, доцент (г. Горно-
Алтайск)

Т.М. Цыркевич (ответственный секретарь) – аспирант (г. Горно-
Алтайск)

В.Ф. Хохолков – член Союза композиторов Республике Алтай, заслу-
женный работник культуры России (г. Горно-Алтайск)

На обложке: художник Незбудей С. «На вечных дорогах», тушь, перо
2007 г.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и
иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной
собственности несут авторы публикуемых материалов.

ЭКОЛОГИЯ

- А.И. Балдаков, В.П. Галахов, А.Т. Зиновьев, К.В. Марусин, А.А. Шибких*
ГИДРОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ ГРАНИЦ ВОДООХРАННЫХ ЗОН И ПРИБРЕЖНЫХ ЗАЩИТНЫХ ПОЛОС РЕК РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ (В УСЛОВИЯХ НОВОГО ВОДНОГО КОДЕКСА РФ) 4
- Д.М. Безматерных*
УРОВЕНЬ МИНЕРАЛИЗАЦИИ ВОДЫ КАК ФАКТОР ФОМИРОВАНИЯ ЗООБЕНТОСА ОЗЕР БАРАБИНСКО-КУЛУНДИНСКОЙ ЛИМНОБИОЛОГИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ 7
- Л.В. Яныгина*
КОЛОНИЗАЦИЯ МАКРОБЕСПОЗВОНОЧНЫМИ РАЗЛАГАЮЩИХСЯ РАСТИТЕЛЬНЫХ СУБСТРАТОВ.....12
- С.С. Мешкинова*
ГЕОХИМИЯ КАРБОНАТОВ В ПОЧВАХ ДОЛИНЫ СРЕДНЕЙ КАТУНИ.....14
- И.А. Егорова, А.В. Пузанов, С.Н. Балыкин, А.В. Салтыков, И.В. Горбачев*
ЕСТЕСТВЕННЫЕ РАДИОНУКЛИДЫ (^{238}U , ^{232}Th , ^{40}K) В ВЫСОКОГОРНЫХ ПОЧВАХ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО АЛТАЯ.....16
- С.В. Бабошкина*
МЫШЬЯК В РАСТЕНИЯХ АЛТАЯ: СОДЕРЖАНИЕ, УСЛОВИЯ ПОСТУПЛЕНИЯ.....20
- И.А. Архипов, А.В. Пузанов*
АКТАШСКОЕ РТУТНОЕ МЕСТОРОЖДЕНИЕ (ЮГО-ВОСТОЧНЫЙ АЛТАЙ) КАК ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ ИСТОЧНИК ПОСТУПЛЕНИЯ РТУТИ В ОБЪЕКТЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ.....23
- Д.Н. Балыкин, А.В. Пузанов*
МАРГАНЕЦ, МЕДЬ, МОЛИБДЕН И БОР В ПОЧВАХ СРЕДНЕГОРНЫХ КОТЛОВИН АЛТАЯ.....27
- Д.М. Безматерных*
К СИСТЕМАТИКЕ, ЭКОЛОГИИ И РАСПРОСТРАНЕНИЮ ХИРОНОМИД РОДА CHIRONOMUS ГРУППЫ OBTUSIDENS (DIPTERA, CHIRONOMIDAE).....30

КУЛЬТУРА. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- С.М. Белокурова*
ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ КАК ФЕНОМЕНА КУЛЬТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ ЭТНОГЕНЕЗА ОЙРАТОВ).....35
- С.Д. Бортников*
ТЕАТРАЛЬНОЕ ИСКУССТВО СИБИРИ В 1960-1985 гг. 39
- Н.В. Вакалова*
РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СОХРАНЕНИИ КОЛЛЕКЦИИ БАРНАУЛЬСКОГО ГОРНОГО МУЗЕУМА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ.....47
- Л.П. Гекман*
ТЕОГОНИЧЕСКИЕ ГЕНЕОЛОГИИ КАК ПЕРСОНОСФЕРА ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ (ОПЫТ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ).....51
- М. В. Давыденко*
ПРОБЛЕМА ХУДОЖЕСТВЕННОСТИ В ИСКУССТВОВЗНАНИИ НА РУБЕЖЕ XX-XXI СТОЛЕТИЙ.. 54
- А.Е. Зубов*
ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОНЯТИЯ «СОВРЕМЕННОСТЬ» В ТВОРЧЕСТВЕ ТЕАТРАЛЬНЫХ ХУДОЖНИКОВ Г. БАРНАУЛА. 57
- А.К. Кужугет*
ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРЫ ТЫВЫ В XXI ВЕКЕ.....60
- А. Д.-Б. Монгуш*
«ПРИРОДА И ЧЕЛОВЕК» В МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ ТУВИНЦЕВ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ.....62

О.В. Первушина

ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ РОССИИ: ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 65

Л.К. Хертек
СИМВОЛИКА МИФОЛОГИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ В ОБРЯДАХ ПЕРЕХОДА У ТУВИНЦЕВ.....68

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ. ПЕДАГОГИКА

- О.Н. Белинская*
СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ УМЕНИЙ СОЦИАЛЬНОГО ПЕДАГОГА, РАБОТАЮЩЕГО С ДЕТЬМИ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ В УЧРЕЖДЕНИЯХ ИНТЕРНАТНОГО ТИПА.....73
- С.Н. Булгакова*
ПРОФИЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ НА СТАРШЕЙ СТУПЕНИ ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО ОПЫТА.....76
- Л.Ю. Головеева*
УСЛОВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ИНТЕГРАТИВНОГО ПОДХОДА В ОБРАЗОВАНИИ.....78
- В.И. Десятков*
КВАЛИМЕТРИЯ В ОБЩЕГУМАНИТАРНОМ И ПЕДАГОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ.....79
- С.А. Крестников*
А.В. ПЁРЫШКИН – ОСНОВАТЕЛЬ И ЛИДЕР НАУЧНОЙ МЕТОДИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ.....83
- И.А. Новикова*
СУЩНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КУЛЬТУРЫ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ.....84
- Г.В. Оленина, В.В. Медведев*
АНИМАЦИЯ КОРПОРАТИВНОГО ДОСУГА ПЕРСОНАЛА КОММЕРЧЕСКИХ ТУРИСТСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ.....92
- Г.В. Оленина*
ОПТИМИЗАЦИЯ ИМИДЖА ДОБРОВОЛЬЧЕСТВА В ВУЗОВСКОМ СОЦИУМЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТЕХНОЛОГИИ PR-КАМПАНИИ.....94

ФИЛОЛОГИЯ

- Н.В. Губина*
ПОЭТИКА ЗАГЛАВИЙ В ПРОЗЕ Е.И. ЗАМЯТИНА: НАЗВАНИЕ – ТЕКСТ – МЕТАТЕКСТ 97
- Ю.В. Конькова*
ПРОБЛЕМА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ.....105
- П. В. Маркина*
К ПОЭТИКЕ РАССКАЗА Ю.К. ОЛЕШИ «ЛИОМПА».....107
- С.В. Федотова*
МИКРОКОНЦЕПТ «ИНФОРМАЦИЯ» КАК АКТУАЛЬНЫЙ ЭЛЕМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА «МЕНЕДЖМЕНТ».....111
- Аннотации статей на английском языке.....115
- Информация об авторах.....117
- Алфавитный указатель.....119
- Информация для авторов.....120

Contents

ECOLOGY

<i>A. I. Baldakov, V. P. Galakhov, A. T. Zinoviev,</i>	
<i>K. V. Marusin, A. A. Shibkikh</i>	
HYDROLOGICAL INVESTIGATIONS FOR THE ESTABLISHMENT OF BOUNDARIES OF WATER PROTECTION ZONES AND RIVERSIDE SHELTER BELTS OF RIVERS OF REPUBLIC OF ALTAI (UNDER A NEW WATER CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION).....	4
<i>D.M. Bezmaternykh</i>	
WATER SALINITY AS A FACTOR OF ZOOBENTHOS FORMATION IN LAKES OF BARABINSK-KULUNDA LIMNOBIOLOGICAL REGION.....	7
<i>L.V. Yanygina</i>	
THE MACROINVERTEBRATE COLONIZATION OF DECOMPOSED PLANT.....	12
<i>S.S. Meshkinova</i>	
GEOCHEMISTRY OF CARBONATES IN SOILS OF THE MID KATUN VALLEY.....	14
<i>I.A. Egorova, A.V. Puzanov, S.N. Balykin, A.V. Saltykov,</i>	
<i>I.V. Gorbachev</i>	
NATURAL RADIOACTIVE NUCLIDE (²³⁸ U, ²³² Th, ⁴⁰ K) IN MOUNTAIN SOILS OF NORTH-WEST ALTAI.....	16
<i>S.V. Baboshkina</i>	
ARSENIC CONTENT IN PLANTS OF ALTAI.....	20
<i>I.A. Arkhipov, A.V. Puzanov</i>	
THE AKTASH MERCURY DEPOSIT (SOUTH-EASTERN ALTAI) AS A POTENTIAL SOURCE OF MERCURY EMISSION INTO THE ENVIRONMENT OBJECTS.....	23
<i>D.N. Balykin, A.V. Puzanov,</i>	
MANGANESE, COPPER, MOLYBDENUM AND BORON IN SOIL OF MIDDLE MOUNTAIN DEPRESSIONS.....	27
<i>D.M. Bezmaternykh</i>	
ON SYSTEMATICS, ECOLOGY AND DISTRIBUTION OF CHIRONOMIDES, GENUS CHIRONOMUS OF OBTUSIDENS GROUP (DIPTERA, CHIRONOMIDAE)	30

CULTURE

<i>S.M. Belocurova</i>	
THE FORMING OF THE ETHNIC WORLD OUTLOOK AS PHENOMENON OF CULTURE (ETHNO GENESIS OF OIRADS AS A CASE OF POINT).....	35
<i>S.D. Bortnikov</i>	
THE DEVELOPMENT OF THEATER ART IN SIBERIA IN THE 60S-85THS OF THE 20th CENTURY.....	39
<i>N.V. Vakalova</i>	
THE ROLE OF SOCIAL AND STATE ORGANIZATIONS IN THE PRESERVATION OF THE COLLECTION OF THE BARNAUL MINING MUSEUM IN THE LATE 19th – EARLY 20th CENTURY.....	47
<i>L.P. Hechmann</i>	
THE THEOGONICAL GENEALOGIES AS A PERSONOSPHERE OF TRADITIONAL CULTURES (THE TRIAL OF SOCIAL-CULTURAL INTERPRETATION).....	51
<i>M.V. Davydenko</i>	
THE PROBLEM OF ARTISTRY IN ART SCIENCES ON THE BOUNDARY OF 20th-21st CENTURIES.....	54
<i>A.E. Zubov</i>	
TRANSFORMATION OF THE NOTION “CONTEMPORANEITY” IN THE WORK OF THE THEATER ARTISTS IN BARNAUL.....	57
<i>A.K. Kuzhuget</i>	
THE PROBLEMS OF STUDYING OF TUVINIAN CULTURE IN THE 21st CENTURY.....	60

<i>A.D.-B. Mongush</i>	
“NATURE AND HUMAN” IN THE MUSIC CULTURE OF TUVINIANS.L.....	62
<i>O.V. Pervushina</i>	
NATURAL-GEOGRAPHIC FOUNDATION OF FORMATION OF THE RUSSIAN CULTURE.....	65
<i>L.K. Hertek</i>	
SYMBOLISM OF MYTHOLOGICAL IMAGES IN THE CEREMONIES OF CHANGE BY TUVINIANS.....	68

NATIONAL EDUCATION. PEDAGOGICS

<i>O.N. Belinskaja</i>	
STRUCTURAL-FUNCTIONAL ANALYSIS OF PROFESSIONAL SKILLS OF A SOCIAL TEACHER WORKING WITH DISABLED CHILDREN IN ORPHANAGES.....	73
<i>S. N. Bulgakova</i>	
CORE EDUCATION AT THE HIGHEST LEVEL OF GENERAL EDUCATION IN THE CONTEXT OF RUSSIAN AND INTERNATIONAL EXPERIENCE.....	76
<i>L.U. Goloveeva</i>	
CONDITIONS OF REALIZATION OF INTEGRATIVE APPROACH IN EDUCATION.....	78
<i>V.I. Desjatov</i>	
QUALIMETRICS IN A HUMANITARIAN AND EDUCATIONAL CONTEXT: METHODOLOGICAL ASPECTS.....	79
<i>S.A. Krestnikov</i>	
A.V. PERISHKIN – THE FOUNDER AND THE LEADER OF SCIENTIFIC METHODOLOGICAL SCHOOL.....	83
<i>I.A. Novikova</i>	
THE ESSENTIAL FEATURES OF INTERNATIONAL COMMUNICATION CULTURE	84
<i>G.V. Olenina, V.V. Medvedenko</i>	
ANIMATION OF CORPORATE LEISURE TIME OF THE TOURIST COMMERCIAL BODY.....	92
<i>G.V. Olenina</i>	
OPTIMIZATION OF THE IMAGE OF VOLUNTARISM IN THE HIGHER EDUCATION AREA WITH THE USE OF PR-CAMPAIGN TECHNOLOGIES.....	94

PHILOLOGY

<i>N.V. Gubina</i>	
POETICS OF THE TITLES IN THE PROSE OF E.I. ZAMJATIN: TITLE – TEXT – METATEXT.....	97
<i>J.V. Konkova</i>	
THE PROBLEM OF ARTISTIC COMMUNICATION.....	105
<i>P.V. Markina</i>	
TO THE POETICS OF THE NOVEL “LIOMPA” BY J.K. OLESHA.....	107
<i>S.V. Fedotova</i>	
MICROCONCEPT “INFORMATION” AS AN ACTUAL ELEMENT OF REPRESENTING THE CONCEPT “MANAGEMENT”.....	111
Summaries of the articles in English.....	115
Information on authors.....	117
Alphabetical index.....	119
Information for authors.....	120

Раздел 1

ЭКОЛОГИЯ

КУРАТОР
РАЗДЕЛАРЕДАКТОР
РАЗДЕЛАРЕДАКТОР
РАЗДЕЛА

Геннадий Геннадьевич Морковкин – доктор сельскохозяйственных наук, профессор, проректор по науке Алтайского государственного аграрного университета, г. Барнаул.

Александр Васильевич Пузанов – доктор биологических наук, профессор, заместитель директора по НР Института водных и экологических проблем СО РАН, г. Барнаул.

Александр Викторович Шитов – кандидат геолого-минералогических наук, доцент кафедры геоэкологии Горно-Алтайского государственного университета, г. Горно-Алтайск.

УДК 504.4.006+556.024

А.И. Балдаков, В.П. Галахов, А.Т. Зиновьев, К.В. Марусин, А.А. Шибких

ГИДРОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ ГРАНИЦ ВОДООХРАННЫХ ЗОН И ПРИБРЕЖНЫХ ЗАЩИТНЫХ ПОЛОС РЕК РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ (В УСЛОВИЯХ НОВОГО ВОДНОГО КОДЕКСА РФ)

Установление границ водоохраных зон и прибрежных защитных полос (ВЗ и ПЗП) для выделения территорий со специальным режимом хозяйственной деятельности вблизи водных объектов является важной задачей для улучшения качества их воды. Введение в действия с 1 января 2007 г. новой редакции Водного кодекса Российской Федерации изменило некоторые положения водоохранного законодательства в части порядка выполнения данных работ. В настоящее время при определении границ водоохраных зон и прибрежных защитных полос необходимо проведение определенных гидрологических исследований. В статье на примерах отдельных участков рек республики Алтай рассматриваются виды таких исследований в зависимости от гидрологической изученности водного объекта.

1. Введение

Водный кодекс РФ является актом, регулирующим водные отношения и имеющим в этой сфере после Конституции РФ наибольшую юридическую силу [1]. Водные отношения могут регулироваться иными федеральными законами и законами субъектов РФ, указами Президента РФ, а также нормативными актами Правительства РФ, федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления, в случае если они не противоречат Конституции РФ и Водному кодексу.

Введение с 1 января 2007 г. в действие новой редакции Водного кодекса РФ существенно изменило отдельные положения водоохранного законодательства, в том числе и в отношении ВЗ и ПЗП [2]. Изменения затрагивают как режим осуществления на их территории хозяйственной и иной деятельности, так и порядок установления их границ относительно водного объекта. При этом существенно возросла роль гидрологических исследований при определении положения водного объекта. Утвержденные методические указания проведения гидрологических работ при установлении границ ВЗ и ПЗП в настоящее время отсутствуют. Поэтому имеющийся опыт подобных исследований представляет интерес с точки зрения его анализа и последующего обобщения.

2. Изменения законодательных положений о водоохраных зонах

В Водном кодексе РФ, действовавшем до 1 января 2007 г. [3], было дано определение ВЗ и ПЗП. Границы

ВЗ и ПЗП определялись Постановлением Правительства РФ от 23 ноября 1996 г. № 1404. В п. 3. Постановления определялась минимальная ширина ВЗ и ПЗП, а в п. 2 Постановления определялось, что "размеры и границы водоохраных зон и прибрежных защитных полос, а также режим их использования устанавливаются исходя из физико-географических, почвенных, гидрологических и других условий с учетом прогноза изменения береговой линии водных объектов...". С 12 июля 2000 г. Приказом МПР РФ были отменены методические указания, обеспечивающие единый методический подход к проектированию ВЗ и ПЗП. В соответствии с действующим законодательством, положение границ ВЗ и ПЗП вне территорий городов и других поселений, как правило, устанавливалось следующим образом [4]:

1. Определялось положение границ ВЗ и ПЗП в соответствии с требованием об их минимальной ширине.

2. В соответствии с авторскими методиками [5,6], границы водоохраных зон и/или прибрежных защитных полос корректировались с учетом ландшафтных особенностей местности.

В связи с отсутствием единого методического подхода, границы водоохраных зон на территории городов и других поселений устанавливались также индивидуально, исходя из конкретных условий территории в соответствии с утвержденными генеральными планами застройки [7].

Когда при проектировании границ ВЗ и ПЗП принималось решение, что они будут проведены в соответ-

вии с ландшафтными особенностями местности (искусственный или естественный водораздел, граница поймы, граница застройки и т.д.), точность определения границ ВЗ и ПЗП в основном зависела от точности определения положения элементов ландшафта, по которым эти границы проводились. При этом роль исследований, в том числе и гидрологических, по установлению положения береговой линии и выявлению русловых процессов, способных привести к изменению ее положения, сводилась к доказательству удаленности проектируемых границ ВЗ и ПЗП от водного объекта вне населенных пунктов на расстояние, превышающее минимально допустимое. В границах населенных пунктов достаточным являлось схематическое определение положения береговой линии.

Действующий в настоящее время Водный кодекс РФ (ст. 65, пп. 3-14) однозначно определяет ширину водоохраных зон в зависимости от типа и характеристик водного объекта, а ширину прибрежных защитных полос в зависимости от типа водного объекта и уклона берега. В связи с этим возникает прямая зависимость между точностью определения положения береговой линии водного объекта, для которого устанавливаются ВЗ и ПЗП, и точностью определения положения их границ.

3. Гидрологические работы по определению положения береговой линии реки

Рассмотрим принятый порядок выполнения гидрологического исследования на примерах работ по установлению границ ВЗ и ПЗП на участках рек Республики Алтай. Перед проведением полевых изысканий необходимо произвести оценку гидрологической изученности участка исследований, в том числе определить наличие водомерных постов выше и ниже по течению относительно участка исследований и период наблюдения за расходами и уровнями воды. Участок реки возле водомерного поста можно считать гидрологически изучен-

ным для надежного определения среднемноголетних уровней воды в различные гидрологические сезоны, если:

- период наблюдений (не обязательно непрерывный) на водомерном посту составляет не менее двадцати лет;
- период наблюдений является репрезентативным, т.е. сроки наблюдений охватывают годы разной водности;
- водный режим со времени наблюдений не изменился.

Основными причинами изменения водного режима на участке исследования могут быть:

- изменение геометрии водосборного бассейна;
- изменение климатических характеристик (прежде всего температуры и осадков) на водосборном бассейне как в количественном отношении (средние значения в летний или зимний периоды), так и в качественном;
- изменение водопотребления (прежде всего безвозвратного забора воды) на водосборном бассейне;
- изменение соотношения площадей лесных, луговых, степных и пустынных ландшафтов на водосборном бассейне;
- появление или исчезновение на водосборном бассейне озер, прудов или водохранилищ, выполняющих функции регуляторов водного стока.

Так, гидрологически изученными нужно считать следующие участки рек Республики Алтай, на которых в 2007 г. проводились работы по установлению границ ВЗ и ПЗП:

- р. Бия от истока (озерный водомерный пост в с. Артыбаш) до с. Кебезень (речной водомерный пост в с. Кебезень (см. рис.));
- р. Чулышман от с. Балыкча (речной водомерный пост в с. Балыкча) до устья (озерный водомерный пост в с. Артыбаш);
- р. Катунь от с. Чемал (речной водомерный пост в с. Чемал) до с. Усть-Сема.

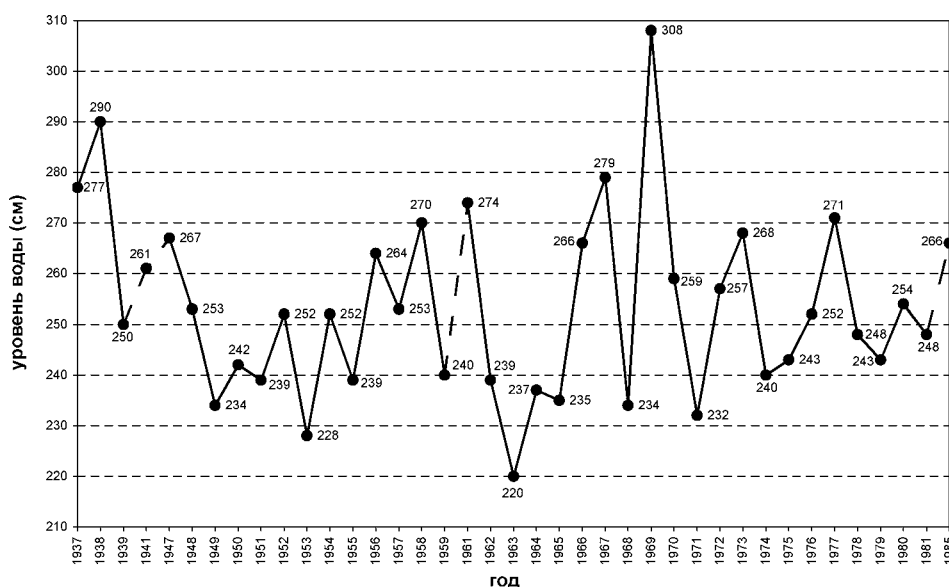

Рис. Река Бия, водомерный пост в с. Кебезень. Среднегодовые уровни воды в период летне-осенней межени. Данные наблюдений за 39 лет.

Соответствующая граница водного объекта – береговая линия реки определяется по уровню воды 50 % обеспеченности в период летне-осенней межени. Если участок реки возле водомерного поста является гидрологически изученным, то расчет среднегодового уровня воды в конкретный гидрологический сезон производится с помощью методов математической статисти-

стики. Для получения эмпирической оценки вероятности превышения уровня воды (P_m) в летне-осеннюю межень по водомерному посту может быть использована формула Крицкого-Менкеля [8, 9]:

$$P_m = \frac{m}{n+1},$$

где n – количество наблюдений; m – номер года [1..n], расположенного в порядке убывания значения среднего уровня воды в период летне-осенней межени.

Для построения кривой распределения вероятностей для ряда среднемноголетних уровней воды может быть использован графоаналитический метод с применением клетчатки вероятностей биномиального распределения. Графоаналитический способ позволяет установить величину параметров аналитической кривой непосредственно применительно к той кривой обеспеченности, кото-

рая в большей мере соответствует расположению эмпирических точек [8].

С применением разработанной в ИВЭП СО РАН программы "Гидростатистика" [10], использующей описанные выше методы математической статистики, были рассчитаны уровни воды в период летне-осенней межени различной, в том числе и 50 %, обеспеченности (для рассматриваемого участка р. Бия рассчитанные уровни приведены в табл. 1).

Таблица 1

Характерные уровни воды летне-осенней межени для водомерного поста в с. Кебезень

P (%)	0.3	1	2	3	10	25	50	70	90	99
H_p (м)	326.69	311.84	302.88	297.44	280.14	264.93	250.63	241.30	230.36	219.61

Натурные исследования по установлению положения соответствующей береговой линии выполняются в соответствии с требованиями нормативных документов по инженерно-геодезическим и инженерно-гидрографическим изысканиям и топографическим работам и включают в себя:

- рекогносцировочное обследование участка реки;
- разбивка исследуемого участка реки на однородные в гидроморфологическом отношении расчетные отрезки (или отрезки длиной около 1 км);
- закрепление на местности границ расчетных отрезков и топографическая привязка знаков закрепления;
- съемка продольного профиля участка реки однодневной связкой бытовых уровней воды возле знаков закрепления.

Расчет уровня воды 50 % обеспеченности в летне-осеннюю межень на конкретном участке реки производится с учетом следующих предположений:

- бытового уровня воды в пределах расчетного отрезка изменяется линейно;
- разность между бытовым и рассчитываемым уровнем воды в пределах участка между водпостами изменяется линейно.

Гидрологически неизученными следует считать участки рек Эликманар и Чемал, на которых в 2007 г. также проводились работы по установлению границ водоохранных зон и прибрежных защитных полос. Для определения среднемноголетних уровней воды в различные гидрологические сезоны на малоизученных или неизученных реках существуют методики, разработанные с учетом природных особенностей региона [11]. Помимо описанных выше натуральных исследований, данные методики требуют съемки поперечных профилей русла реки.

4. Рекомендации органам исполнительной власти по распространению водоохранных мероприятий на смежные территории

Новый Водный кодекс РФ фактически формализовал определение положения на местности границ ВЗ и ПЗП без учета природных и антропогенных особенностей территории.

Ширина водоохранной зоны для рек, протяженностью от 50 км и более (включая Бию, Чулышман, Катунь, Чемал и Эликманар) устанавливается равной 200 м. Ширина прибрежной защитной полосы рек устанавливается в пределах от 30 до 50 м в зависимости от уклона берега. На исследуемых участках рек республики Алтай уклон берега, как правило, превышает 3, что соответствует ширине прибрежной защитной полосы, равной 50 м.

Расчет положения границ ВЗ и ПЗП производится с применением геоинформационных систем. Результаты этих расчетов должны быть представлены двумя способами:

– в виде линий на картографической (топографической) основе для визуального представления границ ВЗ и ПЗП;

– в виде набора координат для определения положения границ ВЗ и ПЗП на местности.

Органы исполнительной власти разных уровней изданием отдельных нормативных актов могут распространить особый режим осуществления хозяйственной и иной деятельности на территории, прилегающие к ВЗ и ПЗП участков рек. Основанием для этого могут являться выводы, полученные в результате научных исследований, в том числе и гидрологических:

- определение и прогнозирование особенностей водного режима;
- выявление и прогнозирование русловых процессов, приводящих к изменению положения береговой линии;
- выявление рисков возникновения экстремальных гидрологических явлений.

Экологические последствия взаимного влияния участка реки и прилегающей территории необходимо оценивать с учетом существующего водного режима, который определяется географическим положением водосборного бассейна и природными условиями: рельефом местности, климатическими факторами, растительным и почвенным покровом. Также необходимо дать прогноз водного режима в случае выявления причин возможного его изменения.

Интенсивные русловые процессы за короткий срок могут привести к существенному изменению положения береговой линии вплоть до выхода русла реки, ее рукавов или проток за пределы прибрежной защитной полосы или же водоохранной зоны. Для оценки возможных изменений положения береговой линии необходимо провести анализ руслового процесса как на рассматриваемом участке реки, так и в непосредственной близости от него выше и ниже по течению. Цель анализа состоит в том, чтобы установить тип руслового процесса, оценить интенсивность плановых деформаций и на этой основе дать прогноз изменения положения береговой линии на перспективу. Особую актуальность такие задачи приобретают для меандрирующих и многорукавных русел, а также на устьевых участках рек. Так, сравнение данных натуральных наблюдений и картографических материалов прошлых лет позволило выявить процессы русловых деформаций в устье р. Чулышман. Основное русло р. Чулышман и русло р. Бия практически устойчивы. В случае возникновения необходимости дополнительных исследований русловых процессов в условиях сложной гидроморфологической ситуации необходимо рекомендовать органам исполнительной власти инициировать такие работы.

Опасные гидрологические явления, связанные со

значительным повышением уровней воды, приводят к затоплению территорий (в том числе и за пределами водоохранной зоны), ранее не подвергавшихся или редко подвергавшихся затоплению. Оценка вероятности возникновения и интенсивности экстремальных гидрологических ситуаций необходима для выработки мероприятий по предотвращению или уменьшению возможных негативных воздействий на качество воды рек. Причины возникновения экстремальных гидрологических явлений зависят от природных и антропогенных особенностей конкретного водосборного бассейна. Для рек Республики Алтай основными причинами являются половодье и паводки низкой обеспеченности, а также заторные явления и связанные с ними заторные наводнения.

6. Заключение

Библиографический список

1. Российская Федерация. Законы. Водный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 03 июня 2006 г. №74-ФЗ // Собр. зак-ва РФ. – 2006. – № 23. – Ст. 2381.
2. Российская Федерация. Законы. О введении в действие Водного кодекса Российской Федерации: федер. закон от 03 июня 2006 г. №73-ФЗ // Собр. зак-ва РФ. – 2006. – № 23. – Ст. 2380.
3. Российская Федерация. Законы. Водный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 16 ноября 1995 г. №167-ФЗ // Собр. зак-ва РФ. – 1995. – № 47. – Ст. 4471.
4. Проект водоохранной зоны и прибрежных защитных полос реки Издревая: гос. контракт: № 05-54-349-9 / ИВЭП СО РАН; рук. Винокуров Ю.И.; исполн.: Жерелина И.В. [и др.]. – Барнаул, 2005. – 85 с.
5. Жерелина, И.В. Опыт и проблемы проектирования водоохранной зоны в современных условиях (бассейн Верхней Оби) / И.В. Жерелина, Н.В. Стоящева, А.А. Поляков, В.И. Кормаков // Водоохранная зона: опыт практического применения и целесообразность развития: сб. докл. научно-практ. семина. ФАВР / НИА "Природа". – М., 2006. – С. 57-79.
6. Антипов, А.Н. Ландшафтно-гидрологическая организация территории / А.Н. Антипов, В.Н. Федоров – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. – 254 с.
7. Проект водоохранной зоны и прибрежных защитных полос рек Обь, Барнаулка, Пивоварка, Власиха в пределах земель г. Барнаула: отчет о НИР (заключ.): №10-02 / ИВЭП СО РАН; рук. Винокуров Ю.И.; исполн.: Жерелина И.В. [и др.]. – Барнаул, 2002. – 140 с.
8. Рождественский, А.В. Статистические методы в гидрологии / А.В. Рождественский, А.И. Чеботарев; – Л.: Гидрометеиздат, 1974. – 424 с.
9. Крицкий, С.Н. К вопросу об оценке вероятной повторяемости гидрологических величин / С.Н. Крицкий, М.Ф. Менкель // Метеорология и гидрология. – 1957. – №3. – С. 52-53.
10. Расчет аналитических кривых обеспеченности (Гидростатистика): св. об офиц. рег. прогр. для ЭВМ №2000610667, Российская Федерация, Институт водных и экологических проблем СО РАН / Жоров В.А., Воробьев Е.К., Ловцкая О.В., Яковченко С.Г. Заявл. 13.06.2000; Зарег. 20.07.2000.
11. Ресурсы поверхностных вод СССР. Т. 15. Алтай и Западная Сибирь. Выпуск 1. Горный Алтай и Верхний Иртыш. Часть 1. – Ленинград: Гидрометеиздат, 1969. – 317 с.

Материал поступил в редакцию 03.12.07.

УДК 556.11

Д.М. Безматерных

Уровень минерализации воды как фактор формирования зообентоса озер Барабинско-Кулундинской лимнобиологической области

В статье показано влияние уровня минерализации воды на таксономический состав и биомассу зообентоса озер. Выявлено, что с увеличением минерализации воды часть таксонов зообентоса элиминирует, а оставшиеся эврибионтные виды приспособляются к новым условиям среды. К эврибионтным организмам относятся личинки мух-береговушек, хиронomid и частично мокрецов. К стеногадным организмам относятся ракообразные, стрекозы, брюхоногие и двусторчатые моллюски, пиявки и личинки ручейников, встречающиеся в олигогалинных, и частью в мезогалинных озерах. Минерализация воды оказывает существенное влияние на состав и структуру зообентоса, при ее увеличении >3 г/л таксономическое разнообразие и уровень развития донных беспозвоночных, как правило, падает.

По солевому составу озера Барабинско-Кулундинской области самые разнообразные, от пресных до горько-соленых. На долю соленых озер приходится около 10% общей площади зеркала, при этом наибольшее их количество находится в Прииртышской части бассейна (рис. 1). Отличительная особенность озер этого региона – малая глубина озерных котловин. Основная масса озер относится к средним и малым озерам

Выполненные в условиях действия нового Водного кодекса РФ работы по установлению границ ВЗ и ПЗП на отдельных участках рек Республики Алтай позволяют сделать следующее заключение: перечень гидрологических работ существенно зависит от гидрологической изученности водного объекта, с одной стороны, и от степени устойчивости русла реки, с другой стороны. В последнем случае существенно возрастает роль исследований русловых процессов на рассматриваемом участке реки для прогноза плановых русловых деформаций и их учета при установлении границ ВЗ и ПЗП. Перечень гидрологических работ может быть расширен при необходимости учета взаимного экологического влияния водного объекта и прилегающей территории в случае опасных гидрологических ситуаций (половодья, паводки, заторные наводнения).

с площадью от 200 до 2000 га, но имеются и крупные озера – Чаны, Убинское, Сартлан, Кулундинское [13].

Степень изученности гидробиологических характеристик отдельных озер и групп озер значительно отличается. По большей части малых озер подобные сведения отсутствуют, по многим имеются отрывочные рекогносцировочные данные, относящиеся к первой половине XX века [3, 8]. Лучше изучены крупные солонова-

товодные водоемы и системы озер, имеющие рыбопромысловое значение, по некоторым из них изданы монографии, характеризующие основные компоненты их экосистем [5, 10, 11, 12, 14, 17], обобщающих работ по зообентосу этих озер нет.

Экосистемы озер этой области подвержены цикличе-

ским сукцессиям [9], которые определяются соответственной цикличностью гидрологического режима озер, обоснованной А.В. Шнитниковым [14]. Периодические падения уровня воды в озерах сопровождаются усилением заморных явлений и повышением минерализации, поэтому биологический режим озер непостоянен.

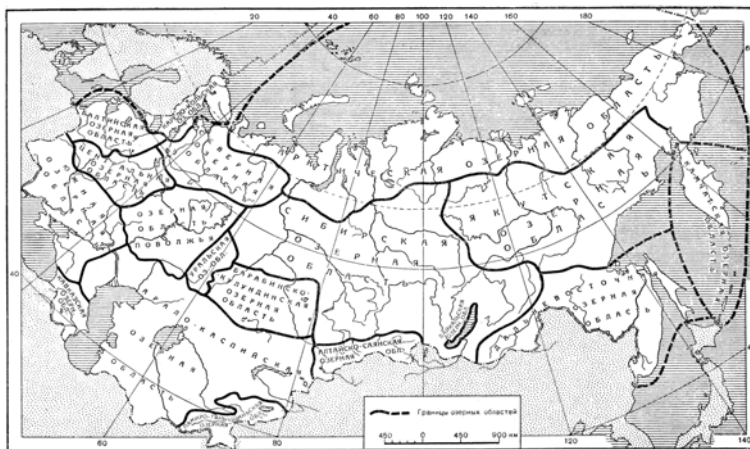

Рис. 1. Карта лимнобиологических областей России и сопредельных государств (по [7])

Из всего многообразия факторов среды в Барабинско-Кулундинских озерах наиболее значимыми для развития зообентоса, по мнению Л.А. Благовидовой [4] и Л.Л. Сипко [15], являются степень минерализации, распределение водной растительности и характер зимнего кислородного режима. Для большинства озер юга Западной Сибири эти показатели нестабильны и изменяются в зависимости от водного режима. В данной работе рассмотрено влияние минерализации (как наиболее важного фактора для озер этого региона) на состав, структуру и обилие зообентоса, что является продолжением ранее проведенных нами исследований [1, 2].

Как правило, беспозвоночные, населяющие внутренние воды подразделяют на четыре группы: 1) пресноводные виды, обитающие при минерализации менее 3 г/л, среда их обитания – пресные, или олигогалинные (до 0,5 г/л) и солоноватые, или субгалинные воды (0,5-3 г/л); 2) пресноводные солевыносливые виды, которые обитают при минерализации до 15 (20) г/л (гипогалинные воды); 3) галофильные виды, встречающиеся главным образом в соленой воде до 50 г/л (мезогалинные воды), но иногда и в пресных водах; 4) виды – галобионты, ограниченные соленостью 50-300 г/л (гипергалинные воды) [19].

Материалы и методы

Качественные сборы зообентоса проводили сачком или скребком, количественные сборы – штанговым дночерпателем ГР 91-000 ТО в двух повторностях. Извлеченный грунт промывали через газ № 25, отмытую часть пробы с оставшимися организмами перекладывали в кюветы. Пробы просматривали по частям, выбирали обнаруженные в ней организмы и фиксировали их 70% этанолом. Обработка проб проведена в камеральных условиях под МБС-10, все организмы подсчитывали и взвешивали на торсионных весах ВТ-500. Минерализацию воды определяли в полевых условиях при помощи комплексного анализатора АНИОН-7051.

Настоящая работа выполнена в рамках комплексных лимнологических исследований проводимых Институтом водных и экологических проблем СО РАН. В июле-августе 2002–2003 гг. были обследованы 65 озер Новосибирской области с минерализацией воды от 0,148 до 307 г/л (на момент отбора проб), более подробные ха-

рактеристики озер приведены в работе [6].

Результаты и их обсуждение

Развитие истинных зообентонтов (без учета фитофильных личинок мух-береговушек сем. Ephydriidae) отмечено в 56 обследованных озер с минерализацией до 95,1 г/л (оз. Тухлое). Показатели численности и биомассы зообентоса изученных озер колебались в значительных пределах: от полного отсутствия в высокоминерализованных водоемах, до 10500 экз./м² (оз. в окрестностях с. Камышино, минерализация 2,98 г/л) и 187 г/м² (оз. Астродым, минерализация 2,20 г/л).

Наибольшая устойчивость к высоким уровням минерализации отмечена для обитающих на кладофоре личинок мух-береговушек (Diptera: Ephydriidae), они встречаются при солёности от 1,84 до 288,3 г/л (в качестве перифитона на кладофоре), но наибольшего обилия они достигают при минерализации более 95,1 г/л.

Большая экологическая пластичность присуща личинкам хирономид (Diptera: Chironomidae), они встречаются в озерах с минерализацией от 0,148 до 11,3 г/л, но наибольшего развития они достигают в гораздо более узком диапазоне: 0,222-2,79 г/л.

Немногом меньшую эвригалинность демонстрируют водные клопы (Heteroptera) и жуки (Coleoptera): от 0,181 до 11,3 г/л, но максимальное обилие жуков приходится на диапазон минерализации 0,181-0,834 г/л, а клопов 1,76-3,09 г/л.

Далее по устойчивости к фактору солёности следуют ракообразные (бокоплав *Gammarus lacustris* L.). Он отмечен при минерализации от 0,148 до 5,26. Наибольшего развития гаммарусы достигали при солёности 0,539-0,981 г/л.

Немногом меньшую устойчивость удалось выявить для водяных пауков (*Argyroneta aquatica* Cl., *Dolomedes fimbriatus* Cl.), они обнаружены при солёности от 0,222 до 5,26 г/л.

Достаточно высокую пластичность обнаружили у личинок стрекоз, их можно было встретить при минерализации от 0,279 до 5,26 г/л. Причем, характерного максимума развития при определенном уровне солёности выявить не удалось. По-видимому, на их развитие оказывает существенное влияние иные факторы (развитие макрофитов). Из моллюсков наибольшую устойчивость к солёности воды продемонстрировали брюхоногие: они

обычны при минерализации от 0,148 до 4,68 г/л, но наиболее комфортным уровнем для них является 0,279–1,843 г/л. При увеличении солености из моллюсков остаются легочные – прудовики и катушки (*Pulmonata*: *Lymnaea*, *Planorbis*), причем прудовик большой *Lymnaea stagnalis* L. является наиболее устойчивым.

Более стеногалинны двустворчатые моллюски, они встречаются при минерализации от 0,18 до 3,3 г/л, но оптимальный диапазон гораздо меньше – 0,523–0,981 г/л.

Такую же устойчивость к минерализации демонстрируют личинки мокрецов (*Diptera*: *Ceratopogonidae*). Несмотря на то, что они встречаются в озерах с минерализацией от 0,181 до 3,30 г/л, существенного развития они достигают при наибольших ее значениях (2,79–3,30 г/л).

Личинки ручейников (*Trichoptera*) и поденок (*Ephemeroptera*) обладают приблизительно одинаковой галотолерантностью. Ручейники встречены в озерах с минерализацией 0,181–3,09 г/л, наибольшее обилие при 0,523–2,785 г/л. Для поденок эти цифры составили 0,181–2,98 и 0,181–0,684, соответственно.

Еще меньший диапазон галотолерантности выявлен для водяных клещей. Они отмечены в озерах с минерализацией от 0,684 до 2,98 г/л. Низкая устойчивость к высокой минерализации выявлена у кольчатых червей. Так, для пиявок диапазон встречаемости составил 0,148–1,13 г/л, причем максимальная численность отмечена в пределах 0,222–0,539 г/л. Для олигохет (сем. *Tubificidae*) этот диапазон еще более узок 0,640–1,48 г/л.

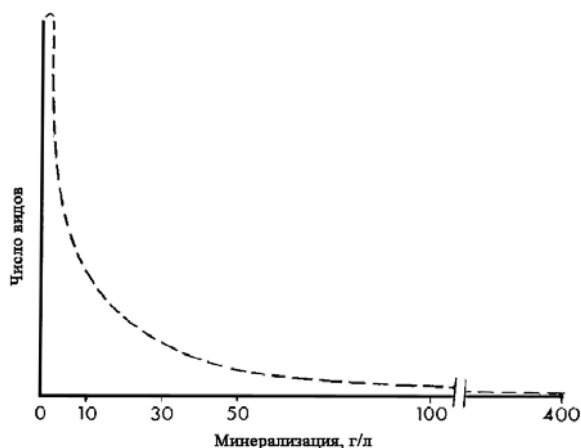

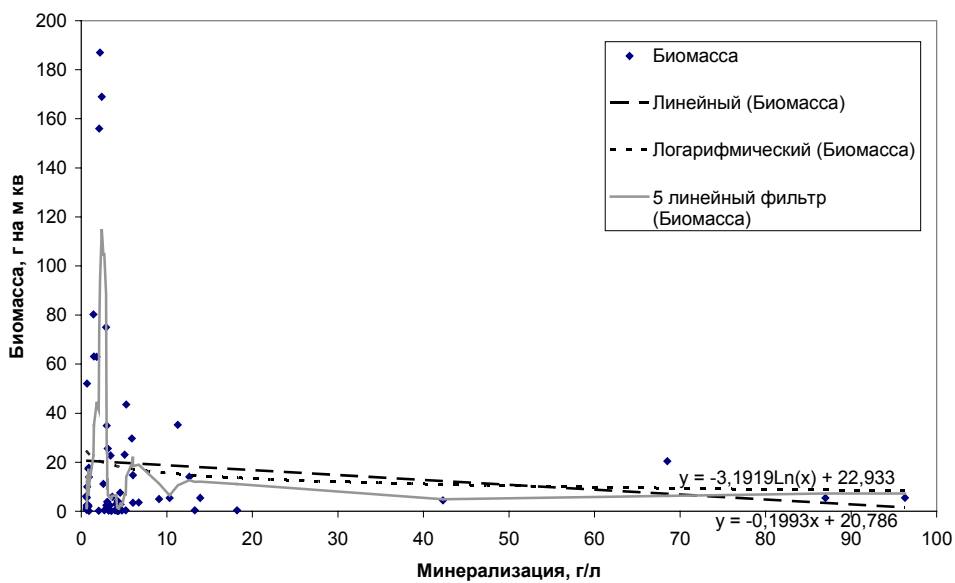
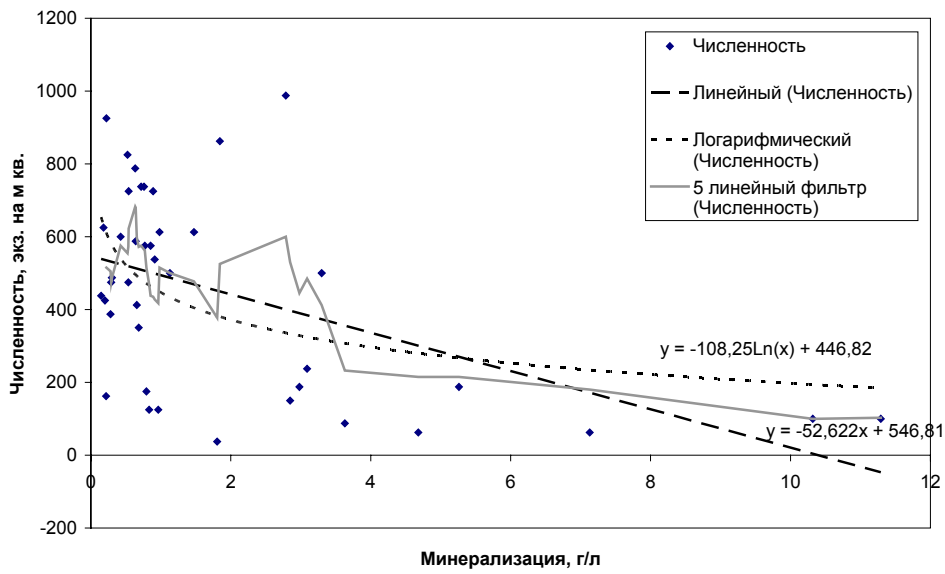
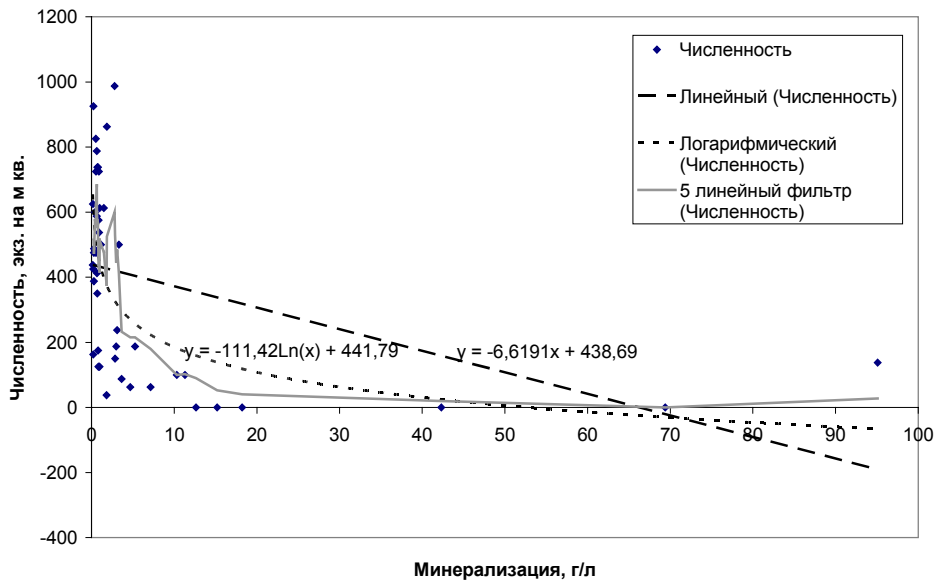
Рис. 2. Модель отношения между таксономическим разнообразием и соленостью (по [19]).

Подобным образом происходит изменение численности и биомассы зообентоса на градиенте минерализации (рис. 3). Как видно из графика, биомасса зообентоса максимальных значений достигает в диапазоне минерализации 1–3 г/л (эти пики, как правило, обусловлены наличием в пробах крупных моллюсков). По всей вероятности большая минерализация лимитирует развитие зообентоса т.к. осмотические свойства воды приближаются к границе зоны критической солености – «хорогалинной зоны» [16]. Более низкие биомассы при низких уровнях минерализации (менее 1 г/л) вероятно связано с понижением концентрации биогенных элементов и обусловленным этим понижением продуктивности экосистемы в целом). Как следует из графика, максимальные значения биомассы бентоса приурочены к значительно более высокому уровню минерализации, чем таксоно-

В общем, при увеличении уровня минерализации в озерах Барабинско-Кулундинской лимнобиологической области наблюдалась тенденция к увеличению доли вторичноводных гетеротопных видов из эволюционно более продвинутых таксонов (амфибиотических насекомых: двукрылые, клопы, жуки; легочных моллюсков; пауков) и уменьшения доли первичноводных гомотопных видов из архаичных таксонов (червей). С увеличением минерализации воды часть видов зообентоса элиминировала, а оставшиеся эврибионтные виды приспособились к новым условиям среды. Сходные тенденции для биоценозов озер этого региона ранее отметили А.А. Максимов с соавт. [9].

Наши результаты по таксономическому разнообразию зообентоса согласуются с данными [18], который показал, что разнообразие гидробионтов максимально в пресных водах, затем значительно снижается (со сдвигом в составе сообщества) при повышении минерализации в гипогалинном диапазоне. При минерализации от 15 г/л, и выше, таксономическое разнообразие уменьшается уже меньшими темпами (рис. 2). Причем наибольшая обратная корреляция видового разнообразия наблюдается в диапазоне 0,3–10 г/л. Однако, на более высоких диапазонах минерализации (10–30, 30–50, 50–100, и 100–200 г/л) достоверность корреляции значительно снижается. Несмотря на отчетливую общую тенденцию к уменьшению таксономического разнообразия при увеличении минерализации в каждом конкретном случае и, особенно, в узком диапазоне солености велика роль других экологических факторов [21, 22].

мическое разнообразие. Это вероятно объясняется тем, что повышение минерализации лимитирует развитие хищных форм, уменьшение пресса которых обуславливает повышение численности и биомассы видов, относящихся к более низким трофическим уровням [20]. Имеющийся массив данных не позволил получить статистически достоверных функций зависимости от уровня минерализации. Коэффициенты корреляций аппроксимированных функций не превышали 0,5 (кроме приведенных на графиках функций рассчитывали также степенную и экспоненциальную). Это свидетельствует как о комплексности самого фактора минерализации (не учитывалось соотношение различных ионов), так и значительной роли других экологических факторов (тип грунта, растительность, кислородный режим и др.).

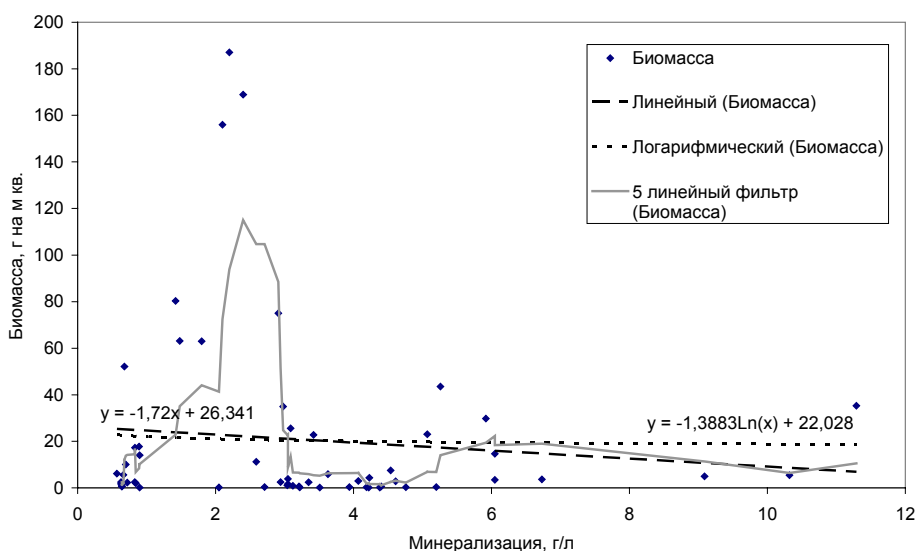

Рис. 3. Зависимость численности и биомассы зообентоса от минерализации воды в озерах Барабинско-Кулундинской области в диапазонах 0-100 и 0-12 г/л

Выводы

1. При увеличении уровня минерализации воды в озерах наблюдалась тенденция к увеличению доли вторичноводных гетеротопных видов из эволюционно более продвинутых таксонов и уменьшения доли первичноводных гомотопных видов из архаичных таксонов. При этом часть таксонов зообентоса элиминирует, а оставшиеся эвригалинные таксоны приспосабливаются к новым условиям среды.

2. К эвригалинным организмам относятся личинки мух-береговушек, хирономид и частично мокрецов. К стеногалинным организмам относятся ракообразные,

стрекозы, брюхоногие и двустворчатые моллюски, пиявки и личинки ручейников, встречающиеся в олигогалинных, и частью в мезогалинных озерах.

3. Минерализация воды оказывает существенное влияние на состав и структуру зообентоса, при ее увеличении >3 г/л таксономическое разнообразие и уровень развития донных беспозвоночных, как правило, падает.

За помощь в сборе и анализе материала выражаю искреннюю благодарность к.б.н., с.н.с. Новосибирского филиала ИВЭП СО РАН Л.М. Киприяновой и студентке Новосибирского госуниверситета М.В. Тарасовой.

Библиографический список

- Безматерных, Д.М. Применение структурных характеристик зообентоса для оценки экологического состояния озер юга Западной Сибири / Д.М. Безматерных // Ползуновский вестник. – 2005. – № 4, Ч. 2. – С. 214-216.
- Безматерных, Д.М. Состав, структура и количественная характеристика зообентоса озера Чаны в 2001 году / Д.М. Безматерных // Сибирский экологический журнал. – 2005. – № 2. – С. 249-254.
- Березовский, А.И. Рыбное хозяйство на Барабинских озерах и пути его развития / А.И. Березовский. – Красноярск, 1927. – 68 с.
- Благовидова, Л.А. Влияние факторов среды на зообентос озер юга Западной Сибири / Л.А. Благовидова // Гидробиол. журн. – 1973. – Т. IX, № 1. – С. 55-61.
- Водоёмы Алтайского края: биологическая продуктивность и перспективы использования / Л.В. Веснина, В.Б. Журавлев, В.А. Новоселов [и др.] – Новосибирск: Наука, 1999. – 285 с.
- Ермолаева, Н.И. Находки новых и редких для Западной Сибири видов зоопланктона и экология зоопланктонных сообществ в озерах Обь-Иртышского междуречья / Н.И. Ермолаева // Биологические аспекты рационального использования и охраны водоемов Сибири: Матер. всерос. конф. – Томск: Лито-Принт, 2007. – 304 с.
- Жадин, В.И. Реки, озера и водохранилища СССР, их флора и фауна / В.И. Жадин, С.В. Герд. – М: Учпедгиз, 1961. – 600 с.
- Зверева, О.С. Опыт рекогносцировочного обследования озер по Омскому и Славгородскому округам Сибирского края / О.С. Зверева. – Красноярск, 1930. – Тр. Сиб. науч. рыбохоз. станции, Т. 5, вып. 2. – 90 с.
- Максимов, А.А. Озерный внутривековой природный цикл / А.А. Максимов, Л.Л. Сипко, В.М. Крайнов // Экология озера Чаны. – Новосибирск: Наука, 1986. – С. 28-57.
- Озеро Убинское (Биол. продуктивность и перспективы рыбохозяйственного использования) / Под ред. Б.Г. Иоганзена, А.А. Ростовцева. – СПб., 1994. – 144 с.
- Опыт комплексного изучения и использования Карасукских озер. – Новосибирск: Наука, 1982. – 226 с.
- Пирожников, П.Л. К познанию озера Сартлана в лимнологическом, гидробиологическом и рыбохозяйственном отношении / П.Л. Пирожников. – Красноярск, 1929. – Тр. Сиб. науч. рыбохоз. станции, Т. 4, вып. 2. – 110 с.
- Поползин, А.Г. Зональное лимнологическое районирование озер юга Обь-Иртышского бассейна / А.Г. Поползин // Вопросы гидрологии Западной Сибири. – Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1965. – С. 52. 62.
- Пульсирующее озеро Чаны. – Л.: Наука, 1982. – 304 с.
- Сипко, Л.Л. Общие особенности видового состава и количественного развития бентоса озер Северной Кулунды в связи с циклами обводненности / Л.Л. Сипко // IV съезд Всесоюз. гидробиол. об-ва: Тез. докл. – Киев: Наук. думка, 1981. – С. 152-154.
- Хлебович, В.В. Критическая соленость и хорогалиникум: современный анализ понятий / В.В. Хлебович // Биология соленоватых и гипергалинных вод. – Л.: ЗИН АН СССР, 1989. – Тр. ЗИН АН СССР, Т. 196. – С. 5-11.
- Экология озера Чаны. – Новосибирск: «Наука», 1986. – 270 с.
- Hammer, U.T. Distribution and abundance of littoral benthic fauna in Canadian prairie saline lakes / U.T. Hammer, J.S. Sheard, J. Kranabetter // Hydrobiologia. – 1990. – 197. – P. 173-192.
- Hammer, U.T. Saline Lake Ecosystems of the World / U.T. Hammer. – Dordrecht: Dr. W. Junk Publishers, 1986. – 614 p.
- Salinity and fish effects on Salton Sea microecosystems: benthos / E.P. Simpson, M.R. Gonzalez, C.M. Hart, S.H. Hurlbert // Hydrobiologia. – 1998. – 381. – P. 153-177.
- Williams, W.D. Salinity as a determinant of salt lake fauna: a question of scale / W.D. Williams, A.J. Boulton, R.G. Taaffe // Hydrobiologia. – 1990. – 197. – P. 257-266.
- Williams, W.D. Salinity as a determinant of the structure of biological communities in salt lakes / W.D. Williams // Hydrobiologia. – 1998. – 381. – P. 191-201.

Материал поступил в редакцию 03.12.07.

УДК 574.589

Л.В.Яныгина

КОЛОНИЗАЦИЯ МАКРОБЕСПОЗВОНОЧНЫМИ РАЗЛАГАЮЩИХСЯ РАСТИТЕЛЬНЫХ СУБСТРАТОВ

Приведены результаты экспериментальных исследований скорости колонизации и сукцессии макробеспозвоночных в разлагающихся растительных субстратах. Показано, что обилие беспозвоночных зависело от типа субстрата: максимальной численности макробеспозвоночные достигали в листовом опаде, минимальной – в хвоще.

Важнейшим фактором, регулирующим видовое разнообразие и пространственное распределение беспозвоночных литорали, являются заросли макрофитов. Общеизвестно, что заросли макрофитов создают особую среду обитания для беспозвоночных, изменяя такие важные условия, как освещенность, pH, химический состав воды, содержание кислорода, температуру воды [8, 10]. Макрофиты также защищают мирных беспозвоночных от хищников, концентрируют на себе пищу для альгофагов, защищают от движения водных масс [5, 6].

Заросли макрофитов аккумулируют вещества, поступающие с поверхностным стоком, осаждая их и вовлекая в круговорот веществ в озере, и, соответственно, служат барьером, смягчающим воздействие водосборного бассейна на пелагиаль. В крупных глубоководных озерах, несмотря на обычно незначительную площадь литорали, заросли макрофитов – наиболее богатый беспозвоночными биоценоз [3, 7]; так как зооценозы глубоководной зоны бедны (развитию животных препятствует низкая температура воды, недостаток света, пищи), каменистая незаросшая литораль малопригодна для жизни из-за активной прибойно-волновой деятельности и низкой стабильности субстратов. В результате разложения отмерших растений в воду попадает большое количество легкодоступной органики. Все это делает особенно актуальным исследование зарослей макрофитов как места концентрации жизни глубоководных олиготрофных озер.

Цель данной работы – исследование скорости заселения и сукцессии макробеспозвоночных в разлагающихся растительных субстратах в условиях холодного олиготрофного Телецкого озера.

Материал и методы исследований.

Эксперименты по исследованию колонизации беспозвоночными разлагающихся растений проводили в Камгинском заливе Телецкого озера с июня по октябрь 2006 г. Телецкое озеро – глубоководный водоем тектонического происхождения, расположенный на высоте 434 м над уровнем моря в северо-восточной части Горного Алтая (юг Западной Сибири). Площадь литорали озера невелика, участки с глубинами до 10 м составляют около 7,8 км² или 3,4 % от площади акватории [4]. Общая площадь зарослей как полупогруженных, так и погруженных видов, составляет около 30% литорали озера [1]. Для экспериментов были выбраны растения, играющие ведущую роль в зарастании литорали Телецкого озера: рдест (*Potamogeton perfoliatus* L., *Potamogeton gramineus* L.), хвощ (*Equisetum fluviatile* L.), а также листво́вый опад, массово выносимый в озеро с водосборной площади. Растительный субстрат (хвощ, рдест и листво́вый опад) высушивали до постоянного веса и помещали по 50 г в капроновые мешки размером 10x20 см. Ячея (5x5 мм) не препятствовала проникновению беспозвоночных внутрь мешков, но ограничивала возможность выедания находящихся внутри мешка животных рыбами. Мешки подвешивали к деревянным рамкам и опу-

кали в воду на глубину 10 см. Рамки закрепляли якорями. Через 7, 34, 50 и 100 суток субстраты (по две повторности каждого вида) извлекали из воды, промывали и выбирали из них животных. Пробы фиксировали 70 % этанолом. После установления постоянного веса животных идентифицировали и взвешивали. За период эксперимента было отобрано и обработано 24 пробы.

Результаты и обсуждение

В эксперименте по исследованию процессов, происходящих при разложении растительных субстратов, отмечено 59 видов макробеспозвоночных животных, большинство из которых (68%) относилось к классу Insecta. Среди насекомых, как и в других биотопах в Телецком озере, преобладали хируномиды (60% видов). Максимальная частота встречаемости отмечена у *Bezzia albicornis* (100% проб), *Cricotopus gr. sylvestris* (87%) и *Erpobdella octoculata* (70%). Население субстратов слабо зависело от видовой принадлежности разлагающегося растения: около 30% видов встречались во всех типах субстрата. Минимальное число видов (30) отмечено в эксперименте с хвощом, максимальное (40) – в листовом опаде; в рдесте обнаружено 35 видов беспозвоночных; эти различия обусловлены редковстречающимися видами. Население хвощевого субстрата было и наименее оригинально (на 70–75% включено в списки листового субстрата и рдеста).

Активное заселение субстратов началось с первых дней экспозиции: уже через **неделю** (3.07.06) в эксперименте было обнаружено 9 видов макробеспозвоночных (в среднем 4,0±0,3 вида в пробе). Коэффициент сходства таксономического состава был сравнительно высок (30–75%) и не зависел от типа субстрата. Наиболее часто встречались *Bezzia albicornis* (был обнаружен во всех субстратах), *Cricotopus gr. sylvestris* и *Siphonurus zhelochovtsevi* (по 83%). Средняя численность составила 0,3±0,1 экз./г сухого веса (см. рисунок), биомасса – 1,8±0,4 мг/г сухого веса. Доминировал по численности *Bezzia albicornis*, по биомассе – *Siphonurus zhelochovtsevi* (частота доминирования обоих видов 83%). Поденки (*Siphonurus zhelochovtsevi*) были представлены преимагинальными формами (у некоторых экземпляров крылья достигали половины длины тела); вероятнее всего экспериментальные мешочки послужили им подходящим субстратом для перехода к имагинальной (наземно-воздушной) фазе жизненного цикла. При дальнейших исследованиях этот вид больше не встречался. Через **месяц** (30.07.06) экспозиции в эксперименте отмечено 27 видов макробеспозвоночных (в среднем 10,7±1,1 видов в пробе). Наиболее часто встречались *Bezzia albicornis*, *Erpobdella octoculata* и *Cricotopus gr. sylvestris* (эти виды были обнаружены во всех субстратах). Средняя численность составила 0,8±0,1 экз./г сухого веса, биомасса – 1,1±0,3 мг/г сухого веса. Доминировали по численности, как и на начальном этапе, *Bezzia albicornis* (частота доминирования 83%), по биомассе – *Erpobdella octoculata* (с частотой доминирования 66%).

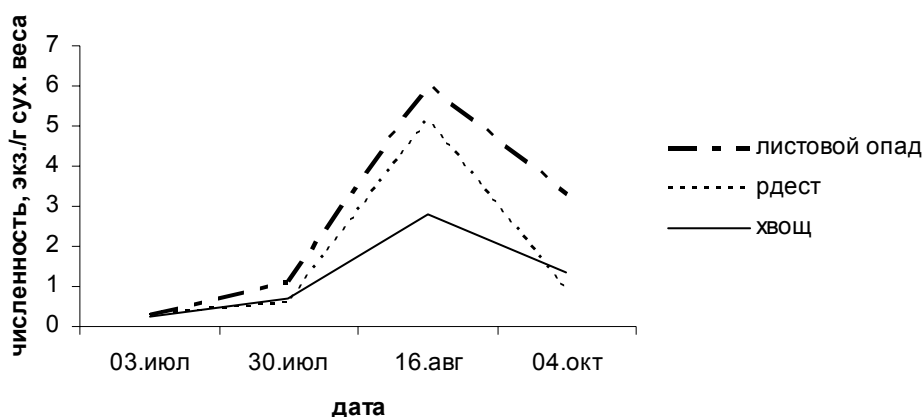

Рис. Динамика численности беспозвоночных в экспериментальных субстратах

В хвое и рдесте были обнаружены единичные экземпляры лягушек. Таким образом, в эксперименте существенно возросла роль хищников, теперь они доминируют не только по численности, но и по биомассе. Среди фито-детритофагов наиболее обильны были *Cricotopus gr. sylvestris*.

В течение лета продолжалось активное заселение растительных субстратов: через **1,5 месяца** (16.08.06) в эксперименте было обнаружено 37 видов беспозвоночных (в среднем $17,4 \pm 1,3$ видов в пробе). К комплексу постоянно встречающихся видов (кроме традиционных *Bezzia albicornis*, *Erpobdella octoculata* и *Cricotopus gr. sylvestris*) добавились *Corynoneura scutellata*, *Hydra sp.*, *Oulimnius sp.*, а также виды сем. Naididae. В этот период отмечено и максимальное обилие водных макробеспозвоночных: численность составила $5,0 \pm 1,0$, экз./г сухого веса, биомасса – $1,5 \pm 0,7$ мг/г сухого веса. В эксперименте значительно повышается роль фито-детритофагов: доминировали по численности олигохеты (сем. Naididae), по биомассе – ручейники (*Limnophilus nigriceps*) и пиявки (*Erpobdella octoculata*).

Через **3,5 месяца** экспозиции (4.10.06) в эксперименте отмечено 31 вид макробеспозвоночных ($12,5 \pm 0,9$ видов в пробе). Комплекс постоянно встречающихся видов составили *Bezzia albicornis*, *Ephemerella aurivillii* и виды сем. Naididae. Существенно снизилось и обилие гидробионтов: численность составила $1,8 \pm 0,5$, экз./г сухого веса, а биомасса – $1,1 \pm 0,3$ мг/г сухого веса (без моллюсков $0,7 \pm 0,1$ мг/г сухого веса). Снижение численности произошло преимущественно за счет уменьшения роли наидид, которые сохранили лидирующее положение только в рдесте и хвое; в листовом субстрате доминировал *Polypedilum bicrenatum*. Следует отметить, что в этот период началось отмирание закончивших вегетацию высших водных растений и экспериментальные субстраты потеряли свою привлекательность и как ис-

точник обильной легкодоступной пищи для детритофагов, и, соответственно, как место концентрации жертв для хищников. Возможно, снижение обилия макробеспозвоночных связано и с уменьшением численности бактерий в разлагающихся субстратах через 100 дней после начала эксперимента [2].

Таким образом, растительные субстраты заселяли преимущественно собиратели (фито-детритофаги) и хвататели (зоофаги); измельчители были представлены единичными особями. Можно выделить следующие этапы сукцессии макробеспозвоночных на разлагающихся растительных субстратах:

1. Заселение факультативными хищниками (*Bezzia albicornis*) и крупными фито-детритофагами (*Siphonurus zhelochovtsevi*).

2. Усиление роли фито-детритофагов (поденки, хирономиды), появление облигатных хищников (пиявок, лягушек).

3. Массовое развитие мелких детритофагов (наидид), увеличение разнообразия как фито-детритофагов (хирономид, ручейников, поденок), так и облигатных хищников (пиявок, гидр, клещей, плавунцов).

4. Снижение таксономического разнообразия и обилия гидробионтов.

В течение всего эксперимента максимальной численности макробеспозвоночные достигали в листовом опаде, минимальной – в хвое. Возможно, это связано с большим объемом листового субстрата по сравнению с хвоем при равной навеске. В эксперименте с искусственными субстратами также было показано, что распределение животных во многом определяется структурными свойствами среды обитания [9].

Автор выражает признательность сотрудникам лаборатории водной экологии ИВЭП СО РАН к.б.н. Е.Ю. Зарубиной, Е.Н. Крыловой, М.И. Ковешникову за помощь в отборе материала.

Библиографический список

1. Зарубина, Е.Ю. Пространственное распределение макрофитов по акватории Телецкого озера / Е. Ю. Зарубина, П.А. Зятев // Проблемы ботаники Южной Сибири и Монголии: Мат. конф. – Барнаул, 2003. – С. 125-127.
2. Кудрявцев, В.М. Динамика численности микроорганизмов при разложении макрофитов / В.М. Кудрявцев, Ю.В. Ершов // Гидробиологический журнал. – 1980. – № 4. – С. 20-24.
3. Ладожское озеро – прошлое, настоящее, будущее. – СПб.: Наука, 2002. – 327 с.
4. Ремезова Н.В. Некоторые морфометрические величины Телецкого озера // Исследования озер СССР. – Л., 1934. – Вып. 7 – С. 53-58.
5. The influence of nutrient loading, dissolved inorganic carbon and higher trophic levels on the interaction between submerged plants and periphyton / J.I. Jones, J.O. Young, J.W. Eaton, B. Moss // Journal of Ecology. – 2002. – V. 90. – P. 12-24.
6. Distribution and diel migration of macroinvertebrates within dense submerged vegetation / O. Marklund, I. Blindow & A.Hargeby // Freshwater Biology, 2001. – v.46. – p. 913-924.

7. Structure and dynamics of food webs in Andean lakes / B.E. Modenutti, E.G. Balseiro, C.P. Queimaliños [et al] // Lakes & Reservoirs: Research and Management. – 1988. – V. 3. – P. 179-186.
8. Sand-Jensen K. Influence of submerged macrophytes on sediment composition and near-bed flow in lowland streams // Freshwater Biology. – 1998. – V. 39. – P. 663-679.
9. Street, M.A field experiment on the value of allochthonous straw as food and substratum for lake macro-invertebrates / M. Street, G. Titmus // Restoration Ecology. – V. 10. – P. 617–621.
10. Titus, J.E. Decomposition of litter from submersed macrophytes: the indirect effect of high [CO₂] / J.E. Titus, A. Pagana // Freshwater Biology. – 2002. – V. 47. – P. 1367-1375.

Материал поступил в редакцию 03.12.07.

УДК 631.4

С.С. Мешкинова

ГЕОХИМИЯ КАРБОНАТОВ В ПОЧВАХ ДОЛИНЫ СРЕДНЕЙ КАТУНИ

Исследовано содержание карбонатов в почвах долины Средней Катунки. Выявлено, что концентрация карбонатов увеличивается вниз по профилю всех типов почв и определяется формой их нахождения.

Почвы и почвообразующие породы в зоне предполагаемого затопления проектируемых Катунских ГЭС являются основой при формировании донных отложений водохранилищ. В связи с этим необходимо изучить геохимию почв, формирующихся в долине.

Объекты исследования: почвы – горно-лесные черноземовидные, черноземы обыкновенные, черноземы южные и каштановые; и почвообразующие породы различного генезиса (элювиальные, делювиальные, аллювиально-делювиальные, аллювиальные отложения) и гранулометрии (щебнисто-песчаные, щебнисто-супесчаные, галечниково-песчаные и галечниково-супесчаные, сортированные песчаные отложения).

Карбонаты обуславливают щелочность почв и ярко выраженный щелочной барьер. Присутствие карбонатов оказывает большое влияние как прямое, так и косвенное на поведение в почвах многих загрязняющих веществ. В условиях нейтральной или слабощелочной реакции сре-

ды резко снижается концентрация в почвенных растворах большинства поллютантов, в том числе тяжелых металлов и радионуклидов.

Геохимической особенностью почв и почвообразования в долине Средней Катунки является то, что почвы формируются на мощных карбонатных аккумулятивных корках выветривания, поэтому наблюдается наличие мощных горизонтов с высоким содержанием карбонатов (см. табл. 1, 2). В рассмотренных почвенных разрезах содержание карбонатов в горизонте их максимальной аккумуляции варьирует от 0,8 до 34,2% и в среднем равно 13+1,1 % при коэффициенте вариации 68,7%.

Концентрации карбонатов в верхних горизонтах в исследуемых почвах незначительны и увеличиваются вниз по профилю, что обуславливает изменение щелочности- кислотных условий, то есть повышение pH вниз по профилю (см. табл. 1).

Таблица 1

Внутрипрофильное распределение CaCO₃ в почвах долины Средней Катунки и значения pH водной суспензии

Генетический горизонт	Глубина образца, см	CaCO ₃ , %	pH
1	2	3	4
Горно-лесная черноземовидная супесчаная среднemocная на щебнисто-песчаном элювии-делювии. Левобережье долины р. Эдиган. Разрез 2			
A _{дер}	1-11	0,8	6,7
A	15-25	1,1	7,2
A	35-45	0,8	7,4
AB	45-55	2,5	7,7
B ₁ ^k	56-66	33,6	8,0
B ₂ ^k	70-80	3,1	8,7
C _k	90-100	23,1	8,1
Горно-лесная черноземовидная супесчаная среднemocная на щебнистом элювии-делювии. Продолжение профиля через р. Ороктой. Разрез 8			
A _{дер}	0,5-9	1,1	7,2
A	5-15	0,8	7,2
AB	32-40	1,3	7,4
BC _k	43-53	6,8	8,2
BC _k	60-70	13,3	8,3
C _k	90-100	5,7	8,4

Продолжение табл. 1

1	2	3	4
Чернозем обыкновенный песчаный маломощный на отложениях аллювиального сортированного песка. Левобережье долины р. Ороктой. Разрез 6			
A _{дер}	0-7	8,5	7,8
AB _к	7-17	16,7	8,1
B ₁ ^к	17-27	20,3	8,2
B ₂ ^к	35-45	28,9	8,8
BC _к	65-75	13,3	9,0
C _к	90-100	14,8	9,0
CD _к	115-125	14,2	9,1
Чернозем обыкновенный супесчаный. Разрез 41			
A	0-10	3,6	8,3
B ^к	20-30	27,6	8,5
BC ^к	35-45	29,2	8,7
C ^к	70-80	17,8	9,2
Чернозем обыкновенный супесчаный, правобережная терраса Катунь. Разрез 53			
A _{пах} ^к	0-10	2,3	7,8
A _к	10-20	2,7	7,9
B _к	26-36	22,0	8,0
BC _к	40-50	11,4	8,2
C _к	70-80	13,9	8,2
Чернозем южный песчаный маломощный на песчано-щебнистом элювии-делювии. Правобережье долины р. Эдиган. Разрез 3			
A _{дер}	0-10	6,5	7,4
B _к	15-25	24,2	7,8
BC _к	35-45	16,2	8,0
C _к	70-80	17,2	8,0
Чернозем южный супесчаный маломощный на щебнисто-супесчаном элювии-делювии. Выше разреза 3 на 50 м. Разрез 4			
A _{дер}	0-5	1,2	7,4
A	5-15	2,3	7,6
B _к	20-30	27,5	7,9
BC _к	35-45	29,2	8,1
C _к	60-70	34,2	8,3
Чернозем южный песчаный маломощный на аллювиальном сортированном песке. На 60 м ниже по склону от разреза 6. Разрез 7			
A _{дер} ^к	0-9	11,2	8,1
AB _к	9-18	15,8	8,1
B ₁ ^к	20-30	18,4	8,3
B ₂ ^к	37-47	16,9	8,6
BC _к	65-75	7,2	8,8
C _к	110-120	13,5	8,7
Темно-каштановая супесчаная. Разрез 31			
A	0-10	8,2	8,1
B ^к	15-25	10,0	8,2
C ^к	50-60	13,2	8,3

Таблица 2

Вариационно-статистические показатели карбонатов в гумусово-аккумулятивном горизонте
и почвообразующих породах почв долины Средней Катунь, %

Горизонт	n	lim	M±m	V, %
A	25	0,8-16,7	5,8±1,0	86,4
C	22	5,7-34,2	16,1±1,5	44,4

Это связано в значительной степени с выщелачиванием карбонатов из верхних горизонтов и их частичной аккумуляцией в нижних. Также в формировании щелочной среды играют роль почвообразующие карбонатные породы. При различных типах почвообразования скорость процесса выщелачивания карбонатов кальция неодинакова, встречаются и осадочно-карбонатные почвы, вскипающие с поверхности. Во всех типах почв наблюдается горизонт максимальной аккумуляции карбонатов, глубина залегания которого обуславливается положением почвы в рельефе и проявлением конкретных почвообразовательных процессов. В этих горизонтах образуется щелочной геохимический барьер на пути радиальных и латеральных потоков при миграции химических элементов в почвенных растворах в условиях транзитных геохимических ландшафтов [1, 2].

Присутствие мощных карбонатных горизонтов со значительным содержанием карбонатов является факто-

ром, во многом определяющим процессы миграции и аккумуляции элементов группы железа [3, 4].

Наибольшее накопление карбонатов в исследуемых почвенных профилях обнаружено в горизонтах, где они встречаются в форме пропитки, корочек на нижней поверхности щебня, гальки, валунов. В меньшем количестве карбонаты накапливаются в горизонтах, где они находятся в псевдомицелярной форме.

Таким образом, в случае затопления карбонаты карбонатных горизонтов будут являться ведущим фактором, определяющим баланс ионов бикарбоната в водных экосистемах, а в почвах сопряженных ландшафтов с водохранилищем представлять доминирующий щелочной барьер, предотвращающий поступление тяжелых металлов и радионуклидов в водохранилище.

Работа выполнена при поддержке грантов РГНФ 07-06-18019е и РФФИ 06-08-00438а.

Библиографический список

1. Перельман, А.И. Геохимия ландшафта / А.И. Перельман, Н.С. Касимов. – М.: Астрей-2000, 1999. – 768 с.
2. Ландшафтно-геохимические основы фонового мониторинга природной среды / М.А. Глазовская, Н.С. Касимов, Т.А. Теплицкая [и др.] – М.: Наука, 1989. – 264 с.
3. Якушевская, И.В. Микроэлементы в природных ландшафтах / И.В. Якушевская. – М.: Изд-во МГУ, 1973. – 136 с.
4. Лукашев, К.И. Геохимическое поведение элементов миграции / К.И. Лукашев. – Минск, 1964.

Материал поступил в редакцию 03.12.07.

УДК 631.4

И.А. Егорова, А.В. Пузанов, С.Н. Балыкин, А.В. Салтыков, И.В. Горбачев

ЕСТЕСТВЕННЫЕ РАДИОНУКЛИДЫ (^{238}U , ^{232}Th , ^{40}K) В ВЫСОКОГОРНЫХ ПОЧВАХ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО АЛТАЯ

Выявлены закономерности внутрипрофильного распределения естественных радиоактивных элементов (^{238}U , ^{232}Th , ^{40}K) в горно-тундровых и горно-луговых почвах Северо-Западного Алтая. Определена степень влияния физико-химических свойств почв на уровень концентрации радионуклидов.

Радиоактивность и сопутствующее ей ионизирующее излучение – явления не новые. Они существовали задолго до зарождения жизни на Земле и присутствовали в космосе до возникновения самой планеты. Значительную часть облучения живые организмы получают от естественной радиации, источниками которой служат природные образования (месторождения радиоактивных и некоторых других полезных ископаемых, горные породы, содержащие естественные радионуклиды в повышенных концентрациях, природные воды, в том числе в районах нефтедобычи, с высоким содержанием урана, тория и продуктов их распада – радия и радона), а также промышленные предприятия, ведущие добычу и глубокую переработку руд, и ТЭЦ, работающие на углях, горючих сланцах и торфах с высоким содержанием радиоактивных элементов.

Цель и задачи исследования

Цель исследования – изучить особенности распределения естественных радионуклидов в горно-тундровых и горно-луговых почвах Северо-Западного Алтая.

Задачи:

1) исследовать внутрипрофильное распределение естественных радионуклидов в горно-тундровых и горно-луговых почвах Северо-Западного Алтая;

2) изучить связь уровня концентраций радионуклидов с физико-химическими свойствами почв;

3) оценить уровень концентраций естественных радионуклидов с экологических позиций.

Объекты и методы исследования

Объекты исследования – горно-тундровые и горно-луговые почвы в бассейнах рек Чарыш и Алей.

Горно-тундровые почвы формируются в верхней части высокогорного пояса в условиях низких температур и значительного атмосферного увлажнения под моховой, лишайниковой, кустарниковой и травянистой растительностью на щебнисто-каменистом элювии или элювио-делювии сланцев, гнейсов, песчаников и гранитов.

Горно-луговые почвы развиваются на суглинистом сильнощебнистом элювии, элювио – делювии (гранитов, песчаников, сланцев), на ледниковых и делювиальных отложениях. Формирование профиля исследуемых почв осуществляется в жестких температурных условиях. Среди почв преобладают легко- и среднесуглинистые разновидности. Песок и крупная пыль являются основной составляющей мелкозема.

Физико-химические свойства почв были охарактеризованы нами ранее [15] и в таблице 1.

Физико-химические свойства высокогорных почв
и внутрипрофильное распределение естественных радионуклидов

Генетический горизонт	Глубина образца, см	рН	Углерод валовой	Физ. глина	Ил	²³⁸ U	²³² Th,	⁴⁰ K
			%					
Горно-тундровые								
Горно-тундровая автоморфная, Тигирекский хребет, бассейн р. Иня. Разрез 9								
A _д	0-9	6,4	4,9	26,3	3,7	39,1	33,1	586,5
A ₁	10-20	5,4	4,5	30,6	3,8	42,8	34,1	865
B ₁	20-30	5,2	1,2	34,4	5,8	27,3	25,4	734
BC	35-45	4,9	1,6	41,7	10,1	38,1	32,9	841
C	50-60	5,1	1,5	35,8	14,9	31,7	30,5	716
A _т	0-10	4,7	7,1	24,4	8,2	42,7	26,6	506
C	20-30	5,0	1,3	29,3	12,5	32,5	26,4	682
Горно-тундровая, Тигирекский хребет, бассейн р. Иня. Разрез 12								
A ₁	2-10	4,5	5,3	30,8	7,9	27,4	19,3	301,5
AC	10-20	4,6	4,9	37,1	12,7	37,6	25,1	424
C	30-35	5,0	3,7	35,6	9,1	32,2	25,8	407
Горно-тундровая торфяно-перегнойная, Тигирекский хребет, бассейн р. Иня. Разрез 14								
A _т	0-10	5,1	25,2	12,2	1,0	15,4	10,9	158
A _п	10-15	4,6	16,4	26,5	8,1	-	-	-
BC	20-25	4,9	4,8	34,2	14,7	26,3	28,1	607
Горно-тундровая, верховье р.Коргон. Разрез 5								
A _д	0-10	-	-	-	-	31,9	24,5	379,5
AB	10-15	-	-	-	-	21,8	26,8	395,5
B	20-25	-	-	-	-	29,5	31,5	478
Горно-тундровая олуговелая, верховье р.Коргон. Разрез 7								
A _д	0-10	-	-	-	-	20,4	21	265
AB	10-20	-	-	-	-	24,7	19,8	309,5
B	25-35	-	-	-	-	31,1	23,3	342
BC	50-60	-	-	-	-	24,7	19,1	264
Горно-луговые								
Горно-луговая, Тигирекский хребет, бассейн р. Белая. Разрез 03								
A _д	0-8	4,3	13,8	6,7	0,0	35,9	25,3	379
AB	10-20	4,5	3,5	43,8	13,4	41,4	39	598
B	20-30	4,9	2,1	34,0	18,0	46,5	41,4	628
BC	40-80	4,8	2,2	39,6	18,5	54,9	46,4	574
C	> 80	7,1	0,2	50,6	34,3	53,0	49,3	692
Горно-луговая, Тигирекский хребет, бассейн р. Иня. Разрез 11								
A _д	0-10	4,5	6,2	12,2	5,6	27,4	13,5	210
A ₁	10-20	4,6	4,6	27,0	7,2	35,9	9,4	185
Горно-луговая, Тигирекский хребет, бассейн р. Иня. Разрез 15								
A _д	0-10	5,2	11,5	23,1	12,2	22,5	28,3	566
Горно-лугово-степная, бассейн р. Белая. Разрез 4								
A _д	0-10	-	-	-	-	25,5	20,0	278
AC	10-20	-	-	-	-	29,6	55,8	488
C	50-60	-	-	-	-	17,7	16,2	998
Горно-луговая., верховья р.Коргон. Разрез 6								
A _д	0-10	-	-	-	-	30,2	22,5	322
AB	10-20	-	-	-	-	47,9	23,2	349
B	40-50	-	-	-	-	21,2	33,5	474
Горно-луговая, Королевский белок. Разрез 8								
A _д	0-10	-	-	-	-	30,3	17,2	164,5
A	10-20	-	-	-	-	48,9	18,9	347
AB	30-40	-	-	-	-	18,3	15,1	173
B	50-60	-	-	-	-	8,6	7,0	312

Примечание: прочерк – не определяли

Почвенные разрезы закладывали в системе ландшафтно-геохимических катен, охватывающих все элементы высокогорного рельефа.

Естественные радионуклиды определяли гамма – спектрометрическим методом [1].

Физико-химические свойства почв определяли общепринятыми в почвоведении методами.

Результаты и их обсуждение

Доминирующая часть естественной радиоактивности почв связана с радиоизотопами, которые образуют три радиоактивных семейства – урана (родоначальник ^{238}U ; период полураспада $T_{1/2} = 4,5 \cdot 10^9$ лет), актиния (родоначальник ^{235}U ; $T_{1/2} = 7,1 \cdot 10^8$ лет) и тория (родоначальник ^{232}Th ; $T_{1/2} = 1,4 \cdot 10^{10}$ лет). Существенный вклад в естественную радиоактивность почв вносит долгоживущий радиоактивный изотоп ^{40}K ($T_{1/2} = 1,3 \cdot 10^9$ лет)[2].

Уровень радиоактивности почв зависит от содержания естественных радионуклидов (ЕР) в почвообразующих породах. Максимальная радиоактивность обнаружена в почвах, сформированных на кислых магматических породах, а наиболее высокая концентрация радионуклидов наблюдается в мелкодисперсной фракции почв – в глинистых частицах. Кроме того, уровень радиоактивности почв зависит от ландшафта, климатических условий, процессов вертикальной и горизонтальной миграции в почвах, их биологической аккумуляции и тд. [3].

По отношению к исходным почвообразующим породам в процессе почвообразования изменяются как собственно содержание естественных радионуклидов, так и характер их распределения в пределах сформировавшихся почвенных профилей. Эти изменения определяются как свойствами радионуклидов, так и физико-химическими особенностями почв, процессов почвообразования. Поэтому не удивителен факт существенно различных содержаний естественных радионуклидов в почвах разных климатических зон и сформированных на различных породах [4].

В процессе почвообразования происходит их перераспределение, тем не менее, влияние особенностей химического состава горных пород долго сохраняется. Тождество между радиоактивным составом почв и горных пород должно четко проявиться в горных районах, где почвы маломощны и развиты часто непосредственно на элювии или элювио-делювии горных пород.

Почвообразующие породы в Северо-Западном Алтае представлены элювиально-делювиальными образованиями преимущественно четвертичного возраста. Наибольшей по мощности чехол элювио-делювия покрывает склоны гор, сглаженные вершины и седловины и представлен мелкозернистым, в различной степени скелетным материалом. По гранулометрическому составу мелкозем колеблется от супесчаного до тяжелосуглинистого.

Гранулометрическое и петрографическое разнообразие верхних горизонтов четвертичной коры в регионе исследования обуславливают широкий диапазон концентраций изучаемых радиоактивных элементов (см. табл. 1).

Уран – 238 в почвах находится в форме UO_2^{2+} , который образует с органическим веществом почвы хорошо растворимые комплексы. Геохимическими барьерами для ^{238}U выступают сильно окислительные условия, наличие фосфора и других химических осадителей, глинистое и органическое вещество [5].

Значительные запасы ^{238}U обнаружены в почвах вы-

сокогорий (горно-тундровые, горно-таежные, горно-луговые, горно-лугово-степные), что объясняется формированием их в большей степени на коренных гранитных массивах.

На поведение ^{238}U в почвах оказывают воздействие физико-химические свойства почв. Содержание ^{238}U очень зависит от гранулометрического состава почвы.

В целом количество ^{238}U в почвообразующей породе в большинстве случаев выше, чем в гумусово-аккумулятивном горизонте.

Распределение ^{238}U по профилю почв находится в зависимости от их генетических особенностей. Отмечается заметная аккумуляция ^{238}U в верхних, обогащенных органическим веществом, горизонтах. В гумусе почв может быть сосредоточено до 32% ^{238}U от его валового содержания в гумусовом горизонте. Максимальные количества ^{238}U сорбируются на коллоидах гуминовых и фульвокислот и оксидов железа при pH 5-6. Таким образом, для ^{238}U характерен аккумулятивно-элювиальный тип накопления.

Органическое вещество почвы оказывает значительное влияние на подвижность ионов. При этом необходимо учитывать многофункциональность гумуса (сорбционные способности, образование растворимых комплексов, экранирование поверхности минеральных частиц, восстановительная способность) [6]. ^{238}U образует растворимые комплексы с органическими кислотами, что увеличивает его подвижность в почве. Сорбция же ^{238}U органо-минеральным комплексом снижает его доступность растениям, но не препятствует его перемещению по профилю почв в составе этого комплекса [7].

Существенным фактором, определяющим особенности поведения ^{238}U , является его высокая массовая концентрация в почвах, в силу чего в поведении радионуклида более значимую роль играют химические свойства самого элемента, нежели стабильные аналоги.

Среднее содержание урана-238 в исследуемых почвах находится на уровне кларка и составляет 34,8 Бк/кг. Для некоторых почвенных разрезов отмечается биогенное накопление. Наиболее высокий уровень удельной активности урана-238 характерен горно-луговым почвам.

Удельная активность ^{238}U в горно-тундровых почвах Северо-Западного Алтая варьирует незначительно (см. табл. 1), максимальный уровень удельной активности урана, составляет 42,8 Бк/кг.

Распределение удельной активности ^{238}U по профилю почв носит аккумулятивный и аккумулятивно-иллювиальный характер.

Торий-232

Довольно распространенный (кларк 0,0012%), еще мало используемый высокотоксичный металл (особенно вредно ионизирующее излучение) [8].

Для тория, как и для урана, в некоторых случаях наблюдается заметная аккумуляция в верхних, обогащенных органическим веществом, горизонтах [9]. ^{232}Th в почвах менее подвижен, чем ^{238}U , он почти полностью сорбируется при взаимодействии почв с растворами – степень сорбции равна 98,3-99,9%. ^{232}Th образует нерастворимые комплексные соединения с органическими компонентами почвы. Сорбция ^{232}Th почвами тесно связана с содержанием илстой фракции. Для ^{232}Th отмечена прямая связь между pH и емкостью поглощения [10]. В зависимости от свойств почв в одних случаях отмечается наличие положительной связи между содержанием радиоизотопов тория и количеством органического ве-

щества в почве [11], в других – эта зависимость выражена слабее. В ряде случаев для ^{232}Th характерна минеральная форма накопления в почвах [12]. Это подтверждается наличием связи между содержанием ^{232}Th в почве и содержанием фракций 0,1-0,05 и 0,05-0,01 мм, которые входят в кристаллическую решетку минералов.

Источником загрязнения внешней среды ^{232}Th является широкое применение фосфорных удобрений, где содержание его колеблется от 1,5 до 25 Бк/кг [13].

Ключевым фактором, обуславливающим поведение ^{232}Th , является его высокая массовая концентрация в почвах, в силу чего доминирующую роль в поведении радионуклида играют химические свойства самого элемента.

Во всех почвах ^{232}Th находится в прочносвязанных формах (80%), содержание его в обменных и кислоторастворимых формах в сумме не превышает 10 %.

Удельная активность ^{232}Th в горно-тундровых почвах Северо-Западного Алтая варьирует незначительно (см. табл.1). В среднем удельная активность радионуклида составляет 25,5 Бк/кг. Максимальный уровень удельной активности тория для горно-тундровых почв составляет 34,1 Бк/кг. Максимальный уровень удельной активности тория для горно-луговых почв составляет 49,3 Бк/кг (см. таб. 1).

Характер внутрипрофильного распределения ^{232}Th в почвах неодинаков, что объясняется формированием этих почв на разных почвообразующих породах. Среднее содержание Th-232 в почвах Алтайского края составляет 23,4 Бк/кг, что соответствует фоновой концентрации этого радионуклида в педосфере исследуемого региона.

Калий-40

Основное количество ^{40}K поступает на Землю с метеоритным веществом (частицы массой 10-14г), возможно также за счет мантийного источника.

В большинстве случаев калий-40 относительно накапливается в почвенном горизонте А. Вынос калия особенно типичен для кор выветривания и почв влажных тропиков, где калий попадает в группу наиболее подвижных катионов ($\text{Na} > \text{Ca} > \text{Mg} > \text{K}$) и удаляется из верхних горизонтов. В лесных ландшафтах умеренного и

холодного климата калий мигрирует значительно слабее, но характерен его дефицит для растений. Кислотное выщелачивание с выносом калия распространяется здесь лишь на горизонты А1 и А2 подзолистых почв, тогда как из иллювиального горизонта В вынос ослаблен [14].

^{40}K – по активности один из основных естественных радионуклидов в почвах, растениях. Учитывая это, введено понятие «калийный фон», отражающее вклад ^{40}K в суммарное содержание радионуклидов.

Варьирование удельной активности ^{40}K в исследуемых почвах более высокое, средняя удельная активность составляет 487,4 Бк/кг (см. табл. 1). Максимальный уровень удельной активности калия для горно-тундровых почв составляет 865 Бк/кг. Максимальный уровень радионуклида для горно-луговых почв составляет 998 Бк/кг (см. табл. 1).

Характер внутрипрофильного распределения ^{40}K в почвах различен, что объясняется формированием этих почв на разных почвообразующих породах. В большинстве случаев ^{40}K относительно накапливается в гумусовом горизонте.

Внутрипрофильное распределение естественных радионуклидов, в целом, носит аккумулятивный (разрез № 9) и аккумулятивно-регрессивный характер (разрезы 10, 11, 12, 14) (см. табл. 1).

Таким образом, выявлена существенная неоднородность в содержании естественных радиоактивных элементов в почвах Северо-Западного Алтая, обусловленная контрастностью почвообразующих пород, физико-химическими свойствами почв, ландшафтно-геохимическими условиями миграции и аккумуляции элементов.

Одинаковые по происхождению почвообразующие породы Северо-Западного Алтая различаются между собой по содержанию этих элементов.

Работа выполнена при поддержке грантов РГНФ 07-06-18019е и РФФИ 06-08-00438а.

Библиографический список

1. Бобров, В.А. Лабораторный гамма-спектрометрический анализ естественных радиоактивных элементов / В.А. Бобров, А.М. Гофман // Метод. разраб. – Новосибирск: ИГиГ СО АН СССР, 1971. – 68 с.
2. Волков, Г.Д. Радиобиология / Г.Д. Волков, В.А. Липин, Д.П. Черкасов. – М.: Колос, 1964. – 232 с.
3. Частотное распределение концентраций радия-226, тория-228 и калия-40 в различных почвах // В.Ф. Дричко, Б.Э. Крисюк [и др.] // Почвоведение. – 1977. – № 9. – С. 75-80.
4. Тяжелые естественные радионуклиды в биосфере: Миграция и биологическое действие на популяции и биогеоценозы / Р.М. Алексахин, Н.П. Архипов, Р.М. Бархударов [и др.] – М.: Наука. – 1990. – 368 с.
5. Кабата-Пендиас, А. Микроэлементы в почвах и растениях / А. Кабата-Пендиас, Х. Пендиас. – М.: Мир, 1989. – 440 с.
6. Евсева, Л.С. Восстановление урана природными органическими веществами // Химия урана. – М.: Наука, 1981. – С. 52-57.
7. Титаева, Н.А. Миграция тяжелых естественных радионуклидов в условиях гумидной зоны / Н.А. Титаева, А.И. Таскаев. – Л.: Наука, 1983. – 252 с.
8. Журавлев, В.Ф. Токсикология радиоактивных веществ. – М.: Наука, 1982.
9. Баева, А.И. Содержание урана и тория в почвах и растениях горной части Ленкоранской области / А.И. Баева, А.Б. Ахундова // Изв. АН АзССР, сер. биол. наук. – 1981. – №1 – С. 56-59.
10. Радиэкология орошаемого земледелия / Под ред. Р.М. Алексахина. – М.: Энергоатомиздат, 1985. – 224 с.
11. Шуктомова, И.И. Изотопы урана и тория в почвах средней тайги района повышенной естественной радиоактивности // Радиация как экологический фактор при антропогенном загрязнении. – Сыктывкар: Коми фил. АН СССР, 1984. – № 67. – С. 28-36.
12. Таскаев, А.И. Миграция изотопов уранового и ториевого рядов в почвенно-растительном покрове территорий с естественно и антропогенно и повышенной радиоактивностью // Инф. бюл. Науч. совета по проблемам радиобиологии АН СССР. – 1983. – № 28. – С. 34-37.
13. Сельскохозяйственная радиэкология / Р.М. Алексахин, А.В. Васильев, В.Г. Дикарев [и др.] – М.: Экология, 1992 – 344 с.
14. Иванов, В.В. Экологическая геохимия элементов. – М.: Недра, 1994. – 304 с.
15. ^{137}Cs в высокогорных почвах Северо-Западного Алтая / А.В. Пузанов, И.А. Егорова, А.В. Салтыков [и др.] // Мир науки, культуры, образования. – 2007. – №3 (5). – С. 60-63.

Материал поступил в редакцию 03.12.07.

УДК 631.438

С.В. Бабошкина

МЫШЬЯК В РАСТЕНИЯХ АЛТАЯ: СОДЕРЖАНИЕ, УСЛОВИЯ ПОСТУПЛЕНИЯ

Исследовано содержание мышьяка в растениях Алтая – территории, являющейся геохимической провинцией с повышенным содержанием элемента в почвах. Установлено, что концентрация As в растениях Алтая не превышает мировой фоновый уровень и не определяется валовым количеством элемента в педосфере. Рассчитаны индексы аккумуляции и коэффициенты биологического поглощения As. Показано, что наиболее интенсивно As вовлекается в биологический круговорот травянистыми растениями высокогорных тундр, лугов и пустынно-степных долин Юго-Восточного Алтая.

Химический состав растений является важным показателем экологического благополучия окружающей среды. С давних пор территория Алтая привлекает к себе внимание потребителей лекарственного сырья: флора региона характеризуется значительным разнообразием, наличием редких видов, достаточным их количеством и предполагаемой экологической чистотой. Поскольку наши предыдущие исследования [1] и работы других авторов [2] показали, что Алтай является геохимической провинцией с повышенным валовым содержанием мышьяка в почве, а поступление мышьяка в растительные организмы доминируется процессами сорбции и десорбции его соединений почвами и почвообразующими породами [3, 4, 5], определение содержания и закономерностей поступления мышьяка в растения Алтая, контроль за уровнем его подвижных форм в почвах являются приоритетными задачами экологического и биогеохимического мониторинга территории.

В связи с наличием мышьяка в геосфере, а также широким использованием его соединений в сельском хозяйстве, промышленности и медицине, присутствие его в биоте естественно. Мышьяк входит в состав многих растений, однако, его содержание в растительной золе значительно ниже, чем в литосфере – 0,3 мг/кг [6], что свидетельствует о сравнительно низкой биофильности элемента.

Биологическая роль мышьяка до сих пор изучена недостаточно. Известно, что в растительном организме элемент ускоряет биосинтез этилена [7], стимулирует активность почвенных микроорганизмов [8], увеличивает продукцию некоторых видов болотной растительности [9].

Высокий уровень биодоступных количеств мышьяка негативно сказывается на жизнедеятельности растений: замедляется их рост, снижается урожайность, происходит увядание листьев и обесцвечивание корнеплодов [5]. Рис, выращиваемый на почвах с содержанием мышьяка 77 мг/кг, почти не дает урожая в первый год [10], а в результате эксперимента с *Oryza sativa* установлено, что физиологическое нарушение, приводящее к развитию стерильных колосков, связано с повышенными (от 50 мг/кг) концентрациями мышьяка в почве [11].

Более интенсивно фитотоксичность мышьяка проявляется на участках с низкими концентрациями органического вещества [12], и снижается при хорошей обеспеченности растений фосфором и серой [10]. Наиболее токсичной формой мышьяка для растений большинством авторов признаются арсениты [5, 13, 14, 15, 16], но в некоторых исследованиях называются и другие формы, например, монометиларсоновая кислота [9].

Мышьяк поглощается растениями вместе с водой, но его доступность ограничена сорбцией арсенат-ионов коллоидными частицами почвы. Обычно наибольшее количество мышьяка наблюдается в корнях высших растений, а стебли, листья, плоды имеют меньшее содержание. Возможно, поэтому более высокие значения характерны для зеленых листовых овощей, а низкие – для фруктов [5].

Как анионогенный элемент, мышьяк более интенсивно вовлекается в биологический круговорот в условиях щелочной среды, поэтому в растительности сухостепных ландшафтов содержание его более высокое [17].

Среднее содержание мышьяка в растениях, произрастающих на незагрязненных почвах, составляет 0,01-5 мг/кг сухой массы и редко превышает 1 мг/кг влажной массы. В золе деревьев и кустарников мышьяк обнаруживается практически во всех образцах в количестве от 0,25 до 50 мг/кг, относительно интенсивно концентрируется в съедобных грибах [10]. Некоторые виды растений устойчивы к высокому содержанию мышьяка в тканях. Так, *Pseudotsuga taxifolia* (8200 мг/кг As в золе [18]) и папоротник *Pityrogramma calomelanos* (400 мг/кг As на сухую массу [19]) являются гипераккумуляторами мышьяка, а повсеместно распространенную ярску *Spirodela polyrhiza* L. зарубежные исследователи предлагают использовать в качестве фиторемедиатора [20].

Методы исследования. Методологической базой для проведения экспедиционных работ послужил сравнительно-географический метод. В местах разрезов, заложенных в системе ландшафтно-геохимических профилей, делали растительные укусы и отбирали дикорастущие лекарственные виды растений. Образцы высушивали в тени до воздушно-сухого состояния и измельчали.

Для определения доступных растениям форм мышьяка мы использовали кислотную вытяжку (0,2н HCl при отношении почва: раствор – 1:10), по методу Кирсанова [21], чтобы смоделировать процесс поглощения микроэлемента корнями растений, которое в природе происходит как из почвенного раствора, так и за счет синтеза корнями растений кислых растворяющих реагентов (пектиновых, угольных, уксусных кислот) при контактом обмене между корневым волоском и твердой частицей почвы [22].

Содержание мышьяка в растениях, а также кислотных вытяжках, воде, определяли методом атомной абсорбции на спектрофотометре Perkin-Elmer 3030 Zeeman HGA-60, с электротермической атомизацией. Общее содержание мышьяка в почвах определяли количественным плазменно-спектральным методом.

Обсуждение результатов. По результатам наших предыдущих исследований, уровень содержания валового мышьяка в педосфере Алтая (0,4 – 77 мг/кг) [1] не выходит из диапазона концентраций для незагрязненных почв мира <1 – 95 [6, 10], но среднее значение 17 мг/кг существенно превышает содержание в почвах европейской части страны – 3,6 мг/кг [23], и российские ОДК: 2 – 10 мг/кг [24].

Среднее содержание подвижных форм мышьяка в педосфере Алтая составляет $0,45 \pm 0,04$ мг/кг, варьируя в пределах от 0,10 до 1,03. Распределение значений (по критерию Фишера) не отклоняется существенно от нормального закона. По сравнению с почвами других регионов, содержание доступных растениям форм мышьяка в почвах Алтая довольно высокое. На долю подвижных форм для 70% всех исследованных образцов почв Алтая приходится менее 3% от общего содержания эле-

мента, что не превышает аналогичные показатели для других территорий [21].

Водорастворимые формы мышьяка были обнаружены нами только в образцах почв с очень высокими валовыми концентрациями элемента: на месте бывшей дислокации военной части, в пределах ореолов рассеяния полиметаллических месторождений.

Установлено, что степень интенсивности вовлечения мышьяка в биологический круговорот не определяется его общим содержанием в педосфере, поскольку доля доступных растений форм мышьяка от его валового содержания в почвах Алтая обратно пропорциональна общему содержанию элемента, коэффициент корреляции составляет – 0,5. Кроме того, между коэффициентом поглощения мышьяка растениями и его валовым содержанием в почве обнаружена слабая отрицательная связь (-0,3).

По результатам исследования, содержание мышьяка в лекарственных растениях Алтая варьирует в широком диапазоне: от <0,07 до 0,78 мг/кг, среднее содержание составляет 0,16±0,06 мг/кг. Более 60% образцов содер-

жат мышьяка менее 0,07 мг/кг сухой массы. В таблице 1 приведены 13 видов лекарственных растений Алтая, содержание мышьяка в которых выше 0,1 мг/кг сухой массы.

В пересчете на золу содержание мышьяка в лекарственных растениях Алтая составляет в среднем 2,74±1,2 мг/кг. КБП (соотношение количества элемента в золе растения с его содержанием в почве) в среднем равен 0,41±0,11. Оценка интенсивности вовлечения мышьяка в биологический круговорот травянистой растительностью Алтая совпадает с оценкой А.И. Перельмана (1979), по которому мышьяк является элементом среднего накопления с КБП = 0,н [25]. Относительно интенсивным поглощением мышьяка из почвы характеризуются среди высших растений: панzeria шерстистая (КПБ = 3,5), курильский чай (КПБ = 1,4). Биогенные процессы играют существенную роль в процессах перераспределения мышьяка в профиле горно-лесных бурых супесчаных почв на флювиогляциальных отложениях (бассейн р. Башкаус) (табл. 2).

Таблица 1

Содержание мышьяка в некоторых лекарственных растениях Алтая и верхних горизонтах соответствующих разрезов почв (мг/кг сухой массы)

Вид растения	As		КБП
	в сухой массе	в золе	
Северный Алтай, чернозем выщелоченный суглинистый, (As 7,7 – 9,9 мг/кг)			
Raeonacea (корни)	0,129	2,2	0,2
Rhaponticum cartamoides	0,259	-	-
Potentilla fruticosa	0,625	12,3	1,4
Phlomis tuberosa	0,163	3,1	0,3
Peucedanum Morisonii	0,148	10,6	1,3
Mentha sp.	0,196	1,5	0,2
Северо-Восточный Алтай, горно-лесная бурая, (As 6,4 – 8,3 мг/кг)			
Euphorbia sibirica	0,152	1,9	0,2
Urtica dioica	0,163	1,2	0,1
Plantago media	0,276	2	0,4
Cladonia sp. (ягель)	0,362	9,8	1,6
Юго-Восточный Алтай, горно-тундровая, каштановидная (As 4,5; 9,7 мг/кг)			
Panzeria lanata	0,78	15,6	3,5
Rheum sp.	1,2	5,5	0,4

Таблица 2

Мышьяк в системе почва – растения Алтая (содержание, мг/кг, и индекс аккумуляции)

№ разреза, тип (подтип)	Почва		Растительность		Ia
	As, мг/кг,	$\frac{A_0(A_n)}{C}$	Тип, ассоциация нижнего яруса	As, мг/кг	
1	2	3	4	5	6
13-99 горно-лесная бурая суглинистая	27	0,47	Парковый кедровый лес, злаково-разнотравная	0,14	0,005
	22	0,20			
22-99 горно-лесная бурая супесчаная	11	0,45	Кедрово-лиственничный лес, злаково-разнотравная	0,37	0,034
	7,5	0,14			
14-99 горно-лесная черно-земовидная	17	0,57	Парковый лиственничный лес, злаково-осоково-разнотравная	0,23	0,014
	20	0,53			
62-00 горно-лесная черноземо-видная над месторождением	34	0,58	Разреженный лиственничный лес, разнотравно-злаковая	0,12	0,004
	49	0,46			
49-00 чернозем обыкновенный слабо-выщелоченный	19	0,59	Разнотравно-бобово-злаковая лугово-степь	0,24	0,013
	11	0,40			

1	2	3	4	5	6
16-99 чернозем южный	<u>21</u> 10	<u>0,62</u> 0,27	Полынно-караганниково-осочковая степь	0,08	0,004
32-01 горно-тундровая торфянистая	<u>4,0</u> 5,8	<u>0,66</u> 0,44	Разнотравно-осоково-злаковый ерник, злаково-разнотравная	0,09	0,023
33-01 горно-лугово-степная	<u>4,2</u> 4,9	<u>0,62</u> 0,33	Тундро-лугово-степь (остепненный луг)	0,22	0,052

Здесь в почвах обнаруживается довольно высокое процентное (1,8 – 4,7%) содержание подвижных форм, и наибольшее содержание мышьяка – 0,37 мг/кг в укосе пышного травостоя, выросшего под пологом кедрово-лиственничного леса. Очевидно, за счет перекачивания корнями травянистых растений, элемент накапливается в верхних почвенных горизонтах ($K_{эа}=1,5$). Заметим, что хвойные подстилки песчаных ленточных боров предальтайской равнины накапливают до 34 мг/кг мышьяка при также очень невысоком валовом его содержании в почвенной толще – 0,4-4,5 мг/кг [26]. Решающим фактором в процессе формирования аккумулятивного распределения мышьяка в почвах степного почвообразования, напротив, является, скорее всего, не биогенные процессы, а испарительное концентрирование. Хотя элемент накапливается в верхнем почвенном горизонте черноземов обыкновенных и южных, в укосе степной растительности его содержание минимальное $>0,08$ мг/кг (см. табл. 2). В растительных укосах сеяных трав (эспарцет, пырей), выращенных на черноземах обыкновенных, содержание мышьяка также оказалось ниже предела обнаружения – $>0,08$ мг/кг сухой массы.

Содержание мышьяка в травянистой растительности горно-лесной черноземовидной почвы, сформированной в условиях напряженного литохимического фона (недалеко от месторождения, разрез 62-00 табл. 2), оказалось очень невысоким – 0,12 мг/кг, значение индекса аккумуляции (отношение содержания элемента в сухой массе растения к его содержанию в почве [6]) минимальное. Хотя концентрация валового мышьяка в почве здесь достигает 77 мг/кг, содержание его подвижных форм невысокое, и чрезмерного поступления мышьяка в растительные организмы не наблюдается.

В предварительных исследованиях мы рассматривали содержание мышьяка в основных компонентах ландшафтов – почвах, водах, растениях различных физико-географических районов Алтая. Оказалось, что в Юго-Восточном Алтае обнаруживаются повышенные концентрации (0,33-0,83 мг/кг) подвижных форм мышьяка в почвах и высокое их процентное содержание (3,4 – 20,7%) от валового, а также высокие концентрации элемента в поверхностных (2,0; 3,0 мкг/л) и подземных (1,4 – 7,3 мкг/л) водах района. Поэтому выявление макси-

мального содержания (0,78 мг/кг сухой массы) и высшего коэффициента биологического поглощения мышьяка ($K_{БП}=3,5$) в *Panzeria lanata* (панцерии шерстистой), произрастающей в этом районе (табл. 1), а также наивысших индексов аккумуляции в растительных укосах вполне закономерно.

Понятно, что в обстановке дефицитного увлажнения перемещение мышьяка – водного мигранта – в пределах почвенных профилей или геохимически сопряженных ландшафтов Юго-Восточного Алтая весьма затруднительно. Тем не менее, в периоды сезонного увлажнения, потенциально подвижные формы этого элемента, очевидно, активно вовлекаются в биологический круговорот.

Выводы:

1. Несмотря на повышенное содержание мышьяка в почвах Алтая, уровень концентрации мышьяка в растениях находится в пределах мировых фоновых значений. Заготавливаемое на Алтае растительное лекарственное сырье можно отнести к категории экологически чистого.

2. Наиболее высоким содержанием микроэлемента отличаются: *Panzeria lanata*, *Potentilla fruticosa*, *Urtica dioica*, *Rhaponticum cartamoides*, *Plantago media*.

3. Оценки интенсивности вовлечения мышьяка в биологический круговорот травянистой растительностью Алтая совпадают с оценками А.И. Перельмана, который определил мышьяк, как элемент среднего накопления с $K_{БП}=0,п$.

4. Содержание доступных растениям форм мышьяка в почвах Алтая сравнительно высокое, однако их доля от общего количества элемента в почве и форм, доступных растениям, не превышает аналогичные показатели для других территорий.

5. В почвах с естественно высоким валовым содержанием мышьяка не наблюдается увеличения интенсивности вовлечения элемента в биологический круговорот.

6. Горно-тундрово-степные ландшафты Юго-Восточного Алтая в периоды сезонного увлажнения характеризуются благоприятными условиями для вовлечения мышьяка в биологический круговорот.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 06-08-00438а.

Библиографический список

1. Бабошкина, С.В. Биогеохимическое поведение мышьяка в почвах Алтая / С.В. Бабошкина, А.В. Пузанов, М.А. Мальгин // Ползуновский вестник. – 2004. – №2. – С. 182-189.
2. Ильин, В.Б. Мышьяк в почвах Западной Сибири в связи с региональным мониторингом окружающей среды / В.Б. Ильин, Г.А. Конобаева // Почвоведение. – 1995. – № 5. – С. 634-638.
3. Карпова, Е.А. Поглощение мышьяка почвами и минералами / Е.А. Карпова, Г.В. Мотузова, Н.Г. Зырин // Тр. ин-та эксперим. метеорол. Госкомиздата. – 1987. – С. 48-56.
4. Аптикаев, Р.С. Соединения мышьяка в почвах природных и антропогенных ландшафтов: Автореф. дис. ... канд. биол. наук. – М.: МГУ, 1986. – 24 с.
5. Гамаюрова В.С. Мышьяк в экологии и биологии / В.С. Гамаюрова. – М.: Наука, 1993. – 208 с.
6. Kabata-Pendias, A. Ecological consequences of As, Cd, Hg and Pb enrichment in European soil // Global Perspectives on Lead, Mercury and Cadmium Cycling. – SCOPE: Published by Wiley Eastern Ltd., 1994. – P. 117-129.
7. Эмсли, Дж. Элементы / Дж. Эмсли. – М.: Наука, 1988. – С. 127-128.
8. Pongratz, R. Arsenic specification in environmental samples of contaminated soils / R. Pongratz // The Science of the Total Environment. – 1998. – № 11. – P. 131.
9. Arsenic in wetland vegetation: availability, phytotoxicity and effects on plant growth and nutrition / R.D. Delaune, A.A. Carbonell, M.A. Aarabi, R.P. Gambrell // The Science of the Total Environment. – 1998. – T. 217, № 3. – P. 189-199.

10. Кабата-Пендиас, А. Микроэлементы в почвах и растениях / А. Кабата-Пендиас, Х. Пендиас. – М.: Мир, 1989. – 439 с.
11. Straighthead disease of rice (*Oryza sativa* L.) induced by arsenic toxicity / M. R. Azizur, H. Hasegawa, M.M. Rahman [et al.] // *Environmental and Experimental Botany*. – 2008. – V. 62. – P. 54-59.
12. Barcelo, J. Arsenic and heavy metal contamination of soil and vegetation around a copper mine innorthern Peru / J. Barcelo, J. Bech, C. Poschenrieder // *The Science of the Total Environment*. – 1997. – № 29. – P. 88-91.
13. Иванов, В.В. Экологическая геохимия элементов: Справочник. В 6 кн. / Под ред. Э. К. Буренкова. – М.: Недра, 1996.
14. Gough, L.P Biogeochemistry of Arsenic and Cadmium, Fortymile River Watershed, East-Central Alaska / J.G. Crock, W.C. Day, J. Vohden // *Geologic Studies in Alaska by the U.S. Geological Survey*. – 1999. – P. 48-62.
15. Manninen, K.G. Specification of mobile arsenic in soil samples as a function of pH / K.G. Manninen, M. Pansar-Kallio // *The Science of the Total Environment*. – 1997. – 206. – P. 190-200.
16. Smith, E. Chemistry of arsenic in soils. Sorption of arsenate and arsenite by four Australian soils / E. Smith, R. Naidu, A.M. Alstom // *Soil Environ. Qual.* – 1999. – №6. – P. 1797-1726.
17. Айвазян, А.Д. Геохимия степных ландшафтов / А.Д. Айвазян, Н.С. Касимов // *Вестник Моск. Университета. Сер. География*. – 1979. – № 3. – С. 117-126.
18. Shacklette, H.T. Toxicity of heavy metals in the environment / H.T. Shacklette, J.A. Erdman, Th.F. Harms. – N.Y.: Dekker, 1978. – P. 1. – P. 25-68.
19. Goessler, W. Arsenic species in an arsenic gyperaccumulation fern, pityrogramma calomelanos / W. Goessler, K. Francesconi // *The Science of the Total Environment*. – 2002. – V. 284. – № 1-3. – P. 27-35.
20. Arsenic accumulation in duckweed (*Spirodela polyrhiza* L.): A good option for phytoremediation / M.A. Rahman, H. Hasegawa, U. Kazumasa [et al.] // *Chemosphere*. – 2007. – V. 69. – P. 493-499.
21. Карпова, Е.А. Мышьак в почвах Сихоте-алинского биосферного заповедника: Автореф. дис.... канд. биол. Наук / Е.А. Карпова. – М.: МГУ, 1986. – 24 с.
22. Вильямс, В.Р. Почвоведение / В.Р. Вильямс. – М.: Сельхозгиз, 1946. – 456 с.
23. Виноградов, А.П. Геохимия редких и рассеянных химических элементов в почвах / А.П. Виноградов. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 234 с.
24. Ориентировочно допустимые концентрации тяжелых металлов и мышьяка в почвах. Гигиенические нормативы 2.1.7.020-94. – М.: Госкомсанэпиднадзор России, 1995. – 6 с.
25. Перельман, А.И. Геохимия ландшафта / А.И. Перельман. – М.: Высш. школа, 1975. – 342 с.
26. Мальгин, М.А. Мышьак в почвах юга Западной Сибири / М.А. Мальгин., А.В. Пузанов // *Сиб. экол. журн.* – 1996. – № 2. – С. 99-210.

Материал поступил в редакцию 03.12.07.

УДК 631.438

И.А. Архипов, А.В. Пузанов

АКТАШКОЕ РТУТНОЕ МЕСТОРОЖДЕНИЕ (ЮГО-ВОСТОЧНЫЙ АЛТАЙ) КАК ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ ИСТОЧНИК ПОСТУПЛЕНИЯ РТУТИ В ОБЪЕКТЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ

Изучен уровень содержания ртути в горнопромышленных ландшафтах юго-восточного Алтая. Произведен сравнительный анализ содержания исследуемого элемента в объектах окружающей природной среды. Установлено, что отвалы руды являются основными носителями загрязняющих веществ, в связи с чем основные природоохранные мероприятия должны быть направлены на снижение их эмиссии в окружающую среду.

Возрастающие масштабы антропогенной деятельности обуславливают необходимость учета и прогнозирования изменений в окружающей среде, оценки возможностей сбалансированного развития экосистем, и почва, в значительной мере определяет ресурсный потенциал биосферы. Сегодня последствия ухудшения состояния почв уже выражаются в целом ряде региональных и местных экологических проблем, связанных с состоянием атмосферы, гидросферы, биоразнообразия и здоровья людей.

Акташское горнометаллургическое предприятие (АГМП) в период 1942–1990 гг. отрабатывало одноименное ртутное месторождение, из руд которого было получено 3700 т. металла. В конце 80-х годов, в связи с погашением его запасов, предприятие перешло на переработку ртутьсодержащих отходов, поступающих от предприятий сибирских и уральских регионов. Акташское месторождение и АГМП находятся вне населенной местности на территории Улаганского района Республики Алтай, на юго-западном макросклоне Курайского хребта. Промышленная зона расположена на высотах 2150–2200 м в верховье р. Ярлыамры (левый приток р. Чибитка, бассейн р. Чуя), в 10 км восточнее пос. Акташ (рис. 1). Основным фактором влияния АГМП на

экологическое состояние объектов окружающей среды является воздействие отвалов некондиционных руд и пустых пород (5 млн. т.), содержащих высокие концентрации комплекса тяжелых металлов 1–3 классов токсичности (Hg, As, Sb, Zn, Cu и др.).

ЦЕЛЬ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЙ

ЦЕЛЬ – оценить эколого-биогеохимическую обстановку в районе ртутьдобывающего и ртутьперерабатывающего производства.

ЗАДАЧИ:

– проведение наблюдений с определенным пространственно-временным разрешением за концентрациями экотоксикантов в объектах окружающей среды на площади влияния АГМП;

– прогнозная оценка экологического состояния природной среды, выявление тенденций ее изменения, разработка рекомендаций по снижению загрязнения объектов окружающей среды;

ОБЪЕКТЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Объектами мониторинга в районе исследований были: поверхностные воды, почвы, техноземы и растения.

Пробы природных и техногенных вод отбирали в полиэтиленовую посуду.

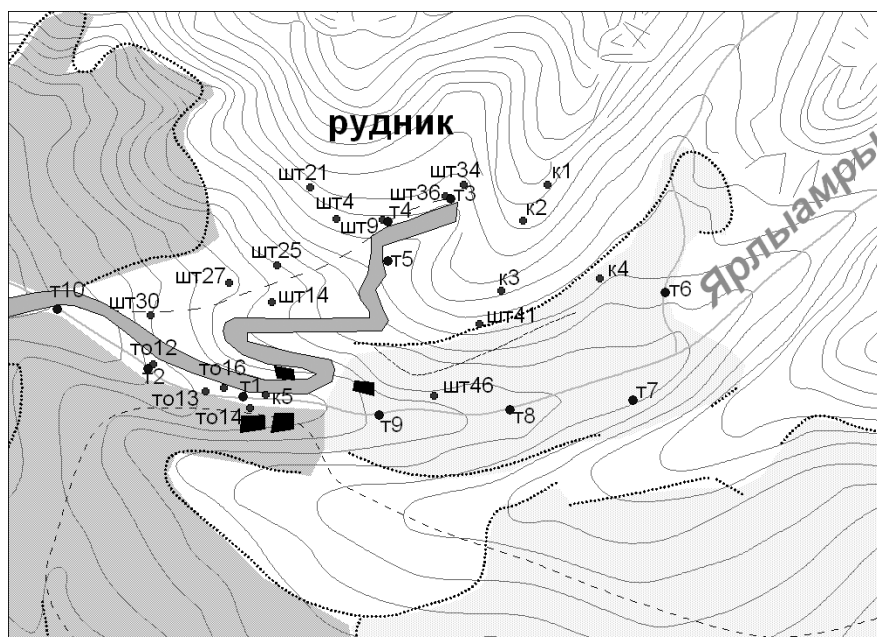

Рис. 1. Схема отбора проб на территории Акташского месторождения

Содержание растворённой формы ртути в пробах воды определяли в соответствии с методом EPA 1631 на ртутном анализаторе АГП (с предварительным окислением проб BrCl). Микроэлементы в водах определяли на атомно-адсорбционном анализаторе Solaar-6 в Аналитическом Центре ИВЭП СО РАН.

Изучение почвенного покрова было проведено на 19 точках. Техноземы отобраны в штольнях, почвы – на условно фоновых участках, расположенных вблизи штолен, а так же выше и ниже рудного поля. В районе месторождения была заложена катена (точки К1 – К5), включающая 5 полнопрофильных почвенных разрезов (от примитивных горно-тундровых до горно-лесных и каштановых почв), располагающихся в 4 высотных поясах – горно-тундровом, горно-луговом субальпийском, горно-лесном и сухо-степном. Катена заложена на однородной геологической основе, высшая точка взята на высоте 2700 м., низшая – в приустьевой части р. Ярлыамры.

Пробы почв отбирали из полнопрофильных разрезов по генетическим горизонтам (К1 – К5) (см. рис.1) либо в виде шурфов сечением 10X10 см с глубиной 0–10 см (ШТ. и ТО). Неглубокие шурфы (0-10 см) закладывали непосредственно в штольнях (шт. 4, шт. 9), вблизи объектов инфраструктуры завода (ТО 12–16), и на условно-фоновых участках, не затронутых разработками (ШТ. 14–46). В дальнейшем пробы почв высушивали до воздушно-сухого состояния, измельчали и просеивали через сито с диаметром 1 мм. Пробы почв на содержание ртути проанализированы в ОИГТ СО РАН (г. Новосибирск) и Аналитическом Центре Алт. ГУ.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Поверхностные воды. Экологическое состояние поверхностных вод, представленных в районе исследований основными транзитными водотоками – реками Ярлыамры, Чибитка и их правыми притоками, изучали в 10 створах (табл. 1).

Таблица 1

Ртуть поверхностных водах Акташского рудника

Точка отбора	Нг Раств. формы (мкг/дм ³)	Нг Взвеш. формы (мкг/дм ³)	Нг Общее содержание (мкг/дм ³)	Нг Раств. формы (мкг/дм ³)
	Весенний период 2007 г			Лето 2007 г.
1	2	3	4	5
Т 1	0,09	0,33	0,42	0,046
Т 2	0,30	0,75	1,05	0,377
Т 3	0,02	0,05	0,07	-
Т 4	1,06	1,28	2,34	-
Т 5	0,32	0,18	0,50	-
Т 6	0,05	0,03	0,08	0,006
Т 7	0,27	0,23	0,50	-
Т 8	0,01	0,04	0,05	-
Т 9	0,23	0,02	0,25	-
Т 10	0,61	0,27	0,88	0,354
Т. 11 (р. Чибитка)	0,02	0,04	0,06	0,05

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5
Т. 12 (р. Катунь)	0,01	0,04	0,05	0,01
Предел обнаружения	0,002			
ПДК рыбохоз/ водоемов	0,01			

Данные таблицы 1 хорошо иллюстрируют значительное превышение ПДК в точках отбора, расположенных в местах расположения терриконов и отвалов. Вышеизложенное позволяет считать промзону АГМП главным фактором воздействия на состояние природных поверхностных вод района.

Этот вывод находит свое подтверждение в распределении концентраций основных экотоксикантов в транзитной р. Ярлыамры и техногенных штольневых водах. Из 10 проанализированных водных образцов заметно повышенное содержание ртути характерно для штольневых вод (табл. 2).

Таблица 2

Микроэлементы в воде р. Ярлыамры и штольневых водах района месторождения (летний период 2006 г.)

Место отбора проб	As мкг/л	Cd мкг/л	Cr мкг/л	Co мкг/л	Cu мкг/л	Ni мкг/л	Pb мкг/л	Zn мкг/л	Hg мкг/л
р. Ярлыамры, 1 км ниже АГМП (Т 2)	0,0011	0,00001	0,0002	0,0001	0,0055	0,0344	0,0006	0,022	0,045
АГМП (Т 1)	0,009	0,00001	0,0061	0,0001	0,0050	0,0646	0,0001	0,020	0,077
р. Ярлыамры, 1 км выше АГМП (Т 9)	0,0016	0,00001	0,0012	0,0003	0,0037	0,1389	0,0006	0,040	0,035
Штольня 11	0,002	0,00002	0,0027	0,0019	0,0092	0,2178	0,0002	0,054	0,387
Штольня 14	0,0045	0,00001	0,0007	0,0001	0,0070	0,0224	0,0003	0,022	0,279
Ручей (Т 3)	0,0005	0,00001	0,0011	0,0001	0,0034	0,0241	0,0001	0,027	0,011
Штольня 6	0,0016	0,00004	0,0013	0,0006	0,0044	0,0278	0,0001	0,014	0,105
Штольня 10	0,0022	0,00001	0,0010	0,0002	0,0034	0,0134	0,0017	0,005	0,226
Штольня 25	0,0205	0,00010	0,0013	0,0009	0,0048	0,0319	0,0001	0,022	0,012
Ручей (т. 4)	0,0012	0,00028	0,0009	0,0001	0,0110	0,0192	0,0001	0,035	0,023
Р. Катунь (с. Иня) Т.12	0,0007	0,00009	0,0005	0,0021	0,0047	0,0360	0,0002	0,011	0,019

Донные отложения являются индикатором экологического состояния поверхностных вод. Были опробованы донные осадки транзитных рек района исследований – Ярлыамры (3 пробы) и Чибитка (2 пробы).

Выявлен умеренно повышенный уровень концентрации химических элементов в донных осадках изученных водотоков и относительно небольшая вариабельность их концентраций (табл. 3).

Таблица 3

Концентрации микроэлементов в донных отложениях района АГМП

	Cr мг/кг	Ni мг/кг	Co мг/кг	Cu мг/кг	Zn мг/кг	Pb мг/кг	Cd мг/кг	As мг/кг	Hg мг/кг
1	77	50	20	37	60	20	4,7	-	51,8
2с	160	72	30	104	106	24	20	100	371
2м	200	100	30	200	150	30	20	100	683
Фон	52	32	18	43	127	26	-	-	0,03
Кс	3,1	2,2	1,7	2,4	0,8	0,9	-	-	12367

1-(по 1); 2с – среднее; 2м – максимальное

Среднее содержание большинства микроэлементов в изученных пробах донных отложений в 1,2 – 3,2 раз превышают их фоновые концентрации и ПДК почв.

Почвенный покров в верховье р. Ярлыамры представлен горно-тундровыми скелетными почвами, ниже сменяется горно-луговыми и на отметках менее 2000 м – каштановыми почвами. В лесном поясе преобладают горно-лесные черноземовидные и горно-лесные бурые карбонатные почвы, образующие мозаичное строение почвенного покрова. В таблице 4 представлены данные

по содержанию валовых форм ртути в почвах, технозомах и растениях района исследований.

Исходя из данных таблицы 4 можно сделать вывод, что значительное превышение ПДК почв (2,1 мг/кг) характерно лишь для некоторых почвенных проб, отобранных в местах хранения и несанкционированного сброса ртутьсодержащих отходов, при том, что в целом по территории месторождения значительных колебаний концентрации ртути или отклонений от местного фона, характерного для рудных месторождений нет.

Концентрации ртути в почвах и растениях рудника

Точка отбора	Hg Почва мг/кг	Hg Растения мг/кг	Точка отбора мг/кг	Hg Почва мг/кг	Hg Растения мг/кг	Точка отбора мг/кг	Hg Почва мг/кг	Hg Растения мг/кг
К-1	1	0,195	К-5	7,2	0,100	ШТ-4	9,1	0,160
К-1	1,4		К-5	61		ШТ-4	10	
К-2	0,8	0,152	К-5	0,48		ШТ-4	0,75	
К-2	7,2		К-5	13	ШТ-9	212	5,422	
К-2	0,69		ТО-12	11	0,279	ШТ-9	330	
К-3	3,8	0,484	ТО-13	88	0,115	ШТ-14	15	0,092
К-3	1,3		ТО-13	91		ШТ-30	62	0,139
К-3	2,2		ТО-13	22		ШТ-36	4,5	0,116
К-4	2,7	0,035	ТО-14	44	0,086	ШТ-21	0,57	0,050
К-4	1		ТО-16	43	0,094	ШТ-27	9,1	
ШТ-25	2,6	0,044	ШТ 34	1,2	0,130	ШТ-41	1,5	0,042

Растительность. Было проведено изучение концентраций химических элементов в растениях на 18 площадках, расположенных в долинах рек Ярлыамры и прилегающих склонах.

Основным методическим подходом к интерпретации полученных результатов, направленным на выявление потенциального воздействия промзоны, явилось сравнение концентраций ТМ в растениях с их местным фоном. Кроме того, для этих территорий предварительно были изучены особенности накопления ассоциации специфических элементов руд и утилизируемых ртутьсодержащих отходов в растениях (табл. 5).

Таблица 5

Среднее содержание микроэлементов в растениях района АГМП [2]

№	Ni, мг/кг	Co мг/кг	Cu мг/кг	Zn мг/кг	Pb мг/кг	Cd мг/кг	As мг/кг
1	10	<2	40	80	6	<20	<100
2	17	<1	43	85	13	<2	<100
3	30	2	100	150	40	<20	<100
Кс	1,7	-	1,1	1,1	2,2	-	-

В результате обнаружено, что в исследованных образцах растений концентрации химических элементов варьируют незначительно и слабо превышают местный фон. Значительные превышения ПДК в растениях характерны только для ртути (см. табл. 4).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате исследований установлено в целом экологически напряженное состояние изученных природных сред в районе промзоны АГМП.

В частности, отмечается высокий уровень содержания ртути в почвах, растительности и донных отложениях

района исследований. Воздействие на поверхностные воды района носит слабоинтенсивный характер.

Установлено, что отвальные руды являются основными носителями загрязняющих веществ, в связи с чем основные природоохранные мероприятия должны быть направлены на снижение их эмиссии в окружающую среду.

Работа выполнена при поддержке грантов РГНФ № 07-06-18019е, РФФИ № 06-08 00438а.

Библиографический список

1. Кац, В.Е. Эколого-геохимическое состояние компонентов окружающей среды в районе Акташского горнометаллургического предприятия и поселка Акташ / В.Е. Кац // Бюллетень "Природные ресурсы Горного Алтая". – 2004. – Вып. 2. – С. 69-75.
2. Робертус, Ю.В. Результаты работ по мониторингу окружающей среды в районе промзоны АГМП и пос. Акташ / Ю.В. Робертус. – Горно-Алтайск: ОФ АРИ "Экология", 2005.

Материал поступил в редакцию 03.12.07.

УДК 631.4

*Д.Н. Балыкин, А.В. Пузанов***МАРГАНЕЦ, МЕДЬ, МОЛИБДЕН И БОР В ПОЧВАХ СРЕДНЕГОРНЫХ КОТЛОВИН АЛТАЯ**

Проведен сравнительный анализ содержания марганца, меди, молибдена и бора в почвах среднегорных котловин Алтай. Выявлены основные закономерности поведения микроэлементов в почвах. Установлено влияние основных физико-химических свойств почв на характер поведения микроэлементов в почвах среднегорных котловин Алтай.

Межгорные котловины являются характерным элементом рельефа Горного Алтая. К числу наиболее крупных котловин Центрального Алтая относятся Канская, Уймонская и Абайская.

Канская котловина является одной из крупных на Алтае. Она расположена в бассейне верхнего течения р. Чарыш. Отроги Башчакского и Ануйского хребта являются горным окаймлением на северо-западе и северо-востоке котловины. С юга, юго-востока и юго-запада котловину опоясывают отроги Теректинского, Семиногого и Коргонского хребтов [1].

Второй по величине из рассматриваемых котловин является Уймонская. Горным окаймлением котловины служат два крупных хребта Теректинский и Катунский, ограничивающие котловину, соответственно, с севера и юга. Река Катунь разделяет котловину на две неравные части: левобережную – более обширную и правобережную, которая выражена в виде бухтообразного расширения.

Абайская котловина находится к западу от Уймонской, занимая пониженную слабо всхолмленную местность, прилегающую к Абайскому заболоченному массиву и долине р. Абай. На юге Абайская степь выходит в долину р. Кокса, на севере постепенно выклинивается при подъеме на Кырлыкский перевал.

В сельскохозяйственном отношении межгорные котловины являются наиболее освоенными районами Алтая.

Микроэлементы необходимы растениям в относительно малых количествах. Их недостаток в почвах, как и избыток, приводит к снижению урожайности культурных растений, ухудшению качества сельскохозяйственной продукции, а в некоторых случаях является причиной эндемических заболеваний.

Марганец, медь, молибден и бор учувствуют в важнейших жизненных процессах как растительных, так и животных организмов, что определяет повышенный интерес к исследованию биогеохимии этих элементов.

Цель исследования: Выявить закономерности поведения марганца, меди, молибдена и бора в основных типах почв среднегорных котловин: Канской, Уймонской и Абайской (Центральный Алтай).

Задачи исследования:

Оценить валовое содержание микроэлементов в основных типах почв котловин

Определить основные физико-химические свойства почв и их участие в поведении исследуемых микроэлементов.

Выявить характер внутрипрофильного распределения марганца, меди, молибдена и бора в основных типах почв среднегорных котловин: Канской, Уймонской и Абайской (Центральный Алтай).

Объекты и методы исследования

Объектами исследования являются основные типы почв среднегорных котловин Алтай.

Основными типами почв Канской котловины являются черноземы и луговые почвы. Из черноземов наиболее распространены черноземы обыкновенные и южные. Профиль черноземов состоит из системы генетических горизонтов: A_0 – A_d (Апах)– A – AB – B – BC – C (CD).

Ниже приводятся морфологические признаки черноземов обыкновенных Канской котловины:

Чернозем обыкновенный среднеческий на щебнистом окарбончатом элювио-делювии (окрестности Янокура).

A_0 (0–1 см) степной войлок.

A_d^k (1–11 см) серый с легкой буроватостью, рыхлый, тонкосупесчаный (легкосуглинистый), непрочно мелкокомковатый, включения мелкого щебня.

A^k (11–27 см) темнее предыдущего, свежит, более плотный, комковатый, легкосуглинистый. Червороины, мелкий щебень, на котором с нижней стороны карбонатные корочки.

AB^k (27–47 см) серо-бурый, легкосуглинистый, комковатый, плотнее предыдущего. Корни растений, псевдомицелий.

B^k (47–63 см) палево-бурый, рыхлый, свежий, легкосуглинистый, обилие мелкой гальки и щебня, псевдомицелий.

BC^k (63–83 см) палево-бурый, легкосуглинистый, бесструктурный, сырой. Обилие псевдомицелия (максимальное скопление карбонатов), сильно защебнен, щебень среднего размера с карбонатными корочками.

C^k (83–95 см) светло-палевоый, влажный, лепится, бесструктурный, окарбончатый.

Профиль луговых почв состоит из следующих горизонтов: A_0 – A_d – Ag – ABg – S

Морфологические признаки луговых почв Канской котловины следующие:

Почва луговая суглинистая среднеческая на песчано-галечниковых аллювиальных отложениях (примерно в 1 км от Янокура в направлении на Усть-Кан).

A_0 (0–2 см) слаборазложившиеся остатки травяных растений.

A_d (2–12 см) бурый, влажный, суглинистый, довольно плотный, творожистый, переход заметный по включениям и отслаиванию.

A_g (12–27 см) темнее предыдущего, неоднородно окрашен. Крупно комковато-творожистый, влажный, защебнен, граница неровная. Переход заметен по окраске.

AB_g (21–27)–55 с серо-голубым оттенком, влажный, непрочно комковатый, переход заметный по механическому составу.

S_{1g} (55–75 см) светло-серый, супесчаный. Сплошной песок и галька.

S_g (75–85 см) серый с палевым.

Основу почвенного покрова Абайской и Уймонской котловин составляют черноземы обыкновенные, морфологически они близки к чернознам Канской котловины.

Почвообразующими породами в среднегорных котловинах являются маломощные, скелетные, часто карбонатные покровные суглинки делювиального, пролювиального и аллювиального происхождения [2, 3].

Основные физико-химические свойства исследуемых почв приведены в таблицах 1–3.

При выполнении полевых исследований выбран приемлемый для горных стран метод трансектов – профиль,

закладываемый поперёк долин (межгорных котловин), с выходом на водоразделы противоположащих хребтов. Он позволяет более полно охарактеризовать компоненты ландшафта на определенной территории.

Основу трансекта составляли ключевые полнопрофильные разрезы, приуроченные к главным элементам рельефа.

Валовое содержание марганца, меди, молибдена и бора определяли методом количественного плазменно-спектрального анализа (аргоновый двухструйный плазмотрон, система регистрации – спектрограф ДФС 8) в ИПА СО РАН

Предметом исследования в почвах являются микроэлементы: марганец, медь, бор и молибден.

Биологическая роль марганца. В растениях он влияет на фотосинтез, дыхание, ассимиляцию азота, у животных – на рост скелета, размножение. Известны болезни растений и животных, связанные с дефицитом и избытком Mn в ландшафтах [4].

В растениях симптомы марганцевой недостаточности наступают при концентрации 20–30 мг/кг сух. в-ва. Они проявляются в первую очередь у молодых листьев в виде межжиллового хлороза (пятна вытянутой формы).

Избыток марганца наступает при концентрации в сухой фитомассе свыше 200–500 мг/кг и проявляется в виде бурых пятен на листьях.

Количество микроэлемента в рационе питания человека должно составлять не менее 2–3 и не более 10 мг/сут в кормах животных – 1000 мг/кг сух. в-ва. [5]

Биологическая роль меди. Медь играет важную роль во многих физиологических процессах в живых организмах. В растениях – это фотосинтез, синтез гемоглобина, дыхание, распределение углеводов, восстановление и фиксацию азота.

У животных Cu участвует в кроветворении, входит в состав ферментов. Кровь моллюсков, пауков, раков и некоторых других беспозвоночных голубая, ее красящий пигмент гемоцианин содержит Cu [5].

Дефицит элемента обнаруживается в сельскохозяйственных растениях, когда его содержание в растительной массе опускается до 3–5 мг/кг сух. в-ва.

Признаки дефицита – замедление, прекращение формирования репродуктивных органов, снижение устойчивости растений к неблагоприятным факторам внешней среды.

У животных и человека дефицит меди (гипокупероз) приводит к анемии, снижению интенсивности роста, потере живой массы, при острой нехватке (менее 2–3 мг/сут).

Для нормального функционирования организма человека нужно 1–3 мг/сут [4].

Биологическая роль бора. Основные биохимические функции бора в растениях связаны с метаболизмом углеводов и переносом сахаров через мембраны, синтезом нуклеиновых кислот (ДНК и РНК) и фитогормонов [5].

Дефицит бора у растений проявляется на бедных этим микроэлементом почвах, при концентрации 0,1–0,7 мг/кг водорастворимой формы. Наиболее чувствительны к недостатку бора сахарная и кормовая свекла, подсолнечник, бобовые, томаты, сельдерей и яблоны.

Физиологическая роль бора в животных организмах заключается в регуляции обмена кальция, магния, фосфора и фтора.

При борном токсикозе листья растений становятся темно-зелеными и вялыми, ростовые точки темнеют и загнивают [6].

Употребление пищи и воды с избыточным содержа-

нием бора вызывает у животных и человека борозы, проявляющиеся в форме различных заболеваний и нарушений функций организма. Всемирная организация здравоохранения считает верхним пределом суточного потребления бора в организм человека 4 мг.

Биологическая роль молибдена. В растениях молибден важный компонент нитрогеназы и нитроредуктазы, а также присутствует в других ферментах (оксидазах), которые ускоряют разнообразные и несвязанные между собой реакции [5].

Растения начинают испытывать острый недостаток в молибдене, когда его концентрация в тканях опускается ниже 0,2 мг/кг сух. в-ва. Поскольку микроэлемент отвечает за восстановление нитратов в растениях, при его дефиците могут возникнуть внешние симптомы азотной недостаточности, главным образом на молодых листьях [7, 8].

У животных и человека дефицит молибдена встречается редко. Он наблюдается при низком содержании микроэлемента в кормах (продуктах питания) на фоне высокой концентрации меди, когда соотношение Cu:Mo достигает 4:1 и более. Физиологический антагонизм молибдена и меди, молибдена и серы приводит к нарушению биохимических процессов. В результате возможно возникновение аномалии мозга, умственной отсталости и других заболеваний [6].

Количество молибдена в рационе питания человека должно соответствовать 0,1–0,3 и не превышать 0,45 мг/сут.

Результаты и их обсуждение

В черноземах Канской котловины в интервале 341 – 890 мг/кг, в среднем составляет 568,3 ± 33 (см. табл. 1). В черноземах юга Западной Сибири и пределы колебаний концентраций этого элемента составляют 270–1380 мг/кг, в среднем – 642 ± 15 мг/кг [9]. Среднее валовое содержание элемента в почвах мира – 850 мг/кг [10].

Валовое содержание бора в почвах Канской котловины находится в пределах 40–84 мг/кг, а в среднем – 59,6 ± 2 мг/кг (см. табл. 1). Для черноземов юга Западной Сибири пределы колебаний содержания бора несколько шире и составляют 16,1 – 112,7 мг/кг, в среднем – 41,4 ± 0,7 мг/кг [9]. В почвах мира его содержание составляет 10 мг/кг [10]. В отличие от марганца, более высокие концентрации бора характерны для переходных горизонтов (горизонты АВ и В).

Более высокие концентрации марганца встречаются в гумусовых горизонтах (Ад, А), что видимо, является следствием биогенного накопления элемента. По данным Ильина, биогенное накопление марганца также свойственно почвам юга Западной Сибири [9].

Черноземы обыкновенные Уймонской котловины отличаются более низким содержанием бора в почвах, пределы колебаний для почв составляют 26–49 мг/кг, при среднем содержании 41,2 ± 1,5 мг/кг. Содержание марганца в черноземах Абайской котловины составляет 301–918 мг/кг, при среднем содержании 614, 1 ± 37,5 мг/кг (см. табл. 3).

В черноземах Абайской котловины содержание бора варьирует в пределах 43–56 мг/кг, при среднем значении – 49,6 ± 0,9, что в среднем приближается к черноземам Уймонской котловины.

Внутрипрофильное распределение бора в почвах среднегорных котловин бора хорошо согласуется с распределением фракции физической глины, с увеличением содержания фракций, увеличивается содержание бора.

Таблица 2

Основные физико-химические свойства почв и содержание микроэлементов
в почвах Уймонской котловины (Центральный Алтай)

Горизонт, глубина отбора, см	Гумус, %	pH	ФГ	ЕКО, мг. Экв/100гр почвы	Mn	B	Cu	Mo
Чернозем обыкновенный среднесиловой суглинистый на элювиально-делювиальных отложениях								
A _д (0-10)	9,9	6,9	34,1	61,4	438	47	63	4
A (20-30)	6,9	7,7	41,3	33,8	563	40	63	5,5
AB _к (38-48)	2,8	8,0	45,4	41,4	476	46	53	4,7
B _{1к} (50-60)	1,7	8,0	47,8	18,8	371	49	56	4,5
B _{2к} (80-90)	1,2	8,3	41,5	11,3	289	44	33	3,5
C _к (110-120)	0,6	7,9	45,8	13,2	540	40	53	5,3
D _к (130-140)	3,9	8,1	29,6	3,8	854	40	78	7,7
Чернозем обыкновенный среднесиловой на легкосуглинистых карбонатных отложениях, подстилаемых песчано-галечниковым аллювием.								
A _п (0-10)	8,0	7,7	31,3	37,6	563	44	68	5,2
A (22-32)	6,6	7,9	33,8	32,0	612	44	53	5,9
AB _к (32-40)	3,7	8,15	35,7	25,5	438	42	59	6,3
B _к (45-55)	1,0	8,8	40,2	3,6	301	48	47	5
B _к (60-70)	0,5	8,9	22,7	10,9	438	49	59	7,1
BC _к (77-87)	0,4	9,0	17,8	9,1	357	42	61	5,3
C _к (100-110)	0,4	9,1	19,7	14,6	612	47	54	6,7
Чернозем обыкновенный маломощный на песчано-дресвянисто-мелкогалечниковых аллювиальных отложениях								
A (0-10)	8,0	6,6	29,4	40,0	612	42	75	5,9
B ^к (25-35)	1,5	7,8	8,0	14,6	786	31	70	3,6
D _к (42-52)	0,7	8,4	7,6	1,8	1243	29	53	8,1
D _к (67-77)	0,4	8,35	3,3	5,5	1143	26	51	6,3
D _к (88-98)	0,7	8,5	8,0	16,4	890	34	59	8,9

Таблица 3

Основные физико-химические свойства почв и содержание микроэлементов в почвах Абайской котловины
(Центральный Алтай)

Горизонт, глубина отбора, см	Гумус, %	pH	ФГ	ЕКО, мг. экв/100гр почвы	Mn	B	Cu	Mo
Чернозем обыкновенный маломощный среднесуглинистый на озерных отложениях								
A _д (0-10)	8,3	7,5	39,48	59,5	638	51	46	4,2
A _д (4-24)	8,3	7,7	33,84	42,2	665	46	46	4,2
AB _к (24-33)	3,6	7,8	46,16	25	687	49	41	5,3
B _{1к} (35-45)	1,3	8,1	42,32	34,6	497	53	44	5,3
B _{2к} (50-60)	0,9	8,25	38,24	12,7	301	52	42	3,5
B _{3к} (70-80)	0,6	8,1	36,72	10,9	476	56	49	5,7
C _к (90-100)	0,7	8,4	21,48	9,1	476	45	39	7,1
Чернозем обыкновенный маломощный супесчаный на погребенной почве								
A _п (0-10)	8,7	7,6	38,32	38,4	563	51	39	3,7
A _к (16-26)	8,4	7,7	21,92	37,4	819	46	37	5,2
B _к (33-43)	3,9	7,8	36,08	19,2	693	54	41	6,1
Ar _к (50-60)	6,9	7,8	31,96	34,6	854	48	63	8,1
AB _{кг} (64-74)	5,1	7,95	33,2	28,8	638	52	51	4,7
CD _к (85-95)	4,1	7,5	23,52	17,3	587	46	47	4,7
Чернозем обыкновенный маломощный супесчаный на песчано-галечниковых окисленных аллювиальных отложениях								
A _п (0-10)	7,4	7,7	33,2	40,3	918	53	42	4,0
AB _к (27-37)	4,2	7,9	38,64	26,9	612	52	46	5,7
BC _к (45-55)	1,5	7,95	46,92	17,3	497	47	34	5,5
CD _к (60-70)	1,2	8,35	16	10,9	518	43	38	5,2

Аккумулятором бора могут служить горизонты почв с высоким содержанием карбонатов. Кальций и магний в щелочной среде легко осаждают его, как отмечают В.А. Ковда, И. В. Якушевская, А. Н. Тюрюканов, в труднорастворимые щелочноземельные тетрабораты (хВ4О7) [7, 9] Практически все почвы среднегорных котловин содержат карбонаты (CaCO₃). Их содержание,

как правило, увеличивается вниз по профилю почв. Содержание карбонатов в горизонтах В может достигать 10–18 %.

В черноземах обыкновенных Уймонской и Абайской котловин валовое содержание меди и молибдена в почвах более высокое. Пределы колебания концентраций элементов в почвах Уймонской котловины соответст-

венно составляют 51–78 мг/кг и 3,6–8,9 мг/кг, при среднем содержании – $58,3 \pm 2,3$ мг/кг и $5,7 \pm 0,3$ мг/кг. В черноземах обыкновенных Абайской котловины диапазон концентраций этих элементов составляет соответственно 34–63 мг/кг и 3,5–8,1 мг/кг, в среднем $43,8 \pm 1,6$ мг/кг и $5,1 \pm 0,3$ мг/кг.

Профильное распределение меди носит четко аккумулятивный характер: более высокие значения концентраций элемента характерны для гумусовых горизонтов почв.

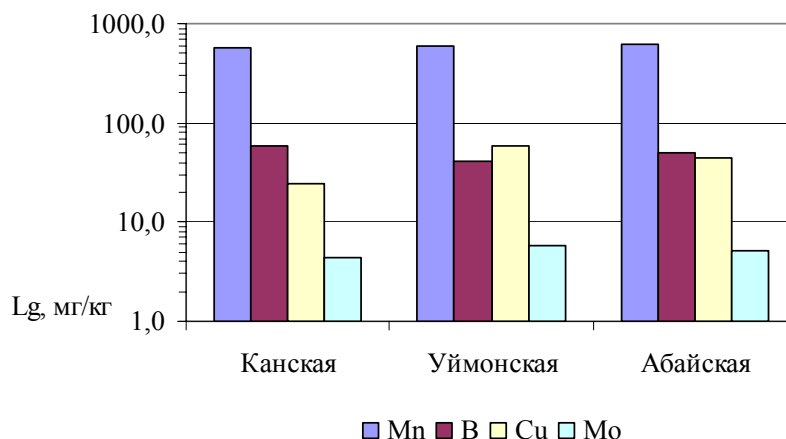

Рис. 1. Логарифмы средних концентраций микроэлементов в почвах среднегорных котловинах Алтая

Таким образом, почвы среднегорных котловин Алтая, в среднем имеют близкое валовое содержание марганца (см. рис 1). Содержание бора более высокое в почвах Канской котловины. В почвах Уймонской и Абайской котловинах в среднем содержится больше меди и молибдена.

По данным [3, 9] возможности биогенного накопления в почвах неодинаковые. Медь больше аккумулируется в хорошо гумусированной и не затронутой элювиальным процессом почве.

Аккумулятивное накопление молибдена выражено в меньшей степени и, как правило, его содержание увеличивается с глубиной.

Из физико-химических свойств почв на характер распределения микроэлементов оказывает влияние содержание гумуса, карбонатов и гранулометрический состав.

Работа выполнена при поддержке грантов РГНФ 07-06-18019е и РФФИ 06-08-00438а.

Библиографический список

1. Куминова, А.В. Растительный покров Алтая / А.В. Куминова. – Новосибирск: СО РАН, 1960. – 448 с.
2. Ковалев Р.А. Почвенный покров Горно-Алтайской Автономной области и пути его рационального использования / Р.А. Ковалев, В. И. Волковинцер // Вопросы развития сельского хозяйства Горного Алтая. – Новосибирск, 1968. – С. 23-24.
3. Мальгин, М. А. Биогеохимия микроэлементов в Горном Алтае / М. А. Мальгин. – Новосибирск: Наука, 1978. – 271 с.
4. Перельман, А.И. Геохимия ландшафта / А.И. Перельман, Н.С. Касимов. – М.: Астрель, 2000. – 647 с.
5. Иванов, В.В. Экологическая геохимия элементов / В.В. Иванов. – М.: Недра, 1994.
6. Ильин, В.Б. Микроэлементы и тяжелые металлы в почвах и растениях Новосибирской области / В.Б. Ильин, А.И. Сысо. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2001. – 229 с.
7. Кабата-Пендиас, А. Микроэлементы в почвах и растениях / А. Кабата-Пендиас, Х Пендиас. – М.: Мир, 1989. – 440 с.
8. Церлинг, В.В. Агрохимические основы диагностики питания сельскохозяйственных культур / В.В. Церлинг. – М.: Наука, 1978. – 216 с.
9. Ильин, В.Б. Биогеохимия и агрохимия микроэлементов / В.Б. Ильин. – Новосибирск: Изд-во Наука, 1973. – 368 с.
10. Алексеенко, В. А. Экологическая геохимия / В.А. Алексеенко. – М.: Логос, 2000. – 627 с.

Материал поступил в редакцию 03.12.07.

УДК 595.771

Д.М. Безматерных

К СИСТЕМАТИКЕ, ЭКОЛОГИИ И РАСПРОСТРАНЕНИЮ ХИРОНОМИД РОДА CHIRONOMUS ГРУППЫ OBTUSIDENS (DIPTERA, CHIRONOMIDAE)

В статье обсуждены вопросы систематики, экологии и зоогеографии хирономид рода *Chironomus* группы *obtusidens*. Приведены новые данные по морфологии и экологии одного из видов этой группы – *C. acutiventris*, впервые описана его куколка. Проанализирована роль личиночной формы типа *fluviatilis*, как адаптации к определенным экологическим условиям – заиленным грунтам мелководий рек и озер.

Систематика, экология и география хирономид в настоящее время интенсивно развивающиеся области энтомологии. В последнее время они получили новый им-

пульс в развитии после внедрения методов кариосистематики, и открытием видов-близнецов, хорошо различающихся по кариотипам и плохо по морфологии.

Общепризнанно, что достоверное и полное описание видов хирономид, изучение их биологии и распространения невозможно без изучения всех стадий развития (личинка, куколка, имаго) и кариотипа [22].

Если ранее систематика хирономид осложнялась разрозненностью определительных систем для преимагинальных стадий развития, изучавшихся гидробиологами, и имагинальных стадий, изучавшихся энтомологами, то в настоящее время проблемой является сопоставление данных систематиков-морфологов и систематиков-цитологов. Остро эти проблемы стоят и в роде *Chironomus*, для которого известно более 70 видов на территории бывшего Советского Союза и более 100 для Голарктики [21, 23]. Значительная часть этих видов не имеет описания всех стадий развития и кариотипа, недостаточно исследована их экология. Группа видов *obtusidens* не является исключением и требует дальнейших исследований в области систематики, экологии и зоогеографии. В настоящей работе обсуждены вопросы систематики, экологии и зоогеографии группы *obtusidens*. Приведены новые данные по морфологии и экологии одного из видов этой группы – *C. acutiventris*, впервые описана его куколка.

Материалы и методы. Сбор личинок проводили в ноябре 1998 г. на р. Барнаулке (приток р. Обь возле г. Барнаула). Были отобрано около 100 гидробиологических проб, в результате выведения получено 9 куколок, 3 самца и 6 самок. Приготовлено около 35 препаратов слюнных желез.

Выращивание преимагинальных стадий хирономид проводили по методике А.И. Шиловой с соавт. [18]. Морфологические препараты делали в жидкости Фора-Берлезе [13]. Для кариологического анализа личинок фиксировали в жидкости Карнуа. Окрашивание хромосом проводили по ацет-орсеиновой методике [8]. Морфологические и кариологические препараты хранятся в ИЦиГ СО РАН (г. Новосибирск), гидробиологические пробы в ИВЭП СО РАН (г. Барнаул).

Результаты и обсуждение

Систематика. Одной из групп видов рода *Chironomus*, где в последнее время описан ряд новых видов, является группа *obtusidens*. В настоящее время группа включает 4 вида: *C. obtusidens* Goetghebuer, 1921, *C. heterodontatus* Konstantinov 1956, *C. sokolovae* Istomina, Siirin, Polukonova, 2000 и *C. acutiventris* Wülker,

Ryser, Scholl, 1983, причем последний имеет два подвида – *C. a. acutiventris* и *C. a. bavaricus*, как оказалось виды этой группы многочисленны в бассейне Верхней Оби и Верхнего Енисея [9, 16].

Первым описанным видом этой группы является *C. obtusidens* M. Goetghebuer [25]. Много позднее А.С. Константинов [11] по морфологическим данным трех стадий развития описал другого члена этой группы – *C. heterodontatus*, но западным систематикам этот вид оставался неизвестным и потому считался сомнительным. Затем В.Ф. Вюлкер с соавт. [26] описал *C. acutiventris* по морфологии личинки, имаго и кариотипу, морфология куколки описана не была. Систематический статус *C. heterodontatus* оставался неясным, пока не было сделано новое детальное описание морфологии вида [14] и описан его кариотип [7]. Последний член этой группы *C. sokolovae* выявлен недавно А.Г. Истоминой с соавт. для него имеется описание кариотипа и всех стадий развития [24]. Ниже дается описание *C. a. acutiventris* из р. Барнаулки.

Личинка *C. a. acutiventris* красная, типа *thummi*, формы *fluviatilis* с длинными, заостренными латеральными отростками, длина личинок 10-11 мм. По морфологии личинка очень близка к *C. heterodontatus* и *C. sokolovae*. Сенсилла антенны достигает только основания пятого членика. Четвертый зубец мандибулы, хорошо выражен, значительно светлее остальных. Отношение ширины вентроментальных пластинок к их высоте 1:3 (рис. 1).

В барнаульской популяции *C. a. acutiventris* наблюдалось сильное варьирование формы зубцов ментума – от заостренных до округлых (рис. 1, А-Б), это вероятно связано как с индивидуальной изменчивостью, так и с возрастом личинок (со временем зубцы, как правило, стираются) [24]. Подобная ситуация наблюдается и с формой зубцов ментума у *C. obtusidens* по Вюлкеру [26] они заостренные, а по А.И. Шиловой [20] – округлые. В систематике группы *obtusidens* существуют также неясности в использовании признака длины сенсиллы антенны, по одним данным у *C. heterodontatus* он заходит за вершину пятого членика [14], а по другим доходит до середины четвертого [11]. Все это затрудняет точную видовую диагностику личинок группы *obtusidens* по морфологическим признакам.

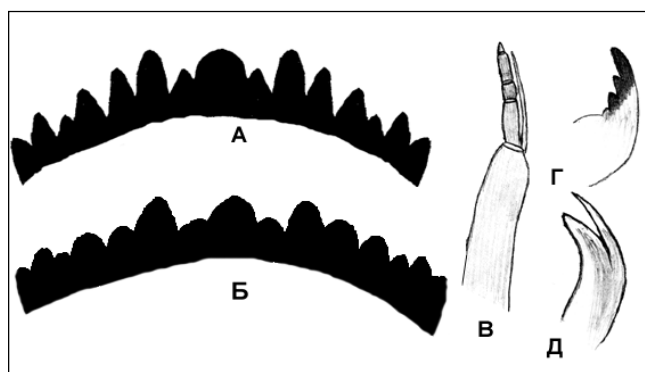

Рис. 1. Детали строения *C. a. acutiventris*: А-Б – варианты строения ментума (А – заостренные зубцы, Б – округлые); В – форма антенны; Г – зубцы мандибулы; Д – зубцы премандибулы

Куколка *C. a. acutiventris* по внешнему виду очень схожа с куколками других видов группы *obtusidens*, но имеется ряд отличительных черт (рис. 2). Индекс анального плавника равен 1, ширина анального плавника 440

мкм, расстояние между внутренними углами анальных лопастей составляет $\frac{1}{4}$ ширины плавника. Шипы VIII тергита темно-коричневые, расщеплены 2-4 зубца, на конце оканчиваются нитями. Шипики заднего угла VIII

тергита мелкие, расположены по 2-3. Крючки заднего края II тергита сильно изогнутые, средние крючки имеют хорошо развитый дополнительный зубец у основания.

Самец *C. a. acutiventris*. Морфология имаго самцов из р. Барнаулки (рис. 3) существенно не отличалась от

стандартного описания [26]. Некоторое отличие наблюдается в характере расположения анально-медиальных щетинок, поле этих щетинок у барнаульских *C. a. acutiventris* вытянуто продольно.

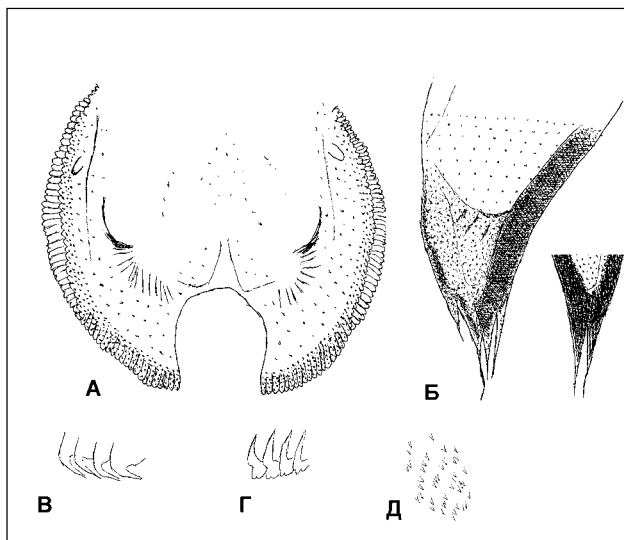

Рис. 2. Детали строения куколки *C. a. acutiventris*: А – анальный сегмент; Б – изменчивость шипа заднего угла VIII сегмента брюшка; В-Г – крючки заднего края II тергита (В – крайние, Г – средние); Д – шипики заднего угла VII тергита

Кариотип *C. acutiventris* был изучен В. Вюлкером с соавт. [26] в популяциях из Германии и Швейцарии, а также А.Г. Истоминой с соавт. [6] и Д.М. Безматерных и Г.Н. Мисейко [1, 2] из р. Барнаулки Алтайского края. Кариотип – $2n=8$, сочетание хромосомных плеч: АВ, CD, EF, G – комплекс thummi (рис. 4 и 5).

Характерной чертой кариотипа *C. acutiventris* из р. Барнаулки является перетяжка в плече А вблизи центрального района. В дистальной части плеча находится большой пуф. Гомологи плеча G не конъюгируют совсем или конъюгируют частично в дистальном районе, ядрышко находится вблизи центромеры, два кольца

Бальбиани (КБ) лежат в дистальной части плеча G и отделены от проксимальной его части тонкой перетяжкой. Кариотип сибирского *C. acutiventris* достаточно полиморфный, в р. Барнаулке 74% личинок имели гетерозиготные инверсии с числом инверсий на особь 1,08. Плечи А, В и G оказались мономорфными, в плечах С, D, E и F обнаружены простые и сложные гетеро- и гомозиготные инверсии. Обнаружено 17 последовательностей дисков, из них 6 ранее не встречались в европейских популяциях [6].

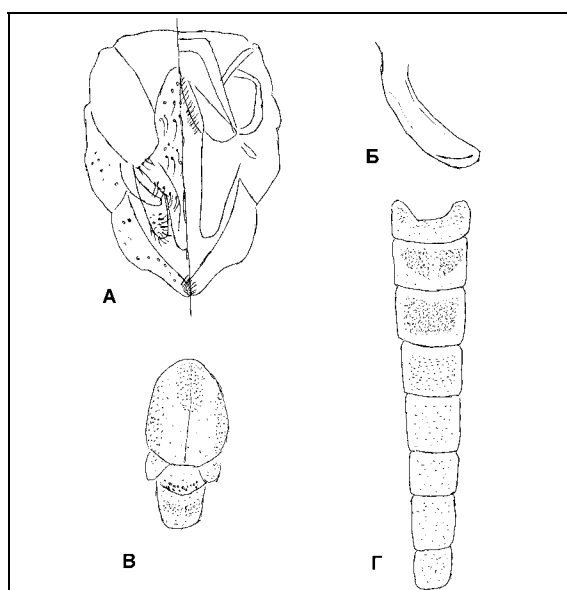

Рис. 3. Детали строения имаго *C. a. acutiventris*: А – гениталии самца; Б – верхний (второй) придаток; В – окраска груди; Г – окраска брюшка

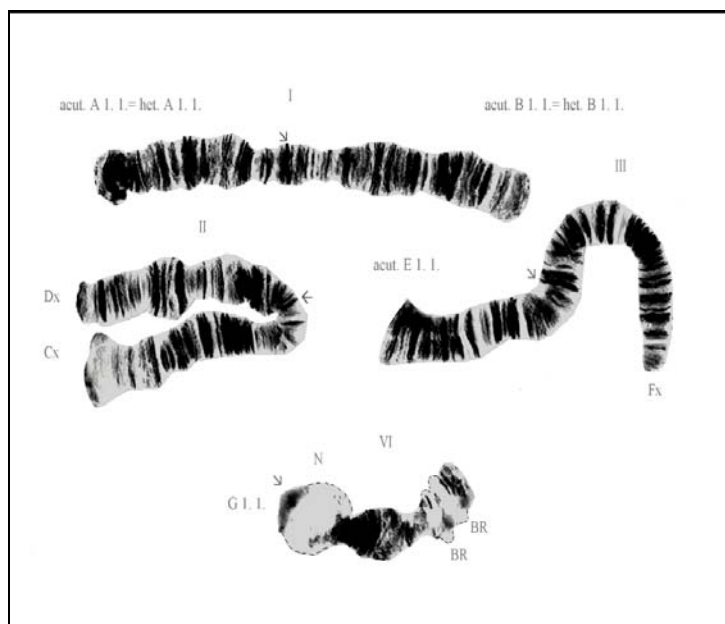
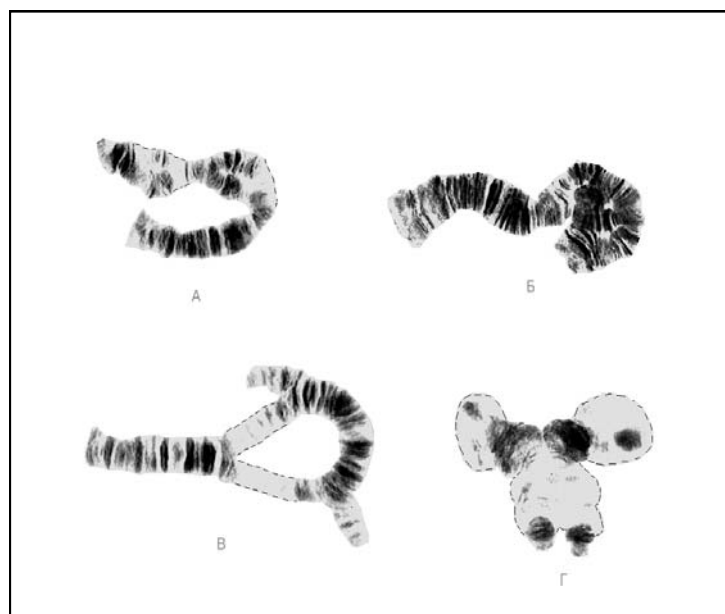
Рис. 4. Кариотип *Ch. a. acutiventris*

Рис. 5. Хромосомные перестройки *Ch. a. acutiventris*:
 А – включенная гетерозиготная инверсия в плече D, Б – сложная гетерозиготная инверсия в плече D,
 В – простая гетерозиготная инверсия в плече F, Г – расхождение гомологов в плече G.

Экология и распространение. В бассейне р. Барнаулки *C. a. acutiventris* встречается в среднем, нижнем течении и в притоке (р. Пивоварка), на заиленных грунтах, в альфа-мезосапробных условиях [1]. Наибольшая численность (до 3-8 тыс. экз./м³) и биомасса (до 18-35 г/м³) личинок наблюдалась в заводях на сильно заиленном песке и черном иле. В середине реки на более чистых песках личинки встречались реже, причем, чем менее заиленный был песок, тем меньше было личинок (до полного отсутствия). Кроме р. Барнаулки вид встречается в других районах Сибири (Туве), а также в Европе (Германии, Швейцарии, Финляндии) [6, 26].

Личинки *C. heterodentatus* обитают на заиленных грунтах: песке, почве, гравии в прибрежных слабопроточных участках рек [4, 12]. Комары встречались в большом количестве с июня по октябрь, роились

в июле-августе и сентябре. Вид распространен в Европе (бассейн р. Волга, Саратовская область), вне России не известен [13].

Личинки *C. obtusidens* в массе развиваются на иле и заиленном песке мелководий (20-40 см) с низкой скоростью течения [13, 15, 20] или глинистых, сильно эвтрофированных грунтах луж, болот [19], довольно часто встречается на отдельных участках рек лесостепной и степной зон [4]. В р. Барнаулке личинки *C. obtusidens* обитают на тех же грунтах что и *C. acutiventris*, но встречаются в единичных экземплярах. В Волгоградском водохранилище вылет комаров отмечен в июне [12], на реках Самарской области в мае и июле [4]. Вид распространен практически во всей Палеарктике кроме Дальнего Востока [5, 13].

Личинки *C. sokolovae* обитают на небольших глубинах (0,2-1,0 м) слабопроточных прибрежных открытых водоемов, предпочитают черные илы. Обнаружены в Горном Алтае (р. Чемал) и р. Енисей [16, 24].

Таким образом, характерной особенностью видов группы *obtusidens* является общий палеарктический ареал их обитания. Характер предпочитаемых биотопов также сходен – это мелководные, медленно текущие воды, заиленные грунты. Такой диапазон экологических условий обитания, вероятно, связан с общей специфической личиночной формой этих видов – *fluviatilis*. Именно личиночная стадия, наиболее продолжительная из всех стадий жизненного цикла хирономид, в наиболее полной мере отражает биологию конкретного вида. Форма, размеры вентральных и латеральных отростков,

цвет личинки (содержание гемоглобина в гемолимфе) являются показателями кислородного режима и солёности водоема [10]. По И.К. Тодерашу [17] личиночные формы могут служить индикаторами сапробного состояния водоема. Вероятно, в данном случае, наличие гемоглобина, длинные заостренные вентральные отростки у личинок формы *fluviatilis* группы *obtusidens* являются приспособлением к илистым и песчано-илистым грунтам альфа-мезосапробной зоны.

Большую благодарность за помощь в исследовании морфологии и кариотипов хирономид автор выражает д.б.н. И.И. Кикнадзе, к.б.н. А.Г. Истоминой и д.б.н. Г.Н. Мисейко, особую благодарность, за обсуждение статьи – к.б.н. М.Т. Сириин.

Библиографический список

1. Безматерных, Д.М. Зообентос / Д.М. Безматерных, Г.Н. Мисейко // Река Барнаулка: экология, флора и фауна бассейна. – Барнаул: АлтГУ, 2000. – С. 135-146.
2. Безматерных, Д. М. Зообентос притоков Верхней Оби / Д.М. Безматерных // Ползуновский вестник. – 2004. – № 2. – С. 155-161.
3. Безматерных, Д.М. Кариотипы массовых видов хирономид / Д.М. Безматерных, Г.Н. Мисейко // Река Барнаулка: экология, флора и фауна бассейна. – Барнаул: АлтГУ, 2000. – С. 147-156.
4. Зинченко, Т.Д. Хирономиды поверхностных вод бассейна Средней и Нижней Волги (Самарская область). Эколого-фаунистический обзор / Т.Д. Зинченко. – Тольятти: ИЭВБ РАН, 2002. – 174 с.
5. Зорина, О.В. Фауна, систематика и распространение комаров-звонцов трибы Chironomini (Diptera, Chironomidae) юга Российского Дальнего Востока: автореф. дис... к.б.н. / О.В. Зорина. – Владивосток, 2002. – 23 с.
6. Истомина, А.Г. Кариологический анализ видов Chironomus группы *obtusidens* Алтая (Diptera, Chironomidae) / А.Г. Истомина, И.И. Кикнадзе, М.Т. Сириин // Цитология. – 1999. – Т. 41, № 12. – С. 1022-1031.
7. Кариотип комара-звонца Chironomus heterodontatus Konstantinov из группы *obtusidens* (Diptera, Chironomidae) / С.И. Белянина, И.И. Кикнадзе, Н.В. Полуконова, М.Т. Сириин // Цитология. – 2000. – Т. 42, № 6. – С. 593-601.
8. Кариотипы и морфология личинок трибы Chironomini. Атлас / И.И. Кикнадзе, А.И. Шилова, И.Е. Керкис [и др.] – Новосибирск: Наука, 1991. – 115 с.
9. Кикнадзе, И.И. Кариотипы и хромосомный полиморфизм сибирских видов хирономид (Diptera, Chironomidae) / И.И. Кикнадзе, А.Г. Истомина // Сибирский экол. журн. – 2000, № 4. – С. 445-460.
10. Константинов, А.С. Биология хирономид и их разведение / А.С. Константинов // Тр. Саратов. отд-ния ВНИОРХ. – Т. 5. – Саратов: ВНИОРХ, 1958. – 358 с.
11. Константинов, А.С. К систематике рода Chironomus Meig. / А.С. Константинов // Тр. Саратов. отделения ВНИОРХ. – 1956. – Т. 4. – С. 155-191.
12. Мисейко, Г.Н. Видовой состав и экология хирономид Волгоградского водохранилища: автореф. дис... к.б.н. / Г.Н. Мисейко. – Саратов, 1966. – 23 с.
13. Панкратова, В.Я. Личинки и куколки комаров подсемейства Chironominae фауны СССР (Diptera, Chironomidae = Tendipedidae) / В.Я. Панкратова. – Л.: Наука, 1983. – 296 с.
14. Полуконова, Н. В. К диагнозу Chironomus heterodontatus Konstantinov // Экология, эволюция и систематика хирономид. – Тольятти, Борок, 1996. – С. 102-108.
15. Рузанова, А. И. Личинки хирономид Западной Сибири и их роль в питании рыб / А.И. Рузанова // Биологические ресурсы внутренних водоемов Сибири и Дальнего Востока. – М.: Наука, 1984. – С. 144-163.
16. Сириин, М.Т. Пути эволюции хирономид трибы Chironomini (Diptera, Chironomidae): дис... канд. биол. наук / М.Т. Сириин. – Новосибирск: ИЦиГ СО РАН, 1996. – 187 с.
17. Тодераш, И.К. Функциональное значение хирономид в экосистемах водоемов Молдавии / И. К. Тодераш. – Кишинев: Штиинца, 1984. – 172 с.
18. Шилова, А.И. Воспитание преимагинальных стадий хирономид до взрослых насекомых / А.И. Шилова, В.Я. Панкратова, Н.И. Зеленцов // Методическое пособие по изучению хирономид. – Душанбе: Дониш, 1982. – С. 23-30.
19. Шилова, А.И. К систематике *C. obtusidens* Goetgh. (Diptera, Chironomidae) / А.И. Шилова, Л. П. Гребенюк // Водные сообщества и биология гидробионтов. – Л.: Наука, 1985. – С. 91-104.
20. Шилова, А.И. К систематике рода *Tendipes* Mg. (Diptera, Chironomidae) / А.И. Шилова // Энтомолог. обозрение. – 1958. – Т. 37, № 8. – С. 434-451.
21. Шилова, А.И. Каталог хирономид рода Chironomus Meig. (Diptera, Chironomidae) России и бывших республик СССР / А.И. Шилова, Н.А. Шобанов // Экология, эволюция и систематика хирономид. – Тольятти, Борок: ИБВВ и ИЭВБ РАН, 1996. – С. 28-43.
22. Шилова, А.И. Современное состояние систематики хирономид / А.И. Шилова // Эволюция, видообразование и систематика хирономид. – Новосибирск, 1986. – С. 3-12.
23. Шобанов, Н.А. Объем и структура рода Chironomus Meig. (Diptera, Chironomidae): обзор мировой фауны / Н.А. Шобанов, А.И. Шилова, С.И. Белянина // Экология, эволюция и систематика хирономид. – Тольятти, Борок: ИБВВ и ИЭВБ РАН, 1996. – С. 44-96.
24. Chironomus sokolovae sp. nov. из группы *obtusidens* (Diptera, Chironomidae) / А.Г. Истомина, М.Т. Сириин, Н.В. Полуконова, И.И. Кикнадзе // Зоол. журн. – 2000. – Т. 79, № 8. – С. 928-938.
25. Goetghebuer, M. Chironomides de Belgique et spécialement de la zone des Flandres / M. Goetghebuer // Mem. Mus. Roy. Hist. natural. Belg. – 1921. – t 8, fasc. 4, mem. 31. – P. 1-208.
26. Wülker, W. Revision der Gattung Chironomus Meigen (Diptera). VIII. Arten mit Larven des fluviatilis-Typs (*obtusidens*-Gruppe): *C. acutiventris* n. sp. und *C. obtusidens* Goetgh. / W. Wülker, H.M. Ryser, A. Scholl // Revue suisse Zool. – 1983. – V. 90, № 3. – P. 725-745.

Материал поступил в редакцию 03.12.07.

Раздел 2

КУЛЬТУРА. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

КУРАТОР
РАЗДЕЛА

Лидия Павловна Гекман – доктор культурологии, профессор Алтайской государственной академии культуры и искусств, г. Барнаул.

РЕДАКТОР
РАЗДЕЛА

Ольга Васильевна Первушина – кандидат культурологии, доцент, проректор по научной работе Алтайской государственной академии культуры и искусств, г. Барнаул.

РЕДАКТОР
РАЗДЕЛА

Наталья Степановна Гребенникова – кандидат филологических наук, профессор Горно-Алтайского государственного университета, г. Горно-Алтайск.

УДК 140.8:390 (=512.37)

С.М. Белокурова

ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ КАК ФЕНОМЕНА КУЛЬТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ ЭТНОГЕНЕЗА ОЙРАТОВ)

В статье предпринята попытка проследить формирование этнического мировоззрения ойратского этнообъединения, выявить основные мировоззренческие позиции, оказавшие влияние на культуру и историю ойратов.

Понятие «этническое мировоззрение» на современном этапе развития науки только начинает обретать статус самостоятельной культурологической категории. Проблемы этнического мировоззрения затрагивались этнографами в рамках изучения традиционного мировоззрения этносов, в нашем случае – кочевых. Данной проблеме уделяли большое внимание такие исследователи как Н.Л. Жуковская, Э.Л. Львова, А.М. Сагалаев и др. Однако нам представляется, что этническое мировоззрение – понятие несколько более широкое, чем традиционное мировоззрение, поскольку на каждом этапе своего развития или стадии угасания, этнос вырабатывает новые позиции восприятия и новые оценки окружающего его мира.

«Этническое мировоззрение» тесно связано с понятием «этнос». На наш взгляд, наиболее убедительно и аргументировано определил понятие «этнос» Л.Н. Гумилев, идеи которого имеют методологическое значение для данной статьи. Гумилев определяет этнос как «естественно сложившийся на основе оригинального стереотипа поведения коллектив людей, существующий как энергетическая система (структура), противопоставляющая себя всем другим таким же коллективам, исходя

из ощущения комплиментарности» [6, с. 500]. Именно благодаря этому ощущению «особи», входящие в этнос, по Гумилеву, отделяют «своих» от «чужих». Рискнем предположить, что в основе любого ощущения, тем более объединяющего довольно большую группу людей, лежат четкая позиция, разделяемая всеми, общее восприятие каких-либо ситуаций, ценностей, объектов, других людей, соотносимая оценка их и принятие сходных решений всеми, составляющими этнос. Именно это, на наш взгляд, определяет этническое мировоззрение, того или иного этноса. Этническое мировоззрение является результатом длительного формирования этноса, производным этногенеза. Каждый значительный этап этногенеза накладывает отпечаток на мировоззрение этноса. Зачастую это связывают с исторической памятью народа. Таким образом, можно сказать, что этническое мировоззрение это – не константа, а постоянно меняющаяся величина. На примере ойратского союза мы можем проследить формирование этнического мировоззрения, а также выявить те факторы, которые оказали влияние на этот процесс. Наша задача в данном случае будет усложняться тем, что ойраты не являются единым этносом, а лишь конфедерацией нескольких родственных

племен. Но, поскольку существовало несколько значительных факторов, связывающих эти племена, мы будем рассматривать ойратов как целостность. Однако, с другой стороны, история союза «четырех ойратов» довольно коротка по историческим меркам, хотя и весьма насыщена событиями, вследствие чего мы полагаем, что истории ойратского этнического объединения может послужить ярким и наглядным примером формирования этнического мировоззрения.

Существует две наиболее распространенных точки зрения на трактовку термина «ойрат». «Ойрат» (или выражение «дэрбэн-ойрат») может быть переведено как «союз четырех родственников» («ойр» – монг. «близкий»; «дэрвийн» – монг. «четыре»), или «союз четырех родов (близких родственников)». В сочинении Рашид-ад-дина находим иную трактовку: «...называют их также [х]ойн-иргэн вследствие того, что во время Чингисхана они, изменив [ему], отпали от него и ушли... в леса. [С тех пор] прозвищем их стало “лесное племя”» [11, с. 47]. В данном случае автор «Сборника летописей» неточен в датировке событий, так как «лесные народы», выступившие на стороне меркитов были покорены Чингис-ханом в 1207–1208 гг. Формирование древнеойратской общности началось в лесистой местности верховий Енисея и Прибайкалья. То, что ойраты уже к приходу Чингисхана представляли единство и целостность, косвенно подтверждается более поздними источниками. Так, например, в летописи XVII в. «Шара Туджи» находим следующее высказывание: «Один из них (тумен в военной системе Чингисхана – С.Б.) хошут, торгут, джунгар – четверо, соединившихся в одно» [14, с. 59]. Почему автор говорит «четверо», а называет всего три племени? Очевидно, «джунгар» – это два племени, скорее всего, дербеты и чоросы, главные этнические составляющие будущего Джунгарского (Ойратского) ханства. Итак, другой перевод этнонима «ойрат» – это скорее всего искаженная форма от монгольских «ой» – «лес» и «арат» – «народ», а «дербен-ойрат» не союз четырех близких родов, а четыре ойратских тумена в войске Чингисхан [5, с. 350]. Эту позицию отчасти подтверждают наблюдения Рашид-ад-Дина.

Если принять утверждение о существовании некоей ойратской конфедерации как верное, то возникает несколько вопросов: во-первых, каков был этнический состав объединения; во-вторых, к какому времени надлежит относить период ее формирования; в-третьих, на каких принципах проходило объединение племен. Начнем отвечать со второго вопроса. Одни исследователи придерживаются того мнения, что ойратский союз складывался в конце XIV века, что способствовало последующему усилению ойратов. Основным импульсом для этого послужила борьба за власть с восточными монголами, а также для распространения своего влияния на Восточный Туркестан [8, с. 28]. Другие, например, Г.О. Авляев относят формирование ойратского или про-тойратского союза ко второй половине IX века. Авляев считает, что отправной точкой формирования монгол-ойратов следует считать 840 г. В этом году рухнул Уйгурский каганат, и часть промонгольских племен шивэй, освободившись от уйгурского господства, отправляются на северо-запад, где, постепенно вытеснив, а частично и ассимилировав местные племена курыкан и туматов, остановились в районе Прибайкалья [1, с. 130]. Итак, в 1208 г. (1203 г.) Чингис-хан окончательно подчинил

ойратские племена. Ойраты, под предводительством хана Худуха-беки, входили в «анти-чингисовскую» коалицию племен, возглавляемую меркитским ханом Джамухой. После долгого сопротивления, Худуха-беки сдался, и его войско было включено в военную организацию. Каково же было место «ойратской тысячи» в военной машине Чингисхана? Источники, а также ряд исследовательских работ, говорят о том, что положение ойратов в империи было совершенно особенным и даже почетным. Вот несколько ярких примеров. Известно, что монгольское войско делилось на десятки, сотни и тысячи. Дело в том, что это деление в большинстве случаев не соответствовало этническим критериям. А зачастую такие сознательно игнорировались. Б.Я. Владимирцов, в частности, отмечает, что подобное этническое смешивание «знаменовало окончательное распыление целого ряда больших древне-монгольских племен, как, например, татар, меркит, джаджират, найман, керейт...». Однако эта участь обошла ойратов [5, с. 406]. Их этническая (а в данном случае – конфедеративная) целостность была сохранена.

Следующий пример касается особого подразделения – дневной и ночной стражи «тургаут-кешиктен» [3, с. 449]. Согласно мнению исследователей, тургаут-кешиктен (или тургак-кешиктен) являлся десятитысячным корпусом телохранителей императора [2, с. 46]. Есть все основания предполагать, что в состав гвардии входили и ойраты, так как нельзя не отметить сходство названий «тургаут-кешиктен» и «торгоут», одного из крупнейших племенных объединений будущего Джунгарского (Ойратского) ханства. Если допустить, что ойраты действительно были элитным подразделением, то какова была мотивация самого всемонгольского хана для подобной дифференциации. Это может быть объяснено, династийными связями между домом Чингисхана и ойратскими феодалами. Так, после того, как Худуха-беки сдался Чингисхану, последний отдал своих двух дочерей замуж за сыновей ойратского предводителя. Другое мнение высказывает В.И.Петров, который считает, что ойраты заняли выдающуюся позицию благодаря «высокой мобильности, активности, отваге, дисциплинированности» – то есть за счет личных и этносоциальных качеств [10, с. 47]. Особый статус ойратов в государстве Чингисхана подтверждается наблюдениями Марко Поло. По его свидетельству, ойраты были единственными, кому разрешалось пить молоко белых кобыл императора. Этой чести ойраты были удостоены «за то, что раз помогли ему (Чингисхану – С.Б.) победить» [7, с. 242-243].

Что касается этнического состава ойратского этнического объединения, то здесь точки зрения весьма различны. Количество этих племен также могло варьироваться. Авляев в своей работе называет первые ойратские племена – олет, батут, хойт и кэргуд [1, с. 130]. В этом отношении интересен тот факт, что каждое из этих племен в свою очередь делилось на роды, которые зачастую идентифицировали себя как самостоятельные племена. Согласно летописи «Эрденийн тобчи», в таком составе ойраты вошли в государство Чингисхана [9, с. 53]. Однако, уже после падения династии Юань в этническом составе ойратской конфедерации наблюдаются значительные изменения. Вплоть до падения Джунгарского ханства в 1758 г. ойратская конфедерация включала в себя племена торгоутов, хошоутов, хойтов,

дэрбэтов и чоросов. Названия эти восходят к наименованию воинских частей. Торгоуты, как уже было сказано выше, являлись дневной стражей ставки хана. Хошоуты, если опять исходить из названия, скорее всего, были авангардным отрядом в войске. («Хошун» – монг. – «острие», «морда»). Слово «чорос», или «цорос» имеет тюркское происхождение и обозначает «богатырь». Авляев, на основании исследований особенностей калмыцкого этноса считает, что деребеты являются достаточно поздним племенным образованием, которое сформировалось во второй половине XV века. А название его восходит к термину «дербен обок» («четыре рода»), входившие в данное племенное объединение [1, с. 206]. Что же касается хойтов, то это племенное объединение входило еще в древнейоиратский союз. Поэтому оно является наиболее древним компонентом. В целом можно сказать, что данный этап этногенеза ойратов является уникальным, поскольку новые племена формировались на основе военных подразделений. Хотелось бы, забегаая вперед, отметить, что представители этих племен живут на территории Западной Монголии и сегодня и четко отделяют себя от других монгольских субэтнотосов.

Безусловно, важным этапом в формировании ойратского этнического объединения является послечингисовская история Монголии. Однако, здесь можно говорить не только и не столько об этническом формировании, сколько о складывании ойратской государственности. Хотя есть два принципиальных момента, которые повлияли на формирование этнического мировоззрения. В XIV-XV веках ойраты начинают осваивать территорию Джунгарской впадины, современной Западной Монголии, предгорья Алтая и Тарбагатая. Впоследствии здесь возникнет мощное государственное образование – Джунгарское ханство. А вторым моментом является начавшееся в этот период жестокое противостояние западных монголов (ойратов) и восточных (халхов). В основе этого конфликта в первую очередь лежали политические мотивы. Выдвинувшиеся в период правления Чингисхана ойраты во время острой политической борьбы за власть делали ставку на восстановление империи и поддерживали прямых потомков Чингисхана (чингисидов). В крайнем случае, ойраты считали правомочным самим возглавить государство. В средневековой истории Монголии известно два всемонгольских хана-ойрата: Тогон-тайши и Эльбек-хан.

Пожалуй, самым ярким и драматичным этапом в формировании ойратского этнического союза является XVII век. В этот период формируется Джунгарское ханство. Однако ханством его можно назвать с большой натяжкой. Все племена и племенные объединения, входившие в его состав, обладали высокой степенью автономности. Это доказывает, в частности, тот факт, что в начале 30-х годов XVII века, торгоуты, почти полным составом откочевали на Волгу, чем положили начало массовых перекочевков. Причин здесь несколько: это и нехватка пастбищ, и постоянные войны за территорию, и довольно тяжелое геополитическое положение государства ойратов. Но, откочевав, торгоуты продолжали поддерживать отношения со своими соотечественниками. С другой стороны, представители всех ойратских племен, как правило, совместно выступали в военных конфликтах, совместно решали внутренние вопросы, касающиеся всех членов конфедерации. Во главе ханства стояли два лидера, что обеспечивало определенный

характер государственной власти, сходный с военной демократией. Ключевой идеей того периода, на наш взгляд, следует признать консолидацию этнического объединения. Для этого были достаточно веские причины. В 1636 году маньчжурские войска захватывают минский Китай и начинают агрессию против Южной и Восточной Монголии. Захват Западной Монголии становится последним шагом к созданию огромного государства, под главенством маньчжурского императора. Ойратская консолидация строилась на нескольких принципах. Во-первых, это консолидация политическая. В 1634 году был созван всеойратский съезд (чулган), на котором присутствовали не только представители Джунгарского ханства, но и ойраты, жившие за его пределами: на Волге, в Кукуноре, в Ордосе. На этом съезде было принято Великое ойратское уложение «Их Цааз», документ, регламентирующий все стороны жизни ойратов. Особое внимание уделялось военной сфере.

Вторым объединяющим моментом стала религия. С конца XVI века в Монголию начинает проникать буддизм в его ламаистской трактовке. В 1630-е годы хошоуты под предводительством Гуши-хана принимают участие в борьбе желтошапочной и красношапочной сект в Тибете на стороне желтошапочников. Постепенно ламаизм в западной Монголии приобретает настолько сильные позиции, что в среде ойратской аристократии становится почетным отдавать одного из своих сыновей в монастырь. Особому распространению ламаизма способствовало развитие кочевых монастырей в Западной Монголии, особенность характерная именно для этого региона.

Третьим объединяющим фактором стал язык. При чем язык письменный. Этот важный фактор отмечался в научной литературе. Так, С.И.Вайнштейн, высказывал гипотезу о том, что монголам удалось создать такую мощную империю благодаря сходству языков кочевых народов, вошедших в состав государства [4, с. 290]. Для ойратов XVII века стало актуальным не столько языковое объединение, сколько создание единой письменности. В 40-х годах XVII в. эта мысль была высказана представителями ойратской аристократии, а реализована Зая-Пандитой Найхамчжамцо, ойратским просветителем и проповедником. Благодаря ему было создано единое ойратское письмо на основе уйгурской письменности, оно было упрощено и приспособлено для передачи устной речи.

XVIII век стал периодом взлета и стремительного падения Джунгарского ханства. В первой половине XVIII века территория Джунгарского ханства расширилась настолько, что ойратское государство стало реальной угрозой для агрессивного молодого государства маньчжуров. В 1758 году во время маньчжурского «каратского похода» практически все население Джунгарского ханства было уничтожено. Глава антимаьчжурского выступления нойон Амурсана бежал в Россию. Также Россия стала прибежищем для многих ойратов, спасавшихся бегством во время геноцида. На сегодняшний день потомки ойратов проживают в Синьцзяне, на Волге (они известны как калмыки), в Тибете, в Западной Монголии.

За короткий период своего существования ойратское этническое объединение сформировало особый тип мировоззрения, основные позиции которого мы попытаемся выявить. На первом этапе своего формирования ой-

ратская общность испытывала сильное влияние природной среды, поскольку ей пришлось совершить переход из лесной зоны Прибайкалья в степную, пересеченную горными хребтами. Именно в этих природных условиях стало формироваться ойратское этническое объединение и складываться Джунгарское ханство. Гумилев, исследуя проблемы взаимоотношений этноса и окружающей, в одной из своих работ обратил внимание на влияние природной составляющей не только на этнические процессы, но и на характер общественно политического строя, которое принимает этническое формирования, проживающее на данной территории. Эти закономерности Гумилев рассматривает на примере Великой степи, куда входит и территория Монголии. Великая степь делится на две части, разделительная полоса проходит в восточной Джунгарии. Автор отмечает различные типы социального устройства: если на востоке было велико стремление к сильной централизованной власти (и это подтверждается примерами возникновения здесь различных империй), то на западе было характерно появление конфедераций – племенных союзов. Ойратский союз Гумилев называет «классическим примером децентрализации». [12, с. 269] Эти особенности Гумилев объясняет различными климатическими и природными условиями, которые в первую очередь отразились на хозяйстве, а уже потом на социально-политическом устройстве, при котором существовал этнос. Так в восточной части Великой степи сложились традиции выпасать скот в степи, и пастухи имели возможность постоянно общаться друг с другом, это и создало привычку координации в масштабах большого государства. На западе были созданы условия для ведения изолированного хозяйства, так как скот выгонялся на летние пастбища высоко в горы, а подъем осуществлялся по узким горным долинам, принадлежащим отдельным родам. Рискнем предположить, что именно географическая и хозяйственная составляющая повлияли на обособленность ойратов, их мобильность и стремление к независимости, как в рамках всего государства, так и внутри союза.

«Имперский» период в истории ойратов также оставил глубокий след в их этническом мировоззрении. Этот период, как мы уже отмечали выше, был довольно по-

четным для ойратов и закрепился в их сознании как некий «золотой век». Ярким подтверждением тому служит тот факт, что в конце XVII века ойратский Галдан Бошотгу хан выступил против маньчжуров за освобождение Халхи и восстановление великой монгольской империи.

Важной вехой в становлении этнического мировоззрения ойратов стал послечингисовский период. Именно тогда закладывается противопоставление себя, своей общности восточным монголам, которое частично проявляется и сейчас среди населения западно-монгольских аймаков, в чем мы могли убедиться лично.

XVII век привнес в мировоззрение ойратов ряд ценностных установок, осмысленных с точки зрения возможности сохранения этноса и государства. Наиболее важными для сохранения этнической общности становится принцип всесторонней консолидации, который реализуется в сфере политики и права, религии, а также культуры и просвещения.

Разгром Джунгарского ханства в XVIII веке сформировал систему геополитических воззрений ойратов. В-первых, это восприятие Китая как главного противника. Во-вторых, отношение к России как источника возрождения былого величия. Так, русские путешественники, побывавшие в Синьцзяне в конце XIX века отмечают, что среди ойратов бытует легенда о том, что Амурсана переродится в России и вернется, чтобы освободить Монголию от маньчжурского владычества [13, с. 130].

Сейчас трудно установить в какой степени эти позиции мировоззрения ойратов актуальны, поскольку этноса как такого не существует, а его представители пространственно слишком отдалены друг от друга. Однако, мы на основе эмпирических данных, полученных методом включенного наблюдения в ходе двухлетнего пребывания в Западной Монголии можем утверждать, что некоторые из этих восприятий и оценок, характерных для достаточно широкого круга представителей этнической общности, существуют и по сей день в исторической памяти народа. А, кроме того, они нашли свое отражение в культуре: в сказаниях, исторической и биографической литературе ойратов.

Библиографический список

1. Авляев, Г. О. Происхождение калмыцкого народа (середина IX – 1 четверть XVIII вв.) / Г. О. Авляев. – М.–Элиста., 1994. – 250 с.
2. Авляев, Г. О. К вопросу о происхождении торгоутов и хошоутов в этническом составе средневековых ойратов Джунгарии (К проблеме этногенеза калмыков) / Г. О. Авляев, В. П. Санчилов // Проблемы этногенеза калмыков. – Элиста., 1984. – С. 43-59.
3. Бартольд, В. В. Сочинения / В. В. Бартольд. – М.: Изд. Восточной литературы, 1963. Т.1. – 760 с.
4. Вайнштейн, С. И. Мир кочевников Азии / С. И. Вайнштейн. – М. : Наука, 1991. – 295 с.
5. Владимирцов, Б. Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов / Б. Я. Владимирцов. – М.: Восточная литература, 2002. – 557 с.
6. Гумилев, Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / Л. Н. Гумилев. – Л. : Гидрометеоиздат, 1990. – 27 с.
7. Джованни дель Плано Карпини. История монгалов. Гийом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Марко Поло. Книга Марко Поло. – М. : Мысль, 1997. – 392 с.
8. Златкин, И. Я. История Джунгарского ханства 1635-1758 гг. / И. Я. Златкин – М.: Наука, 1983. – 332 с.
9. Китинов, Б. У. Священный Тибет и воинственная степь / Б. У. Китинов. – М. : Т-во научных изданий КМК, 2004. – 190 с.
10. Петров, В.И. Мятежное сердце Азии: Синьцзян: краткая история народных движений и воспоминания / В. И. Петров. – М.: Изд. «Крафт+», 2003. – 528 с.
11. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т.1 кн. 2 / Пер. с перс. О. И. Смирновой. – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1952.
12. Ритмы Евразии. – СПб. : СЗКЭО, 2003. – 579 с.
13. Роборовский, В.И. Путешествие в Восточный Тянь-Шань и Нань-Шань / В. И. Роборовский. – М. : Географгиз, 1949. – 492 с.
14. Шара Туджи (монгольская летопись XVII века). – Пер. с монг. Н. П. Шастиной. – М.-Л.: Издательство АН СССР, 1957. – 130 с.

Материал поступил в редакцию 08.12.07

УДК 792.03(571.1/5)

С.Д. Бортников**ТЕАТРАЛЬНОЕ ИСКУССТВО СИБИРИ В 1960-1985 гг.**

На материале обширных архивных исследований представлен противоречивый социокультурный процесс развития театрального искусства в Сибири во второй половине XX века до начала рыночных реформ в России.

Свою историю профессиональный театр Сибири начинает с 1790 г., когда по инициативе правителя Тобольского наместничества В.А. Алябьева, отца будущего композитора, открывается театр, где играют приглашенные актеры [1]. Однако говорить о становлении театра в Сибири следует со второй половины XIX века, когда для театров строятся постоянные здания, а театральные сезоны не ограничиваются одноразовыми гастролями профессиональных трупп. В Иркутске это 1851 год, в Красноярске – 1852, Тюмени – 1857, Томске – 1861, Омске – 1874, Барнауле – 1896, Тобольске – 1900, Чите – 1912. В Новониколаевске, молодом сибирском городе, первый театр появился в городском саду накануне I Мировой войны. Из областных и краевых центров советской Сибири позже всех стационарный театр открылся в Кемерове – в 1934 г. [2]. В основном в советское время театры открывались в 20-30 гг. К 1961 г. в Сибири работал 39 театров. В 1980 г. их насчитывалось 47. Из которых 2 – оперы и балета, 22 – драматические, 6 – музыкальные, остальные – кукольные и ТЮЗы [3]. Творческий штат театров в эти годы колебался от 9 человек (Новосибирский театр кукол в 1961 г.) и 18 работников (Бийский драматический театр в 1965) до 343 в Новосибирском театре оперы и балета в 1980 [4]. Всего актеров в Сибири, по подсчетам автора статьи, на рубеже 70-80-х гг. было 1200–1300 человек. Около ста из них носили почетные звания, были лауреатами различных премий, в том числе и местных. Ниже будет рассмотрено развитие только театров драмы, кукол и ТЮЗов. (Театры оперы и балета и музыкальные в этой работе рассматриваться не будут).

Творческие работники театров в подавляющем своем большинстве имели профессиональное театральное образование, которое было получено в театральных училищах страны. Лиц с высшим образованием было мало, в лучшем случае до 15% в коллективе. В труппах отдельных театров и в разные периоды времени преобладали люди без профессионального образования. В 1968 г. в Новосибирском областном театре драмы более 50% актеров работали без специального театрального образования. Из 30 актеров только 1 имел высшее образование. В 1966 г. в Прокопьевском городском драматическом театре у 8 человек не было даже студийного образования [5]. Однако, как показывает театральная практика Сибири и всей страны, успеха на сцене могли и могут добиваться люди и без специального театрального и без высшего образования.

В начале 60-х гг. театральное искусство СССР испытало на себе мощную государственную кампанию по сокращению расходов на содержание учреждений искусства. Так, в 1962 г. было принято решение сократить штаты театров РСФСР на 5%. В краях и областях дирекции театров объединялись, расходы на ВТО (Всероссийское театральное общество) и их штаты сокращались в 1963 г. на 281 тысячу рублей и 142 штатных единицы. Было также решено снять с государственной дотации 36 из 281 театров РСФСР. (Без дотаций должны были рабо-

тать драматические театры гг. Барнаула, Рубцовска, Красноярска, Иркутска, Новокузнецка, Омска, Тюмени, новосибирский «Красный факел» и красноярский кукольный театр. Десять убыточных театров России должны были перевести в народные. Естественно, расходы сокращались и на творческие союзы, и другие учреждения искусств, и на художественную самодеятельность [6]. Государственные органы все это делали несмотря на решения XXII съезда КПСС, где была поставлена задача об эстетическом воспитании советского человека [7].

Начало 60-х гг., проходившее под знаком выполнения решений III программы КПСС, ознаменовалось мощной кампанией по распространению общественных начал в работе государственных учреждений и организаций. Эту политику в театральном искусстве поддержали те круги, которые в силу каких-либо обстоятельств, призывали уничтожить профессиональный театр, на смену которому должен был прийти театр народный, самодеятельный. ВТО, здравомыслящие театральные круги страны протолкали гигантскую работу, чтобы не допустить этого. Известные мастера сцены, не отрицая важности работы по становлению и развитию народных театров, силой своего авторитета и при помощи широких кругов общественности смогли убедить властные структуры не уничтожать профессиональное театральное искусство [8]. Уже позднее, в 1971 г., на республиканской конференции ВТО по народным театрам Урала и Западной Сибири заместитель министра культуры СССР В.М. Стриганов подвел итоги этого направления за 10-11 лет. Он говорил, что в 1970-1971 гг. в сельской местности действовало около 600 народных театров. Пятьдесят из них представляли собой интересные коллективы, 200-250 работали на среднем уровне, 150-200 только числились на бумаге. Как профессионально работающие народные театры Западной Сибири замминистра назвал Колпашевский (Томская область) и Карасукский (Новосибирская область) [9]. После 1971 г. я автор статьи не обнаружил в государственных архивах документов, направлявших усилия центральных и местных властей на развитие этого феномена в искусстве. (От кормила власти в СССР ушли последние революционеры-романтики, одним из которых, несомненно, был Н.С. Хрущев, инициатор принятия III Программы КПСС, говорившей о приоритете общественных начал перед государственными. «Не нужно перехода к социализму, – говорил в свое время А.В. Луначарский, – если люди не сделаются от этого мудрее, красивее, умнее. А эти вопросы больше всего развиваются в области творчества человеческого мирозерцания, в области художественного творчества, в умении наслаждаться природой и в умении придать ей законченные изящные формы, в области перевоспитания человечества из этого уродца, из этого эгоиста в настоящего человека, о котором мы мечтаем и который является целью каждого социалиста» [10].

В 1963–1964 гг. руководителям ВТО удалось преодолеть еще одно веяние, исходившее от государственных чиновников. Последние ни хотели детско-юношеские и кукольные театры превратить в филиалы драматических. Известные артисты М. Царев, Е. Шатрова, Н. Петров и другие написали письмо в Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Министерство культуры РСФСР, в котором предупреждали о реальной опасности: театры кукол и ТЮЗы, став филиалами, утратят педагогическую направленность, а большие труппы драматических театров не смогут рентабельно работать на малых сценах, к которым привыкли первые. Также они вновь напомнили, что профессиональные театры нельзя преобразовывать в народные, последние должны вырастать из художественной самостоятельности [11].

Вышеперечисленные веяния и кампании, естественно, затронули и сибирские театры. Накал страстей здесь был меньше, ведь местные власти во всем следовали указаниям Москвы. В регионе они заставили все театры иметь театры-спутники, вести работу в широко открытых тогда университетах культуры, помогать художественной самостоятельности трудовых коллективов города и села. Кроме этого, городские власти некоторых краев и областей обязали театры создавать «передвижные театры» на летнее время [12].

В исследуемый период большую работу по развитию театрального искусства играли ВТО и его местные отделения. ВТО организовывало конференции, совещания, семинары, где театральные деятели могли встретиться, обсудить злободневные вопросы, обменяться мнениями, опытом. ВТО финансировало поездки работников на стажировки, в командировки в другие регионы и за границу. Так, в 1963–1964 гг. в командировках по линии ВТО побывало 25 томичей. С 1968 по 1970 гг. 16 кемеровчан посетили гг. Красноярск, Иркутск, Новосибирск, Томск, Барнаул, Омск, 17 выезжали в Москву. За это время 5 командировок было за рубеж: в Англию, Австрию, Югославию, Венгрию, Болгарию. В 1979 г. 12 новосибирцев побывали в различных городах Советского Союза и 6 за границей [13].

У ВТО местные организации получали профессиональную помощь в лице профессорско-преподавательских кадров театральных вузов страны, критиков-театроведов, знаменитых опытных актеров. В 1966 г. тюменское отделение ВТО обратилось в Москву с просьбой прислать критика-театроведа в гг. Тюмень и Тобольск. В Иркутске в 1967 г. заслуженный артист РСФСР из Малого театра А.Б. Шатрин поставил 2 спектакля в областном драматическом театре, репетиции которых проходили как открытые лекции [14]. В целом за постановку профессиональной учебы в театрах страны, кроме администрации, отвечали местные отделения ВТО. Они поднимали общий уровень теоретических и практических знаний театральных работников, местных критиков. К чести сибиряков необходимо привести слова С.Х. Раппопорта из центральных органов ВТО, сказанные им на кустовом семинаре в Новосибирске в 1965 г.: «Нет такой более-менее интересной статьи или книги, которая не была бы им неизвестна» [15]. Москвичи же иной раз допускали высокомерие, находясь в провинции. В 1968 г. коллектив Иркутского драматического театра готовился к приезду бригады ВТО очень серьезно. Критика же свелась к поверхностному разбору спектаклей, причем в неуважительной для сибиряков форме [16].

Эти два примера показывают, что всегда существовало разделение на столичную и периферийную интеллигенцию. Противоречие сводилось к тому, что если

последняя старалась следить за новинками литературы, которые в советские времена с большим опозданием попадали в провинцию, то интеллигенция центра знала самые последние достижения искусствоведческой науки и использовала их в своих работах и выступлениях. К этому следует прибавить определенное знание столичной интеллигенцией мирового театрального опыта и массу слухов и домыслов, столь характерных для советской столицы того времени. Таким образом, столичную интеллигенцию выделял из общей массы определенный объем информации. По мнению автора статьи, нет принципиального разделения на столичную и провинциальную интеллигенцию. В провинции есть недостаток информации и вызванное этим обстоятельством незнание. Умные и независимые люди это понимали всегда, никогда великие мастера театра, истинные интеллигенты не показывали свое превосходство над коллегами с периферии. А те, кто демонстрировал столичное пренебрежение провинцией, были либо чиновники от искусства, либо люди с дефектами воспитания и общей культуры, либо вчерашние провинциалы, волею случая попавшие в центр. С другой стороны, был и воинствующий провинциализм. «Мы академиев не кончали», – это не просто цитата из И. Ильфа и Е. Петрова, а бравада узкого слоя провинциальной интеллигенции, вызванная местным происхождением и завистью к столичной богеме. У театральных деятелей провинции была и естественная робость и преклонение перед известными всему миру мастерами, понимание недостаточности своего образования, полученного в глубинке. Наконец, было понимание сущности советской системы, которая обрекала провинцию на вторые роли в государстве в целом и в искусстве в частности.

Отделения ВТО поднимали вопросы по плодотворной работе театров в специфических условиях региона. Особенно их волновали нехватка или полное отсутствие приспособленного, в данном случае утепленного, автотранспорта, малогабаритной аппаратуры для малых сцен, отсутствие типового проекта для сибирского клуба с оборудованной сценой [17]. В 1980 г. даже декорации ТЮЗа не вошли ни в один клуб на севере Томской области [18]. ВТО организовывало сотрудничество театров разного профиля, их рекламу, помогало выпускать методическую литературу, способствовало расширению связей театров с местной прессой, радио, телевидением, финансировало некоторые проекты. Например, Новосибирское отделение ВТО в 1980 г. выпустило брошюру «Репертуар Новосибирского государственного ордена «Знак почета» театра юного зрителя за 1930–1980 гг.» ВТО помогало в какой-то мере решать бытовые проблемы творческих и технических работников, особенно ветеранов театрального искусства. В 1965 г. Тюменское отделение ВТО вошло с ходатайством в центральные органы ВТО о предоставлении места в доме для ветеранов сцены Опалихиной Т.Г., одинокой пенсионерке областного драматического театра, которая всю жизнь отдала этому театру и у которой был только один перерыв на тюменской сцене – она была на фронте в составе театральных бригад [19].

Самой мощной в Сибири была организация ВТО в Новосибирске, которая в конце 70-х гг. насчитывала 610 членов и имела секции критиков, политико-массовую, экономики и социологии театра, содружества театров с промышленными предприятиями, по театральному обслуживанию села, детских театров, драматургов, историко-театроведческую, театральных художников, массовых представлений, соцбытсекцию [20].

В целом сибирские отделения ВТО работали по следующим направлениям: оказание помощи творческим работникам и рабочим производственно-вспомогательных цехов в повышении профессионального мастерства и идейно-творческого роста; распространение театральных знаний; воспитание граждан средствами театрального искусства; пропаганда творчества местных театров.

Отделения ВТО координировали деятельность театров, но коллективы сибирских театров – больших и малых, краевых, областных центров и глубинных городов региона, стационарных и передвижных – жили каждый своей жизнью. Все они по-разному котируются и не только по государственной категории, но и у зрителей. У всех были свои взлеты и падения. Одни театры знала вся страна, и они были участниками престижных гастролей за рубежом, другие годами не выезжали за пределы своей области или края. Одни играли в заполненных залах, другие все эти годы существовали только благодаря государственным дотациям и помощи местных партийных органов. Одни коллективы ставили самые высокие творческие задачи и в результате упорной работы достигали их, другие жили от зарплаты до зарплаты, имея в труппе взаимную неприязнь, хамство, пьянку, аморальные явления и грубость. Одни были по статусу государственными театрами драмы, другие – ТюЗами и кукольными театрами, в которых оплата была меньше, а выездных спектаклей на порядок больше. Они уже по своему названию были «младшими» (по образному выражению главного режиссера Томского театра кукол г. К. Искандерова, сказанному им в октябре 1977 г.), в которых «работать было непрестижно» [21]. Залы меньше, цена билета ниже, хлопот с публикой (дети) больше, внимание критиков, прессы, СМИ, раздача званий – все в последнюю очередь.

Таковы процессы развития сибирского театра. Проблемы, которые волновали его, большей частью были присущи всему театральному искусству страны, другие были рождены региональной спецификой.

Важнейшей проблемой для государственных театров (в то время других театров не было) было выполнение финансового плана. Она волновала всех: областное или краевое управление культурой, администрацию театра, его худсовет, партийную, профсоюзную и комсомольскую организации. От выполнения финплана зависело, будет ли труппа довольно спокойно жить и решать чисто творческие вопросы, или она будет лихорадочно искать пути решения финансовой проблемы со всеми вытекающими последствиями.

Решение этого вопроса, по мнению властных структур того времени, складывался из многих факторов, но главным был один – правильно подобранный и идеологически выдержанный репертуар. Он, как правило, формировался по следующему принципу: большую часть должны были занимать пьесы советских авторов, обязательно должна быть русская и зарубежная классика, несколько пьес современных зарубежных авторов (лучше, если они будут из социалистических стран) и непременно пьесы местных авторов или пьесы, имеющие сибирскую тематику. Последнее требование было во всех постановлениях самых высоких властных структур того времени [22]. Вот, например, анализ репертуара 1967 г. Тобольского драматического театра. Всего было поставлено 13 спектаклей по произведениям Н. Погодина, В. Войновича, В. Тур, М. Булгакова, В. Покровского, В. Коростылева, М. Горького, Н. Лескова, И. Гон-

чарова, Ж.Б. Мольера, К. Вестлингера. Иркутский драматический театр в 1976 г. имел в репертуаре 15 спектаклей: 9 – советских, 3 – русской классики, 2 – западных драматургов, 3 – местных авторов [23]. Пропорции, как видим, особенно во втором случае, соблюдены идеально. Так было в театрах практически всей Сибири. Но все сибирские театры, за редчайшим исключением (о них ниже), имели проблемы с посещаемостью своих спектаклей [24]. Причем не выполнялась даже плановая посещаемость. Так, при контрольных цифрах последней в 63% в Ачинском городском драматическом театре она в 1976 г. составляла 58% [25]. Репертуар местного театра, как и других малых городов Сибири, где не было никаких других учреждений искусства, жестко контролировался и в обязательном порядке утверждался на бюро городского комитета КПСС. Как видно из этого примера, репертуар не играл существенной роли в привлечении зрителя в театр.

Наполняемость театров не зависела от соотношения классических пьес и произведений современных авторов. В 1962 г. в Томском областном драматическом театре на одном из собраний коллектива была брошена в пылу полемики фраза: «Оставить классику и остаться с пустым залом». А в г. Барнауле в 1974 г. наполняемость краевого театра драмы на классических спектаклях составила 70%, современных – 50% [26]. Что касается произведений местных авторов, то после премьерного всплеска зрительского внимания все возвращалось на прежние места. Так, читинские и иркутские органы власти всегда, особенно в 70-е гг. отмечали в своих постановлениях, что на сценах местных театров идут пьесы сибирских писателей и драматургов, но кардинального изменения в посещении театров в гг. Чите и Иркутске не происходило [27]. Такой же эффект производили и разовые приглашения иногородних и даже иностранных режиссеров. Так, постановки в Томском драматическом в начале 60-х гг. разовых спектаклей, в Иркутском драматической в 1967 г. заслуженного деятеля искусств Киргизской ССР М.М. Рогаяева, режиссера из Германской Демократической Республики В. Майера в 1979 г., польского режиссера в «Красном факеле» в конце 60-х – начале 70-х, венгров Р. Ногради и Л. Яноша в 1970 г. в Кемеровском областном драматическом театре привели к кратковременному вниманию местного населения, но привлечь интерес зрителей на долгое время они не смогли [28].

Не могли привлечь многочисленного сибирского зрителя (а только ли сибирского?) ни реклама (красочная, на специальных щитах, световом табло, фотореклама, буклеты), ни краевая и областная пресса, радио, телевидение, ни зрительские конференции, ни выездные сценические отрывки в трудовых коллективах, ни подача автобусов к окончанию спектаклей, ни продажа билетов в разных районах города, ни расширенная продажа книг в дни премьер в фойе театров, ни театральные поезда, которые привозили селян из пригородов на спектакли, ни клубы друзей театров и зрительский актив, ни речные гастроли по «большой воде» в июне каждого года, ни гласное подведение итогов театральных сезонов, ни социалистическое соревнование Алтайского и Красноярского драматических театров, ни социологические исследования среди зрителей и их анкетирование [29]. Работа по привлечению зрителей, как видно из вышеперечисленных мер, была проделана огромная. Но на финансовое выполнение плана влияли не они, а частые премьеры. От семи до девяти премьер за сезон в сибирских театрах никого не удивляли. В Тюменском

областном драмтеатре в 1962 г. состоялось 11 премьер [30]. (Какой московский театр это делал и когда?!). Со временем управленческие советские структуры придумали «Дни театра», когда профкомы промышленных предприятий обязывали покупать билеты на определенные спектакли и бесплатно раздавать их в трудовых коллективах. Финансовый план таким образом выполнялся, но залы при этом были полупустыми, хотя это власти уже не интересовало. «Дни театров» взращивали изживденческие настроения администрации театров иной раз до такой степени, что последние жаловались во властные структуры, что промышленные предприятия не проявляют должной заинтересованности в этих «Днях» [31]. На 80-90% ту же функцию выполнения финплана любым путем и заботы о помощи персоналу театров выполняло творческое содружество театров с промышленными предприятиями. Эта «дружба» снимала с управлений культуры и проблему лечения театральных работников в санаториях, профилакториях, летнего отдыха их детей [32]. Все это ложилось на профкомы производственных коллективов.

На посещаемость сибирских театров влияли объективные и субъективные причины. Объективных причин было две: сильные морозы и карантин из-за массовых простудных заболеваний, которые особенно сильно затрагивали юных зрителей. Была еще одна объективная причина – болезнь актеров, но она была вызвана проблемами субъективного порядка, когда из-за нерадивости городских коммунальщиков и театральных сантехников в залах театров было холодно и артисты болели, а зрители просто не приходили на спектакли в холодные помещения [33].

Субъективные причины были как относящиеся к творческим процессам, так и зависящие от отношения артистов и других работников театра к своим обязанностям, друг к другу, норм внутренней корпоративной культуры в театрах.

К первым следует отнести порой низкую профессиональную подготовленность творческих работников. В документах всех театров региона, за малым исключением, везде поднимались проблемы профессиональной учебы актеров. Это справедливо по отношению к артистам ТЮЗов, ведь специально их никто не готовил [34]. Но когда документы свидетельствуют об учебе по таким направлениям, как сцендвижение, сценречь, танец и многое другое [35], то создается впечатление, что в театральных училищах студентам давалась очень слабая подготовка, либо в театрах к актерам, выпускникам училищ предъявляли совсем другие требования.

На качественном выполнении своих обязанностей сказывалась амбициозность некоторой части театральных деятелей, связанная в основном с малым практическим опытом работы. Например, в Новокузнецком драматическом театре спектакль молодого режиссера по пьесе Шиллера «Разбойники» продержался на сцене только 1 месяц. В рецензии на него было написано: «На сцене мрачный, озлобленный мир. Трудно понять, к чему нагромождение выразительных средств». Непонятными остались для зрителей и специалисты световые эффекты в «Красном факеле» в 1965 г. [36].

Важной проблемой для сибиряков была текучесть кадров. В справке Кемеровского отделения ВТО в 1969 г. сообщалось, что в областном театре драмы стало нормой, такая ситуация, когда один режиссер начинает сезон в театре, а другой заканчивает. Из-за такого положения дел в театре за 1968 год уволилось 23 актера, 3

очередных режиссера, 2 заместителя постановочной части. За 1972-1977 гг. в Томском театре кукол сменилось 5 режиссеров. В 1967 г. в Алтайском краевом театре драмы не хватало семи артистов, трех музыкантов и режиссера. За 1968-1970 гг. новосибирский «Красный факел» покинули 30 человек. В Омском театре кукол за 1969 год было уволено 11 человек, принято 10. В Читинском драматическом в 1973-1974 гг. уволилось 15 человек, принято также 15. С 1965 по 1969 гг. в Иркутском театре драмы сменилось 3 главных режиссера и 15 очередных. Из-за этого в 1968-1969 гг. из театра ушло 11 человек творческого состава. Бюро Иркутского обкома КПСС вынуждено было обратиться за помощью в деле укомплектования труппы в Министерство культуры РСФСР [37]. Анализируя эти цифры, можно констатировать, что нормальной творческой работы в театрах в определенные временные отрезки просто не было.

Проблемой, существенно снижавшей творческий потенциал театров, была неуккомплектованность трупп. Например, в Иркутском областном драматическом театре в 1966 г. из 35 имевшихся актера (по штату должно было быть 50) 20 были женщинами. Через 5 лет ситуация изменилась весьма своеобразно. В документах говорится, что в труппе много молодых женщин, в 1973 г. опять было отмечено, что кардинальных изменений в составе труппы не произошло [38]. В 1978 г. в Красноярском краевом драматическом театре работала возрастная труппа с преобладанием актрис. Не хватало молодежи в 1968 г. в Ачинском драмтеатре, а в 1962 г. в «Красном факеле» только 6 человек были в возрасте до 30 лет. Для того, чтобы как-то изменить ситуацию, когда в коллективе не было целого ряда амплуа, главный режиссер Томского драматического театра в 1976 г. решил на реформирование труппы [39].

Снижало интерес зрителей к театру небрежное оформление декораций, старые, поношенные костюмы, шум за кулисами во время спектаклей, несоблюдение сроков выхода новых театральных работ или то обстоятельство, что они выходили без генеральных репетиций (это было характерно для детских театров), сложности с инвентарем [40]. С течением времени, особенно в годы правления Л.И. Брежнева, поток этих «мелочей жизни» стал возрастать. Они стали отравлять нормальную жизнь страны в политике, экономике, культуре. Учреждения искусства, к сожалению, не избежали этой негативной тенденции.

Отношение творческих театральных работников к своей работе, друг к другу сказывалось на зрителях непосредственно и опосредованно. К непосредственным факторам относятся нарушения трудовой дисциплины. Они, как правило, случались из-за злоупотребления актерами алкоголем. Так, в Новосибирском ТЮЗе в 1971 г. артист, игравший старшину Васкова в пьесе «А зори здесь тихие», был нетрезв. После спектакля, естественно, были звонки, письма с жалобами зрителей как в театр, так и во властные структуры. В феврале 1981 г. на спектакле «Гнездо глухаря» в Алтайском драмтеатре был пьян задействованный в постановке заслуженный артист РСФСР [41].

Опосредованно на посещаемость театров влияла аритмичность в работе над спектаклем и занятость в них актеров. Простой и загруженность артистов сказывались на их творческом потенциале, приводили к ухудшению артистических возможностей. В 1972 г. в Омском ТЮЗе из 46 актеров план I квартала не выполнили 40 человек. Артисты Томского драматического театра в 1969 г. пря-

мо заявили на одном из собраний, что их незагруженность приводит к депрессиям в труппе. Они также указали руководству театра, что авралы, анархия, аритмичность негативно влияли на творческую жизнь коллектива. Спешка при выпуске спектаклей также не лучшим образом сказывалась на успехах театральных деятелей [42].

Отношения работников театров были далеки от идиллии творческого сотрудничества, о котором писалось в большинстве официальных изданий и показывалось в советской кинохронике. Высказывания: «в коллективе много недружелюбия» или «труппа не является единым коллективом» встречаются во многих архивных документах, что естественно для художественной интеллигенции. Дело иной раз доходило до отторжения труппой отдельных личностей. Главные режиссеры в среде отверженных преобладали [43]. Случались и парадоксы, когда коллективы жаловались во все инстанции на отдельных заведомо слабых работников, но вынуждены были терпеть, так как их нечем было заменить или никто не хотел идти на эти должности. Совсем курьезно выглядят факты, когда слабые в творческом отношении актеры и режиссеры из-за занятости мастеров посылались в творческие командировки за рубеж [44]. (И это происходило в Сибири, когда все заграничные командировки театральных деятелей в исследуемые годы по линии ВТО единичны.) Часты были столкновения в театрах старшего и молодого поколений. Старые артисты обвиняли молодежь в непочтении к возрасту и заслугам, в инфантилизме, а возражения молодых сводились в целом по всем театрам к одной фразе: «Хватит в нас видеть несмышленнейшей» [45].

Опосредованно на творческий процесс влияло материальное состояние театральных работников, их бытовая неустроенность. Молодой режиссер из Читы Н. Лысенко, например, долгое время жил в гостинице, что отмечалось на партактиве области в 1974 г. [46]. О маленькой заработной плате актеров, их плохой обеспеченности жильем, неустроенности и бедности театральных столовых и буфетов, нехватке транспорта упоминать было бы лишне, поскольку это было характерно для большей части различных социальных категорий СССР в целом. Особенно выделялась плохая, а подчас плачевная материальная база театров, особенно ТЮЗов и кукольных театров. В 1962 г. в Черемхове Иркутской области зрители боялись заходить в здание театра, настолько оно было ветхим. В 1963 г. Красноярский театр драмы не работал целый год – отсутствовало помещение. В 1965 г. Омский ТЮЗ был закрыт из-за аварийного состояния здания [47]. Представители власти, конечно, принимали меры, и здания театров ремонтировались, строились новые. Но многие объекты соцкультбыта в СССР были «долгостроями». Так, например, новое здание для Читинского драматического театра стали строить в 1965 г. В 1967 г. на бюро Читинского обкома КПСС было отмечено, что освоено средств на строительстве 40%, а на аналогичном заседании 1969 г. прозвучала цифра в 60%. Когда в 1976 г. прошли все сроки ввода нового здания для драматического театра, Черемховские власти в городе и областное управление культуры стало настаивать о переводе театра в г. Братск, приняли широкомасштабное постановление по скорейшему вводу театра в действие. Когда конфликтная ситуация несколько разрядилась и управление культуры сняло свою угрозу, здание театра все еще не было построено. В 1979 г. было принято новое постановление по тому же

самому вопросу, так как прежнее решение не было выполнено. Местные власти в Сибирском регионе «перенимали опыт» в этом плане у Москвы. I секретарь Читинского обкома КПСС на областной отчетно-выборной конференции в январе 1981 г. прямо говорил о том, что Министерство культуры РСФСР не выполняет им же разработанный план мероприятий по культурному обслуживанию жителей Сибири и Дальнего Востока [48].

С 60-х гг. четко проявляется определенная негативная тенденция в качественном строительстве объектов культуры. Строительные организации нарушали свои прямые обязанности, поэтому переезда в новые здания театральных администрации бросали все силы и средства на устранение недоделок. Из новых театральных зданий Сибири того времени с большими недостатками было принято здание театра драмы в г. Томске. Коллектив театра в 1978 г. на своем собрании очень горячо возмущался недоделками строителей [49], что, впрочем, было оставлено без внимания.

Вышеперечисленные факты были характерны для советской модели социализма. Но творческих работников волновало также то, что «актер – последний человек в театре, а художник – мальчик на побегушках», «художник в кукольном театре не только делает эскизы кукол и декораций, но и является скульптором, бутафором, костюмером», что «без беготни по халтурам невозможно прожить на заработную плату». Они стали реагировать на то, что власти, требуя выполнения финансового плана, критиковали худсоветы за репертуар, подобранный так, «чтобы сделать кассу», «в спектаклях много рыцарей и цыган», что «есть тенденции к постановке пьес камерного характера», «мещанство заполонило сцену». [50]. Таким образом, театральные работники начали понимать, что неэффективность государственная идеологизированная система власти и что театральные группы «народного контроля» эти проблемы не решат. Это понимание рождало «фронду» по отношению к властям, чаще пассивную, иногда был просто всплеск эмоций. Но больше «голосовали ногами», когда не приходили на занятия политсети, или игнорировали напыщенные речи партийных руководителей. В Барнауле в 1976 г. большая часть театральной молодежи покинула здание крайкома партии после перерыва, где местные власти встречались с творческой интеллигенцией края [51].

Проблема «лишнего билетика» была в Сибири только в Омске [52]. Газета «Молодой сибиряк» 27 марта 1969 г. опубликовала материалы «круглого стола», проведенного в газете, на котором начальник Омского областного управления культуры Н. Бревнова не без гордости сказала: «Проблемы пустого зала для Омска нет». (Автор знает это из собственного опыта.) По документам не было особых проблем с посещаемостью в Тюменском драматическом театре [53].

На посещаемость театров омскими зрителями, особенно в драматическом театре, не влияло то, что в репертуаре «нет пьес на героико-революционную тему, о жизни молодежи, современного села, на местном материале», мало спектаклей, «где воспета романтика труда, пробуждение творческой фантазии», «нет связи с местными писателями» [54]. На наполняемость театральных залов в г. Омске не действовало ни «панибратство главного режиссера с актерами», ни неукомплектованность труппы, ни противоречия между молодыми и пожилыми артистами, ни авралы перед сдачей спектакля, ни текучесть кадров (в свое время из Омска уехали С. Мишулин

и В. Дворжецкий, ставшие известными актерами для всей страны, и много других впоследствии знаменитых актеров), ни отсутствие режиссера и очередного художника, ни привлечение театральных работников к празднованию 250-летия Омска и др. [55]. Здесь перечислены все субъективные причины, о которых написано выше как о влияющих на посещаемость театров в регионе, но если для остальных театров Сибири это были причины, снижающие успешную работу, то Омск на этом фоне действительно благополучный театральный город.

В 1973 г. спектакль Омского театра драмы «Солдатские вдовы» удостоивается Государственной премии РСФСР им. К. Станиславского. В 1974 г. театр награжден орденом Трудового Красного Знамени. Со столетним юбилеем его поздравляет министр культуры РСФСР Ю.С. Мелентьев [56]. Свои успехи труппа связывает прежде всего с именами режиссеров Я.М. Киржнера и А.Ю. Хайкина. В 1977 г. коллектив театра сам ставит перед собой задачу добиться звания «академический», и первыми из драматических театров Сибири в 1983 г. получает это почетное для любого театрального коллектива звание [57].

Примерно такое же положение дел наблюдалось в Тюменском областном драматическом театре. Коллектив критиковался властными органами за то, что «нет спектаклей местных писателей», «артисты не берегут обувь и костюмы», «наблюдается однообразие режиссуры», мало спектаклей для нефтяников, газовиков, рыбаков, лесников, тружеников сельского хозяйства, социалистическое соревнование организовано только в технических цехах [58]. Но были и позитивные тенденции и факты: музыкальное оформление спектаклей местными композиторами, театральная сатирическая газета «Откос», которая сатирически изображала тех, кто не хотел серьезно относиться к своим обязанностям и злоупотреблял алкоголем на рабочем месте, были лауреаты театра в номинациях «Лучшая женская роль сезона» и «Лучшая мужская роль сезона», были актуальные спектакли для молодежи города, так как в нем не было ТЮЗа [59]. По мнению автора статьи, колоссальную роль в целом в стабилизации работы театра сыграл Е.А. Плавинский, который был бессменным главным режиссером театра в исследуемое двадцатипятилетие. По-своему этот человек был уникальным явлением для сибирского региона.

Заметную роль в судьбе Кемеровского театра кукол сыграл режиссер В.С. Наговицын. Под его руководством была введена принципиально новая для театра и для зрителя система кукол-марионеток, которые прославили труппу театра. Первым значительным успехом был спектакль «30 дней Кашея», за который театр в 1976 г. получил премию Министерства культуры СССР [60].

В целом творческий состав всех сибирских театров позволял решать многие проблемы театрального искусства, что приводило к известным успехам в работе. Артисты Алтайского краевого драматического театра Л.И. Двоглазов и А.Ш. Шелякина были удостоены в 1973 г. диплома II степени Всероссийского фестиваля национальной драматургии и театрального искусства СССР. Актер Л. Усов из Ачинского городского драматического театра стал дипломантом Всесоюзного конкурса 1976 г. «Смотр молодых». Коллектив Новосибирского областного драматического театра в 1968 г. получил за спектакль «Последние» диплом II степени Всероссийского фестиваля драматических и детских театров, посвященных 100-летию со дня рождения М. Горького. В 1976 г.

Черемховский городской драматический театр занял III место в конкурсе на лучшую пьесу на военно-патриотическую тему, проводимого Министерством культуры СССР, Главным Политическим управлением Советской Армии, Военно-морским Флотом СССР и Союзом писателей СССР. Новосибирский ТЮЗ был награжден орденом Трудового Красного Знамени. В 1980 г. за спектакль «Соленая падь» коллектив Томского областного драматического театра был удостоен Государственной премии РСФСР [61].

Следует отметить, что это не эпизодические успехи отдельных артистов и режиссеров, творческих коллективов Сибири. Это свидетельство хорошего профессионального уровня театров региона. Доказательством этого уровня являются отчеты сибирских театров за период гастролей. Сибирские театры, которые за редким исключением не могли собрать полные залы у себя дома, практически всегда делали финансовый план на гастролях. При этом гастрольный план выполнялся и у сибирских соседей, и в поездках по всему Советскому Союзу, не исключая г. Москву [62]. Конечно, гастрольный план во многом выполнялся благодаря эффекту «чужого» театра, который срабатывал эффективно. Но гастроли достаточно длительны, и если коллектив театра совсем не профессионален, то внимание зрителей только новизной не привлечешь. Сибирские театры играли на среднестатистическом уровне всех советских театров, естественно, с колебаниями в лучшую и худшую стороны [63].

Еще один момент существенно влиял на заполняемость провинциальных театров. Это – огромные зрительные залы. Особенно большими были залы вновь выстроенных театров в 60-70-е гг. Эти здания были предназначены не только для приобщения людей к искусству. Они были также местами слетов передовиков производства, сельского хозяйства, партхозактивов и еще многого другого. И строились они с целью вместить всех передовиков и партийных функционеров, а не камерный круг любителей Мельпомены. Поэтому идеологизированное советское государство достаточно легко списывало долги с подобного рода учреждений искусства. Служение музам отодвигалось на вторые роли. Главным было, чтобы сработал идеологический фактор, за который в первую очередь спрашивали с краевых, областных, городских властей [64].

Серьезную проблему в процессе постановки спектакля сибирские коллективы видели не только в отношении творческих работников к своим прямым обязанностям, но и в желании продуктивно работать, на что справедливо указали работники новосибирского драматического театра «Красный факел» на своем собрании в 1965 г. Важным подспорьем в успешной работе, считали артисты Томского драматического театра, является бережное отношение к каждому человеку в коллективе. Эту же мысль высказал на собрании коллектива Алтайского драматического театра народный артист России Д.Г. Паротиков, что оступившегося в чем-то артиста надо воспитывать, а не «избивать» [65]. Иной раз такого бережного отношения к артистам и нормального желания работать не было. Такие конфликты могли разрешить только властные структуры [66].

Особо актуальной проблемой в Сибири была разностилевая подготовка актеров. Все они оканчивали театральные вузы и училища, студии в разных концах Советского Союза. Все они имели разных преподавателей, которые исповедовали свои концепции в искусстве. По-

этому труппа «Красного факела» в 1975 г. очень остро поставила эту проблему. Актеры считали, что разные направления и разностильность школ привносят определенные просчеты в результаты творческого труда коллектива. На такой же точке зрения стояли читинцы, которые в 1978 г. решили пополнять труппу драмтеатра только за счет выпускников Новосибирского театрального училища. По этой же причине главный режиссер Томского драматического театра в 1974 г. побывал на выпускных государственных экзаменах в гг. Новосибирске и Свердловске и пригласил к себе в коллектив 4-х свердловчан [67]. То, что проблема разностилевой подготовки актеров была поднята в 70-е гг. вполне закономерно. Это объясняется тем, что в Сибири отсутствовало театральное высшее учебное заведение, вопрос об открытии которого поднимали сибиряки [69], а также не была развита наука о театре, его истории, что сказывалось на теоретической подготовке работников театра.

В театральном искусстве есть определенные законы и закономерности, но в нем силен фактор случайности, который трудно понять с точки зрения науки и логики. Чем объяснить, что в г. Томске, где в середине 70-х гг. в театральной труппе не было целого ряда амплуа, спектакль «Из племени кедра» имел 60 аншлагов за сезон. А Омский драматический театр, который собирал аншлаги даже в избалованной знаменитостями г. Москве, в 1967 г. потерпел неудачу со спектаклем «Матушка Кураж». Причем работники театра при выпуске спектакля посчитали, что эта работа – творческая удача коллектива, но массовый зритель на спектакль не пошел [70]. Остается только сказать, что такие аномальные случаи в искусстве по-своему закономерны. Человек, его восприятие искусства – сложные явления. И очень часто зритель не понимает мастера, а творец не знает, чего хочет зал. Если их точки зрения совпадают, то автора ждет колоссальный успех, если они различны, то следует абсолютный провал. История мирового искусства тому пример. Приведенные выше факты лишь еще раз подтверждают это.

Театральные работники Сибири жили в определенное время и в конкретной стране. Они дружили с композиторами и рабочими и осуждали своих коллег за наушничество и подлость [71]. Они дарили кукловодам Ханоя кукол, декорации, запись музыкального сопровождения спектакля – и их ссоры с соседями по дому обсуждались на месткомках и партбюро театров [72]. Они организовывали социалистическое соревнование и участвовали в

конкурсах «Лучший по профессии» [73]. Они добивались повышения категории театров и забывали о своем глубинном индивидуализме, когда их обвиняли в существующих и выдуманных прегрехах [74]. Они принимали самое активное участие в праздновании знаменательных дат страны и региона и «не проявляли должного размаха при подготовке юбилея вождя мирового пролетариата» [75]. Они открывали «клубы друзей театра», лектории «Бригантина», где пропагандировали театральное искусство и срывали из-за пьянства выездные спектакли [76]. Они знакомили студентов педагогического института с процессом создания спектакля, надеясь, что те в сибирских глухих поселках будут ставить школьные спектакли, и терпели руководителей-самодуров, которые вносили в коллективы нервозность и склоки [77].

Таким образом, несмотря на всю специфику деятельности, характерную для художественной интеллигенции, они оставались людьми, жившими в советской провинции. Они были профессионалами, но они не смели отказаться играть на неприспособленной сцене, как это сделали артисты академического Малого театра Союза ССР, когда им в г. Томске на гастролях предложили играть во Дворце спорта [78]. Двойной стандарт в решении одних и тех же проблем в СССР был негласной государственной политикой.

Театральное искусство Сибири проигрывало общесоюзному и российскому в количественных показателях. Так, театров в РСФСР в 1960 и 1980 гг. было соответственно 288 и 324. В Сибири, как отмечено выше, их было 39 и 47. На основе анализа итогов переписи населения можно констатировать, что в 1980 г. 1 театр в РСФСР приходился на 424540 человек, в Сибири – на 449225. В Эстонии с ее всего 10 театрами 1 театр приходился на 162890 человек [79], что почти в 3 раза больше давало шансов посетить спектакль жителям прибалтийской республики, чем сибирякам.

Любая статистика достаточна условна, и она не может полно охарактеризовать человеческое общество. Но, тем не менее, вышеприведенная статистика прямо указывает, что правительство СССР мало заботилось об эстетическом воспитании россиян и еще меньше сибиряков, которые жили в регионе, являющемся сырьевым придатком государства. Имперская политика СССР сказывалась в Сибири во всех сферах человеческой жизнедеятельности, и в первую очередь, в театральной культуре и искусстве, что доказывается материал данной статьи.

Библиографический список

1. Тюменская правда. – 1964. – 26 марта.
2. ЦДНИО. – Ф.127, Оп.103, Д.32, Л.43; Очерки истории Красноярской краевой организации КПСС.(1895-1980). – Красноярск, 1982. – С.563; ГАТюО. – Ф. – 726, Оп.3, Д.12, Л.33; Культура и искусство Томской области: в помощь пропагандистам, лекторам, политинформаторам, агитаторам. – Томск, 1979. – С.6; Омский государственный ордена Трудового Красного Знамени академический театр драмы. – Омск, 1987. – С. 1; ЦХАФАК. – Ф.П. – 10, Оп.61, Д.26, Л.21; ТОЦДНИ. – Ф.35, Оп.31, Д.7, Л.115; Искусство Забайкалья. – Чита, 1966. – С.8; Борисов Б.Л. История Новосибирской области. – Новосибирск, 1977. – С.18; Очерки истории партийной организации Кузбасса. ч. II.(1920-1937). – Кемерово, 1973. – С. 310.
3. Народное хозяйство Новосибирской области за 1971-1975 гг. Статистический сборник. – Новосибирск, 1976. – С.158; Народное хозяйство Новосибирской области за 1981-1985 гг. Статистический сборник. – Новосибирск, 1987. – С.105; Народное хозяйство Красноярского края. – Красноярск, 1985. – С.172; Народное хозяйство Читинской области. Статистический сборник. – Иркутск, 1965. – С.145; Народное хозяйство Читинской области. Статистический сборник. – Иркутск, 1972. – С.247; Кемеровская область в цифрах. 1976–1980. Статистический сборник. – Кемерово, 1981. – С.107-108; Кемеровская область в цифрах. Статистический сборник. – Кемерово, 1987. – С.117; Кемеровская орденоносная. Статистический сборник. – Кемерово, 1968. – С. 116; Тюменская область в цифрах. 1981–1985. Статистический сборник. – Свердловск, 1987. – С. 94, 95; Народное хозяйство Омской области. Статистический сборник. – Омск, 1967. – С.231; Народное хозяйство Омской области за 1971-1975 гг. Статистический сборник. – Омск, 1977. – С.111; Народное хозяйство Омской области в одиннадцатой пятилетке. Статистический сборник. – Омск, 1986. – С.142; Народное хозяйство Томской области. Статистический сборник. – М., 1965. – С.170; Народное хозяйство Томской области за 1971-1975 гг. Статистический сборник. – Новосибирск, 1976. – С.93; Народное хозяйство Томской области за 1976-1980 гг. Статистический сборник. – Новосибирск, 1982. – С.92; Народное хозяйство Иркутской области. Статистический сборник. – Иркутск, 1972. – 255; Народное хозяйство Иркутской области. Статистический сборник. – Иркутск, 1981. – С.117; Народное хозяйство Алтайского края в 1971 – 1975 гг. Статистический сборник. – Барнаул, 1976. – С.98; Народное хозяйство Алтая за 60 лет Советской власти. Статистический сборник. – Барнаул, 1977. – С.67.

4. ГАНО. – Ф.Р. – 1722, Оп.1, Д.42, Л.11; РГАЛИ. – Ф.970, Оп.19, Д.445, ЛЛ.1,2; ГАНО. – Ф.Р. – 1450, Оп.1, Д.586, Л.1.
5. ГАНО. – Ф.П. – 76, Оп.1, Д.1884, Л.125; ГАКО. – Ф.П. – 26, Оп.11, Д.62, Л.55.
6. РГАЛИ. – Ф.2938, Оп.2, Д.386, ЛЛ.6,8, 27 – 29; ГАРФ. – Ф.259, Оп.45, Д.1175, ЛЛ.4-20; Д.2652, ЛЛ.4-10.
7. Материалы XXII съезда КПСС. – М., 1962. – С.418-420.
8. РГАЛИ. – Ф.970, Оп.19, Д.57, ЛЛ.4,9, Д.88, ЛЛ.3-7.
9. Там же. – Оп.22, Д.1327, ЛЛ.15-20.
10. Луначарский А.В. О народном образовании. – М., 1960. – С.109-110.
11. РГАЛИ. – Ф.970, Оп.19, Д.88, ЛЛ.3-7.
12. ГАНО.-Ф.П.-586, Оп.1, Д.20, Л.25; Ф.61, Оп.1, Д.980, Л.187; ЦХИДНИ КК. – Ф.186, Оп.50, Д.3, Л.33; ТОЦДНИ. – Ф.124, Оп.179, Д.19, Л.29; ЦДНИИО. – Ф.373, Оп.1, Д.32, Л.19; ЦХАФАК. – Ф.П. – 10, Оп.54, Д.71, Л.15; ГАЧО. – Ф.П. – 1659, Оп.1, Д.12, ЛЛ.45-47.
13. ЦДНИТО. – Ф.399, Оп.7, Д.7, Л.34; ГАКО. – Ф.Р. – 984, Оп.1, Д.203, Л.7; ГАНО. – Ф.Р. – 1730, Оп.1, Д.371, ЛЛ.6-10.
14. ГАТюО. – Ф. – 726, Оп.3, Д.12, Л.21; ЦДНИИО. – Ф.373, Оп.1, Д.34, Л.16.
15. РГАЛИ. – Ф.970, Оп.19, Д.324, ЛЛ.7,8.
16. ЦДНИИО. – Ф.373, Оп.1, Д.35, Л.38.
17. ГАНО. – Ф.Р. – 1730, Оп.1, Д.81, ЛЛ.12-17; ЦХИДНИ КК. – Ф.186, Оп.50, Д.3, Л.34.
18. ЦДНИТО. – Ф.5349, Оп.1, Д.19, Л.57.
19. ГАТюО. – Ф.726, Оп.3, Д.12, Л.29.
20. ГАНО. – Ф.Р. – 1730, Оп.1, Д.371, Л.2; Д.260, Л.1.
21. ЦДНИТО. – Ф.399, Оп.7, Д.25, Л.61; РГАЛИ. – Ф.970, Оп.19, Д.72, Л.20.
22. ЦДНИИО. – Ф.127, Оп.30, Д.7, Л.274; ЦХАФАК. – Ф.П.-1, Оп.117, Д.164, Л.46; ГАНО. – Ф.П. – 4, Оп.33, Д.2738, Л.10; ТОЦДНИ. – Ф.124, Оп.207, Д.34, Л.24; Красное знамя. – 1971. – 19 ноября.
23. ТОЦДНИ. – Ф.35, Оп.23, Д.55, Л.30; ЦДНИИО. – Ф.373, Оп.1, Д.44, Л.42.
24. ЦХИДНИ КК. – Ф.26, Оп.9, Д.23, Л.186; ЦДНИТО. – Ф.607, Оп.1, Д.4603, Л.117; ЦХАФАК. – Ф.П. – 1, Оп.121, Д.15, Л.25; ЦДНИИО. – Ф.373, Оп.1, Д.31, Л.21; ГАЧО. – Ф.П. – 1659, Оп.1, Д.13, Л.19.
25. ЦХИДНИ КК. – Ф.186, Оп.60, Д.3, Л.15.
26. ЦДНИТО. – Ф.399, Оп.7, Д.8, Л.58; ЦХАФАК. – Ф.П. – 10, Оп.62, Д.37, Л.84.
27. ГАИО. – Ф.Р. – 2862, Оп.1, Д.189а, ЛЛ.1,4,5; Очерки истории Читинской областной партийной организации. Изд. 2. – Иркутск, 1986. – С.343; ГАЧО. – Ф.П. – 3, Оп.25, Д.37, Л.8.
28. ЦДНИТО. – Ф.399, Оп.7, Д.8, Л.154; ЦДНИИО. – Ф.373, Оп.1, Д.33, Л.33; Сибирь интернациональная. – Новосибирск, 1972. – С.188; Балибанов И.А. Кемерово вчера, сегодня, завтра. – Кемерово, 1982. – С.110.
29. ГАЧО. – Ф.П. – 1659, Оп.1, Д.14, ЛЛ.6,7; ЦХАФАК. – Ф.П. – 4717, Оп.1, Д.21, ЛЛ.79 – 82; ЦДНИТО. – Ф.399, Оп.7, Д.11, Л.165; ЦХИДНИ КК. – Ф.186, Оп.50, Д.3, Л.33; ГАКО. – Ф.П. – 26, Оп.11, Д.62, Л.55; ГАНО. – Ф.П. – 22, Оп.34, Д.1, Л.68; ЦХИДНИ КК. – Ф.186, Оп.60, Д.3, Л.18; ГАНО. – Ф.П. – 4, Оп.72, Д.86, Л.6; ЦХАФАК. – Ф.П. – 4717, Оп.1, Д.21, Л.56; ЦДНИТО. – Ф.399, Оп.7, Д.10, Л.52; ЦХИДНИ КК. – Ф.170, Оп.87, Д.9, Л.34; ЦХАФАК. – Ф.П. – 4717, Оп.1, Д.20, Л.12; ЦХИДНИ КК. – Ф.756, Оп.1, Д.1, Л.54.
30. РГАЛИ. – Ф.970, Оп.19, Д.404, Л.35; ГАТюО. – Ф. – 726, Оп.2, Д.22, Л.1.
31. ЦХИДНИ КК. – Ф.186, Оп.60, Д.3, Л.15.
32. ЦДНИТО. – Ф.399, Оп.7, Д.17, Л.10; ЦХАФАК. – Ф.П. – 4717, Оп.1, Д.24; Л.20; ГАНО. – Ф.П. – 583, Оп.1, Д.49, Л.44; Ф.Р. – 1491, Оп.1, Д.594, Л.9.
33. ГАОО. – Ф.Р. – 688, Оп.1, Д.113, Л.17; ГАНО. – Ф.П. – 586, Оп.1, Д.23, Л.31; ЦДНИТО. – Ф.399, Оп.7, Д.10, Л.170; ЦХИДНИ КК. – Ф.756, Оп.1, Д.4, Л.105.
34. РГАЛИ. – Ф.970, Оп.19, Д.72, Л.6.
35. ЦДНИТО. – Ф.399, Оп.7, Д.13, Л.21; ГАКО. – Ф.П. – 26, Оп.11, Д.62, Л.58; ГАНО. – Ф.П. – 586, Оп.1, Д.31, Л.32; ЦДНИИО. – Ф.373, Оп.1, Д.46, Л.15; ЦХИДНИ КК. – Ф.5117, Оп.54, Д.5, Л.293.
36. ГАКО. – Ф.Р. – 984, Оп.1, Д.224, ЛЛ.5,6.
37. Там же. – Д.206, Л.3; Ф.П. – 15, Оп.12, Д.73, Л.71; ЦДНИТО. – Ф.399, Оп.7, Д.25, ЛЛ.60,61; Из истории культурного строительства в Тюменской области. Сборник документов.1918-1975. – Свердловск, 1980. – С.333; ГАЧО. – Ф.П1 – 659, Оп.1, Д.15, Л.55; ГАОО. – Ф.Р. – 46, Оп.1, Д.122, Л.11; ЦХАФАК. – Ф.П. – 1846, Оп.1, Д.199, Л.5; ГАНО. – Ф.П. – 4, Оп.33, Д.3668, Л.22; ЦДНИИО. – Ф.127, Оп.86, Д.22, ЛЛ.16,17.
38. Там же. – Ф.159, Оп.28, Д.30, Л.128; Ф.373, Оп.1, Д.38, Л.15; Ф.159, Оп.30, Д.36, ЛЛ.6,7.
39. ЦХИДНИ КК. – Ф.756, Оп.1, Д.1, Л.54; ГАНО. – Ф.П. – 3, Оп.33, Д.2738, ЛЛ.9,10; ЦХИДНИ КК. – Ф.186, Оп.52, Д.7, Л.123; ЦДНИТО. – Ф.399, Оп.7, Д.18, Л.57; Д.22, ЛЛ.12-18.
40. ГАНО. – Ф.П. – 583, Оп.1, Д.38, Л.26; ТОЦДНИ. – Ф.2920, Оп.1, Д.2, Л.15; ГАКО. – Ф.П. – 26, Оп.11, Д.26, Л.55; ЦДНИИО. – Ф.1659, Оп.9, Д.23, Л.61; ЦХАФАК. – Ф.П. – 4717, Оп.1, Д.23, Л.83; Д.28, Л.7.
41. ГАНО. – Ф.П. – 586, Оп.1, Д.31, Л.32.
42. ЦДНИИО. – Ф.1659, Оп.9, Д.23, Л.62; ЦДНИТО. – Ф.399, Оп.7, Д.10, Л.185; Д.11, Л.194; ГАКО. – Ф.П. – 26, Оп.11, Д.26, Л.55.
43. ГАЧО. – Ф.П. – 1659, Оп.1, Д.13, ЛЛ.20,21; Д.12, Л.79; ЦДНИИО. – Ф.263, Оп.39, Д.83, Л.25; ЦДНИТО. – Ф.399, Оп.7, Д.8, ЛЛ.69,70.
44. ГАНО. – Ф.П. – 586, Оп.1, Д.24, Л.52; Д.25, Л.37.
45. ЦДНИТО. – Ф.399, Оп.7, Д.25, Л.9; ЦХАФАК. – Ф.П. – 4717, Оп.1, Д.24, Л.22; ГАНО. – Ф.П. – 61, Оп.1, Д.105, Л.141.
46. ГАЧО. – Ф.П. – 3, Оп.27, Д.49, Л.63.
47. ЦДНИИО. – Ф.127, Оп.63, Д.111, Л.62; ЦХИДНИ КК. – Ф.6693, Оп.1, Д.38, Л.298; ЦДНИИО. – Ф.14, Оп.8, Д.14, Л.8.
48. ГАЧО. – Ф.П. – 2, Оп.60, Д.609, Л.143; Ф.1, Оп.35, Д.4, Л.39; ЦДНИИО. – Ф.263, Оп.39, Д.17, Л.161; Оп.40, Д.5, ЛЛ.59 – 61; ГАЧО. – Ф.П. – 3, Оп.45, Д.31, Л.46.
49. ЦДНИТО. – Ф.399, Оп.7, Д.27, ЛЛ.61-66.
50. РГАЛИ. – Ф.970, Оп.19, Д.72, Л.20; ЦДНИТО. – Ф.399, Оп.7, Д.27, Л.32; Д.25, Л.8; ЦХАФАК. – Ф.П. – 1846, Оп.1, Д.199, Л.5-7; Ф.П. – 4717, Оп.1, Д.30, Л.79; ГАНО. – Ф.П. – 61, Оп.1, Д.105, Л.141; ЦХИДНИ КК. – Ф.756, Оп.1, Д.13, Л.35.
51. ЦХАФАК. – Ф.П. – 4717, Оп.1, Д.24, Л.22.
52. ЦДНИИО. – Ф.764, Оп.22, Д.8, Л.145; ГАОО. – Ф.Р. – 46, Оп.1, Д.122, Л.8; Ф.Р. – 688, Оп.1, Д.52, Л.6.
53. ТОЦДНИ. – Ф.2920, Оп.1, Д.7, Л.45; Сластенин В.А. Развитие культуры и искусства в Тюменской области за 50 лет советской власти. – Тюмень, 1967. – С.35.
54. ЦДНИИО. – Ф.17, Оп.109, Д.44, Л.5; Ф.22, Оп.1, Д.31, Л.24.
55. Там же. – Ф.14, Оп.6, Д.484, Л.13; Ф.2738, Оп.1, Д.34, ЛЛ.2, 24; Д.36, Л.73; Ф.764, Оп.16, Д.4, Л.5; Ф.2738, Оп.1, Д.34, ЛЛ.2,3; Ф.764, Оп.16, Д.4, Л.5; Ф.14, Оп.8, Д.66, Л.27; ГАОО. – Ф.Р. – 1203, Оп.1, Д.158, Л.6.
56. Омская правда. – 1973. – 22 марта; ГАОО. – Ф.Р. – 1203, Оп.1, Д.160, ЛЛ.1,2.
57. ЦДНИИО. – Ф.2738, Оп.1, Д.39, Л.19; Д.39, ЛЛ.20,21; Омский государственный ордена Трудового Красного знамени академический театр драмы. – Омск, 1987. – С.5.
58. ТОЦДНИ. – Ф.124, Оп.207, Д.34, Л.24; Ф.2920, Оп.1, Д.2, Л.15; Д.5, Л.43; Ф.124, Оп.191, Д.17, Л.7.
59. ГАТюО. – Ф.1921, Оп.1, Д.73, Л.11; ТОЦДНИ. – Ф.2920, Оп.1, Д.3, Л.47; Д.10, Л.71; Д.7, Л.58.
60. ГАКО. – Ф.П. – 387, Оп.1, Д.8, ЛЛ.56,57.
61. ЦХАФАК. – Ф.П. – 4717, Оп.1, Д.20, Л.21; ЦХИДНИ КК. – Ф.186, Оп.60, Д.3, Л.14; ГАНО. – Ф.Р. – 1700, Оп.1, Д.212, Л.2; ЦДНИИО. – Ф.263, Оп.39, Д.17, Л.159; ЦДНИТО. – Ф.607, Оп.10, Д.8, Л.35.

62. ГАЧО. – Ф.П. – 3, Оп.29, Д.15, Л.100; ЦХИДНИ КК. – Ф.756, Оп.1, Д.1, Л.154; ЦДНИИО. – Ф.263, Оп.39, Д.17, Л.160; ЦХАФАК. – Ф.П. – 4717, Оп.1, Д.21, Л.56.
63. ЦХАФАК. – Ф.П. – 4717, Оп.1, Д.30, Л.62.
64. ГАЧО. – Ф.П. – 1659, Оп.1, Д.13, Л.11; ЦДНИТО. – Ф.399, Оп.7, Д.10, Л.113; ЦДНИОО. – Ф.2738, Оп.1, Д.40, Л.55.
65. ГАНО. – Ф.П. – 583, Оп.1, Д.38, Л.66; ЦДНИТО. – Ф.399, Оп.7, Д.11, Л.152; ЦХАФАК. – Ф.П. – 4717, Оп.1, Д.29, Л.27.
66. ГАНО. – Ф.П. – 62, Оп.7, Д.7, Л.208.
67. Там же. – Ф.П. – 583, Оп.1, Д.49, Л.44; ГАЧО. – Ф.П. – 1659, Оп.1, Д.18, Л.72; ЦДНИТО. – Ф.399, Оп.7, Д.17, Л.5.
68. РГАЛИ. – Ф.970, Оп.19, Д.404, Л.57.
69. ГАНО. – Ф.П. – 22, Оп.34, Д.1, Л.44.
70. ЦДНИТО. – Ф.399, Оп.7, Д.18, ЛЛ.40,41,55,57; ЦДНИОО. – Ф.1659, Оп.9, Д.35, Л.10.
71. ГАТюО. – Ф.1921, Оп.1, Д.73, Л.11; Ф.726, Оп.2, Д.30а, Л.21; Д.68, ЛЛ.7,8.
72. Красное знамя. – 1979. – 18 сентября; ЦДНИТО. – Ф.399, Оп.7, Д.10, Л.63-68.
73. ЦХАФАК. – Ф.П. – 4717, Оп.1, Д.27, Л.17; ГАКО. – Ф.П. – 373, Оп.1, Д.46, Л.15.
74. ЦДНИТО. – Ф.607, Оп.1, Д.3685, Л.20; ЦХАФАК. – Ф.П. – 4717, Оп.1, Д.27, Л.25; ГАЧО. – Ф.П. – 1659, Оп.1, Д.15, ЛЛ.4 – 8; Забайкальский рабочий. – 1975. – 4 февраля.
75. ЦДНИИО. – Ф.373, Оп.1, Д.42, Л.8; ЦДНИОО. – Ф.14, Оп.8, Д.66, Л.27; ГАНО. – Ф.П. – 22, Оп.17, Д.66, Л.11.
76. ЦХИДНИ КК. – Ф.170, Оп.87, Д.9, Л.34; ГАОО. – Ф.Р. – 688, Оп.1, Д.52, Л.6; ГАНО. – Ф.П. – 88, Оп.1, Д.1282, Л.41.
77. ЦХАФАК. – Ф.П. – 4717, Оп.1, Д.11, Л.27; ГАНО. – Ф.П. – 62, Оп.7, Д.7, Л.208.
78. ЦДНИТО. – Ф.399, Оп.7, Д.21, Л.4.
79. См.: Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный статистический сборник. – М., 1987. – С.374, 377, 568; Народное хозяйство РСФСР за 70 лет. Статистический ежегодник. – М., 1987. – С.396.

Список сокращений

ГАИО – Государственный архив Иркутской области
 ГАКО – Государственный архив Кемеровской области
 ГАКК – Государственный архив Красноярского края
 ГАНО – Государственный архив Новосибирской области
 ГАОО – Государственный архив Омской области
 ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
 ГАТО – Государственный архив Томской области
 ГАЧО – Государственный архив Читинской области
 РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства
 ТОЦДНИ – Тюменский областной центр документации новейшей истории
 ЦДНИИО – Центр документации новейшей истории Иркутской области
 ЦДНИОО – Центр документации новейшей истории Омской области
 ЦДНИТО – Центр документации новейшей истории Томской области
 ЦХАФАК – Центр хранения архивных фондов Алтайского края
 ЦХИДНИ КК – Центр хранения и изучения документов новейшей истории Красноярского края

Материал поступил в редакцию 03.12.07.

УДК 069.02.4(571.150-25):908

Н.В. Вакалова

РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СОХРАНЕНИИ КОЛЛЕКЦИИ БАРНАУЛЬСКОГО ГОРНОГО МУЗЕУМА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ

В статье представлен исторический анализ регионального социокультурного процесса развития музейного дела на Алтае и в Томской губернии, определена роль общественных организаций и учебных заведений Западной Сибири в этом процессе.

Барнаульский горный музей (музей) один из старейших музеев в Сибири, основанный в 1823 г. по инициативе П.К. Фролова и Ф.В. Геблера. За время своей деятельности в его фондах было представлено большое количество уникальных экспонатов как по истории Алтая, так и Сибири. Впоследствии часть материалов горного музея было безвозвратно утеряна. Изучение «судьбы» первых коллекций представляет интерес для значительного числа краеведов и музейных работников.

В 1890-е гг. фонды Барнаульского горного музея находились в плачевном состоянии. Его собрания были расформированы и разделены на части, одна из которых была передана в реальное училище, другая – в чертежную мастерскую.

В 1891 г. в Алтайском округе было создано «Общество любителей исследования Алтая», которое в 1902 г. было официально присоединено к Западно-Сибирскому

отделу Русского Географического общества и получило название Алтайского подотдела ЗСО ИРГО. С момента преобразования отдел одной из основных задач ставил комплектование материалов для устройства в Барнауле общедоступного Алтайского музея. Главной целью музея было «давать наглядное представление об алтайском растительном и животном мире, минеральных горных богатствах Алтая, о быте населяющих его народов и его прошлом» [1]. Подотдел стремился организовать работу музея как общественного научно-исследовательского учреждения, взаимодействующего со всеми слоями населения. В своей деятельности члены Подотдела ориентировались на опыт работы сибирских музеев.

В первые годы деятельности «Общество любителей исследования Алтая» неоднократно обращалось к начальнику Алтайского округа с просьбой о передаче части материалов горного музея в распоряжение «общест-

ва» [2]. Настойчивых мер в данном направлении не предпринималось по ряду причин. Одной из них являлось отсутствие финансирования и специального помещения, которое могло бы обеспечить хранение и свободный доступ населения к музейным предметам. Вторым немаловажным основанием был тот факт, что горный музей создавался для училища с целью обеспечения учебного процесса наглядными материалами. Безусловно, передача его учебному заведению имела под собой не только исторически сложившуюся основу, но и возможность популяризации материалов. Другими словами, в конце 90-е гг. XIX в. на Алтае в период упадка одного музея делалась попытка создания другого – общественного.

К сожалению, из-за отсутствия свободных площадей в здании реального училища, переданные музейные экспонаты хранились в непригодных для них помещениях. А.В. Адрианов в письме к Н.С. Гуляеву делится своими впечатлениями от увиденного: «музей вашего реального училища я видел, как не желали пускать меня в него заправили училища. Их мало высечь за такое отношение. Я молчу до сих пор о том, что я там видел» [3].

Весной 1905 г. Советом Алтайского Подотдела впервые было составлено обращение в администрацию Алтайского округа о передаче на постоянное хранение материалов, ранее принадлежавших горному музею. В письме, адресованном в администрацию Алтайского округа, указывается, что прежде представляющая научную ценность минералогическая коллекция, ныне из-за отсутствия условий хранения может безвозвратно исчезнуть [4]. К тому времени размещенная в ремонтируемом помещении бывшего Барнаульского завода коллекция представляла собой жалкое состояние, часть минералов была утеряна, у другой половины коллекции отсутствовали этикетки. Вопрос о передаче минералогического собрания поднимался в связи с созданием публичного музея в г. Барнауле, в котором наличие обширной коллекции алтайских штучков было необходимо. Интересно отметить, что кроме минералогического собрания, в документе указывается о наличии в коллекции горного музея палеонтологического собрания.

Активизация деятельности Подотдела в решении проблемы о передаче им горного музея и библиотеки округа была вызвана попыткой Управления округа об их расформировании. В число претендентов, желавших получить фондовые собрания горного музея, входили как учреждения г. Барнаула, так и высшие учебные заведения г. Томска. Безусловно, терять редкие материалы, отражающие историю и природу Алтая, членам Подотдела не хотелось. Но из-за отсутствия средств и помещений повлиять на сложившуюся ситуацию они не могли. Значительная часть фондовых собраний горного музея поступила в распоряжение образовательных учреждений г. Томска.

В связи с сокращением производства Алтайских заводов, а затем и полным прекращением их деятельности, в 1898 г. Кабинетом Его Величества было принято решение о передаче музея Алтайского округа различным учреждениям. Согласно выписке из решения Кабинета предполагалось передать предметы горного музея либо Томскому университету, либо Барнаульскому реальному училищу [5]. Алтайское правление раздало все коллекции музея за исключением минералогического кабинета.

Барнаульское реальное училище Императора Николая II должно было отобрать необходимые ему коллекции согласно описи музея Алтайского округа. Томский университет, в свою очередь, планировал направить делегата в г. Барнаул для осмотра имеющихся материа-

лов. Можно с уверенностью говорить, что между вышеперечисленными учебными заведениями развернулась борьба за право владения предметами Барнаульского музея. Так, в декабре 1899 г. Совет Томского университета обратился к директору Барнаульского реального училища с просьбой повременить с окончательным распределением коллекций музея Алтайского округа до приезда делегата из г. Томска [6]. В начале следующего года, времени полной передачи материалов реальному училищу, его директор в письме к начальнику Алтайского округа объяснял данную ситуацию тем обстоятельством, что «... когда в Совете Томского университета шел разговор о коллекциях музея Алтайского округа, они уже сделались собственностью вверенного мне училища...» [7]. При этом еще в сентябре 1899 г. профессор университета Н. Кашенко выражал надежду, что представляющие высокий научный интерес зоологические коллекции Барнаульского музея должны быть переданы Томскому университету, в котором им будут созданы необходимые условия хранения. В письме ректору Императорского Томского Университета Главное управление Алтайского округа объяснило свое предпочтение передачи коллекций Барнаульского музея реальному училищу тем, что «... оно как учебное заведение, только что возникающее, нуждается во вспомогательных пособиях» [8].

В октябре 1899 г. заведующий чертежной мастерской из училища музея отобрал ряд предметов годных для геодезических работ. Среди них были следующие предметы: одна буссоль Бюрнбера, один микроскоп, три секстанта, один металлический уровень в ящике, один нивелир, один треножник складной, астрономический теодолит, круглый транспортир. Таким образом, вышеперечисленные приборы были поставлены на учет чертежной мастерской, оставшись в распоряжении Главного Управления [9].

Передача коллекций реальному училищу проходила на основе сменных описей подготовленных директором музея. Вероятно, данные списки были подготовлены на основе инвентарных книг, заполнение которых должно было осуществляться после их выдачи, в 1884 г. [10]. Процесс передачи коллекций Барнаульского музея учебным заведениям затянулся до начала XX в. Возможно, приезд М.И. Юшакова, преподавателя Томского технического института, в 1899 г. в Барнаул для изучения чертежа и модели паровой машины И.И. Ползунова был неслучаен. Его интересы могли не ограничиться изучением одной модели из коллекции музея. В 1902 г. ректор технического института г. Томска обратился к управляющему Кабинета Его Императорского Величества с просьбой о передаче коллекции из 95 моделей по горному искусству бывшего музея Алтайского округа создающемуся музею при институте [11]. К тому времени модели хранились в различных учреждениях округа.

По сравнению со списком модельной коллекции горного музея за 1836 г., где общее число экспонатов составило 46 единиц хранения, к 1903 г. наблюдается увеличение материалов в два раза. Пополнение собрания шло за счет выполняемых работ воспитанников Барнаульского окружного училища. Так, в 60-80-е гг. XIX в. в создании моделей принимали участие несколько человек: Е. Еремеев изготовил модель рудного двора, В. Болотов и А. Каретников сделали модель водоотливной машины, Е. Ермолаев – модель конного рудоподемника, В. Санкин – модель дробилки и т.д.

Модели бывшего музея Алтайского округа хранились в семи различных учреждениях. Наибольшее количество экспонатов складировалось в Главном управле-

нии земельной части. Обращает на себя внимание тот факт, что количество моделей превышает на шесть единиц хранения от общей суммы. Это объясняется тем обстоятельством, что под № 45 числится пять рудных укреплений, а три модели Гальбрюкской амальгамирной фабрики проходят под №№ 67 и 67 ½, что увеличивает количество материалов до 101 единиц хранения.

Начальник округа счел желательным передать Томскому техническому институту предметы модельной коллекции за исключением №№ 2, 6, 8 и 72, это соответственно модели: Змеиногорской горы с показанием внутренних и наружных работ прежних лет с породами, выработки Салаирской горы, рудной массы Змеиногорского рудника, первой воздухоудвнной паровой машины, построенной на Барнаульском заводе шихт-мейстером Ползуновым в 1864 г., работы унтер-шихтмейстера Климова (1825). Перечисленные модели было решено отремонтировать и оставить в Главном управлении округа. Согласно списку модельного собрания, составленного в связи с передачей предметов Томскому техническому университету, №№ 2 и 72 хранились в помещении музея.

Причин для передачи остальных материалов собрания было несколько: отсутствие помещения, позволяющего представить их одновременно, плохая сохранность предметов, требующих значительных затрат на реставрацию, и отказ администрации Барнаульского реального училища от использования коллекции в учебных целях.

В результате тщательного осмотра модельной коллекции, проведенного горным инженером А. Бобятинским, выяснилось, что более 50% предметов было либо сломано, либо требовало капитального ремонта. Основными учреждениями, в которых размещались сломанные модели, являлись Главное управление земельной частью и кладовая техники.

Таким образом, Томскому техническому университету по официальной документации из 95 моделей должны были переданы 76. В данное число не вошли 15 необнаруженных предметов и 4 модели, оставленных в Главном управлении Алтайского округа. Согласно списку предметов переданных из музея Алтайского округа в Барнаульское реальное училище в 1899 г. в нем числится две модели напластований горных пород для геогностического изучения [12].

В 1907 г. происходит повторная передача археологической, этнографической и части зоологической коллекции из Барнаульского реального училища в Императорский Томский университет. Автором статьи не был обнаружен список предметов, поступивших в распоряжение музеев Томского университета. Но в 2003 г. в Алтайском государственном краеведческом музее проходила выставка «Сибирская кунсткамера», на которой были представлены материалы музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета, ранее принадлежавшие горному музею. Согласно описи предметов, материалы отражали быт казахов, бурят, эвенков, алеутов и т. д.

Совет Алтайского Подотдела пытался отстоять то, что сохранилось от ранее известного музея Барнаула, т.е. минералогический кабинет, несколько моделей машин и рудников, а также библиотеку. К началу XX в. библиотека состояла из 26 тыс. томов с оценкой в 24 тыс., а горный музей оценен в 1774 руб. [13]. При этом в документе отмечается, что коллекции музея в большей своей части не имеют описей, что привело к снижению их ценности. Использование материалов музея округа возможно лишь «как пособие при изучении минералогии, в качестве материала для практических

работ» [14].

Таким образом, первоочередными вопросами, решаемые еще Советом Подотдела в первые годы своей деятельности, были передача музея и библиотеки Алтайского округа в г. Томск и поиск здания для организации и функционирования публичного музея в Барнауле. Реализация одной проблемы автоматически исключала другую, т.к. деятельность музея и библиотеки напрямую зависела от наличия просторных помещений. Вероятно, в связи с вышеизложенным Совет Подотдела ходатайствовал об уступке одновременно музея, библиотеки и здания бывшей лаборатории округа [15].

Вероятно, в связи с необходимостью приведения в порядок музея и библиотеки округа в апреле 1910 г. заведующей поисково-разведочными работами П. Матвеев провел сверку имущества бывшего Барнаульского горного музея. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что отчет, составленный П. Матвеевым, был сделан на основе инвентарных книг музея конца XIX века. В рамках проведенной работы горным инженером был сделан подсчет всех материалов коллекций, ранее хранившихся в горном музее, с указанием организаций, в распоряжении которых они поступили впоследствии. Так, согласно данным П. Матвеева этнографическая коллекция насчитывала 112 номеров и включала подотделы: вещи (шпаги, ножи, кольчуги), костюмы, орудия, инструменты и изделия, а также вещи, служившие для ламаистского поклонения. В документах, кроме последнего, стояла отметка «согласно предписанию Главного Управления от 27 октября 1899 г. за № 2550 переданы в Барнаульское реальное училище» [16]. По данным того же документа, минералогическое собрание, объединявшее петрографическую, минеральную, геологическую и палеонтологическую коллекции, ныне хранится при библиотеке Алтайского округа [16]. Кроме вышеперечисленных отделов, дана раскладка по зоологическому и ботаническому, модельному и физическому отделам, а также собранию материалов и продуктов плавильных операций.

Мероприятие, осуществленное П. Матвеевым, вызвало различные разговоры, среди которых была информация о вероятной распродаже имущества горного музея. Об этом факте было указано в телеграмме членов Алтайского Подотдела на имя Его Превосходительства Михайлова, в которой кроме просьбы о содействии в решении вопроса о передаче музея, библиотеки и здания лаборатории округа в ведение Подотдела, выражалось беспокойство по поводу возможной продажи библиотеки [17]. В январе 1911 г. начальником Алтайского округа было направлено прошение Управляющему Кабинетом Его Императорского Величества о передаче библиотеки, музея и здания лаборатории Алтайского округа в полное распоряжение Алтайского Подотдела.

7 июня 1911 г. Министерство Императорского Двора распорядилось в целях открытия для чинов округа музея и библиотеки передать их в ведение Подотдела [18]. Вероятно, основываясь на анализе музейных собраний, осуществленном инженером П. Матвеевым, Управление докладывало начальнику Алтайского округа, о месте нахождения передаваемых минералогической и петрографической коллекций горного музея со шкафами и коробками для хранения образцов Подотделу.

На протяжении всего времени решения вопроса о передаче музея Алтайского округа в ведение Подотдела предлагалось два варианта действий, позволяющих возратить коллекции былую значимость. Одним из основных решений виделось в обращении к консерватору минералогического музея Томского университета Пили-

пенко с просьбой по определению коллекции минералов, ранее принадлежавшей Барнаульскому музею. Другим способом избежания исчезновения указанного собрания являлось дополнительное комплектование минералогической коллекции. В 1911 г. Н.Я. Овчинников, член Совета Подотдела, осуществил переговоры с Пилипенко об условиях обработки вышеуказанных материалов. Так, последний готов был оказать помощь Подотделу в случае возвращения обратно в музей из всего собрания лишь дублетных материалов и иностранных образцов [19]. Окончательное решение Пилипенко обещал сообщить после подробного изучения музея летом 1912 г.

В 1913 г. последовало распоряжение Кабинета Его Императорского Величества о передаче Подотделу здания бывшей лаборатории округа, с усадебным участком в 360 квадратных саженей, на все время существования Подотдела [20]. 25 марта 1913 г. на заседании общего собрания членов Алтайского Подотдела ЗСО ИРГО было принято решение учредить при Подотделе в г. Барнауле библиотеку и музея для публичного пользования [21]. С июля созданным учреждениям Подотдела было присвоено наименование «Музей и библиотека, учрежденные Алтайским подотделом Западно-Сибирского отдела ИРГО. в 1913 г. в ознаменование трехсотлетия царствования Дома Романовых» [22]. Официальная передача здания и участка состоялась в 1914 г.

Возможно, в связи официальным получением бывшего здания лаборатории под музей 4 сентября 1915 г. состоялась передача музейных коллекций Алтайского округа в распоряжение Подотдела. Согласно акту минералогический отдел насчитывал 6435 образцов, модельное собрание – 11 экземпляров. Кроме того, в документе перечислялась фондовая мебель с указаниями ее принадлежности к каждому типу предметов. Были переданы каталоги Барнаульского минералогического музея, книга для собственноручных подписей особ, почтивших посещением своим Барнаульский музей от 1829 г. и многое другое. В этом же месяце минералогический кабинет и модели были вывезены из помещений Барнаульского завода. С момента их получения Подотделом собрания были сразу размещены. Так, часть минералов была сло-

жена в амбаре; сломанные модели – на чердаке, а сохранившиеся – внутри здания. Образцы, содержащие золото и платину, были переданы на хранение в кассу Алтайского округа.

В 1915 г. Совет Подотдела обратился с ходатайством к начальнику Алтайского округа о передаче цветных снимков Алтая, предназначенных для демонстрации Высочайшим особам. Данное собрание не только могло пополнить фотографический материал, хранящийся в Подотделе, но и служить наглядным материалом по изучению Алтая для более широкого круга населения.

С 1915 г. в результате получения здания бывшей лаборатории и материалов музея округа члены Алтайского Подотдела приступили к организации экспозиций музея. Так, предполагалось устроить следующие отделы: этнографический, археологический и естественноисторический. В состав последнего должны были войти геологические, минералогические, энтомологические, орнитологические, ботанические коллекции, а также образцы почв. Кроме того, в документе отмечается роль моделей в отражении истории Алтайского округа.

С момента учреждения Алтайского Подотдела одной из основных его целей было создание музея и библиотеки для публичного пользования. Музей должен был стать не только наглядным учебным пособием, но и научно-исследовательским учреждением, позволяющим на основе представленных материалов проследить историю развития и достижений сельского хозяйства, промышленности и т.п. [23]. Предполагалось, что эти обстоятельства позволят найти заинтересованных лиц со стороны городских общественных управлений, государственных учреждений.

Таким образом, собрания Барнаульского горного музея легли в основу формирования фондовых коллекций ряда музеев Томской губернии. В их число вошел Алтайский подотдел ЗСОИРГО. Значительная часть материалов была потеряна как для музея, так и для Алтая. Задачей современных исследователей является восстановление первоначального состава коллекций горного музея, а также определение их местонахождения в настоящее время.

Библиографический список

1. АГКМ Ф.7. Оп. 1. Д. 41
2. Отчет Совета Общества любителей исследования Алтая за 1898 и 1899 гг. Барнаул. 1900. – С. 24-25.
3. АГКМ ОФ. № 15581/184
4. ЦХАФ АК Ф.81. Оп.1. Д.33. Л.26
5. ЦХАФ АК Ф.4. Оп.1. Д. 164. Л. 1
6. ЦХАФ АК Ф. 43. Оп. 1. Д. 27. Л. 16
7. ЦХАФ АК Ф. 43. Оп. 1. Д. 27. Л. 21об
8. ЦХАФ АК Ф. 4. Оп. 1. Д. 164. Л. 26
9. ЦХАФ АК Ф. 4. Оп. 1. Д. 164. Л. 14
10. ЦХАФ АК Ф.3. Оп. 1. Д. 55. Л. 44
11. РГИА Ф. 468. Оп. 23. Д. 1715. Л.3
12. ЦХАФ АК Ф. 4. Оп.1. Д. 164. Л. 45
13. ЦХАФ АК Ф.81. Оп.1. Д.40. Л.245
14. ЦХАФ АК Ф.81. Оп.1. Д.40. Л.245; Ф.4. Оп.1. Д.380. Л.10
15. ЦХАФ АК Ф.81. Оп.1. Д.40. Л.182
16. ЦХАФ АК Ф.4. Оп.1. Д.380. Л.5
17. ЦХАФ АК Ф.4. Оп.1. Д.380. Л.7
18. ЦХАФ АК Ф.4. Оп.1. Д.380. Л.38
19. ЦХАФ АК Ф.81. Оп. 1. Д. 39. Л.36
20. ЦХАФ АК Ф.4. Оп. 1. Д.3517. Л.2
21. АГКМ Ф. Р-7. Оп.1. Д.24. С.7
22. ЦХАФ АК Ф.4. Оп. 1. Д.380. Л.118
23. АГКМ Ф. Р-7. Оп.1. Д.24. Л.6

Список сокращений

АГКМ – Алтайский государственный краеведческий музей
ЦХАФ АК – Центр хранения архивных фондов Алтайского края
РГИА – Российский государственный исторический архив

Материал поступил в редакцию 08.12.07

УДК130.2:39

Л.П. Гекман

ТЕОГОНИЧЕСКИЕ ГЕНЕАЛОГИИ КАК ПЕРСОНОСФЕРА ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ (опыт социокультурной интерпретации)

Исследуется эпическое пространство традиционных культур, доказываемая авторская идея наличия в них национальной персоносферы, трактуемой как теогонические генеалогии в контексте концепции ноосферы и методологии исследования мифа М. Элиаде и Е.М. Мелетинского.

Осмысление роли персоносферы в культуре является относительно новым направлением современной науки, хотя постановка проблемы восходит к эпохе античности (Платон), разрабатывается средневековыми теологами (Фома Аквинский, Бонавентура), мыслителями Ренессанса (Марсилио Фиччино, Френсис Бэкон). Интерес к проблеме современных российских исследователей обусловлен, в частности, подтверждением идей о материальности мысли, наличием у культуры её сакрального ядра и т.д. Первой попыткой обобщения наблюдений над влиянием персоносферы на характер национальной культуры стала статья Г. Хазагерова, который определяет персоносферу как «...сферу персоналий, образов, сферу литературных, исторических, фольклорных, религиозных персонажей» [5, с. 133]. Персоносфера – явление универсальное, но в каждом индивиде, социальной группе, национальной культуре она проявляется особо. В этом смысле большой интерес представляет анализ национальной персоносферы, поскольку специфически человеческая материализация идей-концептов воплощается в языке и через языковую коммуникацию.

В контексте широко разрабатываемой сегодня концепции ноосферы и ноосферогенеза наблюдение М.Ю. Шишина о трёх «вертикальных» слоях ноосферы: витосферы, интеллектосферы и пневмосферы [7, с. 93–94] позволяет предполагать, что персоносфера национальной культуры есть феномен, составляющий количественно-качественный уровень интеллектосферы, некий персонализированный хронотоп, представляющий культурный синкрет образа-персоналии, времени и пространства его объективации.

Интерпретации идеи наличия национальной персоносферы восходят к эпохам оформления этносов и впервые проявляют себя в формировании системы мифологем. Мифологические картины мира – это первые попытки духовно-художественного постижения и воплощения абсолюта – альфы и омеги существования человека в мире и мира в человеке. Анализ мифологических текстов как великих цивилизаций архаики, так и культур, которые до недавнего прошлого было принято называть примитивными, позволяет обнаружить принципиальное сходство в логике человеческого осмысления глобальных процессов миротворения. Формирование национального космоса или доктринального ядра (сакрального ядра) национальной культуры начинается с оформления божественных пантеонов – первых составляющих национальную персоносферу, находящуюся в сложной системе взаимовлияний с объектами её воздействия на всех уровнях: от витального до мировоззренческого. Двуединство взаимовлияний материализуется в умопостижимых образах, исключаящих, правда, объективацию казуальности идеи абсолюта или постулирующих её в качестве непрременной первопричины акта творения. Универсальным условием процессуальное творения оказывается наличие бинарных оппозиций: вода/земля; земля/небо.

В синкретах этнических культур, независимо от степени и специфики их развития, эти оппозиции оказыва-

ются доминантами и детерминантами последующей культурной динамики. Если сохранившиеся мифологические тексты великих цивилизаций архаики, несомненно, испытали влияние трансформирующихся теологических, философских, идеологических индивидуально-художественных влияний, то культуры традиционные, не задетые до последнего времени мощным цивилизационным процессом, вынужденные сохранять сакральное ядро этнической культуры в условиях инокультурных, в том числе и инорелигиозных воздействий, творчески переработали и придали структурность архаической информации о характере космогенеза, структуре модели мира как объективации персоносферы национальной культуры в глобальных для этноса эпических сводах, которые позволяют реконструировать теогонические генеалогии этносов. Для анализа специфики теологических генеалогий в мифопоэтике нами выбран эпос тюркоязычных (якуты, алтайцы) народов, монголоязычных буряты) и тунгусо-маньчжурской языковой группы (эвенки) народов, что позволит обнаружить общее и особенное в персоносфере национальных культур, находившихся в ситуации активного взаимодействия, но сохранивших специфические черты мировоззрения даже в случае принадлежности к одной языковой группе.

Исходным методологическим принципом анализа является фундаментальное наблюдение М. Элиаде об эпосе как варианте космогонического мифа, воссоздающем парадигматические действия богов, героев и предков *in illo tempore* [8, с. 31], а также концепция Е.М. Мелетинского о трансформации мифа в жанры фольклора [3, с. 268–275].

Эпические своды эвенков «Храбрый Содани-богатырь» и «Всесильный богатырь Дэвэлчэн в расшитой-разукрашенной одежде» представляют варианты теогонических генеалогий, соотносимых со сведениями о богах, содержащихся в алтайском героическом сказании «Маадай Кара». И в эвенкийских текстах, и в эпосе алтайцев теогонические генеалогии, вероятно, табуировались традицией, поскольку подлежат лишь условной реконструкции. Своды начинаются с описания уже существующей земли людей, причём эвенкийские своды упоминают об эволюционном характере космогенеза: «Давно-давно, говорят, появились три мира, подобных чутким ушам годовалого оленя». Трёхчастность по вертикали модели национального космоса подтверждается обращением героя к «родной земле-матери», к «Славной девушке» Аякчан Ивекчан, к «светлому солнцу», где последовательность обращений свидетельствует об автономности человека по отношению к сакральной реальности: частный человек оперирует умопостижимыми понятиями и феноменами, приобретающими дополнительные семантические оттенки только в критической ситуации.

О наличии в модели мира её нижнего уровня эпос сообщает особо: «...я сын Тукала Манги-старика Из девяти племён Нижнего мира, Имя моё – сын авахи, четырёхгранный Сэлмэ Дэвиндэр, атаман нижнего мира». Персонификация владык верхнего мира происходит

косвенно: младший брат Содани-богатыря, Иркинчэн, называет своих родителей – Ан Бэгин (верховный небожитель) и Эден Эксит (верховная госпожа). Таким образом, первопродок «народа ай» Содани-богатырь и его сестра Аякчан Ивекчан оказываются детьми небесных богов эвенкийского пантеона. Кроме того, эпос сохраняет сведения и о племенных вариантах пантеона: невеста Иркинчена – Солкондор «с девятисаженной шелковистой косой» называет имена своих родителей: отец Угу Бэгин – верховный небожитель, господин созвездия Плеяды; мать – Угу Катун – верховная госпожа.

Во втором эпическом своде «Всесильный богатырь Дэвэлчэн в расшитой-разукрашенной одежде» реконструкция теогонических генеалогий тоже может быть осуществлена лишь условно, при этом очевидно сохранение традиции упоминания племенных пантеонов. Покровительница и советница Дэвэлчэн – Мэнгунхэн называет себя дочерью «Родившейся на верхнем небе Эден Едяксит (хранительницы людей, лошадей и рогатого скота) и Архитманьди – старика (Большого творца, создателя). Родословная невесты Дэвэлчена тоже включает в себя божественную пару: отец – старик Баян Бегандар («богатый лунный старик»), мать – старуха Баян Сигурдэн («богатая солнечная старуха»). Эпос лишь упоминает о девяти братьях и сестрах отца и матери Киладий, но не называет их.

Информация о божественных взаимосвязях как иерархиях семейно-родственных или функциональных в этических сводах эвенков отсутствует.

Изображение нижнего мира и его обитателей в эпосе о Дэвэлчэне совпадает с тем, который представлен в сказании о Содани-богатыре, хотя имена авахи называются иные: господин авахи зовётся «Няргучан-богатырь, едущий на молодом лосе»; атаман авахи – Дегэ Бабэ.

Трёхчастная по вертикали модель мира в эвенкийском героическом эпосе представляет информацию о

небожителях, чьи пантеоны разнятся, но назначение едино: божества пантеонов дают людям (предкам ай) нормы, предписания и установления по обустройству мира; борьбе с чудовищами и хтоническими великанами; организации благополучной жизни на земле.

Алтайский эпос «Маадай Кара», как и эвенкийские своды, табуирует сведения о божественном пантеоне и теогонической генеалогии. Но при этом текст содержит информацию о трёхчастной по вертикали модели мира. В тексте есть эпизоды с участием небожителей, сложно структурированные и полисемичные. Так, Дух Алтая возвращает и пестует Когюдей Мергена; альпы Юч Курбустана и Айбыстана спасают священный/тополь Бай Терек от Кара Кула; три маралихи Юч Мыйгак отдают Когюдей Мергену ларец с двумя перепелками – хранителями души Кара Кула; четырёхкрылый беркут с лошадиными глазами выносит героя из подземного мира. Не менее активными участниками действия оказываются представители нижнего мира, где родственные связи обозначены вполне отчетливо. Это Эрлик, его дочь Кара Таади и сын Кувайкачи. После победы над богами подземного мира и обустройства жизни своего народа Когюдей Мерген и Алтын Кюсю возносятся на небо в качестве созвездий и пополняют пантеон.

Совершенно иная ситуация в плане эпического воплощения национальной персониферы – теогонических генеалогий характеризует бурятский «Гэсэр» и эпос якутов «Нюргун -боотур стремительный».

Так, «Гэсэр», следуя исходной монгольской версии, воспроизводит драмы вселенского размаха, бушевавшие в начале времён, когда «...начало Изначальное расцвело, ...и была ещё лёгкой пылью Наша твёрдая мать-земля». Эпос называет как количество небесных владык – 99, так и восстанавливает генеалогии основных участников космогенеза. Перечень имён дан в соответствии с развитием повествования.

Манзан-Гурмэ (старейшая небожительница I пантеон)	«Небожителей госпожа... восседала, в руке держа, Чашу разума и добра...»
Эсэге-Малан (II пантеон)	«...владыкой был девяти Запредельных небесных стран. Сотворил он светлую твердь, сотворил он жизнь и смерть...»
Эхэ-Юрен (II пантеон – жена Эсэге-Малана)	«...была началом тепла, ... опорой вечной была Тысячи белых небес»
Хан Хурмас (III пантеон – их сын)	«Был... над властителями главой: над пятьюдесятью пятью небожителями главой...»
Гэрэ-Сэсэн (III пантеон: жена Хана Хурмаса)	«...разостлавшая войлок – потник, даровавшая света родник, наставляющая сыновей, воспитавшая дочерей»
Заса-Мэргэн (IV пантеон – старший сын Хана-Хурмаса)	«Разгонял он тьму и туман, Побеждал он зло и обман»
Бухэ-Бэглитэ (IV пантеон средний сын Хана-Хурмаса)	«Был он крепкий и сильный воин...»
Хабата-Герэл (IV пантеон младший сын Хана-Хурмаса)	«Обладал бездонным умом... Он, как беркут, на подвиг летел, Для великих рожденных дел»
Эржан-Гохон (IV пантеон старшая дочь Хана-Хурмаса)	«Воскрешала она мертвецов, Вдохновляла она храбрецов, Исцеляла она больных, Вразумляла она дурных, Одаряла бедных людей, В силачей превращала детей»
Дуран-Гохон (IV пантеон средняя дочь Хана-Хурмаса)	«Чувства чувствующих возбуждая, Думы думающие пробуждая, Всех чистейших из всех сторон Превзошла своей чистотой...»

Сэбэл-Гохон
(IV пантеон младшая дочь Хана-Хурмаса) «... ягнят берегла без числа,
И старалась, чтоб зелень росла...»

В зеленом, среднем мире обитают три брата Хурмаса:

Саргал
(III пантеон) «Книгу белых указов держал...
Он скакал на белом коне,
Обитал он в белой стране...»

Хара-Зутан
(III пантеон) «...жил в стране Сурагта,
Где неведома доброта, ...
Где указы полны клеветы...
Обладл он черным конем
И душой с черно-мутным дном,
А на дне – и злость и обман...»

Сэнгэлэн
(III пантеон) «С чистой, честной душой властелин,
...жил в стране Тэгэшин,
Где дороги издалека
Голубели как облака...
Книга синих указов его
Почиталась подобно чуду».

Боги восточных небес представляют следующее генеалогическое древо:

Абарга-Саган
(II пантеон) «... верховным владыкою был
Запредельных тринадцати стран,
Что явились на свет, когда
Зарождались месть и вражда».

Хара-Манзан
(II пантеон, жена Абарга-Сагана) «Госпожой, царицей была».

Атай-Улан
(III пантеон, сын Абарга-Сагана и Хара-Манзан) «Возглавлял он богатырей,
Чье число – шестьдесят и шесть,
Ремесло – смертный бой и месть...»

Саган-Хасар
(IV пантеон) «Беломастным владел он конем,
Белизною сверкал его путь...
Не осилит его верховод,
Не догонит его скороход...».

Шара-Хасар
(IV пантеон, младший сын Атай-Улана) «Был глубокий ум у него,
Подчинялось ему колдовство.
По Багровой скакал стороне
На пятнисто-буланом коне».

Хаара-Хасар
(IV пантеон младший сын Атай-Улана) «Только в черное был он одет,
Признавал только черный цвет, ...
А скакун его черноногий
По одной лишь дороге скакал –
По туманной черной дороге».

Алтан-Хурабша
(IV пантеон, средняя дочь Атай-Улана) «...славилась...
Как великая мастерица...
И художеством и мастерством
Всех затмила в мире живом...».

Мунган-Хурбаша
(IV пантеон, средняя дочь Атай-Улана) «На ладонях нежных своих
Десять хитрых волшебств держа,
И на кончиках пальцев своих
Двадцать мудростей тонких держа,
Прославлялась... госпожа...».

Уен-Сэсэн
(IV пантеон, младшая дочь Атай-Улана) «Всех считалась умней и добрей...
...обладала большой,
Как безбрежное море, душой».

Срединное небесное царство изображается в эпосе как автономное по отношению к Западу и Востоку, хотя небесная битва произошла из-за дочери бога солнца – Сэсэн-Ногон

Сэсэн-Сэбдэг	Владыка центра, божество солнца
Сэсэн-Уган	Его жена
Сэсэг-Ногон	Их дочь

Результатом битвы восточных и западных владык становится появление в срединном мире чудовищ, возникающих из частей, тела побеждённого Атай-Улана.

На седьмом дне мироздания оказывается шея Атай-Улана; голова превращается в чудовище, которое охотится за солнцем и луной; позвонок стал на краю земли шулмусом Гал-Нурман-ханом; правая рука – тигром Орголи; левая рука – чудовищем Шэрэм-Мината; ноги – тремя коварными сестрами Енхобой.

Теогоническая генеалогия «Гэсэра» заслуживает подробного рассмотрения в отдельном исследовании. Пока же мы отметим её сложную разработанность и структурированность, которая имеет, к подвигам Гэсэра лишь косвенное отношение. Несомненный интерес представляет трансформация божества Атай-Улан как обратный вариант космогенеза из тела макроантропоса (Пуруша – Индия, Пань-гу – Китай, Имир – Скандинавия). Принципиальной особенностью мифопоэтической картины мира в бурятском эпосе является поляризованность богов и миров по горизонтали запад-восток с нейтральным центром — Солнцем.

Якутское эпическое сказание «Нюргун-боотур стремительный», как и «Гэсэр», упоминает о наличии в верхних небесных структурах «непреодолимого рубежа трёх издревле враждебных миров». «За гранью мятежных небес» находится прародитель верхних адьяраев – абасы Бэкийэ Суорун Тойон. Драма, которая, вероятно, была известна якутской мифологии, эпосом не описыва-

ется, и основное его действие развивается в привычной для мировой мифопоэтики трёхчастной вертикали, где владыкой небес является Юрюнг Аар Тойон и Адьянга Сизэр Хотун. «На узорном склоне тёплых небес, Благословенных восточных небес обитает праматерь всего живого – Иэй-хэсит – хранительница жилья, покровительница чадородия, правительница людских судеб. Рядом с ней – Айыысыт Ньэлбэн (Айыысыт Хаан) – владычица земледелия, скотоводства женских и мужских ремёсел. Покровительницей земли эпос называет Аан Алахчын (манган Манх-алыын), дети которой – духи деревьев и трав. Как видим, владыки небес в якутском эпосе распространяют свою волю и благодать на обитателей среднего мира. Им противостоят «хозяйка бездонной тьмы» Куохтуя Хотун и её муж Улуу Суорун Тойтон, а также старуха Бёглюкээн – волшебница абасы – и сами абасы – обитатели подземного мира.

Даже при беглом обзоре генеалогий очевидна их вполне соотносимая роль в эпическом пространстве традиционных культур:

1. Теогонические генеалогии составляют персонасферу соответствующей культуры как иерархическую структуру, маркирующую основные уровни бытия.

2. Они представляют систему ценностных установок и норм, ориентированную на обитателей мира людей, как условие стабильности традиций.

3. Установки и нормы транслируются в эпосе через наличие необходимого минимума архетипов.

Библиографический список

1. Гэсэр. Бурятский героический эпос. – М.: Художественная литература, 1968. – 277 с.
2. Маадай Кара. Алтайский героический эпос. – Горно-Алтайск: Ак Чечек, 1995. – 207 с.
3. Мелетинский, Е. М. Поэтика мифа / Е. М. Мелетинский. – М.: Восточная литература РАН, 1976. – 406 с.
4. Нюргун-боотур стремительный. Якутский героический эпос олонхо. – Якутск: Якутское книжное издательство, 1975. – 430 с.
5. Хазагерев, Г. Персонасфера русской культуры / Г. Хазагерев // Новый мир. – 2002. – №1. – С. 133-145.
6. Храбрый Содани богатырь. Всесильный богатырь Дэвэлчэн в расшитой-разукрашенной одежде. – Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1990. – 316 с.
7. Шишин, М. Ю. Ноосфера. Культура. Культурный ландшафт / М. Ю. Шишин. – Новосибирск: Издательство СО РАН, 2003. – 232 с.
8. Элиаде, М. Аспекты мифа / М. Элиаде. – М.: Инвест ПП, 1998. – 210 с.

Материал поступил в редакцию 03.12.07.

УДК 7.072

М. В. Давыденко

Проблема художественности в искусствоведении на рубеже XX – XXI столетий

Изучена «художественность» как научная категория искусствоведения, отмечается тенденция ее искажения в связи с актуализацией понятий «художественный успех» и «художественная удача».

Категория «художественность» относится к разряду базовых, центральных в комплексе наук об искусстве. Высокая степень художественности – условие реализации искусством своих функций. Художественность как синтетическое качество произведения искусства представляет собой сложный и многоаспектный феномен, рассмотрение ее предполагает эстетический, теоретико-искусствоведческий и культурологический контексты. В эстетическом контексте художественность исследуется в тесной связи с такими категориями, как «прекрасное», «эстетический идеал», «художественное», «эстетическая ценность», «художественная ценность». В эстетике «ху-

дожественность» трактуется как категория, относящаяся к аппарату ценностного анализа произведений искусства [3, с. 592]. В теоретико-искусствоведческом контексте категория «художественность» рассматривается в научной литературе в различных аспектах: во-первых, в рамках отдельных видов искусства (литературы, живописи), во-вторых, как категория теории искусства, исследование которой имеет методологическое значение для всех областей искусствоведения, в-третьих, часть работ посвящена рассмотрению отдельных составляющих художественности (гармония, ритм, форма, содержание). В теоретических исследованиях художественность рас-

считается как целостное синтетическое явление, изучение которого должно идти сразу по нескольким линиям (формальные, смысловые стороны произведения, процесс его восприятия, особенности мировоззрения художника) [1, с. 1]. При этом художественность понимается как процесс, все звенья которого (художник, произведение, восприятие его) связаны между собой [19, с. 9]. В культурологическом контексте рассмотрения проблемы художественности выявляется специфика теории искусства в эпохи смены культурных циклов, проводится анализ художественного сознания в переходные исторические периоды, что помогает уяснить особенности эстетического сознания изучаемой эпохи.

Художественность как научная категория используется сегодня в различных сферах искусствоведения (литературоведении, истории и теории искусства) и эстетики (аксиология искусства). Определения термина «художественность» включены в справочные издания по эстетике, теории литературы, терминологические искусствоведческие издания. В словарях по эстетике и искусствоведению даются сходные определения термина «художественность» как исконного свойства искусства, степени эстетического совершенства художественного произведения, красоты в искусстве [9, с. 667]. В справочных изданиях по теории литературы рассматривается комплекс терминов, связанных с аксиологией искусства (художественная ценность, художественность, художественная целостность). Художественность трактуется здесь как сложное сочетание качеств, определяющее принадлежность плодов творческого труда к области искусства. Таким образом, термин «художественность» имеет два основных значения. В первом широком смысле он означает специфическую особенность отражения действительности в искусстве, выраженную в понятии «художественный образ», в узком – степень качества произведения искусства [9, с. 667]. Художественность выступает как синтетическое или системное качество всех сторон произведения, интегрирующее в себе ряд параметров (признаков художественности).

Исследование проблемы критериев художественности имеет, во-первых, методологическое значение для художественной критики и теории искусства, поскольку делает возможным определение инструментария художественной оценки, во-вторых, позволяет проанализировать специфику эстетического идеала современности, вне которого невозможно выявить конкретное содержание художественных критериев. Однако, опыт развития художественной культуры на рубеже XX–XXI веков свидетельствует о том, что смысл категории «художественность» утрачивается, представления о критериях художественности размываются. Отход от традиций классического понимания искусства, размывание критериев художественности осложняет выполнение искусствоведением своей задачи – определения художественной ценности произведений искусства, что приводит к утрате ценностной ориентации зрителя и художника в сфере художественной практики. С точки зрения современных исследователей, на рубеже XX–XXI столетий изменилось представление не только о границах художественного, меняется сам феномен художественности. Как отмечает Е.В. Рубцова, с конца XX века реальная практика искусства указала на необходимость теоретического осмысления феномена художественности, так как появившиеся творения реципиенты не всегда оценивают как художественные, в отличие от самих авторов и художественных критиков. Автор делает вывод, что со-

временное искусство само диктует необходимость прояснить основания использования таких терминов, как «произведение искусства», «артефакт», «художественность» [15].

Исследуя содержание параметров художественности в современную эпоху, необходимо обратиться к понятию «эстетический идеал». Выступающий как доминанта, организующая структуру эстетического сознания и художественной деятельности каждой конкретной эпохи, эстетический идеал влияет на формирование художественных вкусов, восприятие произведения искусства, выработку художественных критериев [14, с. 8]. Выбор эстетического идеала не произволен, он определяется характером этического идеала (представлением об идеальном человеке) и содержит в себе ряд формально-содержательных нормативов. Исследователи указывают на трудность анализа и точного определения эстетического идеала, поскольку художники в своей деятельности руководствуются его нормативами бессознательно [4, с. 278].

Смена идеалов и переоценка ценностей могут создать в обществе атмосферу идеологического кризиса, который заключается в умножении социальных идеалов, их измельчании и исчезновении доминирующего [4, с. 531]. В России с начала 1990-х годов создалась подобная ситуация, характеризующаяся идеологическим и эстетическим вакуумом. С точки зрения современных философов и искусствоведов, в 1990-е годы категория художественного качества игнорировалась, а абсолютным критерием искусства этого времени было соответствие текущему моменту [8]. С этой характеристикой солидарен московский художник Анатолий Осмоловский, который указывает, что после распада сложнейшего комплекса отношений, созданного советским андеграундом в посткоммунистической России, возникла только одна связь искусства с обществом – конфронтационно-провокационная (высмеивание, расшатывание общественных оснований). Однако, как пишет автор, «...подобное одномерное понимание искусства сводит всю гамму художественной практики к разновидности PR-технологиям» [13]. Исследователь А. Согомонов называет конец 1980-х – 1990-е годы периодом гиперэстетики, что означает оценку феноменов материальной и духовной жизни в основном в эстетических категориях (а не в аксиологических и этических) [16]. Современное искусство, с точки зрения автора, характеризуется тягой к фундаментализации, усилению внимания к этико-гуманистическому подходу к художественным произведениям. А это актуализирует попытку очертить контуры эстетических представлений современности, несомненно воздействующих на понимание художественности.

Большинство современных авторов, рассуждая о проблеме художественности, исходят из следующего тезиса: художественная практика современности значительно опережает теорию, которую отличает высокая степень релятивизма эстетических суждений и эстетических оценок [18, с.104]. Следствием этого, по мнению исследователей, является тотальное «снижение» и «размывание» критериев художественности. Истоки такого положения усматриваются различными авторами в специфических особенностях развития мировой и отечественной художественной культуры в XXI веке. Состояние современной эстетики характеризуется как кризисное вследствие объективных причин, многие из которых лежат за пределами самой эстетики и связаны с историческими изменениями, происходившими на протяжении

XIX–XX веков в культуре в целом, в философии, искусстве и гуманитарном познании [2, с. 124, 127]. Н.Б. Маньковская, рассуждая о трансформациях современной эстетической парадигмы, указывает на радикальный пересмотр оснований эстетической науки в ее классическом понимании. Духовная составляющая творческой деятельности подвергается эрозии, искусство становится арт-деятельностью, «событием» [12, с. 13]. Автор отмечает радикальные изменения в современной эстетике, в частности, ее ангажированность, предполагающую вовлеченность творцов, исполнителей и реципиентов в эстетический опыт, потерю эстетикой собственных границ, становящихся все более проницаемыми [5, с. 171–172]. С позиции автора, современное искусство рассчитано в первую очередь на интерактивистов, итерартистов, а не интерпретаторов, традиционные эстетические категории «художественный образ», «художественное» все чаще заменяются понятиями «концепт», «симюляр», «объект» [12, с. 7].

С точки зрения В. В. Бычкова, XX и XXI век рождает новую поликальную многоуровневую эстетику (сначала неклассическую, а затем постнеклассическую) на основе элитарной конвенциональности (своего рода условном соглашении узкой группы законодателей арт-моды), которая исключает из сферы искусства его фундаментальные принципы [6, с. 336]. На смену мимесису, идеализации, символизации в искусстве пришло конструирование на основе коллажа-монтажа. На уровне конкретной арт-практики разрабатываются радикальные правила игры в арт-пространстве (всевозможные дисгармонии, деформации). При этом, по словам исследователя, «бизнес и рынок», прикрытые конвенциональным герметизмом «посвященных», играют немалую роль в общей арт-стратегии [6, с.337]. Позиция современного художника определяется, по мнению исследователей, с одной стороны, потерей ощущения высокой миссии творца, «призванности» художника, с другой – завышенным самонимением [11, с.34]. Исследователь констатирует и обратный процесс влияния – понятие «постмодернистская культура», находящееся в центре внимания искусствоведов и философов, новые художественные принципы постмодернизма, декларируемые критиками, вынуждают художников ориентироваться на новые «требования».

С позиции Ю. Гуревич, искусствоведа и прозаика, понятие «ценность искусства» сегодня является лишь предметом пародии. Она пишет: «Искусство больше не нуждается не только в качестве, но и в вещи, и в процессе... Ибо ценно не то, что ты есть, а то, что ты можешь изобразить из себя» [7, с. 209]. Абсолютная относительность эстетических оценок в этой ситуации диктует следующие критерии: мода, актуальность, коммерческий успех. Однако, автор статьи призывает вспомнить об экзистенциальных целях искусства – потребности в самораскрытии, самоотдаче, что позволяет выйти на верный путь в процессе различения степени ценности произведения искусства [7, с. 209]. Неслучайно в отзывах на современные художественные выставки часто фигурирует протест против бессодержательности современного

искусства и размытости параметров оценки. А. Соловьев, автор статьи о московской биеннале современного искусства, состоявшейся в феврале 2005 года, отмечает, что большинство современных художественных проектов, кроме чисто репрезентативных, имиджевых, не ставят никаких острых арт-проблем, а как правило, эксплуатируют «мультикультурность», «политкорректность», «утопичность» и прочие интеллектуальные стереотипы [17]. Художественный критик К. А. Кокшенева отмечает тягу к разрушению устойчивого в современном искусстве, называя ее «эстетической диверсией» [10, с. 225–227].

В целом, констатируя трудноопределяемость содержания критериев качества искусства в современной художественной теории и на практике, большинство авторов рассматривают это как проблему. Отсутствие четких критериев оценки художественных произведений оставляет простор для неадекватного завышения их стоимости, рождает противоречие между художественной ценностью произведения и его рыночной ценой. Позиции исследователей демонстрируют повышение актуальности самой постановки проблемы художественного качества. О критериях художественности активно рассуждают сегодня в сфере фотоискусства, художественной литературы, изобразительного искусства, киноискусства, театра. Определяющей сегодня является конкретная ситуация, в которой происходит постановка вопроса о художественной ценности произведения. В зависимости от постановки задачи перед художественными экспертами (например, определение стоимости произведения; степени его уникальности; инвестиционной привлекательности) применяется различный набор критериев.

Однако, при этом сущность искусствоведческой категории «художественность» часто оказывается искаженной, что демонстрирует оперирование понятиями «художественный успех», «художественная удача». Современные авторы – художники, искусствоведы, философы – предпочитают употреблять не ставшее традиционным понятие «художественность», а более «современные» термины «художественная удача» и «художественный успех» (в качестве примера можно указать на публикации А. Осмоловского, О. Копенкиной) [13]. Вероятно, эта замена симптоматична и отражает ориентацию на некий новый уровень художественного качества. «Успех», «удача» – эти понятия придают художественной оценке еще более субъективный характер и означают отход от понимания искусства как выражения неких общезначимых, духовно-объективных смыслов. В большинстве случаев, когда авторами, аналитическими обзором художественных выставок в газетных и журнальных публикациях используются понятия «художественность», «художественные критерии», их значения не расшифровываются, что снижает качество анализа. Поскольку основной задачей искусствоведения, в том числе современного, является оценка художественных достоинств произведения, считаем возможным присоединиться к исследовательской позиции, согласно которой объективный анализ искусства возможен с помощью различных критериев, как наиболее общих, так и видовых.

Библиографический список

1. Алибекова, Г. Грани художественности / Г.Алибекова. – Баку:Язычи. – 1981.
2. Асатиани, В.А. Рекреация мифа как фактор упадка искусства в современной культуре (постановка проблемы) / В.А. Асатиани // Вестник МГУ. – Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – №1. – 2005.
3. Боров, Ю.Б. Эстетика. В 2-х т. / Ю.Б.Боров. – М., 1997.
4. Бранский, В.П. Искусство и философия. Роль философии в формировании и восприятии художественного произведения на примере истории живописи. Янтарный сказ / В.П. Бранский. – Калининград, 1999.

5. Бычков, В.В. О XVI Международном конгрессе по эстетике / В.В.Бычков, Н.Б.Маньковская // Вопросы философии. – №2. – 2005.
6. Бычков, В.В. Эстетика / В.В. Бычков. – М.: Гардарики, 2002.
7. Гуревич, Л.Ю. Объявление о смерти. Читая новую арт-критику / Л.Ю.Гуревич // Звезда. – №3. – 2001.
8. Готов, Д., 2004 [Электр. ресурс].– Режим доступа. – <http://xz.gif.ru/numbers/55>
9. Изобразительное и декоративное искусство. Архитектура. Терминологический словарь / Под общ. ред. А.М.Кантора. – М., 1997.
10. Кокшенева, К.А. Самозванцы, или взгляд на искусство из-под коровьего хвоста / К.А. Кокшенева // Москва. – №4. – 2005.
11. Кривцун, О.А. Художник XX века: поиски смысла творчества / О.А.Кривцун // Звезда. – №3. – 2001.
12. Маньковская, Н.Б. Эстетика постмодернизма / Н.Б.Маньковская. – СПб.: «Алетейя». – 2000.
13. Осмоловский, А. Отличное от хорошего, 2004 [Электр. ресурс]. – Режим доступа. – <http://xz.gif.ru/numbers/55/6>
14. Радугин, В.М. Эстетический идеал и его воплощение в искусстве: автореф.дис...кан.ф. н. / В.М. Радугин. – М., 1995.
15. Рубцова, Е.В. Специфика современной художественности на основе осмысления историчности парадигм искусства / [Электр. ресурс]. – Режим доступа. – <http://dspace.lib.usu/handle/123456789/338>.
16. Согомонов, А., 2004 [Электр. ресурс]. – Режим доступа. – <http://xz.gif.ru/numbers/55/3>
17. Соловьев, А. 2005 [Электр. ресурс]. – Режим доступа. – <http://cn-com.ua/№345/culture/parallels/parallels.htm>.
18. Сулова, Т.И. Традиции и новации как одна из проблем современной эстетической теории / Т.И. Сулова // Вестник МГУ. – Серия 7.Философия. – №4. – 2003.
19. Тюпа, В.И. Художественность литературного произведения / В.И.Тюпа. – Красноярск, 1987.

Материал поступил в редакцию 03.12.07.

УДК 7.071(571.150-25):792.04

А.Е. Зубов

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОНЯТИЯ «СОВРЕМЕННОСТЬ» В ТВОРЧЕСТВЕ ТЕАТРАЛЬНЫХ ХУДОЖНИКОВ БАРНАУЛА

Исследуется процесс утверждения действенного стенографического языка в театрах г. Барнаула с середины 40-х до середины 70-х годов XX века в контексте трансформации категории «современность» в творчестве барнаульских театральных художников.

Определение «современный», «сегодняшний» менялось на протяжении второй половины XX века к спектаклям, принципиально отличающимся по внешнему облику. Понятие «современное» претерпело значительные изменения, и сценографы, работавшие в столице Алтайского края, в своем творчестве не могли не откликнуться на эти изменения. Эстетический облик спектаклей сибирских театров менялся в соответствии с изменениями в общем театральном процессе страны, в ее социальном и художественном пространстве.

В середине 1940-х гг., после возвращения театров из эвакуации, на сценах театров Сибири, как и во всех театрах страны, доминировала жизнеподобная декорация, главным принципом которой было создание достоверного, правдоподобного места действия в технологии кулисного и павильонного декорационного оформления. Иллюзорное пространство, создаваемое живописным задником, системой кулис или павильоном, должно было быть максимально конкретным, передавая в то же время узнаваемые, типичные черты того или иного реального жизненного пространства. В этих принципах работали все художники, разница была в отборе конкретных деталей, элементов оформления и, разумеется, в индивидуальной живописной манере художника.

В этот период, до середины 1950-х гг., определение «современный» относилось прежде всего к времени действия драматургического материала. Если события пьесы происходят в наши дни, в них действуют люди, живущие в наше время, значит, спектакль относится к категории современного. Принципы сценографического оформления оставались в основном теми же, что и в решении, например, классической драматургии. Наиболее последовательно реализовывалось это направление

театрально-декорационного искусства в творчестве выдающегося барнаульского художника Михаила Николаевича Николаева (1896-1982).

Имея за плечами прекрасное петербургское образование, опыт работы в различных театрах страны, М. Н. Николаев приезжает в театр г. Барнаула драмы в 1936 г., в расцвете творческих сил и профессионального мастерства [11, с. 27]. В рамках господствовавшего направления жизнеподобной декорации он создал целый ряд современных спектаклей, отличавшихся высочайшим живописным мастерством, гармоничной композицией, тщательной проработкой деталей оформления. Такими были «День отдыха» (1948), «Закон чести» (1948), «Счастье» (1949). Интересным композиционным решением отмечена комедия «Свадьба с приданым» (1950), где на планшете была построена круглая «дополнительная» сцена, при повороте которой менялось место действия. Помимо технологического ускорения процесса перемены декорации, это оформление привносило в спектакль ощущение игры, легкости, свойственное атмосфере пьесы.

Иная атмосфера создавалась художником в спектакле «Машенька» (1949). Интерьер профессорской квартиры был выстроен основательно, создавал ощущение незыблемости установившегося порядка в жизни главного героя. Неброское, приглушенное цветовое решение павильона подчеркивало консервативность, академичность всего характера жизни этого дома, в котором появляется юная Машенька. Созданию этой атмосферы способствовали и композиционные особенности сценографии – подчеркнутая фронтальность композиции, вертикальные линии книжных шкафов, солидная мебель, стоящая на строго зафиксированных местах.

К павильонной конструкции обратился М. Н. Николаев в оформлении современной пьесы В. Минко «Не называя фамилий» (1954). Слегка развернутые стены комнаты создают легкое, просторное пространство. Удобная мебель, светлый колорит декорации, вертикальные элементы в композиции – огромное триумо, подставки для цветов, спускающиеся складки драпировок – мир спектакля предстает комфортным, удобным, дающим максимум удовольствия и спокойствия обитателям. Еще более легким и открытым стало пространство спектакля «Одна» (1957). Диагональная композиция, примененная художником, подчеркивала динамику действия, раздвигала рамки сцены. Лаконичность мебелировки, отсутствие мелких декоративных деталей соответствовали характеру места действия, конструкторскому бюро, а с другой стороны, соответствовали ритмам, стилистике современности конца 1950-х. Огромное окно, пространства застекленных панелей стен вызывали ощущение знакомого, только что виденного интерьера.

В тех же принципах работали в современной драматургии и другие художники Алтайского краевого театра драмы. Достоверную жизненную среду выстроил Г.С. Иванов в спектакле «Иван Рыбаков» (1956). Стоит отметить, что насыщенность пространства множеством бытовых деталей отчасти противоречила особенностям пьесы, написанной стихами. Поэтика текста требовала иного, не бытового сценографического решения, но сила традиции, общее направление театрально-декорационного искусства оказались более значимыми для художника.

Таким образом, до середины 1950-х гг. категория «современность» в анализе сценического произведения относилась практически только к драматургии. Специфической сценографической реализации этого понятия, отличающей «современное» от «традиционного», «классического», на сценах театров не было.

К середине 1950-х гг. жизнеподобная декорация, выполняющая в основном только функцию обозначения места действия, исчерпывает себя. Изменения, происшедшие в театральном пространстве среды, проявились и в творчестве театральных художников Алтая. На сцене появилось оформление, построенное по иным принципам. Теперь современным стали называть спектакль, предполагающий не только пьесу о наших днях, но и спектакль, решенный в первую очередь сценографически, в условной манере, отходящий от жизнеподобного воссоздания места действия. С конца 1950-х гг., такое решение возникло чаще в спектаклях на современную тематику – советских, зарубежных. Но к концу десятилетия шестидесятых годов действенная сценография, которая тогда чаще называлась «условной», стала возникать и в постановках классических пьес.

Условное оформление развивалось в конце 1950-х – начале 1960-х гг. по двум основным направлениям. Прежде всего, это лаконичная декорация, построенная по принципу «часть вместо целого» [Подробнее см.: 6, с. 94, 95]. Во многом такому виду оформления способствовала и современная драматургия. Так, пьеса «Иркутская история» А. Арбузова, оформленная в 1960 г. Г.С. Ивановым, своей поэтической структурой, Хором, введенным автором, как бы подсказывала условную, небытовую трактовку. Художник вынес на сцену только знаки, обозначающие места действия – скамейку у кинотеатра, берег реки. Фоном, на котором стремительно менялись лаконичные обозначения места, стала панорама огромной стройки на заднике, она обобщала

все происшедшие события, создавала общую атмосферу всего событийного ряда спектакля. По принципам лаконичной декорации было создано А.Н. Бердыченко оформление спектакля «Бывшие мальчишки» в ТЮЗе г. Новосибирска в 1961 г., где окна, дверные проемы, детали интерьера изымались из традиционного павильона, на сцене оставлены были лишь функционально необходимые детали.

Вторым направлением стало создание обобщенного места действия, цельного образного решения спектакля. На смену покартинной декорации, зачастую никак не связанной с предыдущим эпизодом, пришел визуальный образ всего произведения, в котором конкретное оформление сцены являлось только фрагментом. Наиболее значительные произведения сценографического искусства были созданы в этом направлении Борисом Мефодьевичем Астаховым, заслуженным артистом КазССР, главным художником Алтайского краевого театра драмы с 1962 г. [12]. Сочетая традиции реалистического театрально-декорационного искусства с ярким образным видением спектакля в целом, сценографические работы Б. М. Астахова составляют золотой фонд театральной истории Алтайского края и Сибири. Прилагательное «современное» сопровождает его творчество на протяжении всех лет работы.

Уже первый его спектакль по возвращении в Барнаул, «Четвертый» К. Симонова (1961), обладал особой, сегоднешней энергетикой. Над наклонным пандусом, ведущим в глубину сцены, сиял в лучах света огромный земной шар. «Вытянутые силуэты, музыка, вращающийся земной шар, светящаяся дорога, ведущая к нему и в то же время берущая начало от него, – все это создавало напряженность и верную атмосферу», – писал о работе Астахова народный артист России Д.Г. Паротиков [1, с. 71]. Вообще активное использование вертикального измерения сценического пространства было отличительной особенностью сценографии Астахова. Подчеркнутой устремленностью вверх, открытостью выделяется пространство спектакля «Традиционный сбор» (1966). Расходящиеся к залу перспективные линии просторного пространства современного школьного зала сосредотачивают внимание на уходящих вверх декоративных витражах, над которыми в глубине встает панорама города будущего, просторного и светлого. Художник создает мир надежды, возможностей реализации для человека, и этот мир становится для кого-то из героев пьесы несбывшейся мечтой, а для кого-то – состоявшейся реальностью.

Монументальным и в то же время динамичным было оформление спектакля «Между ливнями» (1965). Портал сцены представлял собой проем в броне огромного линкора, в глубине сменялись решенные по принципу лаконичной декорации места действия, но общая тональность спектакля, тревожная, грозная атмосфера первых месяцев революции, оставалась неизменной. В сценографии Астахова проявлялись и черты игрового театра. Так, передвигавшиеся фурики, по которым двигались, прыгали актеры в сцене перехода по льду Финского залива, создавали физически точное сценическое самочувствие, визуально реализовывали крайнюю напряженность сцены [7, с. 5].

В спектакле «В ночь лунного затмения» (1969) Б.М. Астахов создает на сцене эпический образ скалистых просторов, так знакомых ему по годам жизни в Казахстане. Устремленные вверх древние идолы, изгибающийся вдаль пандус сжигаются палящими лучами, и

как знак неотвратимой беды – черный диск, наплывающий на светило. Эскиз к спектаклю ассоциируется с древнейшими архетипическими мотивами, с трагическими образами античного театра. В то же время экспрессия сценографии, доминанта диагональных векторов, общая энергетика пространства несут в себе явное влияние современности, атмосферы конца шестидесятых.

Одним из самых ярких произведений Бориса Мефодьевича Астахова стало оформление «Тихого Дона» (1969). Художник долго искал визуальный образ реки, который должен был объединять все сцены спектакля, стать эмоциональным центром оформления [8, с. 6]. Изготовленный из «мятого» алюминия зигзаг, устремляющийся вверх на заднике, одновременно являлся и узнаваемым изображением реки, и изломом молнии, взрывавшей мирное течение жизни, и трещиной, раскалывавшей людей на два лагеря. Точно выстроенный свет, переливавшийся на складках металла, то создавал эффект струящихся волн, то наливался багряными оттенками, и Тихий Дон становился кровавым. Этот спектакль стал едва ли не самым ярким с точки зрения создания цельного эмоционального образа произведения в истории театрального Барнаула 1960-х – 1970-х гг. [См.: 10, с. 6].

В работах Б. М. Астахова современные черты сценографии проявлялись с максимальной выразительностью. Сразу заявлялся общий эмоциональный образ всего спектакля – просторы полей на заднике в спектакле «Земля» (1969), мчащийся в небесах табун степных коней в тюзовской «Поэме о любви» (1972), иронично-лубочные облака в комедии «Таблетку под язык» (1973). У художника были свои излюбленные приемы. Так, почти во всех его спектаклях использовались спиральные пандусы, устремлявшиеся в глубину сцены. Сочетаясь с четко выраженными вертикальными элементами оформления, они придавали сценографии Астахова динамику, экспрессию, выражавшую ритмы современности, добавлявшую спектаклю энергию сегодняшнего дня.

В семидесятых годах изменилась и сценография художников, ранее работавших в русле жизнеподобной декорации. А. Н. Бердыченко в 1970 г. создает мощный образ старой Руси в «Василисе Мелентьевой». Полукругом замыкающая пространство сцены монастырская стена, незыблемая, древняя, с полуразличимыми фресками, прорезается столбами. На изнавершиях, ассоциирующихся еще и с виселицами, подвешены колокола, на концах веревок, спускающихся от языков – книги. У зрителей создавался цельный образ мира, где своемыслие, неосторожно сказанное слово приводит человека к гибели. Над замкнутым, глухим пространством скита в оформлении спектакля «В лесах, за Волгой» (1973) нависал тяжелый крест из массивных дубовых плах. Воспринимавшийся и как реалистический элемент, как балки потолка, он в то же время становился символом, угрожающим знаком слепой веры, подавляющей человека, лишаящей свободы выбора. Пространство спектакля «Они сражались за Родину» (1970) в оформлении А.Н. Бердыченко обрамлялось обожженными полотнами защитного брезента, как бы обугленного языками пламени на заднике. Из планшета сцены углами торчали дощатые щиты – и окопы, и надолбы, и воронки, сама вздыбленная и истерзанная военная земля. Спектакль приобретал обобщающее звучание, тема народного подвига заявлялась во всей трагической полноте и силе [3].

Алтайский театр юного зрителя был основан в 1958 г., когда жизнеподобная декорация уже уступала

свои позиции новому, действенному оформлению. С самого начала художники ТЮЗа работали в условной манере. Отчасти она определялась и внешними обстоятельствами – слабой материальной базой, меньшим, по сравнению с драмой, финансированием. Но и атмосфера сегодняшнего дня ощутимо влияла на творчество художников молодежного театра. На его сцене сравнительно редко появлялась основательная, подробная жизненно-подобная декорация, создающая иллюзию достоверного конкретного пространства. Таким было, например, оформление сказки «Четыре близнеца» (1969), художник М. В. Тиунов [См.: 9, с. 1]. Гораздо чаще спектакли оформлялись по принципу лаконичной декорации, «часть вместо целого». Иногда такое оформление приобретало и образное звучание. Например, публицистическое звучание пьесы Н. Долининой «Они и мы» (1965) в сценографии новосибирца К.Г. Лютынского подчеркивалось ставками в виде газетных полос. Спектакль шел без занавеса, что в то время тоже было знаком современности [9, с. 2].

Особую образность приобрел внешний вид тюзовских спектаклей с приходом новой режиссуры. В 1972 г. З. И. Китай поставил знаменитый в Барнауле спектакль «Поэма о любви» в оформлении Б. М. Астахова. Сложный многоступенчатый станок, лаконичные детали – юрта, деревце, расцветающее вместе с любовью героев и гибнущее вместе с ними, табун степных коней на суперзанавесе – точно отобранные элементы оформления создавали пространство трагедии, воссоздающее национальную атмосферу и в то же время придававшее спектаклю обобщенное эпическое звучание [13, с. 1, 2].

Подчеркнуто современно выглядело оформление «Бесприданницы» (1973). На сцене в окружении цепной ограды художник О. А. Щербаков сконструировал единую установку в виде клетки. На стенах ее размещались немногочисленные знаки конкретных мест действия, при поворотах открывалась то бильярдная, приобретающая в спектакле символическое значение, то комната в доме Огудаловой. Динамику спектакля усиливало вращение сцены во время действия, звуковые эффекты. Отказ от привычного в классических постановках правдоподобия был в Барнауле начала 1970-х в большой мере новаторским [См. об этом: 2 с. 4, 5; 5; 13, с. 2].

На новый уровень образности вышли спектакли АКТЮЗа с приходом режиссера В. И. Шабалина. «Чайка» и «Сохрани свою Мадонну» (1976) в сценографии О. Щербакова, «Емелино счастье» (1976) И. Агуф, «Малыш и Карлсон» (1975) Эсге (Г.П. Сухогозова) окончательно утвердили на сцене молодежного театра сегодняшней, образный взгляд на сценографическое решение спектакля [См.: 4]. Главным стало эмоциональное видение художника и режиссера, цельный визуальный образ спектакля. Функция обозначения конкретного места действия осталась только одной из задач оформления, причем зачастую не самой важной.

Процессы утверждения действенного сценографического языка на сценах барнаульских театров хронологически отставали от Москвы, Ленинграда, театров европейской части страны. Во многом причины такой неторопливости – личные взгляды режиссеров и художников на визуальное решение спектакля. Но отчасти это объясняется и большей инерцией вкусовых предпочтений зрителей, а также руководства культурой в крае. Значительная часть зрительного зала неохотно расставалась с привычной жизнеподобной декорацией, с иллюзорным пространством в рамке сцены.

И все же к середине 1970-х гг. категория современности в сценографии перестала быть для художников театра столицы Алтая чем-то особенным, отличающим тот или иной спектакль от общей тенденции. Современ-

ными, т. е. использующими все возможные направления в сценографии, стали и спектакли по пьесам из сегодняшней жизни, и постановки классических произведений. Разница заключалась уже в конкретном решении пьесы, образном видении художника и режиссера, их личном ассоциативном пространстве. Функция создания единого визуального образа окончательно стала доминировать в творчестве большинства сценографов, работавших на сценах алтайских театров – Е. Гуры, И. Попова, С. Федоричева, А.Л. Окуня, А. Малышева и других.

За двадцать лет понятие «современность» в искусствоведческом анализе спектаклей барнаульских театров трансформировалось от констатации особенностей драматургии, конкретизации времени действия пьесы до художественной категории, определяющей специфические особенности сценографического решения спектакля. Термин «современное» стал включать в себя прежде всего оценку авторского видения произведения художником, индивидуальной трактовки первоисточника, художественной позиции сценографа.

Библиографический список

1. Абрамович, А. Призванный временем: очерк истории Алтайского краевого театра драмы / А. Абрамович, Д. Паротиков. – Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1981. – 108 с.
2. Белкин, Б. Н. Новосибирск – Барнаул. Семидесятые / Б. Н. Белкин // Архив Театрального музея Новосибирского отделения «СТД РФ (ВТО)». Сценография – воспоминания. КП 4, № 12623 / Ед. хр. 10.
3. Вахрушев, Б. Сыны Отчизны / Б. Вахрушев // Алтайская правда. – 1970. – 20 мая.
4. Кожевникова, Е. С. Отечественный провинциальный театр: Алтайский Краевой ТЮЗ. Методические рекомендации по курсу: «Рецензионный семинар», часть 1 / Е. С. Кожевникова. – Барнаул.: АГИК, 1994. – 62 с.
5. Крюкова, А. Островский – на сцене ТЮЗа / А. Крюкова // Молодежь Алтая. – 1973. – 7 декабря.
6. Михайлова, А. А. О художественной условности. Изд. 2-е, переработ. / А. А. Михайлова. – М., «Мысль», 1970. – 300 с.
7. Обухов, Г. Т. Страницы былого / Г. Т. Обухов // Архив ГМИЛИК Алтая, НВФ, № 8078.
8. Паротиков, Д. Г. Художники Алтайского краевого театра драмы / Д. Г. Паротиков // Архив ГМИЛИК Алтая, НВФ, № 8079.
9. Познякова, Л. И. Страницы истории Алтайского театра юного зрителя / Л. И. Познякова // Архив ГМИЛИК Алтая, НВФ, № 8074.
10. Свободная, И. Н. Страницы театральной истории Барнаула / И. Н. Свободная // Архив ГМИЛИК Алтая, НВФ, № 8076.
11. Свободная, И. Н. 100 лет со дня рождения театрального художника М. Н. Николаева / И. Н. Свободная // Барнаульский хронограф. Календарь памятных дат. – Барнаул, 1996. – С. 26-29.
12. Свободная, И. Н. Астахов Б. М. / И. Н. Свободная, Н. В. Юмашева // Барнаул: Энциклопедия. Барнаул, 2000. – С. 32.
13. Таякина, Н. В. Спектакли и художники Алтайского ТЮЗа / Н. В. Таякина // Архив Государственного музея истории, литературы, искусства и культуры Алтая, НВФ, № 8077.

Материал поступил в редакцию 08.12.07

УДК 130.2:390(=512.156)

А.К. Кужугет

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРЫ ТЫВЫ В XXI ВЕКЕ

В статье рассматриваются концепции развития традиционных культур на примере республики Тыва. Исследуются наиболее фундаментальные проблемы в области возрождения этнических культурных ценностей. Намечаются пути выхода из кризисного состояния тувинской культуры с привлечением позитивного опыта развитых цивилизаций Востока.

Начиная с 20-х годов XX века, прервался процесс векового общения и культурного взаимовлияния Тувы с Монголией, Китаем и, опосредованно через них, с другими странами Азии. А между тем, связи тувинцев с восточными соседями были чрезвычайно прочными и долгими. Искусствоведы и культурологи Тувы отмечают, что эти связи отразилось во всех видах народного творчества тувинцев: в музыке, устном народном творчестве, декоративно-прикладном искусстве, скульптуре. Однако предметом глубокого научного исследования проблема межкультурного диалога никогда ранее не являлась. В советский период ориентация научных разработок была направлена исключительно на изучение влияния на культуру тувинцев русской советской культуры.

До настоящего времени в учебных заведениях Тувы, даже в тех, где готовят творческих работников, не преподаются предметы по культуре Азии, с которой в прошлом у тувинцев было много контактов, как политических и экономических, так и культурных. К примеру, совершенно не изучена проблема влияния Великого шелкового пути на культуру Тувы. У тувинцев чрезвычайно много пересечений, возможно, совпадений и с китайской, и с японской, и с монгольской культурами.

Процесс трансформации культуры на основе традиций этноса и без кардинальной их ломки, а с учетом их

специфики, особенностей осуществления в странах Юго-Восточной Азии, получил название «постмодернизация». Именно он должен стать предметом пристального изучения ученых Тувы. Ориентация на русскую культуру в советский период была характерной особенностью не только творческих деятелей, но и тувинских искусствоведов и культурологов. На сегодняшний день нет научных трудов по сравнительному анализу тувинской, монгольской и китайской культур. Практически отсутствуют работы по изучению общих тенденций в развитии культуры народов Саяно-Алтая и вообще всех тюркских народов. Перед учеными Тувы стоит задача исследовать, в первую очередь, исторические культурные связи тувинцев с другими народами Востока, и лишь затем изучить опыт «постмодернизации» с целью применения его в современной тувинской культуре.

К культурному опыту этих стран, наиболее удачно и безболезненно прошедших трансформационные процессы, все чаще обращаются как западные, так и российские ученые. Американский ученый С. Хантингтон особо выделил проблему сохранения культурной идентичности на примере Сингапура, говоря о сохранении традиционной культуры в виде «основных духовных ценностей, которые являются общими для различных этнических и религиозных общин Сингапура и которые ухватывают сущность того, что есть сингапурец»

[1, с. 527]. Как показала современная история многих восточных стран, усвоение элементов западной культуры не уничтожило в них самобытную культуру Востока.

Эффективные способы вхождения в мировое сообщество – одна из сложнейших проблем XX века. Долгое время модернизация хозяйственной жизни и изменения в духовной культуре происходили совершенно стихийно, но XX век показал, что этими процессами можно управлять. И наиболее позитивных результатов здесь достигла Япония, которая доказала, что можно занять свое место в мировом сообществе, опираясь на местные и даже патриархальные традиции. Мы согласны с В.Ж. Келле, который считает, что «ярким примером могут служить многие страны Юго-Восточной Азии, осуществившие успешную модернизацию. Среди них выделяется Япония – один из лидеров научно-технологического прогресса современного мира. Она сохранила традиционную духовную культуру и, более того, использовала ее особенности, психический склад нации для создания и развития своей мощной современной экономической системы. В ряду этих стран больших успехов добились Южная Корея, некоторые малые государства этого региона и Китай. Впечатляющие достижения Китая в экономике, в научно-технической сфере и его древняя традиционная конфуцианская культура, оказывается, бесконфликтно сопрягаются друг с другом. Некоторые китайские авторы даже находят, что конфуцианство вообще соответствует реалиям постиндустриального мира» [2, с. 58]. Страны Дальнего Востока стали наглядным примером органического синтеза восточных и западных элементов в рамках единой мировой культуры.

Для Тувы, имеющей по природе своей культуры много общего с другими восточными странами, а также сохраняющей в памяти людей старшего поколения знания о собственной традиционной культуре, применение опыта этих стран может помочь найти выход из тяжелейшего политического, экономического и духовного кризиса.

В настоящее время – в переломный момент в жизни республики – необходимо искать пути по преодолению ограниченности культуры прошлого советского периода, предоставлению личности возможностей для самореализации и установлению диалога с другими культурами с целью дальнейшего применения лучших, в частности, ранее апробированных, традиций «постмодернизационной» трансформации культуры уже в XXI веке.

Сегодняшняя Европа проповедует философию жизни, ориентированную на получение материального блага, удовольствия и развлечения. Утрачиваются общечеловеческие ценности, культивировавшиеся веками в их традиционных культурах: Родина, долг, честь, совесть, а на бытовом уровне – семья, дети, уважение к старшим.

Стремление к накоплению, отказ от ценностей традиционной культуры, общемировая тенденция на расширение индустрии развлечений ведет к уничтожению самой культуры как таковой, замене ее на эрзац-культуру в виде пустых «мыльных опер», блок-бастеров, «легковесного чтива».

В современной России, которая спешит «наверстать упущенное», проповедь свободы от традиционных ценностей еще воинственнее, материальное благополучие достигается любым путем. Однако в условиях демократического развития общества, а не вседозволенности, необходимо понять, «что демократия – это всего лишь механизм гармонизации ценностей и интересов, но не сами ценности. Нам же проповедуют нравственный и ценностный нигилизм. Такая нация уязвима, она становится материалом для других» [3].

Западная культура, дойдя в своем материальном развитии до высочайшего уровня, все более осознает, что

заканчивается ее внутренний духовный потенциал, поэтому с таким интересом западные исследователи все чаще обращаются к традиционным культурам Востока. По мнению К.Э. Разлогова, «вся совокупность культурологических дисциплин вырастает в результате социокультурных трансформаций в XX в., трансформаций, которые заставляют переосмыслить и само понимание культуры, и принципы взаимодействия между различными культурами, их компонентами и самими культурными сообществами» [4, с. 39].

Глубокий анализ традиционной культуры различных народов (тувинской, в частности) показал, что, к сожалению, неизбежен естественный процесс отмирания некоторых видов художественной деятельности (например, изготовление седел, уздечек, сундуков, шитье традиционной одежды и обуви) в связи с модернизацией общества, сменой образа жизни. Уходит то, что было тесно связано с культурой быта.

Все более актуальны в настоящее время исследования духовной культуры традиционного общества, изучение ее составляющих, ее потенциалов, связанных с мироощущением, отношением к природе, к людям. Живучесть духовной культуры объясняется ее самодостаточностью, ее синергетикой. Совершая ежегодные обряды с обращением к объектам природы, люди достигали психологического удовлетворения, уверенности в завтрашнем дне.

Духовная культура традиционного общества учит умению достигать психологического комфорта, радоваться простым человеческим чувствам: любви к женщине, детям; дружеским отношениям; согласию с природой и с самим собой. Не стоит подменять эти общечеловеческие ценности материальными излишествами. Слепое следование опыту развитых (западных) цивилизаций далеко не всегда позитивно. Подобный опыт у Тувы уже есть. Общеизвестно, что в сфере экономики, производства влияние западных технологий ускорило развитие восточных обществ, однако в духовной сфере проблемы современного кризиса надо решать самим.

Современное тувинское общество должно осознать важность социально-психологических задач, разрабатывать комплексные программы выхода из глубокого кризиса, что, кстати, непременно должно положительно сказаться и на экономике республики. Тува относится к наиболее депрессивным районам России не только в экономике и производстве, но и в социальной сфере. В республике один из самых низких показателей продолжительности жизни и один из самых высоких показателей доли населения, находящегося за чертой ниже прожиточного минимума. По данным переписи населения 2000г., в Туве «средняя продолжительность жизни обоих полов составила 55 лет (у мужчин – 49,4; у женщин – 61,9), в сельской местности – 53,7 лет (для мужчин – 48,4; для женщин – 60,4)» [5, с. 24].

Есть две силы, способные вывести общество из глубокого кризиса: это государство, сотрудничающее с наукой, и ценности национальной культуры. Только эти силы могут придать мощный импульс развития. Таким путем шли страны Юго-Восточной Азии, где государство объединяет общество, а культура дает важную морально-психологическую поддержку людям ради выживания в трудных экономических условиях.

На государственном уровне особое значение сейчас необходимо придавать воспитанию творческой личности. Для этого требуются реформы системы образования. Безусловно, это отход от традиционного, в частности, тувинского воспитания, однако надо понять, что это – то ценное качество, которое выработало западное общество и которое необходимо перенять в наше время представителям других азиатских культур. При этом

творческая личность совсем не исключает, а, скорее, предполагает наличие нравственной ответственности перед обществом, высокий интеллект, образование, культуру поведения и мышления.

Решение чисто экономических задач невозможно без решения задач духовного развития современного тувинского общества.

Мы совершенно согласны с мнением Т. Парсонса, что самые острые проблемы социетального сообщества будут существовать в первую очередь, в развитии культурных систем, как таковых, и в их отношении к обществу [6, с. 189].

В XX веке не произошло размывания культур разных народов, многие из них сохраняют свою специфику и своеобразие. Скорее, современная мировая культура развивается благодаря взаимовлиянию различных культур.

Открытость внешним влияниям, взаимодействие – важное условие успешного развития любой культуры. В культурных отношениях принимают участие и большие, и малые нации. Понятно, что влияние крупной нации или цивилизации несравненно масштабнее, чем малых этнических групп, однако последние также оказывают

существенное культурное воздействие на мировую культуру.

На сегодняшнем этапе культура как гибкая самоорганизующаяся система, несмотря на этапы прошедшей «жесткой» модернизации, ломки, должна все же сохранить важные для жизнедеятельности культуры структурные связи и отношения, которые обеспечат ее целостность и неуточимость.

Такие культуры, как тувинская, долгое время считались отсталыми, статичными, цивилизационными аутсайдерами, поэтому при социалистическом строе ее необходимо было «довести» до уровня развитых культур, т.е. модернизировать. Между тем, как оказалось, так называемые стагнирующие культуры, (к которым относилась и тувинская культура), более прочно «встроенные» в природную среду, в контексте проблем общемировой цивилизации выработали, как нам кажется, более мудрый способ развития. Во всяком случае, не стоит совсем отказываться от опыта подобных культур, в нем много рационального, полезного для развития человечества на современном этапе. Все большее количество ученых самых разных специальностей обращают на это внимание и более глубоко исследуют природу этого феномена.

Библиографический список

1. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М., 2003.
2. Келле, В. Ж. Об одном методологическом принципе анализа культуры / В. Ж. Келле // Личность. Культура. Общество. – М., 2004. – Вып. 4.
3. Нарочницкая, Н. А. Россию спасает лишь инерция добра // Аргументы и факты. 2006. – № 3.
4. Разлогов К. Э. Методологические основания культурологии // Культурологические исследования в Сибири. – Омск, 2003. – № 1.
5. Аналитическая записка «Об итогах всероссийской переписи населения 2002 г. в Республике Тыва».
6. Парсонс Т. Система современных обществ. – М., 1997.

Материал поступил в редакцию 08.12.07

УДК 78.03(=512.156):140.8

М. Д.-Б. Монгуш

«ПРИРОДА И ЧЕЛОВЕК» В МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ ТУВИНЦЕВ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

В статье впервые рассматриваются вопросы связи интонационных особенностей традиционной музыки тувинцев с мировоззрением и культурой данного этноса. Автор опирается на исследования музыковедов дальневосточной школы (С.Б. Лупинос, Е.М. Алкон) и показывает отражение в музыкальных структурах центральной идеи единства природного и человеческого, космогонических представлений и элементов кочевой цивилизации.

В отечественной музыкальной науке все большую актуальность приобретают работы, тематика которых имеет междисциплинарный характер. Примером являются исследования музыковедов дальневосточной школы, рассматривающих музыку Востока и Запада через призму феноменов традиционной модели мира (ТММ), традиционной картины мира (ТКМ), введенных в научный оборот С.Б. Лупиносом. Этот ученый считает, что анализ мировоззренческих основ этноса дает возможность получить представление о природе музыкального мышления даже архаических культур. Установлено, что «... традиционная музыка является одной из форм трансляции традиционной модели мира и этнопсихологического опыта» [1], который предполагает сохранность в интонационных структурах элементов архаического мышления, поскольку «музыкальный материал проявляет большую устойчивость, нежели другие культурные факты» [2, с. 156].

Мы считаем подобный подход весьма эффективным для анализа музыки тувинцев. В данной статье рассматривается влияние окружающей природы на музыкальную культуру тувинцев, в том числе и на особенности интонационного структурирования. На основе новой методологии впервые в тувинском музыковедении осуществляется попытка раскрыть обозначенную тему [3].

Основной идеей ТММ тувинцев является единство природного и человеческого, отраженное в традиционной культуре. Шаманизм, будучи одним из наиболее древних религиозных верований тувинцев, тесно связывает людей с миром живой природы. Исследователи нередко подчеркивают экологичность сознания народа, бережное отношение ко всему окружающему миру, которое обусловлено идеологией шаманизма. Т.Е. Будегичева пишет, что человек в традиционной культуре «... не пытается вычлени себя из природы, не противопоставляет себя ей, не стремится быть ее хозяином, а

воспринимает себя органичной и весьма скромной ее частью» [4, с. 98]. Именно поэтому, по мнению З.К. Кыргыз, «... вокальные и инструментальные звукоподражания голосам животных и птиц, так же как и мастерство имитирования звуков природы, высоко ценятся тувинцами, прежде всего, с эстетических позиций как один из видов музыкального искусства» [5, с. 93].

На наш взгляд, горловое пение как неотъемлемая часть традиционной культуры является ярким показателем данного единства, поскольку, являясь творением человека, содержит в себе природный феномен обертонового звукоряда.

Это обстоятельство определяется представлениями тувинцев о том, что основным предназначением всякого искусства, в том числе и музыки, является, прежде всего, воспевание красоты окружающей природы. Не случайно в тематике музыкального фольклора тувинцев (вокального и инструментального) всегда преобладают образы родных мест.

Мировоззрение тувинцев базируется на космологических концепциях, которые зафиксированы в мифах, преданиях, сказках и других произведениях устного народного творчества. Огромная роль здесь принадлежит « философии » шаманизма. Как пишет Л.С. Мижит, в ее основе лежит « триадичная модель мироздания: Небо – Земля – Подземный мир (пространственная структура), прошлое – настоящее – будущее (временная структура) и центральная вертикальная ось мира, соединяющая три космические зоны » [6, с. 147]. Данная структура макрокосмоса соответствует мировоззрению почти всех народов Центральной Азии.

В контексте идеи наличия трех миров в шаманизме заслуживает внимания концепция, согласно которой взаимодействие крайних миров осуществляется через средний [7, с. 175–176]. Данная концепция, отражающая идею равнозначности верхнего, среднего и нижнего миров, в тувинской культуре наиболее наглядно проявляется, на наш взгляд, в функции шамана и певца-сказителя. Музыковед З.К. Кыргыз пишет, что шаманы и сказители владели неким сакральным языком, понятным всему живому и духам [8, с. 6].

Структура мироздания нашла свое отражение и в особенностях музыкальной культуры тувинцев. Как указывает тувинский исследователь В.Ю. Сузукей: «... рассматривая бурдонное многоголосие "как звуковой эквивалент образа мирового дерева", Л.А. Халтаева, первая из исследователей музыкального фольклора тюрко-монгольских народов, проводит аналогию между звуковыми соотношениями бурдонного многоголосия и традиционными космогоническими представлениями этих народов » [9, с. 56].

Трехчленная модель мира с идеей равнозначности миров и связи крайних через средний мир с культурологической и музыковедческой позиций проявляется, на наш взгляд, в феномене горлового пения. В.Ю. Сузукей считает, что в бурдонно-обертоновом пении присутствует три уровня: два слышимых (проявленных), которые представлены бурдоном и обертонами, и третий, не слышимый (непроявленный) в виде сонорного фона. Автор пишет, что сонорный фон – «...звуковое пространство не "пустое", оно заполнено взаимодействием "свободных" обертонов, не принимающих участия в образовании мелодической линии » [10, с. 56]. Существующие три основных стиля горлового пения – кыргыраа, хоомей, сыгыт и выявленная В.Ю. Сузукей трехуровневость структуры бурдонного музицирования (бурдон – сонорный фон – обертоновая мелодия) – вос-

производят в своей сущности единство трехчленной модели мира, в которой крайние миры связаны через средний. Это положение находит подтверждение в народной терминологии. В сказках, как указывает З.К. Кыргыз, три стиля горлового пения характеризуются следующим образом: «хөөледир хөөмейлээрге чер сиргейни берген» («при гудении хоомея земля дрожала»), «сыгырадыр сыгыртырга көк дээр аязып турган» («при пронзительном пении сыгыт голубое небо прояснялось»), «каргырадыр каргыраалаарга хая даш каанайндыр буступ бадып турган» («при пении каргыраа скалы ущелья гудели, гремели и разрушались») [11, с. 54]. Как видно, стили горлового пения наделялись магическими свойствами, и с их помощью можно было воздействовать на природные явления.

Совершенно справедливо, что в работах последнего времени используется цивилизационный подход к миру и культуре кочевников, к которым относятся и тувинцы. Так, А. Кунанбаева в качестве отличительного элемента культуры номадов выделяет процессуальность, под которой подразумевается сам процесс творчества и его восприятие как культурное сотворчество [12, с. 12], непосредственно связанное с их кочевой жизнью. Автор считает, что к исполняемому музыкальному произведению носителей такой культуры следует относиться не как к конечному продукту, но как к одному из возможных вариантов исполнения. В связи с этим, одной из кардинальных особенностей кочевого мышления, по мнению А. Кунанбаевой, является его многозначность и пластичность в интерпретациях, когда исполнитель становится соавтором. Подобное же явление мы можем наблюдать и в тувинской музыкальной культуре, в частности, у виртуозных исполнителей горлового пения, во время импровизаций на национальных инструментах, или у сказителей, поскольку их искусство, передаваемое устным способом, в принципе не может иметь единственного варианта в качестве образца. Эта музыка оживает именно во время исполнения. Множественность и вариативность в музыкальном исполнении непосредственно вытекает из жизненных обстоятельств кочевников, от устного метода передачи их искусства. Впрочем, эти свойства присущи произведениям устного музыкального творчества любого народа.

Существуют и другие особенности музыкальной культуры кочевых народов. Е. Трёмбовельский в пении казахов с домбровым сопровождением наблюдает возникновение двух планов восприятия, «рождающих иллюзию пения в процессе энергичного движения», что образует характерный жанровый контрапункт [13, С, 5]. Двухплатовость тематизма автор связывает с глубокими, древними истоками, в числе которых имитация бега коня, являющегося своего рода эмблемой казахского искусства в целом. Поскольку Тува является частью кочевой цивилизации, подобная двухплатовость при восприятии присутствует и в тувинской музыке. В качестве примера можно привести традиционное исполнение песни «Бээжин» («Пекин») известным в настоящее время фольклорным ансамблем «Хун-Хурту». Как пишет З.К. Кыргыз, «...песня предположительно относится к периоду существования Шелкового пути (до XVI в.)» [14, с. 38], когда на лошадях и верблюдах перевозили различные товары из Китая в Туву. Остаточная ритмическая фигура, которая сопровождает всю композицию, создает эффект неторопливого движения, «преодоления пространства» [15]. При этом основная лирическая мелодическая линия не нарушается. Во время исполнения

данной композиции с помощью динамических и других средств выразительности достигается обрисовка картины постепенного приближения каравана, а также его удаления в конце композиции. Мы полагаем, что подобную традицию исполнения, в которой присутствует ощущение движения, преодоления пути следует рассматривать как сквозную линию в музыкальном искусстве тувинцев, унаследовавших многовековое кочевое мироощущение.

Как справедливо полагает С.Б. Лупинос, «...на уровне традиционного музыкального мышления названные ранее структурные нормативы традиционной модели мира должны были закрепиться в каноне музыкального искусства, отражающем традиционную модель мира в динамике ее саморазвития» [16, с. 280]. Им выдвинута гипотеза «...о предопределенности доминирования в музыкальном мышлении народов, в культуре которых функционирует или активно функционировал шаманизм, трихордовой структуры в квартете». "Средний тон" в этой структуре является неустойчивым, переходящим либо в верхнюю, либо в нижнюю сферы, обусловленным спецификой ТММ» [17, с. 36]. Для тувинской музыки трихорд в квартете и большетерцовый трихорд, символизирующий идею равенства миров, являются ведущими в интонационном структурировании, что, по видимому, доказывает их предопределенность ТММ.

Наряду с этими структурами доминирование квартет-

квинтовых соотношений звуков в тувинской музыке не случайно. По мнению С.Б. Лупиноса и Е.М. Алкон, «ладовое мышление в логических границах чистой кварты отражено в терминах системы гун-че, восходящей к традициям кочевого мира, ... в которых системы ориентированы на ладовое мышление в разделенных и соединенных квартетных плоскостях» [18, с. 45]. Структуры из двух соединенных и разделенных квартетных плоскостей широко представлены в настройках тувинских инструментов – дошпулуура (в кварту), чанзы (в кварту-квинту), игила (в квинту, редко в кварту), бызаанчы (в квинту, редко в кварту).

Таким образом, мы полагаем, что в музыкальной культуре тувинцев ярко отражается центральная идея единства природного и человеческого. В особенностях музыкального мышления, которые зафиксированы в интонационном структурировании, обнаруживается глубинная связь с архаичной моделью мира и спецификой древней кочевой цивилизации.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Музыкальное наследие тувинцев: проблема традиции в интонационном структурировании»), проект № 07-04-63303 а/Т, Министерства по науке, учебным заведениям и молодежной политике Республики Тыва.

Библиографический список и примечания

1. Лупинос, С. Б. Канон в музыкальном искусстве и традиционная модель мира (опыт постановки проблемы) / С. Б. Лупинос // Борбад и художественные традиции народов Центральной и Передней Азии: история и современность. Тезисы докладов и сообщений. – Душанбе, 1990.
2. Цит. по: Лупинос С. Б. Музыкальное наследие Японии: традиционная модель мира и музыкальное мышление // Этнос и культура. – Владивосток, 1994.
3. Термины «модель мира» и «картина мира» использованы С.Б. Лупиносом в общепринятом понимании. Согласно его работам, традиция рассматривается как фактор динамичный, синтезирующий имеющийся опыт (в частности, архаику) и возникающий новый опыт (современность).
4. Будегечиева, Т. Е. Горловое пение в системе народной культуры тувинцев / Т. Е. Будегечиева // Мелодии хоомея. Сб. статей. – Кызыл, 1994.
5. Кыргыз, З. К. Хоомей – жемчужина Тувы / З. К. Кыргыз. – Кызыл, 1992.
6. Мижит, Л. С. Триадичные образы в религиозно-мифологических представлениях тувинцев / Л. С. Мижит // Ученые записки: Вып. XIX. / Отв. Ред. В. Д. Март-оол: Редколлегия: У. А. Донгак, М. Х. Маннай-оол, Б. И. Татаринцев, З. Б. Самдан, М. П. Татаринцева. – Кызыл: ТИГИ, 2002.
7. Лупинос, С. Б. Музыкальное наследие Японии: традиционная модель мира и музыкальное мышление / С. Б. Лупинос // Этнос и культура. Сб. науч. трудов. – Владивосток: Дальнаука, 1994.
8. У музыковеда З. К. Кыргыз читаем: «У тувинцев отдельные шаманы были крупными знатоками героических сказаний, сказок и мифов. Вера в магическую силу сказительства была настолько сильна, что тувинские охотники брали с собой на охоту сказочника-рапсода-певца и делили свою добычу с ним». Кыргыз З.К. Ритмы шаманского бубна. – Кызыл, 1993.
9. Сузукей, В. Ю. Бурдонно-обертоновая основа традиционного инструментального музицирования тувинцев / В. Ю. Сузукей. – Кызыл, 1993.
10. Сузукей, В. Ю. Бурдонно-обертоновая основа традиционного инструментального музицирования тувинцев / В. Ю. Сузукей. – Кызыл, 1993.
11. Кыргыз, З. К. Тувинское горловое пение / З. К. Кыргыз. – Новосибирск: Наука, 2002.
12. Кунанбаева, А. Кочевая цивилизация как искусство интерпретации / А. Кунанбаева // Музыкальная академия № 1, 2006.
13. Трёмбовельский, Е. Два этюда к проблеме аналогий. Этюд первый: Аналогия как метод познания музыкально-художественных явлений / Е. Трёмбовельский // Музыкальная Академия, № 1, 2006.
14. Кыргыз, З. Тувинское горловое пение / З. К. Кыргыз. – Новосибирск: Наука, 2002.
15. Об этом см. указ. работу: Трёмбовельский, Е. Два этюда к проблеме аналогий. Этюд первый: Аналогия как метод познания музыкально-художественных явлений / Е. Трёмбовельский // Музыкальная Академия, № 1, 2006.
16. Лупинос, С. Б. Канон в музыкальном искусстве и традиционная модель мира (опыт постановки проблемы) / С. Б. Лупинос // Борбад и художественные традиции народов Центральной и Передней Азии: история и современность. Тезисы докладов и сообщений. – Душанбе, 1990.
17. Мнение приводится по: Гомбоева, О. А. Музыкальное мышление в ламаистском ритуале / О. А. Гомбоева. – Владивосток, 1991.
18. Лупинос, С. Б., Алкон Е. М. Музыкальная культура Кореи и окружающий мир: древность и средневековье / С. Б. Лупинос, Е. М. Алкон // Проблемы культуры Дальнего Востока, науч. конф. Тезисы докладов. – Владивосток, 1993.

Материал поступил в редакцию 08.12.07

УДК 130.2

О.В. Первушина

ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ РОССИИ: ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследуются основания геосоциокультурного подхода к феномену культуры, позволяющего рассмотреть формирование культуры в контексте ее историко-культурных и социальных факторов в пространственно-временном континууме.

Новое звучание и интерпретации в гуманитарных и естественнонаучных междисциплинарных исследованиях получают сегодня такие понятия, как «географический фактор», «окружающая природная среда», «культурно-историческое развитие», «месторазвитие», «культурный ландшафт» и др., используемые в анализе взаимоотношений «человек-природа», «природа-общество», «человек и культура». Вхождение российского общества в XXI век выдвигает эти проблемы в число важнейших.

Актуализация интереса к природно-географической составляющей современной культуры обусловлена тем, что отношения человека и природы во все времена носили и носят противоречивый, двойственный характер: с одной стороны, человек как биологический организм – неотъемлемая часть среды обитания, с другой стороны, человек воздействует на нее, часто проявляя себя как источник необратимых изменений в природе, в целом ряде случаев, ведущих к экологическому кризису. Особенно остро эти проблемы обнаружили себя в XX веке как последствия развертывания научно-технического прогресса.

Изучение взаимосвязи человека, социума, культуры с природной средой имеет давнюю традицию в отечественной историко-культурологической мысли. Русские мыслители разных поколений изучали природно-географические особенности страны, отмечали их определяющее влияние на все сферы жизни общества; на формы и особенности бытования культуры, ментальность, образ жизни русского человека. Первые попытки исследования природно-географических условий страны, особенностей их влияния на социокультурные процессы относятся к периоду конца XVII–XVIII вв., принадлежат В.Н. Татищеву и И.Н. Болтину – мыслителям эпохи Просвещения – и изложены в контексте идей географического детерминизма [6, с. 42]. Роль природно-географического фактора этими мыслителями рассматривалась в контексте проблематики эпохи Просвещения, в русле особенностей русской культуры XVIII в., которая развивалась в крепостническом государстве. В.Н. Татищев, И.Н. Болтин рассматривали природно-географические условия как определяющие в формировании историко-культурных особенностей страны; крепостное право помещиков оценивалось как естественное состояние, обусловленное значительными обширными территориальными пространствами, необходимостью жесткой вертикали власти. В.Н. Татищев протяженность территорий России, безбрежность ее пространства рассматривал как основание для укоренения в стране монархической формы правления – типа государственного устройства, в большей степени отвечающего природным условиям, размерам территории, историко-культурным традициям народа. Свои идеи он подкрепляет обширным фактографическим материалом из русской истории. И.Н. Болтин также считает предпочтительным для России монархическое устройство государства. Особенно сти бытования культурных традиций и нравов он объяс-

нял влиянием природной среды (климата) как «первенственной причины». Представляет интерес его размышление о том, что имеют место множественные «побочные» причины, влияющие на перемену нравов (общение с другими народами, иностранные пряности и яства, оказывающие влияние на кровь, образ жизни человека, быт, обычаи и т.д.), которые могут либо содействовать, либо препятствовать влиянию климатических условий на образ жизни в стране. И.Н. Болтин, аргументируя свою позицию, исходил из представления о непохожести России на западно-европейские государства из-за «физического местоположения ее пределов». Таким образом, в трудах И.Н. Болтина, В.Н. Татищева природно-географические условия России рассматриваются как определяющие в выборе формы и способов государственного управления.

Геосоциокультурная мысль XIX – нач. XX вв. развивалась в русле дискуссий о цивилизационной принадлежности России, о судьбах русской культуры, о ее месте в диалоге «Россия – Запад». В стремлении определить цивилизационную принадлежность страны русская мысль вышла на новый этап развития. Н.Я. Данилевский подверг критике европоцентристскую схему развития человечества, линейной перспективе развития он противопоставил мультикультурную концепцию развития, выделив как основу культурно-исторические типы, сформировав законы их движения и развития, основой которых является природно-географическое пространственное расположение страны [3, с. 25–27].

Известным историком, мыслителем С.М. Соловьевым был положен принцип комплексного рассмотрения роли природно-географических, демографических, этнических, культурных факторов в историческом развитии России. В исторические исследования С.М. Соловьев вносит идею «географического ландшафта», определяет его значение в историко-культурном развитии страны [8, с. 51]. Он рассматривал климат, ландшафт, реки как культуuroобразующее начало русской истории и культуры, а не только как ее природные особенности. С.М. Соловьев считал, что однообразие русского природного ландшафта оказало влияние на образ жизни народа, его психологический склад [8, с. 73].

В.О. Ключевский рассматривает природную среду как реальность, оказывающую влияние на формирование ментальности народа: «..внешняя природа <...> нигде и никогда не действует на все человечество одинаково <...>, я разумею те преимущественно бытовые условия и духовные особенности, какие вырабатываются в людских массах под очевидным влиянием окружающей природы и совокупность которых составляет то, что мы называем темпераментом» [5, с. 40]. В концепции В.О. Ключевского, географическая среда – историческая данность, влияющая на особенности истории страны: «Человеческая личность, людское общество и природа страны – вот те три основные исторические силы, которые строят людское общежитие». Мыслитель

утверждал, что отношения человека и природы не являются данностью, что эти отношения развиваются, видоизменяются и не всегда могут носить позитивный характер: отсутствие гармонии в этих отношениях чревато серьезными последствиями.

Научные концепции евразийцев рассматриваются как продолжение традиций русской историко-культурологической и геосоциокультурной мысли XVIII–XIX вв. (Л.П. Карсавин, Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Г.В. Вернадский), где Россия предстает как неповторимый, уникальный природный и культурный мир. Евразийцы, также, как их предшественники, считали, что географическое положение русского государства оказало решающее влияние на этническое становление, менталитет народа, форму государственного устройства, образ жизни, культурное развитие. Новизна подхода состояла в том, что их концепции базировались на синтезе этнографического, географического, культурфилософского знания, интегрированного в стройную и убедительную систему, объединяющую концепты «природа», «общество», «культура». В этом смысле, концепция П.Н. Савицкого о влиянии природно-географических условий на историческую судьбу страны («месторазвитие») является показательной. С помощью категории «месторазвитие» ученый объяснял связь между социально-исторической, социально-культурной средой и территорией, природно-географическими условиями существования. В понимании П.Н. Савицкого, Россия – особое цивилизационное образование, «континент в себе, не являющийся только Европой или Азией – а «Евразия» – «географический и культурный индивидуум». Концепт «месторазвитие» П.Н. Савицкий применял для обозначения органического характера процессов исторической жизни человеческих обществ на определенной земле. Государства, – писал мыслитель, – являются образами «общезитий», строящихся на основе «генетических вековечных связей <...> между растительным, животным и минеральным царствами, с одной стороны; человеком, его бытом и даже духовным миром – с другой» [7, с. 282]. В этих «общезитиях» элементы «взаимно приспособлены друг к другу и находятся под влиянием внешней среды, под властью земли и неба», и, в свою очередь, влияют на внешнюю среду: «Взаимное приспособление живых существ друг к другу в тесной связи с внешними географическими условиями создает свой порядок, свою гармонию, свою устойчивость».

Значительное время в отечественной культурологической мысли преобладала ориентация на географический детерминизм Ш. Монтескье. Однако П.Н. Савицкий предлагает новый подход, суть которого в соединении социально-исторической среды, территории и духовного состояния народа, здесь проживающего. Мыслитель обращает внимание на глубинную взаимосвязь социальных, природных факторов и духовного мира человека. Соответственно, особую значимость приобретает осознание человеком сопричастности тому месту, тому реальному пространству, с которым роднит и связывает его состояние общности и неразрывности существования. Это может быть индивидуальное личное пространство, ограниченная территория – конкретное место (город, село, край) – или значительно более обширное пространство, при этом следуя представлениям П.Н. Савицкого, также пространство культурное, ментальное, духовное. Таким образом, представляется возможным структурировать территориальные культурно-цивилизационные образования как общества («общезития»), в своей основе имеющие следующие элементы:

индивидуальное пространство, региональное пространство (историко-социальное), духовно-ментальное пространство как результат сопричастности среде проживания и многолетнего, в большинстве случаев, многовекового единения этносов, населяющих данную территорию.

Поддерживая идеи П.Н. Савицкого, понятие «месторазвитие» как сформированность определенной и особой географической и геосоциокультурной среды развивает Г.В. Вернадский. Пространство России он рассматривал как культурное и целостное «месторазвитие», населенное многочисленными народами, находящимися в тесном взаимодействии и взаиморазвитии, на пересечении культур, при определяющем влиянии географического фактора.

Синтез историко-культурного и географического подхода, осуществленный европейцами в нач. XX в., был использован Л.Н. Гумилевым для обоснования положения, что происхождение народов и их исторические судьбы должны рассматриваться в зависимости от географических условий и «ландшафта».

Л.Н. Гумилев утверждает, что адаптация человека к природному ландшафту шла «по двум направлениям: 1) человек приспосабливался к новым природным условиям, менял свой способ хозяйства и, следовательно, вырабатывал новый стереотип поведения; 2) человек приспособлялся природу для себя, создавая вторичные, антропогенные геобиоценозы, согласно отработанному стереотипу поведения» [2, с. 177–178]. Иными словами, человек не только адаптировался, приспособлялся к природной среде, но и воздействовал на нее, преобразовывал, создавая «вторичные, антропогенные геобиоценозы». И на этом пути человек обретает совершенно иной статус взаимоотношений с природой. В этом случае, продолжает ли он «оставаться в составе различных биоценозов как верхнее, завершающее звено, или он переходит в какую-то иную сферу взаимоотношений с природой, вовлекая туда же одомашненных животных и культурные растения?», – вопрошает ученый.

Постоянное развитие «техносферы Земли», как утверждает Гумилев, есть плод особой формы развития материи – общественной, никаким животным не свойственной. Поэтому возникает вопрос о пределах и последствиях этого развития, так как эволюционные процессы необратимы, человек, животное, растение, включенные в орбиту его деятельности, вряд ли когда-либо вернуться к исходному состоянию. Таким образом, внутри биосферы создается особая прослойка – антропосфера, как результат иного уровня взаимоотношений человека и природы. И это эволюционное движение развивалось от простой адаптации к более сложным формам, и, наконец, – к формам, представляющим собой преобразование природной среды с движением к созданию иной, искусственной среды обитания: адаптация → преобразование → созидание.

Л.Н. Гумилев приходит к выводу, что именно в процессе длительного взаимодействия человека с природой, в зависимости от особенностей ландшафта и способов адаптации к нему, складывалось этническое многообразие планеты: «...накопление признаков, возникших в результате длительных процессов адаптации, создает этническое многообразие при прохождении человечеством одинаковых ступеней развития – общественно-экономических формаций» [2, с. 198–199].

Хотя единство «природного» и «человеческого» миров ни у кого не вызывает сомнения, существуют, однако, довольно заметные различия в понимании того, какими могут или должны быть отношения человека с

окружающей вселенной. Логически и фактически возможны три варианта: во-первых, признание людьми первородства и абсолютного могущества природы, следовательно, подчиненность природным стихиям; во-вторых, претензии человека на роль «венца творения», потребителя и пользователя дарованным ему миром; в-третьих, признание того, что человечество – одна из форм жизни, отнюдь не совершенная, один из образцов вездесущей и многоликой живой материи.

По весьма приблизительным данным антропологии, человек как живое существо появился многие миллионы лет тому назад, а первые, зафиксированные «культурные» проявления имеют возраст не более полумиллиона лет. На этом огромном отрезке времени Н.А. Бердяев выделяет «четыре периода в отношении человека к природе: 1) погружение человека в природу; 2) выделение из природы, противопоставление природы и борьба с ней; 3) обращение к природе для овладения ею; 4) восстановление связи человека с душой природы и духовное овладение природой» [1, с. 225].

Безусловно, заключительный этап, указанный философом – это единственно возможный путь нашего движения к экологической безопасности и возможности сохранения человека как вида.

Русская религиозная философия неоднократно обращалась к идее «пространства», обнаруживая зависимость проявлений русского характера от тех природно-географических условий, в которых происходило его формирование, при этом выдвигая на первый план духовно-нравственные проблемы.

Принцип «святой твари» – один из основных в восприятии природы русской религиозной философией (П.А. Флоренский, К.С. Леонтьев, С.Н. Булгаков). По сравнению с католицизмом и протестантством, в русской религиозной философии, в православии с особой силой проявляется идея благославения Богом любой твари, всего живого. Принцип «святости твари» очень важен для верующего русского человека и образует важнейший элемент его нравственности. П.А. Флоренский в своем фундаментальном богословском труде «Столп и утверждение истины» посвятил этому вопросу целую главу под названием «Тварь». Опираясь на цитаты из Библии он писал: «...замечательно совершенное тождество Божьего завета с человеческой и прочей тварью. Это не два различных завета, это один завет со всем миром, рассматриваемым как единое существо, возглавляемое человеком <...> Только в христианстве тварь получила свое религиозное значение, только с христианством явилось место для «чувства природы», для любви к человеку и вытекающей отсюда науки о твари» [9, с. 272–273].

Интересны размышления И.А. Ильина об истоках формирования такого значимого для общества и личности качества как «патриотизм». Именно необходимость солидарности со своими ближними и привязанности к пространству как области обеспечивающей защиту и выживание – он рассматривает в качестве источника «патриотического настроения».

Ильин утверждает, «что жизнь человечества на земле подчинена пространственно-территориальной необходимости» [4, с. 232]; климатические условия, природные особенности и расстояния порождают разные обычаи, законы и способы хозяйствования, действуют «обособляюще», дифференцируют людей. Необходимость выживания, приспособления к жизненным условиям требует солидарности, объединения с другими людьми, живущими в этих условиях, «а примкнуть к одной груп-

пе значит противопоставить себя остальным. Общественная солидарность и общественная противоположность связаны друг с другом и обусловлены друг другом...» [4, с. 233].

Мыслитель считает, что «культурный человек должен жить и трудиться оседло; и эта оседлость <...> прикрепляет человека» к земле, «заставляет его войти в организованные союзы местного характера», что в свою очередь определяет идентификацию индивида с этим союзом и, соответственно, создает основу для психологического отношения, называемого патриотическим чувством. «И, таким образом, – предполагает И.А. Ильин, – «патриотизм» оказывается, по-видимому, необходимым, целесообразным и жизненно полезным» [4, с. 232–234]. Но, вместе с тем, ученый утверждает, что его задача не сводится к вскрытию инстинктивной необходимости патриотического чувства, главное – духовная основа этого человеческого проявления. А духовная основа, источник этого чувства, связаны с переживанием привязанности к тому месту, которое является пространством повседневного существования людей: «Они инстинктивно, естественно и незаметно привыкают к окружающей их среде, к природе, к соседям и культуре своей страны, к быту своего народа» [4, с. 235].

Рассуждая о возможностях крайнего, агрессивного проявления «патриотизма» с перерождением его в крайний национализм и шовинизм, И.А. Ильин, противопоставляет «слепо-инстинктивный» патриотизм «духовному», хотя и не умаляет силу инстинкта в отношении к «родине» и «нации», утверждая, что «нельзя человеку жить на земле без инстинкта, без этой таинственно-целесообразной, органически-мудрой, бессмысленно-страстной силы, от Бога дарованной и от природы нам присущей – силы, строящей и личное здоровье, и приспособление к природе, и хозяйственный труд, и брак, и жизнь семьи, и историю народа» [4, с. 238]. Но, вместе с тем, материальные, эмпирические основания не являются решающими в формировании патриотизма как истинно духовного состояния. «Нечто, взятое само по себе, в отрыве от духа, – ни территория, ни климат, ни географическая обстановка, ни пространственное рядом жителство людей, ни расовое происхождение» <...> – ничто не составляет Родину» [4, с. 241–242]. Но если все эти обстоятельства наполняются духовным значением, тогда и территория необходимая для расцвета национальной духовной культуры, будет рассматриваться патриотами как священная.

Не случайно, И.А. Ильин понимает патриотическое чувство как духовное проявление, возвышающее личность, так как оно свидетельствует о глубокой привязанности к родной земле, где пространство понимается не только как объективная, эмпирическая реальность, а как духовный образ, который постигается «живым и непосредственным духовным опытом» [4, с. 249].

Таким образом, все движение русской историко-культурологической мысли представляет собой движение от идей «овладения», «подчинения», «освоения природы к идеям «духовного овладения природой», «восстановления связи человека с душой природы».

Эти идеи особенно плодотворны в настоящее время и имеют отношение не только к пониманию России в целом как отечества (единство природы, человека, пространства); но и к землям ее составляющим, которые осознаются как неотъемлемая часть целого.

П.Н. Савицкий писал, что «Россия – Евразия» как «месторазвитие», как «географический индивидуум», как геополитическое образование представляет собой

интегральную форму существования многих других «местообразований», составляющих единое целое. Следуя этой логике рассуждений, Алтайский край представляет собой уникальное «месторазвитие», которое является частью целого «России – Евразии». Несомненно, что существует система факторов и условий длительного совместного проживания народов, населяющих это пространство: объективные и субъективные, внешние и внутренние, экономические, политические, географические, социально-психологические, духовные и др. Из множества факторов хотелось бы рассмотреть следующие. Во-первых, это неповторимость, своеобразие Алтайского края как месторазвития, как географического пространства, обладающего уникальной природной и духовной энергетикой; расположение между основными цивилизационными центрами: Европейский Запад; Восток и Юг. Природные характеристики этого пространства уникальны и неповторимы, они объединяют народы, здесь проживающие, в единое культурное цивилизационное поле.

Другая важная черта, характеризующая проживающие здесь народы, – осознание своей самодостаточности и, на этой основе, потребности в совместном проживании и укреплении отношений взаимопонимания и уважения.

Библиографический список

1. Бердяев, Н. А. Из записной тетради // Дмитриев Н. К., Моисеев А. П. Философ свободного духа. – М., 1993.
2. Гумилев, Л. Н. Этносфера: история людей и история природы / Л. Н. Гумилев. – М.: АСТ, 2002. – 576 с.
3. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. – М.: Книга, 1991. – 573 с.
4. Ильин, И. А. Путь духовного обновления / И. А. Ильин. – М.: Альфа-Принт. – 2006.
5. Ключевский, В. О. Собр. соч.: в 9 т. Ч.1. / В.О. Ключевский. – М.: Мысль. – 1987.
6. Пештич, С. Л. Русская историография XVIII в., Т. 1–2 / С. Л. Пештич. – Л., 1961-1965.
7. Савицкий, П. Н. Континент Евразия / П. Н. Савицкий. – М., 1997.
8. Соловьев, С. М. Сочинения. – В 18 кн. – Кн.1. – Т. 1-2. / С.М. Соловьев. – М.: Мысль – 1988.
9. Флоренский, П. А. Столп и утверждение истины: В 3 т. – Т.1. / П.А. Флоренский. – М., 1990. – 327 с.

Материал поступил в редакцию 03.12.07.

УДК 398.221(=512.156)

Л.К. Хертк

СИМВОЛИКА МИФОЛОГИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ В ОБРЯДАХ ПЕРЕХОДА У ТУВИНЦЕВ

В статье анализируется синтагматика культурных текстов (мифов о затмениях, фольклорных текстов, свадебного обряда, верований, поверий и т.п.) в контексте традиционной культуры тувинцев с привлечением материалов по культуре тюрко-монгольских народов, выявлен ряд мифологических образов, содержащих семантику перехода, показано их функционирование в тексте.

В настоящее время особую культурологическую значимость приобретает изучение символического языка культуры, в том числе выявление в традиционной культуре исторически сложившихся и максимально обобщенных образно-символических представлений о мире и человеке, аккумулировавших в себе социокультурный опыт предыдущих поколений и несущих важнейшую функцию его сохранения в коллективной памяти. Интерес к данной проблеме в тувиноведении обусловлен потребностью в новом осмыслении культурного наследия этноса. Большой вклад в изучении данного вопроса внесли авторы коллективных монографий по исследованию традиционного мировоззрения тюрков Южной Сибири [1].

Образное мышление в древности выполняло ту же

Не менее важная черта «месторазвития» Алтайского края – терпимость народов по отношению друг к другу. Эта терпимость выражается в толерантности основных религий, искусства, традиций, обычаев, языка и т.д. Вероятно, что основой этой толерантности является общность пространственного положения, «срединный» характер культуры, опыт взаимодействия сопредельных территорий (Большой Алтай) и, конечно, духовный опыт взаимодействия проживающих здесь народов. Все эти идеи плодотворны, многократно высказывались отечественными учеными, но данную проблематику нельзя назвать исчерпанной; очевидна необходимость новых междисциплинарных, интегративных подходов к изучению данного вопроса.

Сегодня в научном осмыслении феномена культуры актуальными становятся геосоциокультурные подходы, сочетающие в себе понятия «природная среда – общество – культура»; такой подход позволит, опираясь на традиции отечественной историко-культурологической мысли, рассмотреть тип культуры, особенность бытования социокультурных явлений через призму природного окружения, историко-культурных и социальных факторов проявляющих себя в конкретном пространственно-временном континууме; в данном случае, в пространстве Алтайского края.

познавательную функцию, что и понятийное – в современную эпоху, т.е. если современный человек оперирует понятиями, то первобытный – знаками, образами [2, с. 23]. В мифологических образах «нет места случайностям, поскольку они отражают не произвол первобытного мышления, а фундаментальные структурно-генетические закономерности культурогенеза, сохраняющие в той или иной форме свою действенность на протяжении всей человеческой истории» [3, с. 124].

В демонологии традиционной культуры тувинцев наиболее широко представлено демоническое существо Чылбыга, встречающееся также у других тюркоязычных народов Южной Сибири (алт. Дьелбеген, хак. Чилбиге), предстающее в мифах в образе пожирательницы луны, солнца, людей и скота. Лунные и солнечные затмения

тувинцы объясняют тем, что в это время Чылбыга проглатывает светила. Но божество (Бурган башкы 'Бог учитель' или Очурмаанай 'Ваджрапани') разрушает её тело пополам, отчего светило вновь появляется. Имена божеств имеют буддийское происхождение, что свидетельствует о позднем наслоении на древнюю основу. В мифах о лунных фазах луна и заброшенная на небо Чылбыга договариваются о том, что в течение месяца по очереди 15 дней будут кормить друг друга своим телом. Поэтому когда Чылбыга поедает луну, она постепенно уменьшается, и увеличивается, когда сама поедает противника [4, с. 190–193, 774–778].

В указанных мифах мы видим неразрывную связь смерти и рождения, выраженную как 'проглатывание' и 'извержение'. Замкнутая цикличность ежемесячного умирания и возрождения луны представлена в мифе о лунных фазах, где выступают два договаривающихся между собой персонажа, меняющихся ролями, поочередно выступая в оппозиции 'пожиратель – пожираемый', восходящей к основной оппозиции всякой космологии – противопоставлению космоса и хаоса. Чылбыга связана с хаосом, порождающим космос, т.е. условием рождения одного выступает смерть другого. В данном случае более архаичный принцип, связанный с плодоносящей функцией, выступает как имманентный миру, в котором отдельные вещи зачинаются, появляются и развиваются, благодаря зачинающей, рождающей и вскармливающей силе материнского начала [5, с. 128]. Третье лицо лунных мифов, выступающее в образе божества (первопредка, культурного героя, демоноборца), разрушающего пожирателя, появляется для восстановления периодического цикла, нарушенного демоном и выражавшемся в виде лунных и солнечных затмений.

Ритуал актуализирует мифическое время первопредков. При лунном или солнечном затмении в ритуале отпугивания Чылбыга главным действующим лицом у тувинцев является эр чангыс кижы 'муж-одинокий' – единственный сын в семье, от рождения не имеющий братьев. Тувинское «эр чангыс» сопоставимо с якутским эпическим Эр-Соготох 'Муж-Одинокий', шорским Чагыс 'сирота-одинокий', калмыцким Джангар и другими аналогичными именами героев тюркского архаического фольклора, значение имени которых согласуется с древнейшими представлениями о герое как о первопредке, первом человеке и первом умершем, ставшим впоследствии владыкой загробного мира [6, с. 97]. Представление о первопредке, точнее, о паре первопредков – брате и сестре близнецах, присутствует и в поверье тувинцев Эрзинского района. Мальчик, родившийся в паре с девочкой, когда вырастет, то может во время солнечного затмения кричать на злые силы, вызвавшие затмение с тем, чтобы освободить светило [7, с. 275].

Во время затмения тянут за уши мальчика или мужчину, попадающего под эту категорию, чтобы он громко кричал. Крик первочеловека в данном случае можно отнести к мифической картине первотворения, когда звук, шум возникает как свойство жизни, в противовес безмолвию небытия. Не случайно к данному ритуалу готовились безмолвно, существовал запрет на какую-либо деятельность, так как бытие, мир, возникающий из аморфности и молчания, тьмы и безвременья, в эпической традиции заявляет о себе птичьим щебетом, рокотом, шелестом и треском. В мифоритуальной традиции тюрков Южной Сибири повышенный шумовой фон воспроизводился также при первом громе, воспринимаемом

как возрождение природы, и рождении ребенка, когда кричали и стреляли из ружья [8, с. 144].

Другими магическими средствами являются: крик холощеного козла рыжей масти с белым пятном на лбу (обычно посвящаемого духу-хозяину огня очага и являющегося его ездовым животным), лай или визг рыжей собаки, которым специально скручивают хвост или тянут за уши, звон металлической посуды [9], выстрелы из ружья. В некоторых случаях мужчины размахивают плетью с рукояткой из красного таволжника, что, исходя из текстов шаманских камланий, мифологически равнозначно сверканию молнии. Такая плеть в тувинской культуре наделяется свойствами отгонять нечистую силу. Её кладут рядом со спящим ребенком или же в пустую колыбель, а также «перерезают пути» нечистой силы в случаях, когда в сумерки или ночью конь по непонятной причине внезапно останавливается и не идет дальше, как бы не погонял его хозяин.

В архаическом обществе жизнь человека воспринималась как бесконечное повторение действий, совершавшихся в мифическое время первопредками. Как он поступит в том или ином случае, зависит от мировоззренческих установок общества в данный период времени. Так, некоторые поверья сохраняют отголоски древних мифологических представлений. Тувинцы Тоджинского района считают, что больной глаз можно вылечить, если эр чангыс кижы, т.е. муж-одинокий, наберет в рот молоко и брызнет им в больной глаз [10, с. 30]. В Эрзинском районе заболевание глаз связывали с попаданием в огонь чего-либо грязного, и лечение сводилось к окуриванию очага дымом можжевельника [11, с. 205]. Монголы во избежание заболевания глаз или ослепления скота также держали огонь в чистоте, особенно запрещалось бросать в огонь перья птиц, лук и чеснок, что, по-видимому, связано с символикой данных предметов: перья птиц сопоставлялись с тучами, закрывающими светило, лук же вызывал слезливость глаз, что равнозначно дождю.

Приведенные данные показывают, что глаз человека в традиционной культуре тувинцев и монголов символически выступает изоморфным солнцу и очагу. Поэтому муж-одинокий наделяется магической способностью исцелять больной глаз, подобно тому, как он может отогнать своим криком демона-пожирателя от небесного светила. Молоко в культуре тюрко-монгольских народов обладает очистительной силой, так же как и окуривание дымом можжевельника. В данном случае наглядна связь молока с мотивом возрождения, т.к. в контексте ритуала рот, по О.М. Фрейденберг, метафорически уподобляется рождающему органу [13, с. 64]. Кроме того, у тюрков Сибири взаимосвязь понятий «молоко» и «рождение» выявлена на ряде других примеров [14, с. 128–133].

В связи с участием козла в ритуальных действиях тувинцев при затмении луны, интересен сюжет алтайского мифа о появлении пятен на луне. Дьелбеген, намеревавшийся съесть козла, удивляется его необычной внешности и начинает расспрашивать: для чего ему рога и т.п. Козел отвечает, что рога – это кинжалы, предназначенные для того, чтобы резать Дьелбегена. Вконец раздраженный вопросами козел закидывает демона на свои рога и забрасывает на луну. Пятна на ней являются отражением Дьелбегена [15, с. 72]. Здесь козел выступает как противник Дьелбегена, что можно связать с рассмотренной выше символикой козла, используемого в ритуале отпугивания Чылбыга.

Таким образом, в мифах Чылбыга выступает в образе пожирателя и изрыгателя небесных светил, с нею связываются лунные и солнечные затмения, изменения фаз луны, а также появление пятен на луне. В волшебных сказках с мотивом запродажи Чылбыга также выступает в роли пожирателя. В данном случае пожираемым становится не небесное светило, а мальчик (редко – брат с сестрой или три сестры). В сказках, где главными героями выступают девочки, как правило, после погони, они, сидя на дереве, встречают женихов, за которых и выходят замуж.

Одним из отличительных признаков Чылбыга являются её огромные уши – на одном из них она лежит, другим прикрывается. Иногда её называют хозяйкой Земли ‘Чер ээзи Чылбыга куяк’ [16, с. 1]. Этот признак роднит её с алтайским мифологическим персонажем – «большеухой старухой» Матерью Землей ‘Јер-эне’ [17, с. 44, 138]. Постоянные атрибуты Чылбыга – топор ‘ай балды’ в тувинских сказках или зазубренная палка-кожемялка ‘эдирээ’ в сказках алтайских тувинцев, проживающих в Северо-Западной Монголии, а также кожаный мешок ‘барба’. С железной кожемялкой в руках изображают также Шолмо в монгольском фольклоре. Облик сближает её с тувинским мифологическим персонажем Албыс – одна грудь перекинута через плечо, а другая лежит на золе в очаге [18, с. 54.]. В монгольском мифе о семи звездах Большой Медведицы железная кожемялка участвует в мироустроительном процессе. Старуха, стражница дверей хана шулмусов, бросает в героя кожемялку, тем самым разрушает его тело на семь частей, от которых образовалось это созвездие. В сказке «Шидди-хуур» («Волшебный мертвец») жена Шулмуса бросает пылающую пламенем железную палку в Масанга [19, с. 198, 767, 781]. В последнем случае обращает на себя внимание то, что кожемялка не только пылает пламенем, но и является орудием мироустройства, таким же, как и пылающая ваджра громовержца Индры в ведийской мифологии.

Места обитания Чылбыга – вода, гора и очаг (огонь) являются медиаторами между мирами. В тувинских героических сказаниях Чылбыга выступает в образе старухи, помогающей герою. Ей дается такая характеристика: «охраняющая край земли, имеющая покосившуюся юрту, черный с вмятинами котёл черная старуха» [20, с. 131] или «имеющая половинчатую юрту, половинчатую голову, половинчатую пиалу» [21, с. 42]. В некоторых сказаниях старушку, живущую в такой же черной дырявой юрте на границе миров, но уже вместе с дочерью Алдын-Дангына (Золотой царевной), излучающей свет луны и солнца, не называют Чылбыга. Мать с дочерью имеют способность спрятать луну и солнце в своих руках. Здесь мы видим семантическую параллель со способностью Чылбыга проглатывать светила. Семеро желтоволосых сыновей старухи сторожат семь огромных медных камней (в некоторых вариантах камни кремниевые – очевидна связь с огнем, огнем). Эти признаки позволяют нам провести параллель между ними и вышеуказанным монгольским мифом о семи звездах Большой Медведицы и сделать вывод, что Чылбыга, являясь персонификацией всепорождающего и всепоглощающего материнского начала, связанного с хаосом и ночью, в сказании представлена матерью царевны (солнца и луны) и семи сыновей (семи звезд Большой Медведицы). Кроме того, Чылбыга, называющая себя в сказании Хозяйкой земли, имеет способность воз-

вращать утраченные органы калекам – она проглатывает их по одному и изрыгает уже здоровыми [23, с. 29–31].

Об универсальности, сложности и амбивалентности образа Чылбыга в тувинской культуре свидетельствуют материалы свадебной обрядности. На этапе введения невесты в род жениха появляется женский персонаж Аскак-Кадай «Хромая Старуха» [24, с. 19–20]. Ее атрибуты одинаковы с атрибутами Чылбыга – топор или кожемялка, кожаный мешок. Старуха (в роли которой выступает мужчина, чаще всего дядя невесты со стороны матери) надевает на себя и на невесту свадебный головной убор, полностью закрывающий голову, лицо, плечи и спину [25, с. 239], прихрамывая и опираясь на топор или кожемялку, ведет к юрте родителей жениха. Вдвоем они садятся на белый войлок, постеленный у входа, после чего начинается обряд благословления невесты, после которого Аскак-Кадай вводит за руку невесту в юрту для поклонения огню очага и божествам. Они три раза обходят очаг по ходу солнца, при этом невеста кладет в огонь щепки, топленое масло, можжевеловый и с этого момента считается принятой в семье мужа и может «открыть лицо» – снять свадебный головной убор. Вместе с «открытием лица» невесты и Аскак-Кадай снимает головной убор, перестает хромать, т.е. становится обычным гостем.

Таким образом, можно предположить, что образ Аскак-Кадай в свадебной обрядности тувинцев восходит к древнейшему мифологическому пласту традиционной культуры тувинцев, связанному с всепорождающим и всепоглощающим материнским началом, наделен функциями проводника из одного мира в другой, и, возможно, освящающего своим топором обряд бракосочетания (ср. с молотом германо-скандинавского Тора). Аскак-Кадай символически «проглатывает» невесту, надев на нее свадебную накидку, и вводит ее в новый род. Символическому «изрыганию» соответствует «открытие лица» невесты.

У алтайцев в свадебной обрядности, бытовавшей в начале XX в., подобный персонаж отсутствует, однако в алтайском эпосе широко распространен Дьелбеген как блюститель старинных обычаев. По этому поводу С.С. Суразаков справедливо полагает, что в его основе лежал один из элементов свадебного обряда: кто-либо наряжался чудовищем Дьелбегеном – лицом, пытающимся отнять невесту, но его «били» и «уничтожали» [26, с. 40]. По мнению Т. М. Садаловой, участие Дьелбегена в свадебном ритуале в произведениях эпоса является еще одним этапом его десакрализации – он становится скорее комическим персонажем, чем опасным [27, с. 96]. Комичность Аскак-Кадай, над которой все смеются, отмечают и исследователи свадебного обряда тувинцев [28, с. 36]. Битьё, осмеивание и уничтожение Дьелбегена в свадебном обряде не случайно. Как показал М. М. Бахтин по отношению к народной культуре средневековой Европы, эти действия имеют символически расширенное и амбивалентное значение: одновременно и умерщвляют и даруют новую жизнь, кончают со старым и начинают новое. Он отмечает, что все избития в произведениях Рабле относятся к представителям «строга мира и в с е г о мира, двутелого мира, который, умирая, р о ж а е т. Отсекая и отбрасывая старое и отмирающее тело, одновременно обрезают пуповину тела нового и молодого. Это один и тот же акт. Раблезианские образы фиксируют именно с а м ы й м о м е н т п е р е х о д а, содержащий в себе оба полюса. Всякий

удар по старому миру помогает рождению нового; производится как бы кесарево сечение, умерщвляющее мать и освобождающее ребенка. Бьют и ругают представителей с т а р о г о, н р о ж а ю щ е г о мира. Поэтому брань и побои и превращаются в праздничное смеховое действо» [29, с. 229].

В связи с функцией Аскак-Кадай провожать невесту, заслуживают внимания данные о специальном камлании челканских шаманов у алтайцев в случае, если по ночам шамана начинают беспокоить «души» некоторых умерших людей, требуя отправить их в местность уйту-гаш, откуда, по преданию, челканцы пришли на р. Лебедь. Во время камлания некоторые шаманы, совершая обряд с бубном, держали при себе еще топор, как орудие защиты [30, с. 74]. Шаман в данном случае функционально соответствует Аскак-Кадай, одинаковы и их атрибуты – топор. Местность Л. П. Потапов сопоставляет с реально существующей местностью Уттүг-Даш (букв. Камень с отверстием) в северо-восточной Туве, где находится особо почитаемая древними тюрками гора Этуген (в мифологии монголов Этуген-эхе – «Мать-Земля»). Нас же интересует не реальная местность с таким названием, а мифологическое представление о камне с отверстием как о рождающем чреве Матери-Земли (ср. обряды с прохождением через отверстия в таких камнях с целью получения потомства у многих народов мира). Можно полагать, что в предании о прародине челканцев и обрядом камлания сопровождения души умершего человека, сохранилось представление о перерождении. Это наглядно демонстрирует свадебный обряд тувинцев: Аскак-Кадай соответствует шаману; невеста – душе

умершего человека, которая должна родиться заново, пройдя через камень с отверстием. Невеста, прикрытая свадебным головным убором, в сопровождении своего провожатого проходит тот же путь, как и шаман с душой: для того, чтобы родиться в новом качестве, надо обязательно пройти через мир мертвых.

Таким образом, во всех рассмотренных текстах мифологический символ включен в широкий культурный контекст и функционирует в различных образах. Всепорождающее и всепоглощающее материнское начало символизируют образы Чылбыга и Аскак-Кадай, шаман же выступает в качестве посредника и проводника между двумя мирами, ведущего душу умершего для перерождения. Пожираемый и порождаемый мир в мифах представлен образами солнца и луны; в волшебных сказках (с мотивом запродажки, имеющими генетическую связь с обрядами инициации) – образами мальчика или девочки; в сказании – героя, который женится после испытаний; в свадебном обряде – невесты; в камлании шамана – души умершего. Противником Чылбыга, восстанавливающим нарушенный порядок, являются либо божество, разрушающее ее тело, либо первопредок, муж-одинокий, и, возможно, жених. В большинстве случаев в свадебных ритуальных состязаниях участвуют холощный рыжий козел, рыжая собака, плеть с рукоятью из красного таволжника, ружье и пр.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Обряды жизненного цикла тувинцев: традиции и современность», проект № 07-01-63005а/Т.

Библиографический список и примечания

1. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир / Львова Э. Л., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М., Усманова М. С. – Новосибирск, 1988; Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество / Львова Э. Л., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М., Усманова М. С. – Новосибирск, 1989; Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал / Октябрьская И. В., Сагалаев А. М. – Новосибирск, 1990.
2. Леви-Строс, К. Первобытное мышление / К. Леви-Строс. – М., 1994. – С. 129; Фрейденоберг О. М. Миф и литература в древности / О. М. Фрейденоберг. – М., 1998.
3. Пелипенко, А. А. Культура как система / А. А. Пелипенко, И. Г. Яковенко. – М., 1998.
4. Потанин, Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1879 году по поручению Императорского Русского Географического Общества / Г. Н. Потанин. – Вып. IV. Материалы этнографические. – СПб., 1883.
5. Пелипенко, А. А. Указ. соч.
6. Неклюдов, С. Ю. Мифология «Джангара» и проблемы эпического творчества тюрко-монгольских народов / С. Ю. Неклюдов // Материалы Всесоюзной научной конференции. Элиста, 17-19 мая 1978 г. – М., 1980.
7. Потапов, Л. П. Очерки народного быта тувинцев / Л. П. Потапов. – М., 1969.
8. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал / Октябрьская И. В., Сагалаев А. М. – Новосибирск, 1990.
9. В основном использовали латунный котел 'хола паш'; ср. 'хола хараган' «красный караганник» как средство, отпугивающее у тувинцев нечистую силу; в обоих случаях красный цвет играет определяющую роль, символизируя огненную стихию; немаловажное значение имеет и то, что в тюрко-монгольском фольклоре метафорой неба нередко выступает перевернутый металлический котел.
10. Материалы Рукописного фонда Тувинского института гуманитарных исследований (далее – РФ ТИГИ): д.434, тетр. 3 (6).
11. Дьяконова, В. П. Религиозные культы тувинцев / В. П. Дьяконова // Памятники культуры народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.). – Л., 1977.
12. Нямбуу Х., Ц. Нацагдорж. Монголчуудын цээрлэх ёсны хураангуй толь. – Улаанбаатар: Шувуун саарал, 1993. – 18-р т.
13. Фрейденоберг, О. М. Поэтика сюжета и жанра / О. М. Фрейденоберг. – М., 1997.
14. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир / Львова Э. Л., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М., Усманова М. С. – Новосибирск, 1988.
15. Садалова, Т. М. Алтайская народная сказка: этнофольклорный контекст и связи с другими жанрами / Т. М. Садалова. – Горно-Алтайск, 2003.
16. РФ ТИГИ: Фф д. 393.
17. Суразаков, С. С. Алтайский героический эпос / С. С. Суразаков. – М., 1985.
18. Поппе, Н. Н. Халха-монгольский героический эпос / Н. Н. Поппе. Труды Института востоковедения. Вып. XXVI. – М.-Л., 1937.
19. Потанин Г. Н. Указ. соч.
20. Танаа-Херел // Тыва маадырлыг тоолдар. Т. I. – Кызыл, 1990.
21. Күчүн-Хүрең аъттыг Хүру-Маадыр // Арзылан-Мерген. Тыва тоолдар. – Кызыл, 1974.
22. Хан-Хулук // Тыва тоолдар. 5 ундургени. – Кызыл, 1960. – С. 81-85; Даспы-Кара аъттыг Хоокуй-Кара // Тыва тоолдар. 6 ундургени. – Кызыл, 1963.
23. РФ ТИГИ: Фф д. 139.
24. См. подробнее: Хертек Л.К. Образ «Аскак-Кадай» – «Хромой старухи» в традиционной свадебной обрядности тувинцев / Л. К. Хертек // Культура и менталитет населения Сибири. Тезисы Международной научно-практической конференции. – СПб., 2003.
25. Дьяконова, В. П. Материалы по одежде тувинцев: по полевым материалам 1958 г. / В. П. Дьяконова // Труды Тувинской ком-

- плексной археолого-этнографической экспедиции. Т. I. Материалы по археологии и этнографии и Западной Тувы. – М.-Л., 1960.
26. Суразаков, С. С. Указ. соч.
  27. Садалова, Т. М. Указ. соч.
  28. Вайнштейн, С. И. Тувинцы / С. И. Вайнштейн // Семейная обрядность народов Сибири. Опыт сравнительного изучения. – М., 1980. – С. 30;
  29. Курбатский, Г. Н. Тувинские праздники / Г. Н. Курбатский // Историко-этнографический очерк. – Кызыл, 1973.
  30. Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. – М., 1990.
  31. Потапов, Л. П. Указ. соч.

Материал поступил в редакцию 08.12.07

Раздел 3

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ. ПЕДАГОГИКА

КУРАТОР
РАЗДЕЛАРЕДАКТОР
РАЗДЕЛАРЕДАКТОР
РАЗДЕЛА

Анатолий Викторович Петров – доктор педагогических наук, кандидат физико-математических наук, профессор Горно-Алтайского государственного университета, член международного союза журналистов, г. Горно-Алтайск.

Анатолий Андреевич Шаповалов – доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой методики преподавания физики Барнаульского государственного педагогического университета, г. Барнаул.

Александр Иванович Гурьев – доктор педагогических наук, профессор Горно-Алтайского государственного университета, член международного союза журналистов, г. Горно-Алтайск.

УДК 371.13:371.9

О.Н. Белинская

СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ УМЕНИЙ СОЦИАЛЬНОГО ПЕДАГОГА, РАБОТАЮЩЕГО С ДЕТЬМИ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ В УЧРЕЖДЕНИЯХ ИНТЕРНАТНОГО ТИПА

В статье представлено обоснование функциональной модели профессиональных умений социального педагога, работающего с детьми с ограниченными возможностями здоровья в учреждениях интернатного типа, с целью оптимизации профессиональной подготовки социальных педагогов в вузах культуры и искусств.

Известно, что дети, растущие в учреждениях интернатного типа, отличаются по состоянию здоровья и психическому развитию от своих сверстников из благополучных семей, причем эти отличия носят негативный характер. В дальнейшем эти негативные особенности вызывают трудности социально-трудовой адаптации детей, затруднения в самостоятельной «взрослой» жизни. Социальное неблагополучие детей, воспитывающихся без родителей, отражено во многих работах педагогов и психологов. Авторы видят основные причины этого в неправильной организации общения взрослых с детьми, частой сменяемости взрослых, в недостаточной психолого-педагогической подготовленности воспитателей, в недостатках программ воспитания и обучения.

Многие авторы обращают внимание на дисгармоничность развития интеллектуальной сферы этих детей (Е.О. Смирнова, А.М. Прихожан, Н.Н. Толстых, Т.В. Гуськова, М.Г. Елагина, А.Г. Рузская), несформированность эмоционально-волевой сферы (С.Ю. Мещерякова, Н.Н. Авдеева, Л.М. Царегородцева, А.М.

А.М. Прихожан, Н.Н. Толстых), на искажения в общении со взрослыми и сверстниками (Т.М. Землянухина, М.И. Ли-сина, Т.А. Финяшина, А.Г. Рузская, И.А. Зальсина, Е.О. Смирнова, Т.В. Гуськов, М.Г. Елагина), а также на слабую ориентированность на будущее (Л.И. Божович, А.М. Прихожан, Н.Н. Толстых, Т.И. Юферва) [1, с. 3].

В настоящее время психологами, физиологами опровергнута распространенная точка зрения о том, что дети – воспитанники закрытых учреждений – в своем психическом развитии просто отстают от сверстников, воспитывающихся в обычных условиях. Оказалось, что по одним параметрам воспитанники школ-интернатов, детских домов находятся на уровне развития своих сверстников из обычных школ. Как отмечают Б.А. Куган, А.М. Щербакова, Н.В. Москоленко и др., у воспитанников интернатных учреждений операционная сторона мышления ничем не отличается и даже опережает по ряду показателей мышления обычных детей. Однако они существенно отстают в образном мышлении, в процес-

сах воображения, в спонтанном свободном развёртывании фантазии, лежащих в основе творческого эвристического мышления. Выявленная скованность, неразвитость воображения, фантазии, образного мышления, с одной стороны, характеризуют обедненный опыт чувственного восприятия окружающей действительности и, с другой, – сниженную эмоциональную окрашенность познавательной активности, слабую любознательность.

Рассматривая мотивационно-побудительную сферу детей закрытых учебно-педагогических учреждений, следует указать на отчетливую картину доминирования желаний и потребностей, непосредственно связанных с их повседневной жизнью, выполнением режимных правил, соблюдением правил поведения и указаний воспитателей и учителей. Эта особенность мотивационной сферы характеризует повышенную зависимость от взрослых, а также конкретных условий, факторов и обстоятельств окружающей среды [2, с.12].

Для всех детей, воспитывающихся в домах ребенка, детских домах и интернатах, характерны искажения в общении со взрослыми. Такие искажения во многом определяют деформированность самооценки ребенка. Начиная с самого раннего возраста нарушение взаимодействия «ребенок взрослый» выступает мощным депривующим фактором. Отсутствие системы аффективно-личностных связей, их подмена формальными, поверхностными отношениями, складывающимися между персоналом и воспитанниками, приводит к тому, что ребенок не научается разделять свои переживания со взрослыми, отчего сами эти переживания остаются недостаточно глубокими и яркими. Дети, растущие в закрытом детском учреждении, общаются с большим количеством взрослых, сменяющих друг друга, отличающихся разными программами поведения.

Задержки в развитии речи у воспитанников специальных учреждений связаны не только и не столько с дефицитом их общения со взрослыми в целом и с недостаточностью эмоциональных контактов в особенности, а прежде всего, с общей организацией их коммуникативной деятельности. Взрослые мало обращаются к детям, количество личностных, доверительных обращений снижено, контакты эмоционально бедны и однообразны по содержанию – в основном направлены на регламентацию поведения. Ласки взрослого, физические, непосредственно-эмоциональные контакты с ним становятся целью разнообразных коммуникативных действий ребенка. Деловые контакты со взрослыми возникают поздно и осуществляются в примитивной форме. В отношении деловых и аффективных аспектов общения доминируют последние. В этих условиях не стимулируется познавательное общение со взрослыми. Таким образом, ограничивается необходимость и сама сфера использования слова в общении. Функции слова сужаются [3, с.72–73]. Своеобразный характер имеют и отношения, складывающиеся между детьми закрытых детских учреждений. Следует учитывать, что в этих учреждениях ребенок имеет отношения с одной и той же достаточно узкой группой сверстников при том условии, что он сам не может предпочесть ей какую-либо другую группу. Эта особенность взаимоотношений тормозит развитие навыков общения со сверстниками, умение налаживать равноправные контакты с незнакомыми детьми; вместе с этим, приводит к отставанию в развитии и отсутствию способности адекватно оценивать себя и свои качества, необходимые для избирательного дружеского общения.

Детские специальные учреждения – это мир специфический, полуизолированный, соприкасающийся с реальностью только отдельными, порою весьма странными и нежелательными сторонами. В результате у воспитанников в той или иной степени формируются следующие черты: 1) иждивенчество, непонимание материальной стороны жизни, вопросов собственности, экономики; 2) трудности в общении там, где это общение свободно, произвольно, где требуется строить отношения; 3) инфантилизм, замедленное самоопределение, незнание и неприятие самого себя как личности, неспособность к сознательному выбору своей судьбы; 4) перегруженность отрицательным опытом, негативными ценностями и образцами поведения без достаточного противовеса положительных ценностей и образцов успеха, которые должен бы давать, но не дает сегодня детский дом.

Таким образом, интернатное учреждение как бы искажает воздействие социально-культурной среды.

Основываясь на результатах включенного наблюдения, осуществляемого нами в детских домах №1, №3, №4, школы-интерната для детей с заболеваниями опорно-двигательной системы г. Барнаула, следует отметить, что воспитанием и образованием детей с ограниченными возможностями здоровья в учреждениях интернатного типа занимаются несколько разновидностей специалистов: учителя-предметники; воспитатели групп детей, комплектуемых по возрастному принципу; медицинские работники; психологи; педагоги организаторы досуга (или педагоги дополнительного образования); социальные педагоги, и, наконец, обслуживающий персонал детского дома интерната, осуществляющий хозяйственно-бытовое функционирование данного учреждения. У каждой разновидности специалистов существуют свои профессиональные обязанности и базирующиеся на их основе навыки и умения. Собственно воспитательную работу с детьми ведут воспитатели групп и педагоги дополнительного образования. Общеобразовательной деятельностью заняты учителя-предметники и педагоги дополнительного образования (специальные виды художественно-творческой, игровой и др. подготовки). Медицинские работники и психологи занимаются коррекционно-реабилитирующей и лечебно-оздоровительной деятельностью. Социальные педагоги осуществляют социально-защитную деятельность в отношении контингента воспитанников как внутри детского дома, так и за его пределами. Они собирают необходимую документацию, осуществляют консультирование и посредничество для того, чтобы ребенок, выйдя из детского дома, не потерял права на собственное жилье в доме родителей (если таковые имеются), чтобы было осуществлено право ребенка на общее и профессиональное образование, досуговую деятельность. Наконец, чтобы ребенок был защищен от агрессии и унижений как со стороны сверстников, так и со стороны взрослых (обслуживающий персонал; родители, лишённые родительских прав на данного ребенка и т.д.). Социальный педагог в детском доме осуществляет, кроме того, посредничество (в виде устной и письменной коммуникации) в соответствующих государственных и муниципальных органах социальной защиты, попечительства и т.д. Следовательно, особые требования предъявляются к коммуникативным навыкам социального педагога, работающего в детском учреждении интернатного типа. Он должен знать и владеть на практике современной деловой (социально-

правовой) коммуникацией (нормы; законы; подзаконные акты и т.д.) и основам работы на компьютере, поскольку современное документоведение в детском доме предполагает обработку большого массива информации. Но главное, по нашему мнению, социальный педагог в интернате должен владеть психолого-педагогическими умениями личностной коммуникации с детьми с ограниченными возможностями здоровья, иначе данный специалист не сможет собрать соответствующую достоверную информацию от ребенка, чтобы защитить его от конфликтной среды, агрессии, обеспечить его право на образование, отдых и развитие. У социального педагога, действующего в условиях детского дома, должна быть личностная мотивация в общении с детьми с ограниченными возможностями здоровья, которая определяет высокую этику профессионального общения этого специалиста, влияющую на проявление уважения и сострадания к детям данной социальной группы, и в то же время определяющую оптимистический стиль общения с ними (общеизвестно, что дети чувствуют и не прощают, когда их неумело жалеют).

Все перечисленное требует усиления психолого-педагогической подготовки социальных педагогов в вузах культуры и искусств, включение в их обучение дисциплин психолого-коммуникативного цикла (психологические практикумы; игровые тренинги общения; деловые коммуникативные игры и т.д.).

Автор данной статьи предлагает следующую функциональную модель профессиональных умений социального педагога, обоснование которой дается в словаре-справочнике по социальной работе под редакцией Е.И. Холостовой, 2000 г. Определяя понятие «навыки», в словаре отмечается, что в их основе лежат умения осуществлять тот или иной вид относительно единообразных профессиональных действий. В социальной работе – это, прежде всего, навыки общения (с клиентами, руководителями, представителями других органов и служб); применение знания законодательства в интересах клиента; посредничество в конфликтах, снижение агрессивности [4, с.192, 193].

Навыки социальной работы – умение осуществлять совокупность профессиональных необходимых действий, применяемых в практике социальной работы. Обычно описание навыков содержится в квалификационной характеристике профессии. Так, Национальная ассоциация социальных работников Великобритании выделяет 12 основных навыков социальной работы. Социальный работник должен уметь: 1) выслушать других с пониманием и определенной целью; 2) выявить необ-

ходимую информацию и составить социальную историю клиента, оценку и отчет; 3) создать и поддержать профессиональные взаимоотношения по оказанию профессиональной помощи клиенту; 4) наблюдать и интерпретировать вербальное и невербальное поведение (теория личности и методы диагностики); 5) вовлекать клиентов в решение их проблем и добиться взаимного доверия; 6) обсуждать сложные для клиента темы доверительно и без угроз; 7) находить инновационные решения для удовлетворения потребностей клиента; 8) определять необходимость прекращения терапевтических взаимоотношений; 9) проводить исследования, делать анализ профессиональной литературы; 10) быть посредником между конфликтующими сторонами; 11) осуществлять связь между организациями; 12) доводить сведения о потребностях клиентов до общественности, законодателей [там же]. Анализируя вышеизложенное мы выделим следующие умения социального педагога, работающего с детьми с ОВЗ в учреждениях интернатного типа:

1. Умение сопереживать и терпимо относиться к ребенку с ограниченными возможностями здоровья (эмпатия, толерантность, альтруизм);

2. Оценочные, рефлексивные умения: наблюдать, слушать, понимать; читать «вербалику и невербалику» ребенка;

3. Коммуникативные умения: деловые беседы; беседа с ребенком для сбора о нем информации;

4. Диагностико-проектировочные умения: умение составить социальную историю ребенка; планирование своей работы; составление деловой документации;

5. Посредничество в конфликтах, снижение агрессии;

6. Организаторские умения: организовывать позитивные виды социокультурной деятельности (творчество, познание, общение); организация микрогрупп вокруг какого-либо дела;

7. Вместе с тем будущий социальный педагог должен обладать умениями саморегуляции, поскольку дети в учреждениях интернатного типа более чувствительны к эмоциональному состоянию других людей, более ранимы и обидчивы.

Таким образом, включая весь спектр проблем профессиональной подготовки социальных педагогов в вузах культуры и искусств, мы должны отметить определенную специфику в этом процессе, которая позволяет социальным педагогам через приобщение детей к творчеству, культуре и искусству ненавязчиво, деликатно управлять состоянием детей, осуществлять духовно нравственное их развитие в учреждениях интернатного типа.

Библиографический список

1. Мамайчук, И.И. Особенности психической адаптации учащихся вспомогательных школ-интернатов / И.И. Мамайчук, Е.Г. Трошихина // Дефектология. – 1997. – №3. – С.3-12.
2. Куган, Б.А. Системный подход к управлению социально-трудовой адаптацией воспитанников детских домов: научно-методическое пособие / Б.А.Куган. – Шадринск: «Исеть», 1997. – 96 с.
3. Щербакова А.М., Дать путевку в жизнь: к вопросу о социализации умственно отсталых сирот – выпускников интерната / А.М.Щербакова, Н.В.Москаленко // Социальная работа. – 1999. – №1(12). – С.86-89
4. Словарь – справочник по социальной работе / под ред. Е.И. Холостовой. – М.: Юристъ, 2000. – 418 с.

Материал поступил в редакцию 03.12.07

УДК 373Б 90

С.Н. Булгакова

ПРОФИЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ НА СТАРШЕЙ СТУПЕНИ ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО ОПЫТА

Традиционная непрофильная подготовка школьников привела к нарушению преемственности образования между школой и вузом. В высшей школе сформировалось устойчивое мнение о необходимости дополнительной подготовки старшеклассников. Реформы образования большинства развитых стран мира направлены на профильную дифференциацию обучения. В статье рассмотрен опыт работы в этом направлении.

Традиционная непрофильная подготовка школьников привела к нарушению преемственности образования между школой и вузом. В высшей школе сформировалось устойчивое мнение о необходимости дополнительной подготовки старшеклассников. Реформы образования большинства развитых стран мира направлены на профильную дифференциацию обучения. В статье рассмотрен опыт работы в этом направлении.

С переходом на новые стандарты общего образования предметы образовательной области искусства впервые получили образовательный стандарт, в котором дисциплины федерального компонента представлены на двух уровнях – базовом и профильном.

Базовый уровень стандарта учебного предмета носит общеобразовательный характер и ориентирован на формирование общей культуры и в большей степени связан с мировоззренческими, воспитательными и развивающими задачами общего образования, задачами социализации.

Профильный уровень стандарта учебного предмета выбирается, исходя из личных склонностей, потребностей учащихся и ориентирован на его подготовку к последующему профессиональному образованию или профессиональной деятельности.

Переход к профильному обучению направлен на следующие основные цели:

обеспечить углубленное изучение отдельных предметов; создать условия для дифференциации содержания обучения старшеклассников с широкими гибкими возможностями построения индивидуальных образовательных программ; способствовать установлению равного доступа к полноценному образованию разным категориям обучающихся в соответствии с их способностями, индивидуальными склонностями и потребностями; расширить возможности социализации учащихся, обеспечить преемственность между профессиональным образованием, более эффективно подготовить выпускников школы к освоению программы высшего профессионального образования.

В 15–16 лет у большинства учащихся складывается ориентация на определенную профессиональную деятельность, на продолжение учебы в вузе. При этом примерно 70–75% учащихся в конце 9 класса уже определились в выборе возможной сферы профессиональной деятельности. Социологические исследования говорят о том, что более 70% старшеклассников хотят знать основы главных предметов, а углубленно изучать те, которые выбираются, чтобы в них специализироваться.

Реформы образования происходят сейчас в большинстве развитых стран мира. Особое место в них отводится профильной дифференциации обучения. Так, например, при одинаковом уровне подготовки в течение шести лет, учащийся должен определиться в выборе своего дальнейшего пути на седьмой год обучения: «академический» или «профессиональный» путь. «Академический» вариант в дальнейшем открывает путь к высшему обра-

зованию, профессиональный, в котором обучаются школьники по упрощенному учебному плану содержит прикладные и профильные дисциплины.

Японская начальная и средняя школа является наиболее интенсивной, требовательной и успешной системой образования в мире. Японские ученики проводят в школе достаточно много времени. Учебный год состоит из 44 недель (240 дней). В дополнение к занятиям в школе около трети всех учеников начальной и половина учеников средней школы посещают школы «Юку» – для дополнительного обучения. Школы «Юку» предназначены не для отстающих, а для тех, кто успевает хорошо. Особое внимание уделяется математике и естественным наукам, а также иностранным языкам. Школу «Юку» можно считать профильной школой [3].

В США профильное обучение существует на последних 2-х или 3-х годах обучения. Предпрофессиональная подготовка имеет три варианта: академический, общий и профессиональный. Вариативность образовательных услуг осуществляется за счет многочисленных курсов по выбору. Образование в Швеции занимает передовые позиции в мире [2]. Характерная черта образования – широкий охват населения. Система образования представлена начальной общеобразовательной девятилетней школой, средней школой (гимназией) для 16-летних. Характерная черта школ – производственная ориентация (посещение предприятий), практика по профессиональной ориентации. Все направления дают определенный объем профессиональной подготовки. Всего предлагается 32 основных и 550 специальных курсов.

Анализ зарубежного опыта позволяет сделать следующие выводы: 1. Общее образование на старшей ступени является профильным. Оно охватывает три, реже два последних года обучения в школе. 2. Доля учащихся, продолжающих обучение в профильной школе – возрастает и в настоящее время составляет 70%. 3. Количество дифференциации невелико: – академическое, неакадемическое направление (англоязычные страны); – естественнонаучные, филологическое, социально-экономическое (Франция); – язык – литература – искусство; социальные науки; математико-точные науки – технология (Германия). 4. Организация профильной подготовки различается по способу формирования индивидуального учебного плана обучающегося.

Во Франции и Германии пречень обязательных учебных курсов жестко фиксирован. В Англии, Шотландии, США и др. предоставлена возможность выбора элективных курсов, предлагаемых на весь период обучения. Как правило, школьники должны выбрать не менее 15 или 25 учебных курсов продолжительностью до одного семестра. 5. Как правило, старшая профильная школа выделяется как самостоятельный вид образовательного учреждения: лицей – во Франции, гимназия – в Германии, «высшая школа» – в США.

Дипломы (свидетельства) об окончании старшей (профильной) школы обычно дают право прямого за-

числения в высшие учебные заведения.

Отечественный опыт профильного обучения учащихся относится к 1864 году, соответствующий Указ предусматривал организацию 7-классных учреждений 2-х видов: классическая гимназия (цель – подготовка в Университет) и реальное училище (цель – подготовка к практической деятельности).

Реформы 1915 года разделили гимназию на три ветви: новогуманитарную, гуманитарно-классическую, реальную. После революции так же выделились три направления: гуманитарное, естественно-математическое и техническое.

В 1934 году ЦК ВКП(б) и Совет Народных комиссаров СССР принимает постановление «О структуре начальной и средней школы в СССР». Однако введение на всей территории Союза единой школы со временем высветило серьезную проблему: отсутствие преемственности между единой средней школой и глубоко специализированными высшими учебными заведениями, что ставило педагогов в который раз обратиться к профильной дифференциации на старших ступенях обучения.

Академия педагогических наук в 1957 году предложила провести дифференциацию по трем направлениям: физико-математическому и техническому; биолого-агрономическому; социально-экономическому и гуманитарному. В 1966 году были введены две формы дифференциации содержания образования по интересам школьников: факультативные занятия в 8-10 классах и школы (классы) с углубленным изучением предметов.

В конце 80–90-х гг. появились лицеи, гимназии ориентированные на углубленное обучение и дальнейшее обучение в вузе. Так же развивались специализированные, художественные, спортивные, музыкальные и др. школы. Таким образом, направление развития профильного обучения в российской школе в основном, соответствует мировым тенденциям развития образования. Концепция профильного обучения исходит из многообразия форм его реализации [4]. К ним осуществление сотрудничества различных образовательных учреждений. Модель сетевой организации профильного обучения осуществляется за счет объединения нескольких образовательных учреждений вокруг наиболее сильного, обладающего достаточным материальным и кадровым потенциалом учреждения, который выполняет роль «ресурсного» центра.

Второй вариант основан на кооперации образовательного учреждения с учреждениями дополнительного, высшего, среднего и начального образования. В этом случае учащийся получает право выбора профильного обучения не только там, где он учится, но и в кооперированных с общеобразовательным учреждением образовательных структурах (дистанционные курсы, заочные школы, учреждения профессионального образования).

Так, например, образовательный центр «Школьный университет», в г. Челябинске, является федеральной экспериментальной площадкой, цель которой – организация профильных классов по информатике с 8 по 11 класс на территории РФ и СНГ. В Челябинской области по методикам образовательного центра работают более 20 школ, обучаются около 400 ребят. Программы Школьного университета позволяют получить углуб-

ленные знания по информатике. Уже в старших классах школы ребята адаптируются к вузовскому режиму обучения путем сдачи сессий, у них на руках имеются зачетные книжки.

Интересен опыт Магнитогорского государственного университета и лицея при нем. В лицее существуют профильные классы: математика, информатика, естественно-научные дисциплины, лингвистический, исторический, философский. Развивающие программы и элективные курсы направлены на: дифференциацию по темпу обучения; по широте и глубине изучаемого материала; дифференциацию на основе выбора содержания образования.

Созданный недавно единый образовательный округ Челябинской государственной академии культуры и искусств тесно связано совместной деятельностью с учреждениями дополнительного образования, колледжами культуры и искусств Уральского региона. Совместная работа положительно сказалась на притоке абитуриентов в ЧГАКИ в 2007 г. Но современный вуз требует не столько профессионально-ориентированного школьника, сколько профессионально сформированного выпускника школы.

Переход вузов на бакалавриат, следовательно, на уменьшенный 4-х летний срок обучения не должен влиять на качество подготовки специалиста. Требования к выпускнику вуза по-прежнему высоки. Рынку труда нужен специалист широкого профиля, способный решать самые разнообразные педагогические и творческие задачи.

Процент старшеклассников обучающихся музыке, искусствам невелик. Но профильное обучение для многих необходимо. В сфере музыкального образования оно может осуществляться в совместной работе кафедр вуза с учреждениями дополнительного образования (детскими школами искусств). Такая работа начата кафедрой Музыкального образования ЧГАКИ и детскими школами искусств №8, №3, гимназией №23.

Через профильное обучение, организованное вузом и ДШИ, школьник может продолжить образование по углубленным и сопряженным учебным планам. Консультационная помощь в разработке необходимых методических материалов, научное руководство осуществляется вузом. В планы заложены не только знакомые предметы – сольфеджио, теория музыки, основной музыкальный инструмент, но и такие дисциплины как основы дирижирования, основы педагогики и психологии, введение в профессию учителя музыки, основы методики музыкального образования и учебные практики.

Такая работа, со старшеклассниками вооружает их начальными профессиональными знаниями, умениями и навыками, которые так необходимы будущему учителю музыки в общеобразовательной школе.

Выводы: 1. Актуальность профильного обучения на современном этапе обусловлена личностно-ориентированной парадигмой образования. 2. Направление развития профильного обучения в российской школе в основном, соответствует мировым тенденциям развития образования. 3. Через профильное обучение мы можем обеспечить равные возможности для дальнейшего образования в высшем учебном заведении.

Библиографический список

1. Концепция модернизации Российского образования на период до 2010 года.
2. Волков, А. М. Швеция: социально-экономическая модель: справочник / А. М. Волков. – М.: Мысль, 1991.
3. Грейсон, Дж. К. мл., О'Делл К. Американский менеджмент на пороге XXI века: пер. с англ./ Дж. К. Грейсон мл., К. О' Делл. – М.: Экономика, 1991.
4. Концепция профильного обучения на старшей ступени образования. – М.: 2003.

Материал поступил в редакцию 12.12.07

УДК 373. 1. 013

*Л.Ю. Головеева***УСЛОВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ИНТЕГРАТИВНОГО ПОДХОДА В ОБРАЗОВАНИИ**

Интегративный подход включает в себя все современные подходы к образованию. Осуществление интегративного подхода возможно при соблюдении следующих условий: выявление основания для объединения; готовность педагога к интегрированию; содружество учителей и ученых; поэтапное внедрение в школьную практику; использование специфических организационных форм.

Обилие и разнообразие современных подходов в образовании основывается на поиске и выделении ведущего элемента или связи в педагогической системе. Это объективно, так как построение образовательной концепции зависит от ценностных суждений авторов, их конструктивных способностей, глубины анализа педагогической действительности и наличия возможностей по ее преобразованию.

Личностный подход ориентируется на ценность личности, создание необходимых условий для развития с учетом ее запросов и особенностей. Системообразующим элементом технологического подхода является технология взаимодействия педагога и учащихся. Деятельностный подход опирается на необходимость активного участия школьников в процессе познания. В качестве задач аксиологического подхода выдвигается выявление гуманистической сущности науки и ее отношения к человеку как субъекту познания, общения и творчества.

Интегративный подход в образовании исходит из всеобщей объективной целостности мира и целостного видения образования ребенка в контексте его жизнедеятельности и обнимает собой все современные подходы к образованию. Такой подход показывает недостаточность односторонних связей, подчиненных главенству одного компонента системы, и раскрывает их разнообразие, позволяющее повышать уровень целостности образования.

Осуществление интегративного подхода связано с некоторыми условиями. Важным условием является выявление основания для объединения. Основанием для интеграции может служить с большими или меньшими возможностями каждый предмет школьной программы (история, математика, информатика, краеведение, экология), каждый элемент образовательной системы (проблема, деятельность, личность). Все они изначально взаимосвязаны, и если занимают соответствующее положение в системе, то общую картину мира можно формировать на основе любого из них, устанавливая связи с остальными в процессе обучения.

Следующим условием реализации интегративного подхода будет готовность педагога к интегрированию. Предметной разобщенностью страдает не только школа, но и профессиональные учебные заведения. Изучая в вузе психологию, педагогику и педагогические технологии, нередко на практике в школе студент не может применить свои знания. Длительность педагогической практики столь мала, что даже под руководством опытного школьного учителя и преподавателя вуза не всегда удается сформировать необходимые умения.

Еще в вузе необходимо формировать соответствующее отношение к «своему» и «чужим» предметам. Без стремления к интеграции при подготовке педагогов невозможно изменить положение в школе, так как учитель может научить только тому, что знает сам, а подготовка его узкопредметная.

Педагог может помочь школьникам безболезненно адаптироваться в окружающем мире в том случае, если

способен разумно определить роль и место преподаваемого им предмета в системе образования и владеет целостными знаниями о развитии и формировании личности ребенка. В противном случае гармония внутреннего и внешнего будет нарушена, а конфликты ребенка с окружающей средой будут острее. Значит, необходимым условием гармоничного развития является интеграция самого педагогического знания.

Реализовать интегративный подход к образованию можно при содружестве учителей и ученых. Это следующее его условие. Разобщенность, соответствующая нынешнему состоянию школы, не мешает широко мыслящему учителю формировать общеучебные умения, разрабатывать интегрированные уроки и курсы, повышая тем самым уровень целостности знаний учащихся. Однако учителю часто недостает теоретической базы для анализа и обобщения своего опыта. В этом ему и должен помочь ученый-педагог – обеспечить школу интегративным учебным материалом, учебно-методическими комплексами, научно-методическими рекомендациями по их использованию.

В настоящее время широко распространяется практика заключения договоров с колледжами и вузами о проведении совместной работы по разработке целостных педагогических концепций развития и функционирования школы. Такое соединение теоретической мысли с практикой образования дает возможность школе работать эффективно.

Еще одно условие реализации интегративного подхода – его поэтапное внедрение в школьную практику. Необходимо вначале восстановить интегральность существующих подсистем, начиная с урока. В теории их уровень целостности выше, чем на практике. Прежде чем решать эту проблему на уровне «личность – образование – общество», следует привести в соответствие цели, содержание, формы и методы обучения; объединить усилия всех учителей и воспитателей; соединить обучение с образовательной средой и т.д.

Следующее условие: интегративный подход требует специфических организационных форм, не всегда вписывающихся в классно-урочную систему, основанных на сотрудничестве, сотворчестве, равноправном диалоге участников педагогического процесса. К таким формам можно отнести проективное обучение, опорно-блочное изучение учебного материала, коллективный способ обучения, погружение в предмет.

Таким образом, интеграция не сводится только к объединению содержания учебных предметов, так как обучение не может заключаться лишь в передаче информации, а само обучение как целенаправленный, искусственно организованный процесс является лишь частью жизни ребенка. На наш взгляд, интеграция вбирает в себя не только содержание учебных предметов, и не только все прочие компоненты процесса обучения, и даже не только образовательный процесс. Интеграции подлежат все уровни и все плоскости образования и жизнедеятельности человека.

Материал поступил в редакцию 12.12.07

УДК 303.1

В.И. Десятов

КВАЛИМЕТРИЯ В ОБЩЕГУМАНИТАРНОМ И ПЕДАГОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В статье содержится методологическая характеристика актуального для педагогических и общегуманитарных наук квалиметрического подхода в научной парадигме математики, философии, социальных наук, подчеркивается гуманитарная сущность квалиметрии.

Для уяснения ключевого понятия обратимся к советскому массиву информации, который остается, безусловно, содержательным и значимым, хотя бы в историко-научном плане в тех случаях, когда аксиология не деформирует гносеологию. В данном случае это «Советский энциклопедический словарь». «Квалиметрия (от лат. qualis – какой по качеству и ...метрия) – отрасль науки, изучающая и реализующая методы количественной оценки качества...» [1, с. 563].

Уясняя понятие в первом приближении, отметим значение qualis – какой по качеству. Не входя предварительно в содержание понятия качества, отметим, что речь идет о некоей характеристике качества, не касающейся условия его существования как такового. То есть о некоей интенсивности его бытия, не меняющей качество как таковое – о количестве, и это интуитивное предвосхищение подтверждается значением второго корня, образующего имя интересующего нас понятия. «Метрия (от греч. metreo – измеряю) – часть сложных слов, соответствующих по значению слову «измерение» (напр. геометрия, фотометрия)» [1, 798]. Таким образом, речь идет о количестве, выражаемом числом. А квалиметрия является общенаучным методом, поскольку является измерением качества, а ничто бескачественное для науки не существует. Обратимся далее к более аналитичной экспликации понятий «количество», «качество» и их единства – «мерь» [2, с.107–109]. Позиция А. Лебега состоит в том, что число есть не что иное, как отношение измеряемой длины (площади, объема) к единице измерения, т.е. к мере длины (к мере площади, к мере объема). Очевидно, что все возможные длины или расстояния сравнимы между собою и по отношению к принятой единице измерения (по отношению к одной и той же мере) и различаются чисто количественно. «Под числом мы понимаем не столько множество единиц, сколько отвлеченное отношение какой-нибудь величины к другой величине того же рода, принятой нами за единицу» (Ньютон). В этих утверждениях и можно опознать ту философскую категорию, которую со времен Гегеля принято называть категорией качества [3, с.139–482]. Корректно определенное качество – это то, внутри чего все различия между объектами являются чисто количественными, т.е. могут быть выражены в понятии числа.

Этот философский вывод известен в математике под названием аксиомы Архимеда.

Очевидно, что если число А получено отношением длины к единице измерения длины, а число В получено отношением площади к единице измерения длины, то В не будет «числом», так как площадь невозможно измерить мерой длины. Этот вывод и демонстрирует то понятие, которое в приличной философии принято называть категорией качества. Качественное различие, например, геометрических образов есть различие их размерности. В этом смысле математическим способом введения качества в количественные методы современной математики является введение геометрических образов различной размерности.

Определим связь понятий «мера», «количество» и

«качество». Количество (число) есть отношение измеряемой величины к единице измерения той же величины. Качество – есть то, внутри чего все различия количественные, т.е. могут быть выражены в понятии числа. Мера есть диалектическое единство качества и количества. Переход же количества в качество есть смена меры, появление новой количественно-качественной определенности [2, с. 109; 3]. Нам представляется, что данный здесь анализ как тематически исходного понятия квалиметрии, науки о количественных измерениях, так и о взаимосвязи понятия количества, качества и меры, может быть достаточным для заявленного нами подхода к предмету исследования. Однако мы не можем не считаться с широко распространенным в повседневности гуманитарного мышления предрассудком проблематичности и ограниченности применения количественных исследований в гуманитарной сфере и необходимостью актуализировать представление о математике.

Бренность человеческой жизни и мечта о бессмертии – рождают странные миры: мир мифов, мир сказок, мир художественной литературы, мир музыки и т.п., которые можно назвать мирами искусства или искусственными мирами. К числу таких искусственных миров и принадлежит мир математики. Каждый из искусственных миров необходим человечеству, но остается неясным: «Почему человечество должно было придумать эти миры, и какую роль в истории человечества играют эти миры?»

Хотя придуманных миров довольно много, мы стоим перед необходимостью выделить из этого рода тот вид, который и именуется математикой. Это мир «идеальных объектов», которые обладают уникальным свойством – они «остаются тождественными сами себе». В этом смысле на объекты математики не действует время, они обладают как бы «вневременным бытием». Такие объекты, как прямая линия, квадрат, окружность и т.д. не могут быть «физически изготовлены», все они «чистые произведения мысли», но отличаются от всех других произведений мысли именно своей тождественностью самим себе. Нелепая попытка некоторых физиков отождествлять «прямую линию» с траекторией солнечного луча опровергается каждым школьником, который знает эффект рефракции и знает, что солнечный луч при закате «загибается». Ж.-А. Пуанкаре полагал, что первой математической абстракцией является абстракция «абсолютно твердого тела», а «прямая линия» может быть определена не проще, чем через «ось вращения абсолютно твердого тела».

Этот мир неизменных объектов, тождественных самим себе, в форме циклов и эпизодов послужил Птолемею для предсказания солнечных и лунных затмений, а также для предсказания моментов весеннего и осеннего равноденствий, знание которых давало возможность предсказывать разлив Нила. Связь «математического мира» и наблюдаемых явлений природы породила профессию жрецов, которые и являются подлинными прародителями современной математики. Когда на историческом горизонте возникает фигура Кеплера, то не только изменяется «картина мира», но траектории планет

отождествляются с эллипсом планетной орбиты. Этот неизменный эллипс – и есть первый закон природы, зафиксированный на первых шагах науки нового времени. Здесь мы видим, что если нечто, наблюдаемое в природе, мы можем отождествить с некоторым объектом математики, то этот математический объект явится правилом, на которое не действует время. Но такое свойство и есть то, что мы с этого времени будем называть законом природы.

Есть большая правда в том, что природа говорит с нами на «языке математики», но не надо забывать, что законы небесной механики не есть математические символы, изображенные на небесном своде. Создание мира неизменных объектов впервые позволило человечеству освоить понятие «закона природы», как чего-то такого, что существует как не подверженное ходу действительного времени.

В истории математики тоже существовало такое время, когда со словом закон ассоциировался не инвариантный объект, тождественный сам себе, а лишь правило, по которому одному математическому объекту ставился во «взаимно однозначное соответствие» – другой математический объект. В настоящее время вся совокупность таких правил рассматривается (говоря языком геометрии), как правила преобразования координат, а то, что остается при преобразованиях координат без изменения и есть инвариант.

Координатные представления теперь отождествляют с той или иной субъективной точкой зрения (в физике – это различие «наблюдателей»), а инвариант – это то, что не зависит от частной точки зрения. Но именно законы природы и есть то, что не зависит от точки зрения того или иного человека, являясь по выражению В.И. Вернадского, общеобязательной частью научного мировоззрения.

Итак, если бы человечество не создало мира математики, то оно никогда не смогло бы обладать наукой. Только мир математики и позволил человечеству получить понятие «закон», как то, над чем не властно даже время. Не следует думать, что описанное выше ново: известно библейское выражение – «и это было...». В подтверждение приведем высказывание И. Канта более чем двухсотлетней давности: «Учение о природе будет содержать науки в собственном смысле лишь в той мере, в какой может быть применена в нем математика...» [2, с. 111–113].

Потому и педагогика, поскольку она является реальной и притом универсальной практикой, является также и наукой лишь в той мере, в какой в ней может быть применена математика. Педагогика в своей сущности и пределе есть творение вечно нового проекта человека, актуальностью которого является сегодня гуманитарная суть проблемы устойчивого развития человечества. В силу универсальности педагогического проекта мы обращаемся к проектологии ученых дубненской школы также в универсальной системе природа-общество-человек [2]. Отметим также нашу собственную содержательную мотивированность обращения к проектологической теме [4, 5, 6, 7].

Культура есть самореализация личности во всех сферах человеческой деятельности (П.А. Флоренский), поэтому введение представления дубненских ученых (естественников по преимуществу) в контекст культурологической проблематики данной конференции представляется сущностно эвристично для обеих сторон, в том числе для формирования миссии, а также проектирования образовательных дисциплин вузов культуры и искусства и подготовки кадров.

Ключевой вопрос, без решения которого невозможно вести плодотворное обсуждение путей устойчивого раз-

вития социума можно поставить так: «Существует ли объективный закон исторического развития человечества?» Мы видим, что на этот вопрос возможен два и только два ответа – либо такой закон исторического развития существует, либо такого закона вообще нет.

Ошибки принадлежат людям, а не истории. Огюст Конт позволил себе высказать упрек науке, которую называют историей. Он заметил, что в трудах историков всегда содержится «оценка» тех или иных событий и лиц. Сравнивая развития исторической науки с развитием астрономии, он показал, что астроном, который наблюдает прямые и попятные движения планет с целью открыть объективный закон, управляющий их движением, не может «одобрять» или «осуждать» планету за не понятные им перемещения.

И. Кант одним из первых показал, что если нет закона исторического развития, то с одинаковым успехом можно доказать справедливость прямо противоположных точек зрения. Это означает, что любую точку зрения на исторический процесс мы признаем столь же правильной, как и противоположную ей. В этом споре нет неправых, как нет и продвижения к пониманию путей перехода к устойчивому развитию общества. Если лицо, которое принимало те или иные решения, не знало самого закона истории, то его поведение было выражением «субъективизма» лишь потому, что оно «не ведало, что творит». Остается один вывод: нужно попытаться открыть в этом бессмысленном ходе человеческих дел цель природы... Посмотрим, удастся ли нам найти путеводную нить для такой истории. Такой путеводной нитью и является идея о естественно-историческом процессе развития. Там, где эта нить обрывается, естествознание всегда попадало в тупик.

Можно ли сегодня сказать, что «современное естествознание» нашло выход из этого тупика? И да, и нет! Если понять, что сделано в учении о биосфере-ноосфере, то мы выбрались из этого «тупика», а если пренебречь этими результатами, то мы остаемся в этом же самом «тупике». Поскольку в современной литературе представлены обе точки зрения, то можно сказать, что в научном мире «сосуществуют» две группы ученых: «дошедших» и «недошедших» до уровня культуры научного мышления, который представлен в учении о биосфере-ноосфере. В нем рассматриваются «все формы жизни в их взаимной связи». История природы и история общества оказались связанными в единую неразрывную цепь эволюции и развития.

Но как в ходе эволюции происходит становление и развитие Человека разумного? Известна интересная мысль Н.И. Лобачевского: «Люди делаются, а не рождаются умными; рождающиеся, а не делающиеся умными не суть люди».

Мы хотим обратить внимание на противоположность Слова и Дела. Все известные философские произведения имеют в качестве неявной предпосылки факт существования человеческой речи. Существование речи обеспечивает возможность возникновения некоторого вида Логики «говорения», т.е. возможность признавать некоторые последовательности произносимых слов «логичными». Не часто можно встретить аргумент, который не выразим логичной последовательностью слов, но демонстрирует умение делать.

Если принято считать, что язык есть то, что объединяет людей, то профессиональные языки есть то, что разъединяет людей. Но любая предметная (научная) область возникает на почве умения делать что-то, чего раньше делать не умели. В этом смысле наука возникает как область теоретического осмысливания практических навыков созидания. После возникновения соответствующей науки мы обращаемся к ней для выяснения воз-

возможности сотворения тех или иных объектов (как тел) или тех или иных процессов (как движений).

Становление как категория есть ключ к пониманию всех процессов рождения нового. Понятие «становление» предполагает возникновение некоторого качества, которое отделяет одну предметную область от другой. На начальных стадиях становления речи очень трудно найти то особенное, что отделяет человеческую речь от звуковых сигналов и жестов животных.

В развитой форме мы обнаруживаем феномен творчества. Акт творчества становящегося человека, есть акт творчества в совершенствовании орудий труда, который требует возникновения человеческой речи. Качественное отличие человека от животных состоит не в использовании орудий, а лишь в акте их усовершенствования. И этот процесс является тем самым, с помощью которого все человечество и творит свою собственную историю. В этом смысле вся история человечества есть сохранение развития творческих задатков человеческого рода, что и предполагал И. Кант.

Только тогда, когда человеческая речь развилась до появления имен предметов, которые обладают той или иной конфигурацией и, что особенно важно, занимают часть пространства, или место, можно ожидать возникновения в сознании собеседника «образа» предмета, которого нет в «поле зрения». Это становление «внутреннего взора» и есть первый шаг к постижению того, что делается в собственном сознании. Требуется умственное усилие, чтобы процесс находился под контролем. Факт наличия контроля над процессами, которые развертываются перед внутренним взором, принято называть самосознанием. Совершенно очевидно, что не все представления любого человека адекватны реальности внешнего мира, там есть и совокупность «заблуждений». Научное образование и состоит в умении отделять фантомы субъективного восприятия от научных элементов реального мира. Для того, чтобы такой «образ» приблизился к понятию «эталон», мы создает мысленный объект, который выводится из-под власти действительного времени, его свойства остаются неизменными как объекты математики (П. Кузнецов).

Но Человечество изменяется, и этот процесс является историческим процессом изменения... Изменения чего? Выше было показано, что первая человеческая потребность – это потребность в совершенствовании орудий. Но всякое усовершенствование есть акт творчества! И каждый такой акт сопровождался появлением идей. Утилизация идей в действующих конструкциях преобразует и Природу, и самого Человека.

Каждый акт творчества и есть акт сотворения будущего... Он охватывает все предметные области Человечества. Но если это так, то желательно знать, чем обеспечивается квантор всеобщности «все». Мы полагаем, что этот квантор получает свое наполнение с учетом всех общественных и индивидуальных потребностей, которые существуют у жителей нашей планеты в настоящее время и будут существовать в будущем. Но каждая историческая эпоха обладает ограниченными возможностями. Очевидно, что рост возможностей в удовлетворении потребностей может осуществляться стихийно. Но не менее очевидно, что этот рост может быть предметом предвидения. В последнем случае мы фиксируем как наши потребности, так и наши возможности в некоторой логической системе.

В этом смысле вся культура человечества является исходными данными для формирования логической системы, называемой сознанием людей. Однако существует различие между «Обыденным сознанием», «Рассудком» и «Разумом».

Обыденное сознание – это естественное представление об окружающем нас мире. Это обыденное сознание

переходит на уровень Рассудка, когда совершается переход к научному описанию предметной области. В мире Рассудка все теории любых предметных областей представлены в стандарте теорий, принятых в математике. Сфера Разума – это сфера умения превращать описание предметных областей, даваемых в естественном языке обыденного сознания, в теории уровня Рассудка. В каждой из трех названных сфер действует своя «логика». Переход из одной сферы в другую – есть переход от «одной» логики в сферу «другой» логики. При переходе от обыденного сознания мы совершаем переход от логики «здравого смысла» к математической логике. При переходе от сферы Рассудка к сфере Разума мы совершаем переход от математической логики к логике диалектической.

Необходимым условием этих переходов является наличие идей для роста возможностей общества не только в текущее время, но и в будущем. Но за каждой идеей стоит конкретный индивидуум (или группа) – творец идеи. Следовательно, речь идет о воспроизводстве, формировании людей, способных генерировать и воплощать идеи непрерывного развития общества.

На фоне социальной дестабилизации последних лет – падения престижа одних профессий и роста престижа других – создается иллюзия, что можно обходиться без всякого научного образования. Необозримое количество научных дисциплин особенно остро ставит проблему выбора профессии.

В данный момент все Человечество вступает в весьма интересную фазу своего научного развития: существующее деление науки на «профессии» – отмирает! И этот процесс не является случайным. Его причиной является существующее искусственное, «кусочное» членение науки на «профессии». Искусственное членение науки разрывает естественные связи в целостной системе природа-общество-человек и, следовательно, препятствует пониманию процессов взаимозависимости развития Человечества и Человека на любом уровне глобальной (или региональной) системы.

Разрыв связей обусловлен, прежде всего, появлением огромного количества не связанных между собой профессиональных языков, каждый из которых отражает только свой предмет и не дает ни малейшего представления о целостности и взаимозависимости изменений каждой части и системы в целом. Эти профессиональные языки не объединяют людей, а, наоборот, разобщают, рожают «профессиональный кретинизм» и тем самым ослабляют творческий потенциал, мешают решению общих, насущных проблем. Это значит, что искусственное членение науки по «профессиям» стало фактором, противоречащим Логике развития общества, и в силу этого неизбежно отомрет. Следовательно, нужен другой подход к образованию. Образование должно стать ключевым фактором, способствующим устойчивому развитию общества, росту его возможностей. Но для этого надо формировать людей-личности, способных и реализующих свои способности к научному творчеству.

Творчество и есть процесс, который сопровождает все историческое развитие человечества – ибо каждое открытие новой возможности, не бывшей известной Человечеству в целом до этого одиночного акта отдельной Личности – и есть тот механизм, который принято называть развитием. Поскольку подобные акты творчества принадлежат лишь отдельным Личностям, то забота живущих поколений о поколениях будущих и состоит в образовании людей, способных и реализующих свою способность к творчеству.

Большие личности в истории Человечества, о кото-

рых говорит В.И. Вернадский, и являются творцами новых научных знаний и теорий, материализация которых приводила к определенной предметной деятельности, меняющей облик планеты. Кризис интенсифицирует поиск новых идей, вынуждает выдвигать «безумные идеи», делать открытия, предлагать научные теории, из которых строится новая научная картина мира, раскрывающая Человечеству новые возможности для сохранения развития.

...Мы живем в особую эпоху, находимся на гребне взрывной волны научного творчества. В истории Человечества было много критических периодов, и каждый из них порождал взрывную волну научного творчества, ускоряющую процесс развития. Но эти критические периоды касались той или иной части Человечества и не являлись угрозой существования Человечества как целого. За последние две тысячи лет в истории не было такого критического периода, когда под угрозой оказалось существование всей Земной цивилизации. Именно поэтому наша эпоха, разделяющая два тысячелетия истории, является особой.

Особенность состоит в том, что Человечество находится на гребне взрывной волны. Очень важно, находясь на вершине, понять, что оставить (сохранить) и что изменить, чтобы не упасть в пропасть и продолжить дальнейшее движение. Жизнь или смерть человеческой популяции – такова цена, а отсюда и очень высока ответственность выбора обобщающей идеи развития. Такой обобщающей идеей и является концепция Устойчивого развития Человечества, одобренная ООН и практически всеми государствами мира. Инвариантом процесса изменений выступает рост возможностей Человечества. С другой стороны все предполагаемые изменения требуют идей.

Все идеи в форме научных теорий и являются научным обеспечением устойчивого развития, инвариантного, то есть независимого от различных форм собственности и политического устройства, пригодного для использования в любой стране (регионе) и на любом уровне управления. Синтез знаний в различных предметных областях является специальным научным обеспечением устойчивого развития человечества (сокращенно СНОУР). Однако создание СНОУР предъявляет требование ко всем известным предметным областям, где описание велось в терминах естественного языка. Это требование было сформулировано Беляковым-Бодниным (1966) в следующей форме: Научиться, если это возможно, превращать любую предметную область в научную теорию, сдаваемую в комплекс машинных информационных систем для научного обеспечения управления устойчивым развитием. Теперь, сорок лет спустя, мы знаем, что это возможно. Однако, мы теперь не просто знаем, что это возможно, но мы теперь знаем, как именно это надо делать. Когда мы говорим о том, чтобы сохранить Землю для будущих поколений, то нужно очень хорошо понимать, что лучший способ это реально

сделать – это формировать людей, способных творчески решать проблемы перехода к устойчивому развитию.

Это означает, что процесс создания специального научного обеспечения устойчивого развития и процесс подготовки специалистов, способных творчески решать проблемы перехода к устойчивому развитию есть не два разных процесса, а две стороны единого логического процесса проектирования устойчивого развития [2, с. 137–142].

Гуманитарная сущность реализации в педагогике современного проекта человека находится в сознании людей: в их знаниях, понимании и умении делать, в формировании и образовании людей, способных генерировать и воплощать идеи непрерывного развития общества. Образование должно стать ключевым фактором, способствующим развитию общества, росту его возможностей [2, с. 144–145].

Охарактеризовав содержательную, качественную сторону современного педагогико-антропологического проекта, резюмируем представление дубненских ученых о том, зачем и почему нужно измерять. Конкретно изученным может считаться только измеренное. Квалиметрия есть общенаучный метод. Измерять, следовательно, должно все в его качественной определенности. Зачем нужно измерять? Измерять нужно затем, чтобы была принципиальная возможность подвергнуть знание проверке: либо его подтвердить, либо опровергнуть, либо поставить под сомнение для более глубокого изучения вопроса. Измерять нужно затем, чтобы практическую деятельность в различных предметных областях можно было согласовать с общими законами природы, являющимися общеобязательной частью научного мировоззрения. Измерять нужно затем, чтобы можно было рассчитать не только ближайшие, но и отдаленные последствия при выборе проекта изменений в окружающей человека среде. Измерять нужно затем, чтобы выжить и сохранить развитие системы, в которой мы все живем.

Почему нужно измерять? Уметь измерять нужно потому, что существуют факторы, которые препятствуют и факторы, которые способствуют устойчивому развитию в системе природа-общество-человек. Уметь измерять нужно и потому, что умный человек – это человек измеряющий. И наша задача – помочь человеку [2, с. 147–148].

Завершая данную научную тему, обратимся к ее региональному аспекту. Нам представляется, что этот аспект имеет не только культурное, но и научно-эвристическое значение. Продолжение научной работы, начатой известными учеными Алтайского края, содержит в себе особую позитивную энергетику мысли. Основоположником системного применения квалиметрии в педагогике на Алтае является доктор педагогических наук, профессор Барнаульского государственного педагогического университета, глава широко известной в России педагогической школы мотивационно-программного управления Иван Кириллович Шалаев [8].

Библиографический список

1. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. – М.: Сов. энциклопедия, 1987. – 1600 с.
2. Кузнецов, О. Л. Устойчивое развитие: научные основы проектирования в системе природа-общество-человек / О. Л. Кузнецов, Б. Е. Большаков. – СПб.; М.: Дубна: Гуманистика, 2002. – 616 с.
3. Гегель, Г.-В.-Ф. Наука логики. Т. 1. / Г. В. Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1970. – 501 с.
4. Десятков, В. И. Организационно-педагогические условия оптимизации управления социально-культурными проектами с использованием технологий связей с общественностью: автореф. дис... канд. пед. наук / В. И. Десятков. – Барнаул: АлтГАКИ, 2006. – 24 с.
5. Десятков, В. И. Связи с общественностью в управлении социально-культурными проектами в контексте антропологического подхода: монография / В. И. Десятков, Г. В. Оленина. – Барнаул: Изд-во АлтГАКИ, 2006. – 266 с.
6. Десятков, В. И. Теория и практика связей с общественностью: коммуникационный менеджмент социально-культурных проектов: учеб. пособие / В. И. Десятков. – Барнаул: Изд-во АлтГАКИ, 2007. – 176 с.
7. Оленина, Г. В. Оптимизация добровольческой деятельности студенческой молодежи в сфере досуга: проектный подход: монография / Г. В. Оленина. – Барнаул: Изд-во АлтГАКИ, 2006. – 173 с.
8. Шалаев, И. К. Программно-целевая психология управления / И. К. Шалаев. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 1998. – 216 с.

Материал поступил в редакцию 03.12.07

УДК 37(092)

С.А. Крестников

А.В. ПЁРЫШКИН – ОСНОВАТЕЛЬ И ЛИДЕР НАУЧНОЙ МЕТОДИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

В работе рассматривается историческая роль Александра Васильевича Пёрышкина как основателя и лидера Научной школы методистов-физиков московских педагогических вузов, которая начала формироваться одной из первых в стране.

Выдающимся ученым методистом-физиком современности является Александр Васильевич Пёрышкин. А.В. Пёрышкин по праву следует отнести к одному из основателей и признанному научному руководителю и лидеру Научной школы методистов-физиков московских педагогических вузов – научной школы, которая начала формироваться одной из первых в стране.

Проанализировав доступные нам различные источники, в которых представлено описание жизни и научной деятельности А.В. Пёрышкина, мы попытались выделить основные характерные черты, относящиеся к величайшему методисту-физику современности. К таким чертам, имеющим большое значение для организатора и создателя научной школы, научного направления, относятся:

- постоянное стремление А.В. Пёрышкина к получению добротного и разностороннего образования, глубоких знаний в различных областях науки, культуры, искусства; широта интересов и увлечений;

- доброжелательное отношение к людям, что позволяло А.В. Пёрышкину общаться с людьми талантливыми, увлеченными своим делом, внесшими значительный вклад в развитие физики, методики преподавания физики. Достаточно сказать, что среди его коллег, друзей были Д.Д. Галанин, Д.И. Сахаров, А.В. Павша, Н.Н. Малов, Е.Н. Горячкин, Ф.Н. Красиков, И.И. Соколов, Г.И. Фалеев и др.;

- наличие у А.В. Пёрышкина большого опыта работы в различных учебных заведениях и учреждениях: школе-коммуне им. П.Н. Лепешинского, в московских педагогических вузах, Московском горном институте, академиях педагогических наук РСФСР и СССР, различных курсах повышения квалификации. И как следствие – огромный опыт общения с разными возрастными категориями обучаемых: учениками школ, студентами высших учебных заведений, слушателями различных методических и педагогических курсов и т. д.;

- наличие у А.В. Пёрышкина больших организаторских способностей. В молодые годы А.В. Пёрышкин оборудовал один из лучших кабинетов физики в г. Москве, был организатором новых кафедр, новых факультетов, был вдохновителем и создателем авторских коллективов по написанию учебников и методических пособий;

- способность А.В. Пёрышкина отстаивать свою точку зрения по принципиальным, важным вопросам теории и методики обучения физике. Например, работая с 1922 г. по 1941 г. в коммуне им. П.Н. Лепешинского, А.В. Пёрышкин вместе с коллективом педагогов вел борьбу против введения непродуманных методик, отстаивал существование систематического курса физики, необходимость осуществления трудового обучения, реализации политехнического обучения, обучения физике на уровне возможностей и способностей ученика и др.;

- стремление А.В. Пёрышкина постоянно совершенствовать учебно-воспитательный процесс в учебных заведениях, вести поиск новых приемов и подходов при обучении физике. Например, во время работы в школе-коммуне А.В. Пёрышкин разрабатывал проблемы решения физических задач, постановки демонстрационного эксперимента, активизации учебно-познавательной дея-

тельности учащихся;

- наличие огромного желания создать для учащихся школ интересный для изучения и отвечающий принципам научности и доступности школьный учебник физики;

- имеющийся у А.В. Пёрышкина большой литературный талант, что позволяло ему увлекательно, четко и логично излагать содержание физического материала в школьных учебниках физики;

- природная способность А.В. Пёрышкина хорошо разбираться в людях. Его тяга к людям самоотверженным, талантливым;

- желание и способность окружать себя людьми порядочными, трудолюбивыми, ответственными, преданными общему делу. Так А.В. Пёрышкин обратил внимание на С.Е. Каменецкого, делающего первые шаги в научной деятельности, поспособствовал тому, чтобы С.Е. Каменецкий начал работать на кафедре методики преподавания физики в педагогическом институте им. В.П. Потёмкина, которой А.В. Пёрышкин заведовал. Позднее, по рекомендации А.В. Пёрышкина, С.Е. Каменецкий, будучи еще кандидатом педагогических наук, доцентом, был избран деканом физического факультета МГПИ им. В.И. Ленина. Затем А.В. Пёрышкин передал С.Е. Каменецкому заведование кафедрой методики преподавания физики МГПИ им. В.И. Ленина (МПУ в настоящее время), которой он руководил до 2000 г.;

- умение А.В. Пёрышкина отыскивать хороших педагогов, талантливых исследователей. Достаточно сказать, что учениками А.В. Пёрышкина являются В.Г. Разумовский, С.Е. Каменецкий, В.Ф. Ефименко и многие-многие ученые методисты-физики нашей страны и стран СНГ;

- способность А.В. Пёрышкина предвидеть перспективы собственной научной деятельности, предусматривать складывающиеся отношения с подчиненными и подчиненных между собой, умение регулировать эти взаимоотношения, формировать хороший микроклимат в коллективе, создавать ситуации, подталкивающие к творческому росту преподавателей и т. д. Подтверждением сказанному является фраза А.В. Пёрышкина: «На кафедре должны быть разные люди», которую С.Е. Каменецкий озвучил в одном из интервью с ним автора предлагаемой статьи. А.В. Пёрышкин считал, что там, где есть разные люди, при всей сложности руководства кафедрой, возможно движение и развитие.

Из всех многочисленных воспоминаний об А.В. Пёрышкине его коллег, учеников, которые имеются в архиве кафедры теории и методики преподавания физики МПУ, и опубликованных в педагогической печати статьях хотелось бы привести одно из высказываний о нем С.Е. Каменецкого. С.Е. Каменецкий пишет: «Это был чрезвычайно широкий, добрый и приветливый человек, который притягивал к себе какими-то неведомыми силами. Он был настолько многогранным человеком, что словами не опишешь: это и ученый, и автор учебных книг, и опытный учитель, и педагог, и великодушный товарищ, способный на неординарные поступки, никогда не мельчивший в делах и взаимоотношениях, умевший ставить себя наравне с другими, не подчеркивающий свое значение, а, наоборот, умевший войти в компанию, пошутить, спеть и т. п.» [1, с.7].

Таким образом, выделенные нами качества А.В. Пёрышкина, без всякого сомнения, являлись необходимыми предпосылками создания научной методической школы.

Одним из критериев создания научной школы методистов-физиков является наличие значимых научных достижений, которые признаны научным сообществом и нашли продолжение в работах последующих поколений ученых-исследователей и педагогов-практиков. Школе методистов-физиков, первым руководителем которой являлся А.В. Пёрышкин, в этом отношении принадлежит несомненная заслуга.

Как показал опыт преподавания физики в школе, основное, что характеризует Московскую научную школу методистов-физиков, ранее возглавляемую А.В. Пёрышкиным, является создание научной школой учебников, по которым обучались многие поколения учеников и обучающихся сейчас не только в нашей стране, но и за рубежом. Пожалуй, трудно найти учебники, которые бы по своим дидактическим и методическим качествам могли

сравниться с учебниками А.В. Пёрышкина. В созданных А.В. Пёрышкиным учебниках проявляется личность автора, его глубокая эрудиция, широта интересов и знаний, педагогический и литературный талант, методическое мастерство и бесспорно – любовь к детям.

Учебники физики, созданные А.В. Пёрышкиным в соавторстве с Н.А. Родиной, были удостоены Государственной премии. И сейчас, при обилии учебников физики, разработанных различными авторами, учителя, работающие в основной школе, предпочитают учебники физики А.В. Пёрышкина. А.В. Пёрышкин создал коллектив единомышленников, который и в настоящее время разрабатывает его концепции.

А.В. Пёрышкин, совместно с И.И. Соколовым, являлся создателем научной школы методистов-физиков педагогических вузов. Позднее именно Александр Васильевич сумел сплотить самых талантливых, прогрессивных методистов по физике. И где бы они ни работали, связующим звеном всегда была кафедра А.В. Пёрышкина и лично он сам.

Библиографический список

1. Каменецкий, С.Е. Александр Васильевич Пёрышкин в моей жизни / С.Е. Каменецкий // Наука и школа. – 2002. – № 2. – С. 7 – 14.

Материал поступил в редакцию 12.12.07

УДК 395:37.01

И.А. Новикова

СУЩНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КУЛЬТУРЫ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ

В статье определены сущностные характеристики культуры межнационального общения на основе анализа имеющихся о ней представлений и смежных с ней понятий, обсуждаемых в российской и зарубежной педагогической науке и практике.

Раскрыть сущностные характеристики центрального понятия настоящей статьи целесообразно через установление связей со смежными категориями. Исходя из требований к определению понятий, принятых формальной логикой следует определить ближайшие родовые понятия: культура, общение и коммуникация, межнациональное общение и некоторые другие, определяющие тезаурус проблемы.

В современных гуманитарных науках понятие «культура» относится к числу фундаментальных, закономерно, что оно является центральным и в межнациональном общении. Реальное существование культуры проявляется только во взаимодействии, информационном обмене между людьми. Несмотря на то, что в современной литературе имеется множество определений понятия «культура», для интерпретации и операционализации в исследовании проблем формирования культуры межнационального общения более всего приемлемы антропологический и этнологический подходы. В современной культурной антропологии и этнологии культура рассматривается как информационный процесс, как мир артефактов (продуктов и результатов человеческой деятельности, включая рожденные им мысли), мир инноваций и новых смыслов, совокупность норм, ценностей, убеждений, разделяемых членами соответствующих культурных групп и сообществ. Культура в антропологическом понимании «включает в себя все, что создано людьми, и характеризует их повседневную жизнь в определенных исторических условиях» [1, с. 10]. Широкое понимание культуры необходимо для осмысления межкультурного общения прежде всего потому, что оно

охватывает не только воспринимаемый внешне, видимый (объективный) образ жизни человека, но и скрытый, внутренний (субъективный) мир каждой отдельной культуры, определяемый ценностями, ценностными ориентациями, специфическими способами восприятия и мышления, нормами поведения и морали. В этой связи закономерно обращение к понятиям культурная ценность и культурная норма. В обыденном житейском понимании эти две категории часто употребляются синонимично. В культурологической теории ценности рассматриваются как «фиксированные в человеческом сознании характеристики отношения объекта к человеку и, соответственно, человека к объекту» [1, с. 18], в социально-антропологическом контексте – как «универсализация смысла» [2], в немецкой этнологии как – «имплицитные теории» [3, с. 73]. Ценности – это социальные, социально-психологические идеи и взгляды, разделяемые народом и наследуемые каждым новым поколением [4, с. 108]. Ценности – это то, что априори оценивается этническим коллективом как нечто такое, что «хорошо» и «правильно». «Ценности вызывают определенные эмоции, они окрашены чувствами и побуждают людей к определенным действиям». [5, с. 166]. В структуре национальной культуры ценности являются ядром, окруженным, в свою очередь, принципами, реализующимися в нормах и правилах.

Принципами называют «конкретные стереотипы мышления и поведения, «общие мнения», представления, убеждения, устойчивые привычки в деятельности, механизмы казуальной атрибуции» [5, с. 108]. Принципы обуславливают понимание действительности опре-

деленным образом – они побуждают людей, принадлежащих к данному этническому коллективу, воспринимать мир так, а не иначе. Принципы направляют мышление и поведение по некоторым стереотипизированным, шаблонным путям. Они часто отражены в пословицах и поговорках, анекдотах: «Цыган раз на веку правду скажет, да и то покается» (лживость), «Француз – боек, а русский – стоек», (сравнение противоположных свойств характера), «Грек одну маслину съест, и то пальчики обсосет (жадность)».

Нормы культуры – это определенные образцы, правила поведения или действия, представления о том, что хорошо или плохо в каждой конкретной культуре. Культурные нормы представляют собой своего рода фильтр между нами и окружающим нас миром. Мы воспринимаем, как правило, только те явления и вещи, которые соответствуют нашим нормам, и часто не замечаем того, что не вписывается в собственную нормативную систему. Р. Бенедикт в своей работе «Антропология и аномальное», вышедшей в 1934 году, предлагает считать «нормальным все то, что находится в соответствии с установлениями данного общества и оправдывается в нем» [6, с. 143]. Культурные нормы чрезвычайно разнообразны, они в большей или меньшей степени регламентируют все, с чем связана человеческая жизнь: еду и одежду, отношения между детьми и взрослыми, мужчинами и женщинами, отдых и труд. Л.В. Куликова отмечает в этой связи: «В развитой культуре очень много норм-правил. Ими охвачены все сферы жизни: и трудовые процессы, и семейные отношения, и досуг, и воспитание детей, ухаживание, рождение ребенка, похороны – все приведено в систему, соотнесено друг с другом, ... представляет настоящий культурный космос» [7, с. 18].

Культурные нормы складываются, утверждаются уже на уровне обыденного сознания общества. Нормы нравственности возникают в самой практике массового взаимного общения людей. Моральные нормы воспитываются ежедневно силой привычки, общественного мнения, оценок близких людей. Большую роль в формировании норм культуры, характерных для конкретного общества, играют взаимные одобрения и осуждения, выражаемые окружающими, сила личного и коллективного примера, наглядные образцы поведения (описанные как в словесной форме, так и в виде образцов пове-

дения). Усвоение норм и ценностей материнской национальной или конфессиональной (собственной) культуры начинается в раннем детстве, как правило, неосознанно, как само собой разумеющийся процесс. Ребенок приобщается к ценностям культуры, представлениям о нормах поведения и взаимоотношений и развивается по мере накопления и обогащения жизненного опыта. Этот процесс вхождения ребенка в культуру своего народа, конфессии определяется как процесс инкультурации. Основное содержание инкультурации состоит в усвоении культурно обусловленных особенностей мышления, действий, моделей поведения, в результате чего формируется языковая, когнитивная, эмоциональная и поведенческая идентичность личности с членами данной лингвокультуры и отличие от членов других лингвокультуры.

Попадая в незнакомую культуру, человек оказывается в ситуации, когда привычные способы и нормы поведения, усвоенные в результате инкультурации, могут быть неприемлемы или, по крайней мере, неэффективны. Именно в условиях межкультурного общения происходит осознание партнерами этого общения, специфичности собственных ценностных установок. При этом разные культуры могут иметь один и тот же «набор» ценностей, различающихся, однако, иерархическим строением или границами толерантности. Таким образом, основные, главные нормы и ценности одной культурной общности могут не соответствовать таковым в другой.

Нормативность культуры поддерживается в ходе межличностных, массовых взаимоотношений людей в результате функционирования различных социальных институтов. Различные культуры обладают разной степенью нормативности. Культурологические исследования свидетельствуют, что, например, «в наше время нормативность русской культуры значительно слабее, чем английской, немецкой, китайской и многих других» [1, с. 21]. Таким образом, ценности как «имплицитные теории» и нормы, как конкретные поведенческие рекомендации по реализации определенных принципов представляют собой базис, ядро культурной общности людей. Данное обоснование культуры, ядром которой являются ценности, иллюстрирует «луковичная» диаграмма Г. Хофстеде [7, с. 20], отражающая четыре основных проявления любой культуры: символы, герои, ритуалы, ценности.

Рис. 1. «Луковичная» диаграмма Г. Хофстеде

Внешний, самый поверхностный слой занимают символы (слова, жесты, артефакты и т.д.), имеющие определенное значение и смысл, воспринимаемые как таковые только членами одной и той же культурной группы. Символы быстро развиваются и быстро исчезают, регулярно копируются у разных культурных общностей (например, Coca Cola как знак модного качественного напитка принят в разных странах, рукопожатие – жест приветствия, характерный для многих народов). Символы в структуре Г. Хофстеде представлены в виде по-

верхностного слоя «луковицы». Герои (личности) воплощают в себе качества, достойные признания и уважения в соответствующей культуре. Их можно рассматривать как примеры, образцы для подражания. К этой категории Г. Хофстеде относит и фантастические или комические фигуры, олицетворяющие дух нации и эпохи. В качестве примера можно привести следующее: Илья Муромец, Алеша Попович в России, Робин Гуд в Англии, Махатма Ганди в Индии, Конфуций в Китае, Терминатор в США, самурай в Японии и т.д. По нара-

тающей к центру культурного прообраза располагаются ритуалы – «материальное воплощение норм и правил реальной действительности. Ритуалы представляют собой определенные последовательности символических действий и актов общения при заданности порядка действий и четком распределении ролей участников» [8, с. 382]. Любой ритуал, передаваемый от поколения к поколению, выступает как материальный носитель культуры, как форма ее физического существования, например, религиозные церемонии, свадьбы, ритуалы приветствия и прощания, похороны и т.д.

Как читается из диаграммы, символы, герои и ритуалы объединены в категорию практических проявлений культуры. Они представляют собой видимые для внешнего (не принадлежащего к данной культуре) наблюдателя явления. Однако внутреннее, обосновывающее культурное значение этих явлений скрыто для аутсайдера. Невидимый слой культуры сконцентрирован в ее ценностном ядре. Именно ценности и нормы определяют и руководят поведением людей, которое манифестируется в символах и ритуалах.

Из американской методической литературы известен еще один визуальный прием, демонстрирующий види-

мую (осознаваемую) и невидимую (неосознаваемую) составные культуры. Это прием «айсберг-анalogии» [9, с. 48], согласно которому любая культура может быть представлена в форме айсберга, имеющего надводную и подводную части. Подводная – имплицитная часть, скрывающая ценности, нормы, мировоззрение представителей данной культуры. Это ее ментальная составляющая. Надводная – эксплицитная, которая выражается в многообразной деятельности людей и произведенных ими продуктах, т.е. речь идет о материальной стороне культуры. Встреча двух айсбергов символизирует встречу двух культур, межкультурное общение. Взаимодействие представителей двух разных культурных групп осуществляется, в первую очередь, на уровне скрытой, «подводной» части каждой культуры, там, где сталкиваются специфичные для каждого народа нормы, ценности, мировоззренческие взгляды. Этот ментальный, «имплицитный» контакт носителей разных культур, как правило, не осознается. Межкультурные различия, непонимание, «конфликт» проявляются на уровне эксплицитного выражения культур: в «странном», непонятном поведении партнеров, в интерпретациях этого поведения и т.д.

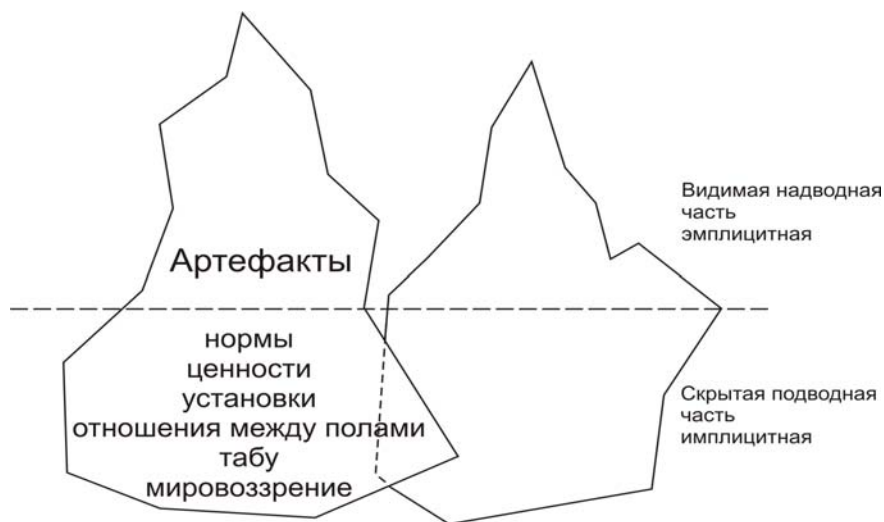

Рис. 2. Модель «айсберг-анalogии»

В качестве подтверждения приведенных теоретических положений, свидетельствующих о специфичности культурных норм и ценностей, приведем пример, используемый Т.Г. Стефаненко. Два приятеля, получившие за совместный труд некоторую сумму денег, помещаются в атмосферы разных культур. Это, соответственно, различным образом влияет на их поведение. В США, где преобладает норма справедливости, Джон и Генри, по всей вероятности, разделят деньги согласно вкладу каждого в общий труд. В нашей стране одной из духовных ценностей традиционно считается равенство: скорее всего Иван и Петр разделят деньги поровну. Есть культуры, представители которых в предложенной ситуации выберут норму потребности: родители одного из друзей бедны, поэтому он получит больше денег. Может быть выбрана и норма привилегий, в соответствии с которой в выигрыше окажется сын высокопоставленных родителей. В современном обществе подобные неписанные нормы и ценности культуры часто противоречат законам государства, но сохраняются в «головах людей» [6, с. 35]. Видимые феномены, являющиеся основой интерактивных процессов, могут быть объяснены только в случае их референции (соотнесения) с определенными культурно обусловленными ценностями и нормами поведения.

Проанализированные выше понятия культурной нормы и культурной ценности в контексте широкого антропологического понимания культуры играют значительную роль в разработке теории и разрешении практических проблем в сфере межкультурных коммуникаций, определении понятия «культура межнационального общения».

Межнациональное общение – часто употребляемое сегодня словосочетание. В различных источниках можно встретить палитру родственных наименований самого термина «межнациональный» в соответствии с дисциплиной, его рассматривающей, научными интересами, предпочтениями и целями авторов публикаций: межэтнический, межрасовый, кросскультурный, межкультурный, интеркультурный, интернациональный и др.

Корни английского обозначения «кросскультурный», например, распознаются в общей и социальной психологии. Центр тяжести кросскультурного подхода, лежит в области сравнительного (корпоративного) изучения определенного феномена культуры на основе интракультурного анализа. Термины «межэтническая, межрасовая, кроссрасовая коммуникация» используются при рассмотрении отношений различных этнических групп и рас внутри одного государства. Чаще всего при этом принимаются во внимание цвет кожи и происхождение

(типично для процессов взаимодействия между афроамериканцами и белыми в США). Основные проблемы, исследуемые этими направлениями, – дискриминация и расизм. Понятие «интернациональная коммуникация» относят, прежде всего, к сфере информационных средств, а также к сфере политики и дипломатии. Данный термин употребляется преимущественно в общественных и гуманитарных науках. Межкультурное и межнациональное общение разграничиваются на основе следующего критерия: в первом случае речь идет о «пересечении» представителей разных культур, во втором – разных национальностей. Если определенные культура и национальность совпадают, то вопрос терминологической двойственности исчезает. Однако в современном мире подобное совпадение встречается не всегда и не везде. Люди, принадлежащие к одной этнической группе, могут являться гражданами разных государств и национальностей (например, курды, евреи, цыгане, немцы). И наоборот, представители разных культур живут часто в границах одного государства и формально являются членами одной нации (бывшая Австро-Венгрия, Югославия после Второй мировой войны, США, начиная с XVIII в., Россия, где казаки, поморы, считали долгое время себя представителями отдельного народа, а сегодня слились с русски-

ми). В русскоязычных и немецкоязычных исследованиях чаще других встречается термин «межкультурная и интеркультурная коммуникация».

Обращение к этимологии слова «интеркультурный» (межкультурный) способствует пониманию сущности процессов, обозначаемых этим словом. Понимая под культурой в широком смысле слова весь окружающий человека мир, мы рассматриваем понятия «межкультурный и интеркультурный» как то, что разыгрывается, происходит между человеческими мирами. Процесс взаимодействия всегда опосредован действиями конкретных индивидуумов, один из которых представляет, например, культуру А, а другой принадлежит к культуре Б, третий к культуре В. В результате развития их отношений и пересечения трех культур: А, Б и В – возникает новая межкультура (интеркультура), которая не соответствует в полном объеме ни первой культуре А, ни второй – Б, ни третьей – В. Межкультура представляет собой новое качество, своего рода синергию. Под культурной синергией понимается объединение культурно различных элементов, при котором возникает качественно иное образование, превосходящее по эффекту сумму элементов. Именно это В.И. Матис и называет поликультурой [10].

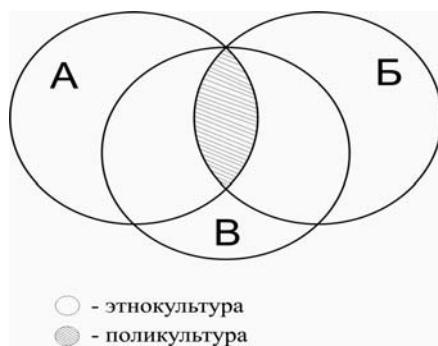

Рис. 3. Поликультурная модель

При встрече коммуникантов из разных культурных групп, в одной из которых (А) ритуал приветствия обязательно сопровождается пожатием руки, не практикуемым в других культурах (Б, В), достаточно непредсказуемым является оформление ситуации общения или, другими словами, содержание межкультуры (интеркультуры), возникающей на пересечении. Какая из форм приветствия будет выбрана в итоге – рукопожатие, отсутствие такового, третий вариант (например, кивок головой) или еще какая-либо форма, – зависит в каждом конкретном случае от разных факторов: от того, насколько продуманна или спонтанна встреча; от степени знакомства и доверительности общающихся, их возраста, социального статуса, распределения социальных ролей и т.д.

Под «Culture is communication» культурантрополог Е. Холл подразумевал идентичность культуры и коммуникации [11, с. 101]. Прежде всего, Е. Холл подчеркивал при этом, что любое поведение людей, жест, любой материальный продукт имеет в человеческом общении знаковую, информирующую функцию. Параллельно с лингвистическим кодом существует культурный код в невербальной системе координат.

Лингвист Ф. Ханненкамп, с осторожностью относясь к отождествлению культуры и коммуникации по Е. Холлу, формулирует идею их соотношения следующим образом: существуют различные, отличающиеся друг от друга культуры (под культурой подразумевается нестатичная величина, которая не ограничивается только интернациональными рамками); культура и коммуникация

находятся в тесной взаимосвязи; участники коммуникации представляют всегда одну из культур; культура отражается в коммуникации; культурная принадлежность определяет специфический способ коммуникативного взаимодействия; общая культурная принадлежность облегчает процесс коммуникации, различная – усложняет его [12, с. 6].

Культура межнационального общения как научно-прикладная дисциплина занимается проблемами понимания и взаимопонимания: понять чужое (другое), адекватно объясниться с чужим, правильно интерпретировать иные, не свои культурные знаки. Американский антрополог Ф. Бок дал определение культуры, обращая внимание на человеческие отношения и наиболее адекватно раскрывающее смысл понятия «культура межнационального общения». Культура – «это то, из-за чего ты становишься чужаком, когда покидаешь свой дом. Культура включает в себя все убеждения и ожидания, которые высказывают и демонстрируют люди. Когда ты среди людей, с которым разделяешь общую культуру, тебе не приходится обдумывать и проектировать свои слова и поступки, ибо все вы – и ты, и они – видите мир в принципе одинаково, знаете чего ожидать друг от друга. Но, пребывая в чужом обществе, ты будешь испытывать трудности, ощущение беспомощности и дезориентированности ...». Проанализировав это определение, можно прийти к следующим выводам: во-первых, культура – это образ мыслей (убеждения) и образ жизни (обычай) людей; во-вторых, культура – это образ мыслей и образ жизни не всего человечества, а определен-

ной группы людей. Культура – это то, что объединяет данную группу; в-третьих, культура не только объединяет людей одной общности, но и отделяет их от других групп. Здесь подчеркивается особенность культуры, разделяющая людей по культурной принадлежности на «своих» и «чужих»; в-четвертых, существуют трудности взаимопонимания людей разных культур, причиной которых являются именно культурные различия.

В плане своего генезиса, предметного соотношения, а также с точки зрения исследовательского инструментария, культура межнационального общения имеет междисциплинарный статус. Она интегрирует знания ряда наук, таких как, демография, конфликтология, культурная антропология, культурология, лингвистика, мировая художественная культура, политология, религиоведение, социология, философия, экономика, этнография, этнология, этнопедагогика, этнопсихология и др.

Обзор литературы показывает: что существуют, по крайней мере, два подхода к определению сущности межкультурной коммуникации: лингвистический, относящий процессы межкультурной коммуникации по природе к речевой деятельности и культурно-антропологический, опирающийся на достижения многих наук.

Лингвистический подход к определению основ межкультурной коммуникации оперирует дефинициями, в которых подчеркивается первостепенное значение языка в процессах межкультурного общения. Лингвисты К. Кнапп и А. Кнапп-Поттхофф рассматривают межкультурную коммуникацию как «межличностное взаимодействие между представителями различных групп, которые отличаются друг от друга багажом знаний и языковыми формами символического поведения, характерными для всех членов каждой из этих групп» [13, с. 28].

Социальные психологи Ж. Ладмираль и Э. Липьянский относят процесс межкультурной коммуникации в большей степени к «сфере вербальной коммуникации» [14, с. 29]. Доступ к любой культуре, особенно к чужой культурной идентичности открывается, по их мнению, посредством языка: «Отсюда все начинается». Под межкультурной коммуникацией они понимают «отношения, возникающие между индивидуумами и группами, принадлежащими к разным культурным группам». Эти «отношения всегда развиваются на фоне определяемых этими культурами репрезентаций, кодов, своеобразного жизненного уклада и способов мышления» [14, с. 121].

Лингвисты В.Г. Костомаров и Е.М. Верещагин в рамках разработанной ими в 80-х годах XX века лингвострановедческой теории слова определяют межкультурную коммуникацию как «адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам» [15, с. 54]. Г. Малетцке, разрабатывающий теорию межкультурной коммуникации в контексте культурной антропологии, отмечает: «Мы говорим о межкультурном взаимодействии и межкультурной коммуникации, когда партнеры по коммуникации являются представителями различных культур и осознают это, то есть когда присутствует взаимное ощущение «чужеродности» партнера. Под межкультурными отношениями подразумеваются все отношения, участники которых не только используют собственную систему кодировки, нормы, установки и формы поведения, принятые в родной культуре, но и сталкиваются с иными кодировками, нормами, установками и бытовым поведением» [16, с. 37]. В.Г. Крысько следующим образом характеризует межэтническое взаимодействие: «это прежде всего разнообразные контакты между этносами, ведущие к изменению индивидуальных и социальных характеристик каждой из взаимодействующих этнических групп и их отдельных представителей, а также к интеграции их определенных качеств и свойств» [17, с. 159].

Все приведенные определения, несмотря на некоторые различия в связи с разницей подходов, сходятся в главном: межкультурная коммуникация есть процесс взаимодействия, участниками которого являются представители разных культур. При этом речь идет о непосредственном личном взаимодействии, что часто позволяет рассматривать межкультурную коммуникацию как частный (особый) случай межличностной коммуникации и определять его как микроуровень межличностного взаимодействия, в отличие от макроуровня прямого или опосредованного общения между этническими группами или нациями.

Если первые исследования в области межкультурной коммуникации затрагивали культурные различия только в интернациональном контексте, с точки зрения контактов с иностранцами, то современный подход к теории и практике дисциплины разрабатывает также особенности общения в рамках одной страны, даже внутри разного рода структур и организаций, что рассматривается культурологами как взаимодействие субкультур на фоне единой общей культуры [16] и подразумевает межкультурную коммуникацию в узком смысле. «Межкультурный» момент возникает в этом случае в связи с разницей возраста, профессии, интеллектуального «багажа» коммуникантов, манерой поведения и выбором языковых средств (употребление жаргонизмов, профессиональной лексики, языковая грамотность и т.д.). Под межкультурной коммуникацией в широком смысле слова рядом авторов понимается общение между представителями разных лингвокультурных сообществ [15, 18, 7, 19]. Однако, как показывает анализ публикаций по этой проблематике, большинство исследователей не придерживаются данного подхода, рассматривая процесс межкультурной коммуникации от микроуровня межличностного взаимодействия (face-to-face) до макроуровня взаимодействий между культурами и народами как межкультурную коммуникацию в широком смысле.

В англоязычной лингвистической литературе термин «коммуникация» понимается как обмен мыслями и информацией в форме речевых или письменных сигналов, что само по себе является синонимом термина «общение». В свою очередь, слово «общение» обозначает процесс обмена мыслями, информацией и эмоциональными переживаниями между людьми. В таком случае нет разницы между общением и коммуникацией. Именно так рассуждают лингвисты, для которых общение – это актуализация коммуникативной функции языка в различных речевых ситуациях.

В психологической и социологической литературе общение и коммуникация рассматриваются как пересекающиеся, но несинонимические понятия. Понятие «коммуникация» используется для обозначения средств связи любых объектов материального и духовного мира, процесса передачи информации от человека к человеку (обмен представлениями, идеями, установками, настроениями, чувствами и т.п. в человеческом общении), а также передачи и обмена информацией в обществе с целью воздействия на социальные процессы. Общение же рассматривается как межличностное взаимодействие людей при обмене информацией познавательного или аффективно-оценочного характера. В числе основных функций общения выделяются контактная, призванная удовлетворить потребность человека в контакте человека с другими людьми, и воздействующая, проявляющаяся в постоянном стремлении человека определенным образом воздействовать на своего партнера. Поэтому общение означает воздействие, обмен мнениями, взглядами, влияниями, а также согласование или потенциальный либо реальный конфликт.

Понятия «общение» и «коммуникация» имеют как общие, так и отличительные признаки. Общими являются их соотнесенность с процессами обмена и передачи информации и связь с языком как средством передачи информации. Отличительные признаки обусловлены различием в объеме содержания этих понятий (в узком и широком смысле). Это объясняется тем, что они используются в разных науках, которые на первый план выдвигают различные аспекты этих понятий. За общением в основном закрепляются характеристики межличностного взаимодействия, а за коммуникацией – информационный обмен в обществе. Общение представляет социально обусловленный процесс обмена мыслями и чувствами между людьми в различных сферах их познавательно-трудовой и творческой деятельности, реализуемый главным образом при помощи вербальных средств коммуникации. В отличие от него коммуникация – это социально обусловленный процесс передачи и восприятия информации как в межличностном, так и в массовом общении по разным каналам при помощи различных вербальных и невербальных средств.

Общение является необходимым условием для возникновения той духовно-нравственной силы, которая управляет связью человека с себе подобными. Это отношение человека как субъекта к другому человеку как к субъекту, а не объекту своих практических нужд или познавательно-теоретических интересов, как к соучастнику единых действий, соратнику, человеку одних интересов, в конечном счете, товарищу и другу. Только в общении и через общение человек постигает смысл своего бытия, свою нравственную самоценность и значимость.

Анализ точек зрения и публикаций, посвященных проблеме коммуникаций, позволяет определить общение как взаимодействие людей – субъектов. В этом состоит специфика общения как межличностного взаимодействия. Отсюда можно рассматривать общение как специфическую форму социальной активности. Однако общение не самоцель. Оно предполагает на всех уровнях (как на микроуровне, так и на макроуровне) высокую культуру.

Проблемы формирования культуры общения сложны и многогранны. В.В. Фалилеев, например, определяет культуру общения как «характеристику межличностных контактов, индивидуальной формы взаимодействия людей, в процессе которого происходит обмен мыслями, идеями, опытом, чувствами» [20, с. 79]. Эффект общения зависит от степени доверия и взаимопонимания между людьми, умения выразить свои мысли и чувства, отношения друг к другу в наиболее понятной, доступной и приемлемой форме. Когда общение совершается посредством устной речи, культура общения проявляется в умении сформулировать свои мысли и выслушать другого, в отзывчивости и сопереживании. Культура общения в письменной речи характеризуется грамотным языком изложения своих мыслей, ясностью содержания и т.д.

Культура общения невозможна без эмоциональной культуры, включающей умения, с помощью которых человек регулирует свое психологическое состояние, понимает чужое, видит его по внешним проявлениям, управляет эмоциями, снимает волнение, преодолевает нерешительность, сдерживается, создает необходимое настроение и т.п. В.В. Соколова называет эти умения «социально-психологическими, иногда социально-перцептивными» и характеризует культуру речи как «совокупность знаний, умений и навыков, обеспечивающих целенаправленное взаимодействие людей на основе адекватного выбора и использования средств общения, а также умение прогнозировать воздействие

высказываний на собеседников, извлекать информацию в условиях устной и письменной коммуникации» [21, с. 187].

Общение происходит на трех уровнях: коммуникативном, интерактивном и перцептивном. Коммуникативный уровень представляет собой общение посредством языка и культурных традиций, характерных для той или иной общности людей. Результатом этого уровня взаимодействия является взаимопонимание между людьми. Интерактивный уровень – это общение, учитывающее личностные характеристики людей. Оно приводит к определенным взаимоотношениям между людьми. Межиндивидуальные связи людей разных национальностей всегда выступают неотъемлемой частью их социального бытия, средством формирования и функционирования индивидуального и общественного сознания. Состояние межнациональных отношений способствует либо прогрессивному развитию человеческого общения, открывающему перспективу всестороннего духовного обогащения личности, либо, при их нарушении, ведет к бесперспективности развития человеческих связей, нарастанию трудностей понимания людьми друг друга, а также к конфликтам. Перцептивный уровень дает возможность взаимного познания и сближения людей на этой рациональной основе. Он представляет собой процесс восприятия партнерами друг друга, определение контекста встречи. Перцептивные навыки проявляются в умении управлять своим восприятием, «читать» настроение партнеров по вербальным и невербальным характеристикам, понимать психологические эффекты восприятия и учитывать их для снижения его искажения.

В культуре общения А.С. Кармин выделяет два взаимосвязанных аспекта: внешний (ритуальный, «этикетный») и внутренний (социально-психологический). Первый аспект – это то, что называют «внешней культурой». Он выражается в выполнении общепринятых ритуалов общения, правил этикета, предписывающих, что и как надлежит во время общения делать. Но ритуальный, «этикетный» аспект культуры общения представляет собою лишь ее «видимый» слой, поверхностный уровень. Ритуалы, этикетные правила – это формы, призванные обеспечить «нормальные» отношения между вступающими в общение людьми. Характер этих отношений образует второй, более глубокий слой культуры общения – ее социально-психологический аспект, когда речь идет о «внутренней культуре» человека.

Существуют некоторые общие нормы человеческих отношений, сложившиеся исторически и ставшие общепринятыми в современном обществе. Они не всегда и не всеми в действительности выполняются, но поведение в соответствии с ними считается желательным, заслуживает общественного одобрения и ожидается от людей. К основным нормам «внутренней культуры» ученые (А.А. Бодалев, Б.С. Ерасов, М.С. Каган, А.С. Кармин и др.) относят следующие требования.

1. Поступай по отношению к другим так, как ты хотел бы, чтобы они поступали по отношению к тебе. Это так называемое «золотое правило». Люди разных стран и эпох приходили к одинаковому по своей сути пониманию этого правила, хотя и выражали его в различных формулировках. Конфуций (Китай, VI в. до н. э.): «Чего сам не желаешь, того не делай другим». «Махабхарата» (древнеиндийский эпос, V в. до н. э.): «Те поступки других людей, которые человек для себя не желает, что самому неприятно, пусть сам не делает другим». Хилел (древнеиудейский «учитель законов»): «Не делай никому того, чего не хочешь, чтобы было сделано тебе». Фалес (Древняя Греция, VI в. до н. э.) на вопрос, как прожить жизнь наилучшим и наисправедливейшим образом, отвечал: «Если мы сами не будем делать того, что

порицаем в других». Сенека (Древний Рим, I в. до н. э. – I в. н. э.): «Что ты другим, того же от других ты жди». Эпиктет (Древняя Греция, I – II вв.): «Чего не желаешь себе, не желай другим». Евангелие от Матфея (гл. 7, 12): «Итак, во всем как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними ...». Русские пословицы: «Чего в другом не любишь, того и сам не делай»; «Что людям желаешь, того и сам получаешь»; «Как аукнется – так и откликнется» и др. Отметим, что «золотое правило» выражается в двух формах – позитивной («Делай, поступай ...») и негативной («Не делай, не поступай ...»). В новое время «золотое правило» формулировалось и толковалось Т. Гоббсом, Дж. Локком, И. Гердером и многими другими мыслителями. Т. Гоббс выражал его в негативной форме («Не делай другому того, чего не хотел бы, чтобы делали тебе») и считал, что оно есть «закон всех людей», к которому сводятся все естественные законы. Д. Локк давал ему позитивную формулировку («Всякий должен поступать с другим так, как он хочет, чтобы с ним поступали другие») и называл его «непоколебимым нравственным началом», «основой всякой общественной добродетели». Категорический императив И. Канта также является, по сути дела, обобщенной формулой «золотого правила», которую И. Кант считал более совершенной, так как она свободна от недостатков последнего. По И. Канту, недостатки «золотого правила» таковы: во-первых, оно допускает пассивно-эгоистическую позицию («я для вас ничего не сделаю и мне от вас ничего не нужно»); во-вторых, прямо не требует добрых поступков («мне не надо добра – и другим я его не окажу»); в-третьих, оно не выражает зависимости желаний и действий от разума (можно действовать неразумно по отношению к другим и желать, чтобы они так же неразумно относились к тебе). «Золотое правило» регулирует отношения между самостоятельными личностями, требует, чтобы никто не ставил себя в исключительное положение по сравнению со всеми другими, и тем самым устанавливает равенство между людьми.

2. Выполняй свои обещания, договоренности и обязательства. Древние римляне выражали это требование в виде принципа: «Договоры должны выполняться» (483 г. на Карфагенском соборе данный принцип был положен в основу международного права).

3. Будь доброжелателен, старайся по возможности делать людям добро, выполняй их просьбы.

По словам А.С. Кармина, «культурный человек строит общение по сценарию, предполагающим единство и согласованность внешней и внутренней культуры. Когда «внутренняя культура» не находит выражения во «внешней культуре», это может привести человека к поступкам, ставящим его в неловкое положение и способным даже вызвать неприязнь к нему. Его в таких случаях считают «невоспитанным», ведущим себя «неприлично». Так происходит с людьми, выросшими в одной культурной среде и попавшими в иную» [1, с. 680]. Как отмечает В.И. Матис: «Культура межнационального общения зависит от уровня общего развития населения, его умения соблюдать общечеловеческие нормы нравственности и поведения, взаимной готовности правильно воспринимать инонациональные ценности, стремления обогащать себя знанием этих ценностей» [22, с.144].

Понятия культуры межнационального общения, межкультурной компетенции, их структура и технологии формирования или воспитания активно разрабатываются российскими и зарубежными исследователями. Все они в той или иной степени затрагивают различные качества личности, ее способности и умения (С.К. Бондырева, З.Т. Гасанов, Р.И. Кадиева, М. Куранов, В.И. Матис, М. Вугат, К. Knapp, J. Lehtonen, E. Phillips и др.).

З.Т. Гасанов, например, выделяет знаниевые компоненты формирования культуры межнационального общения [23]. Для успешной коммуникации в иной культуре, с точки зрения Д. Летонена, необходимо знать язык, историю страны, искусство, экономику, общество, т.е. обладать всесторонними знаниями об истории и культуре этой страны [24]. Исследователь ставит вопрос об этике межкультурных отношений. Т.Ю. Бурмистрова акцентирует внимание на содержании специального учебного курса «Культура межнационального общения», который может решить многие проблемы общения [25]. В.И. Матис, разрабатывая проблему культуры межнационального общения, особое внимание уделяет комплексному изучению структуры и содержания этого феномена [26]. Технология формирования культуры межнационального общения может быть реализована, если к делу приступать с дошкольных образовательных учреждений. Предлагаемая К. Напп модель ориентирована на поведенческий аспект общения с представителями другой культуры, не включающий в себя обмен культурными смыслами, в ходе которого происходит понимание и познание иной культуры [27].

Авторы большинства работ в той или иной степени обращаются к знаниям, необходимым для осуществления межкультурного общения, и отношениям, возникающим при коммуникациях, а также умениям (интерпретации и соотнесения, открытия и взаимодействия) и критическому осознанию действительности. Основным достоинством рассматриваемых различных подходов является выделение в них двух взаимосвязанных сторон межкультурной компетенции личности – способности понимать родную и чужую культуру. Другим положительным моментом представляется установление или признание связи между мышлением и поведением, что выводит межкультурную компетенцию на более осознанный культурологический, философский уровень.

В.И. Матис в своей работе «Педагогика межнационального общения» определяет культуру межнационального общения как «совокупность специальных знаний и убеждений, а также адекватных им поступков и действий, проявляющихся как в межличностных контактах, так и во взаимодействии целых этнических общностей, позволяющих на основе межкультурной компетентности быстро и безболезненно достигать взаимопонимания и согласия в общих интересах» [28, с. 76], и выделяет в качестве основных элементов знаниевый, мировоззренческий и поведенческие компоненты. Знаниевый компонент, по определению В.И. Матиса, включает: историю и культуру, традиции и обычаи собственного народа; историю и культуру, традиции и обычаи этноса партнера; место истории и культуры, традиций и обычаев собственного народа и этноса партнера в мировой культуре; язык родного этноса и язык межнационального и международного общения (билингвизм и полилингвизм); особенности национальной культуры как выражения национальной психологии, нормы и правила, которые регулируют взаимоотношения представителей разных этнических общностей или выработку их во взаимных интересах [28, с. 72-73]. Мировоззренческий аспект культуры межнационального общения охватывает: способность противостоять антиподам культуры межнационального общения – национальной ограниченности и замкнутости, национальной предвзятости и неприязни, национальному недоверию и отчужденности, национальному эгоизму, национальному тщеславию и спеси; социально и профессионально ориентированные реакции на характер, стиль и особенности поведения людей других национальностей; потребность утверждать на практике взаимно согласованные принципы бесконфликтного взаимопонимания и сотрудничества в

ходе межнационального взаимодействия [28, с. 147–148]. Поведенческий аспект включает в себя: соблюдение сложившихся традиционных или стереотипных форм межнационального общения; позитивную, лишённую предрешений реакцию на поведение представителя другой культуры; принятие точки зрения собеседника, способность взглянуть на событие с его позиции; толерантность к неожиданному повороту событий, способность справиться с ранее неизвестной и неопределённой ситуацией, не показывая своего замешательства [28, с. 148].

В.С. Кукушин и Л.Д. Столяренко включают в культуру межнационального общения четыре системообразующих компонента: знание теории и практики реальных национальных отношений и психологии национальных отношений; непредвзятость позиций при оценке других людей, их национально-психологических особенностей; умение выбирать по отношению к представителям другого народа такой способ общения и поведения, который, не расходясь с собственными представлениями о морали, в то же время наилучшим образом отвечал бы индивидуальному и национальному своеобразию восприятия и оценки возникших ситуаций; способность эмоционально, участливо и тактично откликаться на запросы, интересы и поступки других культур и народов [29].

Таким образом, проанализировав основные направления в определении культуры общения, культуры межнационального общения, подчеркнем, что при существующем в научном мире разнообразии точек зрения в рассмотрении ее сущности неоспоримой является культурноопределяющая доминанта как ключ к пониманию межкультурных взаимодействий. Под культурой межнационального общения мы предлагаем понимать совокупность специальных знаний, убеждений, навыков, а также адекватных им поступков и действий, проявляющихся в межличностном общении (как на вербальном, так и невербальном уровнях) между представителями различных этнокультурных групп, в процессе которого имплицитно или эксплицитно проявляется чужеродность партнеров по коммуникации, влияющая на результат коммуникативного взаимодействия.

Общение с людьми – одна из важнейших сфер реализации значимой социальной потребности человека. За ним стоит целый внутренний мир личности, и через него отражается сложная оценка человеком социальной действительности. Все это в значительной степени определяет необходимость изучения основных сфер общения и межличностного взаимодействия людей.

Библиографический список

1. Кармин, А.С. Культурология / А.С. Кармин. – СПб: Изд-во «Лань», 2001. – 832 с.
2. Белик, А.А. Культурология. Антропологические теории культур / А.А. Белик. – М.: Российский гос. гуманитар. ун-т, 1998. – 241 с.
3. Niklas, H. Kulturkofflikt und interkulturelles Lehren / H. Niklas // Kulturstandarts in der internationalen Begegnung. Saarbrücken, 1995. – 137 s.
4. Стернин, И.А. Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры / И.А. Стернин // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М.: Наука, 1996. – 325 с.
5. Садохин, А.П. Этнология: учебный словарь / А.П. Садохин. – М.: Гардарики, 2002. – 208 с.
6. Стефаненко, Т.Г. Этнопсихология / Т.Г. Стефаненко. – М.: ИМ РАН, Академический проспект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000. – 320 с.
7. Куликова, Л.В. Межкультурная коммуникация: теоретические и прикладные аспекты. На материале русской и немецкой лингвокультур: монография / Л.В. Куликова. – Красноярск: РИО КПКУ, 2004. – 196 с.
8. Культурология. XX век. Словарь. – СПб.: Университетская книга, 1997. – 640 с.
9. Grosch, H. Methoden interkulturellen Lehrens und Lernens / H. Grosch, A. Groa, M.R. Leenen. – Saarbrücken, 2000. – 187 s.
10. Матис, В.И. Проблема национальной школы в поликультурном обществе / В.И. Матис. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 1997. – 328 с.
11. Грушевицкая, Т.Г. Основы межкультурной коммуникации: уч. для вузов / под ред. А.П. Садохина. – М.: ЮНИТИ – ДАНА, 2003. – 357 с.
12. Hinnenkamp, V. Interkulturelle Kommunikation / V. Hinnenkamp. – Heidelberg, 1994. – 211 s.
13. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово/Slovo, 2000. – 624 с.
14. Ladmiral, J-R. Interkulturelle Kommunikation. Zur Dynamik mehrsprachiger Gruppen / J-R. Ladmiral, E.M. Lipianky. – Frankfurt/new York, 2000. – 235 p.
15. Верещагин, Е.М. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Рус. яз., 1990. – 246 с.
16. Maletzke, G. Interkulturelle Kommunikation / G. Maletzke. – Opladen, 1996. – 137 s.
17. Крысько, В.Г. Этнопсихология и межнациональные отношения. Курс лекций / В.Г. Крысько. – М.: Экзамен, 2002. – 448 с.
18. Воробьев, В.В. Лингвокультурология (теория и методы): монография / В.В. Воробьев. – М.: Изд-во РУДН, 1997. – 331 с.
19. Маслова, В.А. Лингвокультурология: уч. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. – М.: Академия, 2004. – 208 с.
20. Фалилеев, В.В. Онтология культуры и личности на рубеже XX – XXI в. / В.В. Фалилеев. – Кемерово: Кемер. гос. ин-т искусств и культуры, 1999. – 145 с.
21. Соколова, В.В. Культура речи и культура общения / В.В. Соколова. – М.: Просвещение, 1995. – 192 с.
22. Матис, В.И. Категория и интерпретация культуры межнационального общения / В.И. Матис. // Сибирский педагогический журнал. – №3. – 2005. – С. 144-153.
23. Гасанов, З.Т. Формирование культуры межнационального общения в многонациональном регионе / З.Т. Гасанов. // Педагогика. – 1994. – №5. – С. 11-15.
24. Lehtonen, J. Globalization, National Cultures, and the Paradox of Intercultural Competence // <http://viesti.jyu.fi/laitos/lehtonen/globalization.html> Retrieved December 2, 2003.
25. Бурмистрова, Т.Ю. Социология национальных отношений / Т.Ю. Бурмистрова. // Социологические исследования. – 1994. – №5. – С. 22-26.
26. Матис, В.И. Содержание понятия «культура межнационального общения» // Актуальные проблемы сохранения и развития языков, культуры и истории народов Саяно-Алтая: Материалы международной научной конференции, посвященной 280 лет дешифровки древнетюркской письменности / В.И. Матис. – Абакан: Изд-во ХГУ, 2001. – С. 202-207.
27. Knapp, K. Communication in EESE // <http://www.cs.uu.nl/docs/vakken/bci/programma/intercult.html> Retrieved January 3, 2003.
28. Матис, В.И. Педагогика межнационального общения / В.И. Матис. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 2000. – 510 с.
29. Кукушин, В.С. Этнопедагогика и этнопсихология / В.С. Кукушин, Л.Д. Столяренко. – Ростов-на-Дону: Феникс. – 2000. – 448 с.

Материал поступил в редакцию 03.12.07.

АНИМАЦИЯ КОРПОРАТИВНОГО ДОСУГА ПЕРСОНАЛА КОММЕРЧЕСКИХ ТУРИСТСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Статья посвящена исследованию роли игры и театрализации в анимационных технологиях корпоративного досуга персонала коммерческих туристских предприятий с целью повышения культуры и качества данного типа досуга.

Коммерческие турпредприятия являются полноправными субъектами развития культурной политики своих территорий наряду с государственным сектором экономики и социально-культурного развития. Спецификой их социокультурной динамики в современной ситуации в России является формирование гуманистических подходов к управлению персоналом, что предполагает заботу о приемлемом уровне здоровья и социально-культурного развития персонала, формирование отношения к персоналу как социальному и культурному капиталу фирмы, предприятия

Это, в свою очередь, предполагает трату средств и специальных усилий руководителей бизнес-предприятий на формирование сильной организационной (корпоративной) культуры своей организации. Оргкультура имеет специфическое сакрально-ценностное ядро и символически-знаковые формы его выражения, интегрирует персонал и позиционирует имидж фирмы в социуме. Определяя место корпоративного досуга в структуре оргкультуры, мы предлагаем рассматривать корпоративный досуг как систему событийных форм общения, коммуникаций персонала. Организованный корпоративный досуг в этом случае является значимой частью оргкультуры, поскольку реализует социокультурные потребности персонала в полноценном отдыхе, рекреации, сплочении коллектива, ощущении своей причастности к корпорации.

Организация корпоративного досуга персонала бизнес-предприятий в современной социокультурной ситуации предполагает координацию коммерческих, имиджевых целей предприятия и рекреационно-развивающих, воспитательных целей совместной корпоративной досуговой деятельности персонала, поскольку между этими целями есть несоответствие. Педагогическими условиями решения данной проблемы являются несколько технологических методов и операций, определяющих развитие организованного корпоративного досуга персонала, его позитивное изменение.

Такой технологической операцией является необходимость проектирования специального корпоративного праздничного события, где совместная деятельность персонала построена вокруг самостоятельной разработки сотрудниками и интериоризации ценностей оргкультуры, участия в бизнес-ритуалах (главным из которых является ритуал праздничного застолья), являющихся интеграционным фактором, объединяющим персонал, повышающим качество его досуга, гармонично соединяя рекреацию и развитие участников программы, управляя досугом на суррогатной (алкогольной) основе. Кроме того, это специальные технологические операции вовлечения персонала в празднично-игровую деятельность с помощью специалистов-аниматоров, использование сказочно-фольклорных сюжетов и театрализации, что повышает культуру корпоративного досуга персонала в ходе праздничного события.

В организации активного отдыха персонала турпредприятий, в частности, корпоративных праздников, с приглашением специалистов-аниматоров, тоже, по-

нашему мнению, необходимо использовать анимационные технологии с применением игры для того, чтобы с помощью игрового механизма вовлечь и увлечь персонал в праздничное действие, активизировать творческий потенциал сотрудников в процессе отдыха и рекреации. В связи с этим необходимо дать краткую характеристику специфики игры как человеческой деятельности и общения (М.С. Каган), основных функций игры (Л.Н. Столович) для того, чтобы решить методическую задачу: эффективно применять в ходе корпоративного праздника игры с правилами, командные игры, игры-конкурсы, игры-развлечения. Именно эти разновидности игры дают, с одной стороны, эффект сплочения персонала определенного турпредприятия, с другой, эффект его имиджевого позиционирования в ряду сотрудников других туристских предприятий.

На основе теории игры, философского анализа человеческой деятельности, предпринятого М.С. Каганом в монографии «Человеческая деятельность (опыт системного анализа), 1974 г., исследователи различают игру в широком и узком смысле слова, выделяя игровую модальность любого вида деятельности и игру как конкретную форму деятельности человека [2]. На основе этого М.С. Каганом классифицируются определенные разновидности игры как деятельности: игра-искусство (на основе роли и художественного образа) и чистая игра, т.е. игра с правилами, например, спортивная игра. Игра как человеческая деятельность представляет собой определенную форму деятельности как ребенка, так и взрослого, в которой моделируются, воспроизводятся либо конкретные действия (детская игра в дочки-матери), либо общие принципы практической деятельности человека: противоборство либо сотрудничество; состязательность либо взаимодействие (например, в спортивных играх).

Специфика спортивных командных игр, часто применяемых в анимации, заключается в том, что в спортивной игре, как и в любой другой, информация не вырабатывается, а проверяется. Проверка эта выступает в форме оценки спортивных умений игроков, их опыта в определенном виде спорта. Основные принципы игрового взаимодействия в спортивных играх: принцип состязания с командой соперников и координации внутри команды. По нашему мнению, это основные педагогические принципы организации игрового взаимодействия персонала, повышающие его интеграцию. Но главное, что надо знать аниматору, применяющему командные игры, это то, что они повышают меру социальной общности (М.С. Каган) между командами как представителями разных страт, структурных подразделений предприятия (гендерных, возрастных, должностных и т.д.). Педагогической тактикой аниматоров корпоративных праздников в этом случае является умение оживить ситуацию проигрыша одной команды и выигрыша другой, так чтобы это никого не обидело, разрядив обстановку поощрительными призами, шуткой, юмором.

М.С. Каган рассматривает игру в философии как специфическую форму общения [1]. Определяя специфику игры как общения, философ отмечает, что в игре

общение является общением ради общения, что не уменьшает значения победы, выигрыша как конкретного результата игры. Такой выигрыш существует не во всяком игровом общении (например, его нет в развлекательной беседе аниматора с отдыхающими, с персоналом, когда используются анекдоты, фокусы, розыгрыши). Но в тех играх, где выигрыш присутствует, есть зрелищность, интерес, активизация аудитории. В этом отношении, организуя корпоративный досуг персонала, аниматоры могут использовать конкурсы (интеллектуальные, спортивные) с учетом цели корпоративной праздничной программы и социально-демографических, а также статусных характеристик персонала.

Конструируя анимационные игровые программы, аниматорам не следует забывать об основном – на первый взгляд парадоксальном назначении игры в человеческом обществе: игра способствует укреплению контактов между людьми на основе выявления людских различий. Поэтому, заботясь о сплочении команды персонала турпредприятия, аниматорам нужно инициировать сотрудников на самостоятельное создание художественно-творческой продукции, «работающей» на цели сплочения: песни-гимна команды, либо гимна корпорации, турфирмы; шуточных девизов-слоганов турпредприятия в целом или слоганов, обыгрывающих конкретную ситуацию в ходе праздника. Методическим приемом здесь может быть создание конкурсной ситуации, объявление аниматорами конкурса на создание подобной художественно-творческой продукции, чтобы никого не обидев, номинировать победителей. При включении персонала в игровое действие в ходе праздничных программ, аниматору необходимо уметь организовать первый и второй круг игровой общности. Первый круг, те, кто играет, второй круг – болельщики, т.е. участники, а не просто наблюдатели игрового действия.

Конструирование анимационных программ предполагает необходимость учета функций игры: гедонистической, рекреационной, эвристической. (Л.Н. Столович) [6, с. 264–289]. Гедонизм, то есть радость и удовольствие, необходим как психологическая атмосфера корпоративного праздничного события и одновременно – психологический механизм мотивации персонала, включенного в событие не на основе свободного выбора, а согласно корпоративным правилам: пропустить корпоративное событие равносильно прогулу в рабочий день. Цель анимации в этом случае: в ходе празднично-игрового взаимодействия персоналу не должно быть скучно, но обязательно – забавно и весело.

На основе использования рекреационного потенциала игры, связанного с отдыхом, аниматорами разрабатывается и применяется такая разновидность игровой деятельности как развлечение, которое необходимо как психологическая компенсация, поскольку игра (спортивная, деловая, тренинговая) требует напряжения сил и воли, специальной подготовки. Развлечение, то, что в старину называлось забавами и увеселениями – это игры, не требующие от играющих специальной подготовки. В таких играх проверяются и оцениваются природные задатки, способности (быстрота реакции, смекалка и т.д.), уже имеющиеся у людей умения и навыки, определенный опыт деятельности: спортивной, художественной, интеллектуальной и т.д.). Применение развлекательных конкурсов выгодно отличает празднично-игровую атмосферу от атмосферы труда, профессиональной деятельности персонала, обеспечивая позитивный физический и душевный настрой людей, что является целью рекреации. Эвристическая функция игрового общения в анимации предполагает через механизм психологического заражения участников праздничной про-

граммы пробуждение их творческой энергии: рождение совместных групповых идей, решений, возбуждение фантазии, воображения, активизацию художественно-эстетических действий: слезь, станцевать, сказать комплимент, показать пародию или фокус и т.д., соревнуясь с командой противника.

Таким образом, особенности игры как человеческой деятельности и общения, а также основные функции игры позволяют, используя игру в анимационных программах организации корпоративного досуга персонала коммерческих предприятий, создать рекреативную – творческую атмосферу: обеспечить персоналу активный, интересный отдых, переводя его с позиции зрителя в позицию активного, инициативного участника досуговой программы.

На основании вышеизложенного можно отметить большую значимость игры в организации досуговых программ разных категорий населения, в том числе и объединенного в группы по профессиональному признаку в связи с тем, что игра является универсальной формой досуга, родовым методом культурно-досуговой деятельности. Игровые технологии выделяются Т.Г. Киселевой, Ю.Д. Красильниковым как отдельная разновидность рекреационных технологий социально-культурной деятельности наряду с технологиями социально-культурной анимации [3, с. 444–445], где особо подчеркивается рекреативный и педагогический эффект игры. Последний, по мнению этих авторов, заключается в активизации и интенсификации деятельности участников игровых программ.

Более эвристичный момент в трактовке игровых программ мы находим у А.В. Соколова, предлагающего классифицировать игровые технологии в соответствии поведенческим типам, т.е. различными типами поведения людей в зависимости от того, участвуют ли они в игре-соревновании – тип поведения состязательность с партнером; играх с судьбой (азартные игры) – состязательность с судьбой, случаем; в игре-иллюзии, игре-сказке (игровой тренинг на улучшение самочувствия; участие в театрализованном представлении или цирковом зрелище; наконец в игре-маскараде – где тип поведения основан на смене традиционных ролей из жизни на вымышленные роли с помощью маски, костюма, что предполагает иные, более свободные правила общения и поведения) [5, с. 98-105].

Потребность в состязательности, играх с судьбой, в маскарадном переодевании, пребывании в сказочно-иллюзорном мире, отличающая досуг от быта и труда, реализуются через такой родовой метод культурно-досуговой деятельности, как театрализация.

Основоположник теории и практики этого метода в культурно-просветительной работе, которую сменила социально-культурная деятельность, Д.М. Генкин отмечает, что театрализация – есть «особая художественная организация материала по законам театра, драматургии, ...она представляет собой органический синтез ...информации и искусства – и идейно-тематический и композиционный, ...основанный на творческом образном решении...темы» [4, с. 180]. Театрализация изменяет природу формы, создает форму нового качества, применяется не в любых, а только в особых условиях, когда есть желание выделить то или иное...событие, показать его особое значение в жизни, выразить и закрепить свои чувства к нему. Театрализация нужна, когда есть тяга к художественному осмыслению события, к символической, обобщающей образности, к организации деятельности, ... поведения людей по законам театра [4, с. 181].

Деятельность аниматоров и использование метода театрализации на корпоративных праздниках персонала позволили активизировать персонал, тем самым оптимизи-

зировать его субъектную социально-культурную роль в процессе праздников, обеспечить высокое качество их ритуальной стороны так, чтобы у персонала было меньше возможностей и желаний для суррогатного досуга. Анимация и театрализация оптимально отрегулировали

соотношение релаксационной, гедонистической и торжественной частей организованных корпоративных праздников, в чем заключается эффект развития корпоративного праздничного досуга персонала в аспекте его гуманизации.

Библиографический список

1. Каган, М.С. Мир общения. Проблемы межсубъектных отношений / М.С.Каган. – М.: Политиздат, 1988. – 425 с.
2. Каган, М.С. Человеческая деятельность (опыт системного анализа) / М.С.Каган. – М.: Политиздат, 1974. – 328 с.
3. Киселева, Т.Г. Социально-культурная деятельность / Т.Г. Киселева, Ю.Д. Красильников. – М.: МГУКИ, 2004. – 539 с.
4. Клубоведение / под ред. С.Н. Иконниковой, В.И. Чепелева. М.: Просвещение, 1980. – 397 с.
5. Соколов, А.В. Феномен социально-культурной деятельности / А.В. Соколов. – СПб.: СПбГУП, 2003. – 204 с.
6. Столович, Л.Н. Жизнь – творчество – человек: Функции художественной деятельности / Л.Н. Столович. – М.: Политиздат, 1985. – 415 с.

Материал поступил в редакцию 03.12.07

УДК 374.2(071.1):659

Г.В. Оленина

ОПТИМИЗАЦИЯ ИМИДЖА ДОБРОВОЛЬЧЕСТВА В ВУЗОВСКОМ СОЦИУМЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТЕХНОЛОГИИ PR-КАМПАНИИ

Анализируется опыт студенческой молодежи художественно-творческого вуза по организации социально-культурной добровольческой акции в локальном и муниципальном социуме с использованием современных коммуникационных технологий продвижения данной инициативы.

Пиар-кампания коалиционной акции «Весенняя Неделя Добра в АлтГАКИ» стала завершающим этапом технологического цикла институционализации добровольческих инициатив в Алтайской государственной академии культуры и искусств (АлтГАКИ). «Весенняя Неделя Добра» (ВНД) проводится ежегодно с 21 по 28 апреля как международная и российская акция социальных действий гражданского участия. Она направлена на популяризацию и признание роли добровольчества в обществе, на активизацию вклада молодежи в развитие местных сообществ. Специфика ВНД состоит в том, что каждый день недели посвящен определенной тематике. Это Всемирный день молодежного служения; День Земли (благоустройство и решение экологических проблем); День адресной помощи нуждающимся; День объединения жителей микрорайона, власти, СМИ, бизнес-структур для решения общих проблем; День здорового образа жизни, профилактики наркомании, ВИЧ/СПИД-инфекции, безнадзорности, правонарушений несовершеннолетних; День семьи. Так достигается вариативность выбора любого человека и организации, их желания и возможности участвовать в акции в тот день, когда им это нужно и важно.

Анализ ситуации: результаты по ВНД в Алтайском крае за пять лет впечатляющие. Студклуб академии и инициативная группа студентов-добровольцев факультета художественного творчества, сформированная в 2004 г., решили провести ВНД в вузе, тем более, что опыт участия в благотворительных акциях у в академии есть. Это благотворительные концерты на музыкальном и хореографическом факультетах; акция «Яблоневый цвет» (сбор подарков детям-сиротам) на факультете информационных ресурсов и дизайна; акция «Посылка солдату в горячую точку», концерты-марафоны по сбору средств нуждающимся (кафедра режиссуры праздников); праздничные представления для детей с неизлечимыми болезнями крови в краевой детской больнице (ка-

федра социально-культурной деятельности факультета художественного творчества).

Проблема заключается в том, что все эти акции проходят за пределами вуза. Добровольческий актив решил провести ВНД в текущей учебно-воспитательной работе академии. Необходимость в такой работе в вузе есть постоянно: уборка территории возле корпусов, осенне-весенние работы по благоустройству корпусов и общежитий, благотворительная деятельность студентов в адрес преподавателей-ветеранов вуза, проблема здорового образа жизни студентов и т.д.

Пилотажное социологическое исследование 2003 г. по изучению каналов внутренних коммуникаций в вузе и замеру отношения студентов факультетов художественного творчества (ХТ), факультета информационных ресурсов и дизайна (ФИРИД) и факультета дополнительного образования (ФДО) (специальность «связи с общественностью») к общественным инициативам (и в их числе – к добровольчеству), показало, что рейтинг добровольчества среди общественных инициатив занимает в вузе второе место.

Наличие данной студенческой инициативы, выделение по итогам анкетирования лидеров добровольчества в каждой группе вуза, стало главным человеческим ресурсом при организации и проведении «Весенней Недели Добра» в социуме Алтайской государственной академии культуры и искусств. В оргкомитет вошли 10 студентов-лидеров со всех факультетов вуза. Они стали субъектами акции и ее PR-кампании.

Целевая группа проекта: студенты, преподаватели и администрация академии.

Организация акции. Первая «Весенняя Неделя Добра» в академии сложилась из 8 мероприятий, масштабных и камерных. Сроки акции определили сроки ее PR-кампании. Неделя прошла с 16 по 23 апреля под девизом: «Вливайся в волну добрых дел!». Сроки PR-кампании – с января 2005 г по 25 мая 2005 г. Партнёра-

ми, т.е. внешней общественностью акции являлись Алтайская краевая общественная организация «Поддержка общественных инициатив» (АКОО «ПОИ»); комитет по делам молодежи, культуре, физкультуре и спорта Ленинского района г. Барнаула.

Подготовка к «Весенней Неделе Добра» началась за 4 месяца до ее начала, именно тогда совместно с редактором газеты АКОО «ПОИ» Осипенко Екатериной, студентами-лидерами ВНД была разработана статья для межвузовского информационного листка «Будем знакомы!», под заголовком «Без пяти минут специалисты». Распространение информационного листка среди студентов вуза послужило их информированию о приближающейся акции, позволило им подробно узнать о том, что такое «Весенняя Неделя Добра», какие цели и задачи она преследует.

В марте также состоялся координационный совет по проведению акции с участием представителей оргкомитетов различных общественных организаций, государственных учреждений, в том числе нашего вуза (представители оргкомитета АлтГАКИ: Момот Олеся, Ченцова Наталья, студентки 5-го курса), где был разработан план проведения ВНД на территории Алтайского края. На основе краевого плана проведения акции, студклуб совместно с оргкомитетом ВНД академии разработали и утвердили свой план проведения Недели в нашем вузе.

Главная задача, которую поставил перед собой оргкомитет при подготовке ВНД, это – привлечение к акции как можно больше студентов-добровольцев, включая преподавателей. Важно было, чтобы все прониклись идеей предстоящей акции. Не случайно слоганом «Весенней Недели добра» в АлтГАКИ стал призыв: «Вливайся в волну добрых дел!».

Мотивация добровольческого актива акции: инициаторами ВНД стали студенты старших курсов, их хотелось оставить о себе добрую память в академии, они привлекли студентов младших курсов, которым необходимо было заявить о себе, позиционировать себя. Лидеры групп 3-го курса были вовлечены в акцию, увидев, что в академии есть новой общее дело, вокруг которого царит атмосфера общего оживления. Опрос студенческого актива показал, что студенты знают, чего хотят и поэтому твердо идут к своей цели. Только благодаря этому Неделя состоялась.

Проект пиар-кампании коалиционной акции «ВНД в АлтГАКИ» был направлен на то, чтобы оптимизировать имидж вуза, сделав его центром активных добровольческих молодежных действий в муниципальном социуме, поднять престиж и статус студентов-добровольцев в социокультурной среде вуза, стимулировать инициирование, проектирование и продвижение студентами собственных гражданских действий, акций, идей.

Эти стратегические цели реализовывались через тактические цели (внешние и внутренние). Внутренней тактической целью акции было привлечение студентов академии к добровольческому движению и объединение общих усилий студентов, преподавателей, руководства вуза для решения проблем академии и его ветеранов. Внешняя тактическая цель – установление двухстороннего общения для достижения взаимопонимания, построение доброжелательных, способствующих выполнению поставленных задач отношений с общественностью, организациями-партнерами акции. Как коалиционная акция «ВНД в АлтГАКИ» соединяла в себе организационные и ресурсные усилия нескольких учреждений-партнеров: вуза, местной власти (комитет по делам молодежи, культуре, физкультуре и спорту Ленинского района), краевой общественной организации «Поддержка общественных инициатив».

Управляющее воздействие в этом случае заключа-

лось в создании общего информационно-коммуникативного поля данной акции. Поэтому студентами-лидерами «ВНД в АлтГАКИ» были организованы внутренние каналы коммуникации на этапе подготовки и реализации пиар-проекта. Это листовки для студентов, стенд общественного признания лучших добровольцев вуза, рекламная брошюра по итогам «ВНД в АлтГАКИ», конкурс «Социальная звезда АлтГАКИ». Кроме того, использовались внешние каналы коммуникации (контакты с газетой «Молодежь Алтай», детско-юношеской газетой «Сами», радиоканала «Маяк» на Алтае).

1) Коммуникационная поддержка акции:

Сведения о ВНД встраивались в различные информационные потоки:

- Выпущен информационный листок «Будем знакомы», в котором активисты поместили свою статью с информацией для жителей г. Барнаула о проведении акции в вузе. Листок распространялся среди студентов АлтГАКИ через библиотеки, а также раздавали студентам в ходе агитационной работы среди студентов всех факультетов вуза.

- Велась агитационная работа среди студентов академии, в ходе которой лидеры Недели рассказывали студентам о тех мероприятиях, которые пройдут в рамках весенней акции, о её целях, задачах и призывали всех участвовать в ней.

- Было выпущено 100 листовок, которые также распространялись через старост факультетов вуза с информацией о ВНД и графиком её проведения в АлтГАКИ.

- В трёх корпусах вуза были размещены афиши, рекламные растяжки и объявления, которые содержали призывы для студентов и преподавателей вуза: «Вливайся в волну добрых дел!», «До Недели Добра осталось три дня», «Сделайте доброе дело — подарите детям радость, они с большим нетерпением ждут ваших подарков!», «Подготовка к «Неделе Добра» в самом разгаре, присоединяйся и ты, нам нужна твоя помощь!!!». Было подготовлено сообщение о каждом дне ВНД.

- Активно освещалась акция в СМИ: в газетах, на радио. Плодотворное сотрудничество сложилось с газетой «Молодежь Алтай» – 2 статьи, газетой «Сами» и радио «Маяк», корреспонденты которого работали с активом ВНД 20 апреля (этот день Недели назывался «Искусство быть здоровым»).

2) Ресурсная поддержка акции:

ВНД была поддержана со стороны администрации Ленинского района г. Барнаула, Алтайской краевой общественной организации «Поддержка общественных инициатив»; комитета по делам молодежи, культуре, физической культуре и спорту Ленинского района г. Барнаула и студенческого клуба АлтГАКИ. Обязанности были поделены на паритетных началах и с учетом сметы акции.

3) Образовательная поддержка:

Для более эффективной работы оргкомитета ВНД Алтайской краевой общественной организацией «Поддержка общественных инициатив» были организованы семинары в городах Барнауле, Бийске, Новоалтайске, Заринске по теме «Эффективные коалиции», «Продвижение коалиции», координационный совет по подготовке и организации ВНД, пресс-конференция в городе Барнауле на базе нашего вуза, посвящённая открытию ВНД.

4) Рекламная поддержка акции:

Активом ВНД и добровольцами был разработан и представлен «Стенд общественного признания», который содержал фотографии и комментарий по каждому дню проведенной у нас в АлтГАКИ «Весенней Недели добра». Кроме того, был выпущен рекламный буклет по акции (на общественных началах).

5) Событийная поддержка акции:

По окончании акции в мае в вузе был проведен конкурс «Социальная звезда АлтГАКИ». Краевой конкурс «Социальная звезда», организатором которого является АКОО «ПОИ», проходит в Барнауле ежегодно. Активисты студклуба и добровольческого движения решили, что подобный конкурс должен проводиться у нас в АлтГАКИ и стать традиционным днём, когда можно чувствовать добровольцев нашего вуза, публично выражать свою признательность им.

Результаты PR-кампании коалиционной акции «ВНД в АлтГАКИ». Для определения эффективности PR-кампании использовались промежуточные и косвенные оценки. Процедура оценки включала в себя:

анализ использования ресурсов и проведения запланированных мероприятий в ходе акции. Все запланиро-

ванные мероприятия акции были проведены согласно плану и на общественных началах;

оценка положительных и отрицательных сторон акции и ее PR-кампании.

В данной статье остановимся на оценке положительных сторон PR-кампании. Ими стали:

- заинтересованность в проведение акции со стороны администрации вуза;

- проведение акции с участием СМИ;

- включённость студентов вуза в добровольческую акцию;

- самостоятельная разработкой студентами коммуникационно-рекламной продукции акции (стенгазета, брошюра, конкурс, листовки, растяжки).

Рейтинг реализованных PR-форм

№ п.п.	Сегмент общественности	Количество PR-форм
1.	Студенты АлтГАКИ	15 PR-форм
2.	Партнеры	8 PR-форм
3.	Структурные подразделения АлтГАКИ	3 PR-формы

Из вышеприведенной таблицы видно, что студенты АлтГАКИ как главный сегмент общественности получили большее количество PR-форм, так как для эффективной реализации акции необходима заинтересованность и непосредственное участие этого сегмента.

Опрос лидеров Недели показал, что они научились вступать в диалог с журналистами (встречи, интервью о ВНД, разработка пресс-релизов и организация пресс-конференции с участием СМИ, посвященные данному событию), освоили информационно-рекламное продвижение акции с включением конкурсных ситуаций («Социальная звезда АлтГАКИ»), что придавало динамизм управлению процессом институционализации добровольчества в вузе. Управление организационным блоком ВНД наравне с организациями-партнерами дало лидерам акции опыт участия в равноправном диалоге с представителями невузовского социума. Этому же способствовало участие лидеров ВНД в обучающем блоке при подготовке акции, за проведение которого отвечала общественная организация «Поддержка общественных инициатив» (обучающие семинары «Эффективные коалиции», «Продвижение коалиций» и т.д.).

Для широкого круга участников ВНД и управления их мотивацией важнее была досуговая рекреация и творческо-профессиональная самореализация студентов вуза искусств и культуры в ходе акции. Она была обеспечена включением в организационный план ВНД соответствующих ситуации художественно-игровых, досуговых элементов. Так, на субботнике по уборке парка был объявлен конкурс на лучший танец с граблями, на субботнике по уборке стадиона «Лабиринт» – конкурс

на лучший коллаж из предметов, найденных здесь же, на мусорной свалке. Каша из солдатского котла (была привлечена воинская часть), песни под гитару, круглый стол добровольцев с чайной церемонией, песни и танцы на крыльце вуза при встрече профилактического автобуса (с программой по профилактике ВИЧ/СПИДа) – все это включало студенческую молодежь в воспитывающие ситуации, являлось методами творческой самоорганизации их поведения, заставляло не отбывать ВНД, а проживать ее с элементами молодежного юмора, молодежной субкультуры: молодежь вуза по собственной инициативе изготовила банданы, косынки корпоративного (бордового) цвета международного добровольчества и таким же логотипом – буквой «V».

Методы социально-культурной деятельности, используемые в пиар-проекте, способствовали самосозиданию, самовоспитанию целевой группы проекта, оптимизировали мотивацию участия студентов в добровольческих акциях, самостоятельном ресурсном и креативном обеспечении проекта.

В целом пиар-кампания проекта «ВНД в АлтГАКИ» создала организационно-педагогические условия для динамики управления организационными изменениями в академии в плане признания студенческим социумом такой новой для него гражданской инициативы, как ВНД, поскольку акции была подготовлена заранее (за 4 месяца до события), был рассчитан оптимальный темп внедрения ВНД в социально-культурное пространство вуза, так, чтобы он не был высоким, скоростным, но и не слишком медленным. Высокий темп внедрения отторгает нововведение, медленный темп поглощает инициативу (А.И. Пригожин).

Библиографический список

1. Барова, В.В. Добровольцы в социальных учреждениях / В.В. Барова; под ред. Л.В. Тереховой. – Тюмень: [б.и.], 2001. – 24 с.
2. Безрукова, В.С. Педагогика. Проектная педагогика / В.С. Безрукова. – Екатеринбург: Деловая книга, 1996. – 344 с.
3. Бобахо, В.А. Современные тенденции молодежной культуры: конфликты или преемственность поколений / В.А. Бобахо, С.И. Левикова // ОНС: Общественные науки и современность. – 1996. – №3. – С. 56-65.
4. Бортник, Е.М. Управление связями с общественность / Е.М. Бортник, Э.М. Кортков, А.Ю. Никитаева. – М.: ФБК-пресс, 2002. – 122 с.
5. Воловик, А.Ф. Педагогика досуга / А.Ф. Воловик, В.А. Воловик. – М.: Флинта, 1998. – 240 с.
6. Высшее образование в России в начале третьего тысячелетия / Н.Ю. Волова // Студент и образовательное пространство: мотивация и социально-профессиональные ориентации / отв. ред. Л.Б. Чеброва. – Самара: Самар. гос. ун-т, 2001. – С. 7-39.
7. Дialeктика социальной инициативы / рук.авт.кол. Ю.А. Харин. – Минск: Беларусь, 1986. – 112 с.
8. Добрая воля / под ред. Т. Михеевой. – М.: [б.и.], 2001. – 48 с.
9. Пригожин, А. И. Нововведения: стимулы и препятствия (социальные проблемы инноватики) / А. И. Пригожин. – М.: Политиздат, 1989. – 221 с.

Материал поступил в редакцию 03.12.07.

Раздел 4

ФИЛОЛОГИЯ

КУРАТОР
РАЗДЕЛАРЕДАКТОР
РАЗДЕЛАРЕДАКТОР
РАЗДЕЛА

Вячеслав Владимирович Десятов – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой теории, истории и методики преподавания литературы Алтайского государственного университета, г. Барнаул.

Елена Васильевна Лукашевич – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой языка массовых коммуникаций и редактирования Алтайского государственного университета, г. Барнаул.

Людмила Владимировна Шаляпина – кандидат филологических наук, профессор, декан факультета информационных ресурсов и дизайна Алтайской государственной академии культуры и искусств, г. Барнаул.

УДК 821.161.1.08-3

*Н.В. Губина***ПОЭТИКА ЗАГЛАВИЙ В ПРОЗЕ Е.И. ЗАМЯТИНА: НАЗВАНИЕ – ТЕКСТ – МЕТАТЕКСТ**

В статье исследуется художественное творчество Е.И. Замятина с точки зрения проблемы заглавий; посредством вычленения уровня названий и его оформления в метатекст разрабатывается методика, которая позволяет проанализировать комплекс заглавий большого корпуса текстов, принадлежащих одному автору, выявить структурно-семантические особенности данного синтетического текста.

Заглавие – важнейший структурный элемент любого текста, первый ориентир, встречающийся на пути читателя и представляющий сведения о тексте до его прочтения. Роль заглавий в процессе интерпретации текста безусловна, и поэтому появляется необходимость разработки теории названий, в которую могут быть включены следующие составные части: современная и исторически сложившаяся типологии названий, графика названий, интертекстуальность заглавий, способы номинирования, особенности интерпретации названий, специфика озаглавливания текстов конкретными авторами. Последнее направление предполагает исследование поэтики заглавий в творчестве известных русских мастеров слова, к числу которых принадлежит и Евгений Иванович Замятин.

Почти два десятка лет прошло с того момента, когда в 1986 году, после полувекового забвения, в Воронеже вышел первый сборник произведений Е.И. Замятина под скромным названием «Повести и рассказы». Имя художника, его многогранный талант (писатель, критик, наставник плеяды молодых авторов) заново открылись русским читателям и литературоведам, заняв по праву принадлежащее место в отечественной культуре. И, несмотря на глубокое и всестороннее изучение, творческое наследие Е.И. Замятина все еще остается привлекательным и перспективным материалом для исследований. Одним из аспектов, не разработанных современным замятиноведением, является поэтика заглавий. В предисловии к сборнику Евгения Замятина «Мы», изданному

в 1990 г., И.О. Шайтанов впервые отмечает зависимость способа номинации произведений от изменения мировоззрения автора: «Первый знак перемен – меняющийся характер названий. В ранних рассказах название указывало на героя и даже конкретнее – на его состояние одиночества, иногда со всей откровенностью («Один»), иногда лишь подразумевая его («Девушка»). В названии же повестей с последовательной настойчивостью устанавливается место действия: «Уездное», «На куличках», «Алатырь»...» [1, с. 7].

Неразработанность означенного аспекта замятиноведения объяснима отсутствием методики, позволяющей исследовать заглавия большого корпуса текстов, принадлежащих одному автору; хотя при этом необходимо отметить, что проблеме заглавия в формировании смысла художественного текста посвящено множество работ, как собственно литературоведческих, так и лингвистических. Большинство исследователей сходятся во мнении, что название текста – сверхинформативный, сверхорганизованный знак, который априори, до прочтения, указывает читателю на основные смысловые и структурообразующие элементы произведения. Отмечается также семантическая двойственность названий, точнее их перспективно-ретроспективная связь с текстом.

Особняком в ряду таких исследований стоит первая в отечественном литературоведении работа, целиком посвященная проблеме названий, – С.Д. Кржижановский «Поэтика заглавий» (1931 г.). В ней автор вкратце рассматривает такие вопросы, как заглавие и текст, загла-

вие и титульный лист, заглавие и эпоха, имя автора и заглавие, заглавие и адресат книги, искусство озаглавливания, психология заглавий, использование чужих заглавий, история заглавий. В нашем исследовании «Поэтика заглавий» зачастую была отправным пунктом, указателем направлений дальнейшей работы.

Необходимо обозначить некоторые из них:

1) Каждый писатель обладает индивидуальностью в мастерстве озаглавливания произведений: «Заглавная строка, продергиваясь из книги в книгу, как нить, ведомая иглой, делает лишь новые и новые стежки, разрываясь и снова ссучиваясь. У каждого пера свой расщеп, своя особая манера сжимать текст в заглавие» [2, с. 27].

2) Исходной формой заглавия считается модель S+P (субъект + предикат). Однако бессубъектные или беспредикатные названия будут считаться не «полуназваниями» (С.Д. Кржижановский), а особыми разновидностями заглавий, отражающими специфику индивидуального писательского мировосприятия, в данном случае мировосприятия Е.И. Замятина.

3) «Поскольку писатель не изменяет своему литературно-очетчившемуся лицу, и лицевые листы его книг могут быть собраны в одну тетрадь, имеющую один смысл» [2, с. 27], постольку вполне логично составить из названий произведений Е.И. Замятина единый текст (метатекст), а также выстроить определенную типоло-

гию, классификацию, отражающую внутритекстовые структурно-семантические отношения.

4) «История писателя обычно говорит не о смене тем, а об эволюции единой, многообразно проявленной темы» [2, с. 29]. Поэтому хронологический перечень заглавий одного автора «показывает, в сущности, единое заглавие, данное лишь в разных возрастах своей жизни» [2, с. 29]. Логично предположить, что название последнего (в хронологическом порядке) произведения любого автора и есть итог многолетних размышлений и опытов над одной и той же темой. Структурно-смысловые элементы последнего произведения должны быть уже опробованы, а потому выводимы из более ранних текстов и их заглавий.

Для литературоведческого исследования эта гипотеза представляется весьма перспективной, т. к. дает возможность хотя бы частичной, гипотетической реконструкции последних, предсмертных произведений многих писателей. Нередко эти тексты оказываются незавершенными либо вообще не написанными, поэтому до нас доходят лишь заглавия потенциальных проектов. Первый опыт реконструкции подобного рода находим у С.Д. Кржижановского: «Так, если сравнить /нарочно беру пример малой яркости/ три основных заглавия И. Гончарова, получим:

Об	ыкновенная история 1846 ломов 1859 ры 1869
----	--

Четвертое, заданное тремя данными, заглавие должно быть отыскиваемо в идее о сломе и срыве обыкновенного в не-обыкновенное /см. посмертное «Необыкновенная история»/: в письме к Стасюлевичу /31 июля 1868 г./ Гончаров пишет, что после неудачной полупопытки расправиться с буднями при помощи пистолета, он приобрел себе в аптечном магазине книгу /«никогда книг не покупаю, а тут...»/, чрезвычайно заинтересовавшую его своим «заглавием»: «Closet-Papeг» [2, с. 29].

С.Д. Кржижановский не берется однозначно определить всех писателей как авторов одной и той же темы, пусть и многообразно проявленной, потенциально оставляя место и для писателей, чье творчество вбирает несколько тем (см. «обычно» – не значит «всегда»). Однако ясно, что через призму заглавий может решаться вопрос о творческой эволюции любого писателя. Термин «эволюция» как обозначение процесса развития чего-либо задает временной, диахронный срез исследования. Объединение заглавий в метатекст позволяет рассмотреть их как функционирующие в синхронии семиотического поля культуры. Таким образом, в нашей работе сочетаются синхронный и диахронный подходы к исследованию художественного текста. Выводы, сделанные на основе метатекста названий, возможно, помогут раскрыть тайны неоконченных произведений Е.И. Замятина: романа «Бич божий», ненаписанных повестей «Полуденница», «Колумб», «Все». Дополнительный аргумент в пользу необходимости создания метатекста заглавий находим у постмодернистов (У. Эко). Стремясь до минимума свести авторский произвол в направлении интерпретации текста, они признают, что название произведения – тот знак, который позволяет читателю угадать авторские интенции.

Подводя промежуточные итоги, нужно дать понятие термина «название (заглавие) произведения», который будет использоваться в данной работе.

Название:

1. Знак, в котором сконцентрирована суть (смысл) произведения.

2. Знак, дающий представление о стилистике и мышлении писателя, в том числе об особенностях построения конкретного произведения и общих типологических чертах всех его произведений.

3. Знак, позволяющий читателю уловить авторские интенции в направлении интерпретации текста.

Необходимо оговорить принципы отбора заглавий произведений Е.И. Замятина для построения метатекста в данном диссертационном исследовании. В идеальном варианте, для максимального расширения границ интерпретации метатекст должен включать в себя названия всех произведений, когда-либо написанных автором. Однако можно предположить, что заглавия художественных, публицистических, эпистолярных текстов изначально манифестируют разные грани авторского мировоззрения. Сфера наших интересов – художественное творчество Е.И. Замятина, поэтому в метатекст не включены названия публицистики и эпистолярного наследия писателя. В работе также не рассматриваются заглавия текстов, входящих в циклы «Большим детям сказки», «Чудеса», «Вершки». В свете метатекста понятно, что такие парадигмы циклических заглавий приобретают статус синтагматических и смысловых единств и требуют отдельного изучения. Отбирая заглавия для метатекста, мы старались учитывать принцип авторской воли и не включили в него произведения, которые сам Е.И. Замятин считал откровенно слабыми, ученическими (рассказы «Один» (1907), «Девушка» (1910)). В метатекст вошли заглавия трех из восьми известных драма-

тических текстов Е.И. Замятина («Огни святого Доминика», «Атилла», «Африканский гость»). Остальные пьесы написаны по заказу театра и кино и являются сценической адаптацией некоторых эпических текстов самого Е.И. Замятина (повесть «Островитяне» – пьеса «Общество Почетных Звонарей»; рассказ «Пещера» – одноименный киносценарий) и других авторов («Лев-

ша» Н.С. Лескова – пьеса «Блоха»; «История одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина – одноименная пьеса Е.И. Замятина). Время создания драматического наброска «Рождение Ивана» неизвестно, поэтому данное заглавие также не вошло в метатекст. С учетом этих ограничивающих факторов метатекст художественных произведений Е.И. Замятина выглядит так:

- Уездное	- 1912 г.
- Апрель	
- Непутевый	- 1913 г.
- Три дня	
- Чрево	
- На куличках	
- Алатырь	- 1914 г.
- Старшина	
- Студенческий сынок	
- Кряжи	- 1915 г.
- Письменно	- 1916 г.
- Африка	
- Знамение	
- Полуденница	
- Правда истинная	
- Островитяне	- 1917 г.
- Глаза	- 1918 г.
- Ловец человеков	
- Дракон	
- Колумб	
- Колумб (повесть)	
- Землемер	
- Австралиец	
- Сподручница грешных	
- Надежное место (В Задонск на богомолье)	
- Север	
- Пещера	- 1920 г.
- Мамай	
- Огни Св. Доминика	
- Атилла (окончательный вариант – 1928 г.)	
- Детская	
- Мы	- 1920-1921 гг.
- Тулумбас (Послание смиренного Замутия, епископа обезьянского) 1921 г.	
- Все (Отрывок из повести)	- 1922 г.
- Куны	- 1923 г.
- Русь	
- Рассказ о самом главном	
- Икс	- 1926 г.
- Слово предоставляется товарищу Чурыгину	- 1927 г.
- Десятиминутная драма	- 1928 г.

- Ела	
- Наводнение	- 1929 г.
- Африканский гость	- 1929-1930 гг.
- Часы	- 1934 г.
- Мученики науки	- 1934-1935 гг.
- Видение	- 1934-1935 гг.
- Лев	- 1935 г.
- Встреча	
- Бич божий	- 1928-1935 гг.

Перед нами не просто список заглавий, выстроенных в хронологическом порядке, но синтетический текст, где за языковыми единицами закреплено огромное внеязыковое содержание. С точки зрения синтагматики, метатекст названий может быть записан слева направо в том же порядке, в каком он выстроен нами сверху вниз. Парадигмы внутри метатекста определяют его внеязыковым содержанием.

Данный метатекст – закрепленный в языке способ художественного миропознания Е.И. Замятина. Авторское мировосприятие художника является лишь одной из разновидностей универсальных когнитивных возможностей человека: «... в большинстве случаев членение мира у взрослого человека опосредовано языком, из чего следует, что эта операция имеет как категоризационный, так и лингвистический характер» [7, с. 85]. Традиционно познавательная деятельность рассматривается в рамках субъектно-объектной системы, в которой объект представляет собой сумму когнитивных потенциалов для субъекта. Под субъектом нами понимается «активно действующий и познающий, обладающий сознанием и волей индивид или социальная группа» [8, с. 546]. Продуктивным представляется рассмотрение метатекста заглавий Е.И. Замятина в рамках субъектно-объектных отношений. Мы выделяем две основные группы назва-

ний: субъектную и объектную. Внутри каждой группы наблюдаются определенные закономерности, вычленяются подгруппы, отражающие структурно-смысловые особенности метатекста.

Философские определения субъекта и объекта, перемещенные в плоскость художественного творчества, воспринимаются как образы человека и мира, создаваемые тем или иным автором. Поэтому семантическим основанием субъектной группы можно считать понятие «человек». В объектной группе выделяются подгруппы «время» и «пространство», заданные постоянными характеристиками самого объекта (мира). Распределение заглавий Е.И. Замятина по группам и подгруппам вызывает определенные трудности, так как некоторые слова могут соотноситься одновременно с несколькими понятиями, например, сочетать семантику субъекта и времени, субъекта и пространства и т.д., в связи с этим появилась необходимость выделить подгруппу переходных заглавий. Внутри объектной группы выделяются ментальные заглавия, обозначающие процессы и явления, соотносимые с когнитивной сферой сознания человека.

В обобщенном виде структурно-смысловые особенности метатекста заглавий Е.И. Замятина могут быть оформлены следующим образом:

Таблица 1

Структурно-смысловые особенности метатекста заглавий Е.И. Замятина

Год	Субъект	Объект				
		Переходные	Пространство	Время	Ментальные	Другие
1912			<i>Уездное</i>	<i>Апрель</i>		
1913	<i>Непутёвый</i>		<i>На куличках</i>	<i>Три дня</i>		<i>Чрево</i>
1914	<i>Старшина; Студенческий сын</i>		<i>Алатырь</i>			
1915		<i>Кряжи</i>				
1916		<i>Полуденница</i>	<i>Африка</i>		<i>Знамение; Правда истинная</i>	<i>Письменно</i>
1917		<i>Островитяне</i>				<i>Глаза</i>
1918	<i>Колумб; Сподручница грешных; Ловец человеков</i>	<i>Австралиец; Землемер</i>	<i>Надежное место (В Задонск на богомолье); Север</i>			<i>Дракон</i>
1920	<i>Мамай; Атилла; Мы (1920-21гг.)</i>	<i>Огни Св. Доминика</i>	<i>Пещера; Детская</i>			
1921						<i>Тулумбас (Послание смирненного Замутия, епископа обезьянского)</i>
1922	<i>Все</i>					
1923		<i>Куны</i>	<u><i>Русь</i></u>			<i>Рассказ о самом главном</i>
1927						<i>Слово предоставля-</i>

Год	Субъект	Объект				
		Переходные	Пространство	Время	Ментальные	Другие
						<i>ется товарищу Чурыгину</i>
1928		<i>Десяти- минутная драма</i>				<i>Ела</i>
1929		<i>Австралийский гость</i>			<i>Наводнение</i>	
1934- 1935	<i>Мученики науки</i>	<i>Часы</i>			<i>Видение</i>	<i>Лев; Встреча</i>
1928- 1935		<i>Бич божий</i>				

Необходимо дать пояснения к представленной нами таблице.

Внутри метатекста существует сеть структурно-семантических отношений, как внутри любого текста. Заглавия не только образуют две большие группы, тождественные когнитивным константам, но для каждой группы можно обнаружить ряд бинарных оппозиций, указывающих на важнейшие структурно-смысловые элементы в произведениях определенного типа заглавий. Очевидно, что Е.И. Замятин тяготеет к названиям, обозначающим пространственные структуры либо субъекты. Временная группа представлена наименьшим количеством заглавий, однако темпоральность можно выделить в качестве составляющей части лексического значения. У некоторых переходных названий. Специфика последних в том, что их можно не только вычленив в отдельную подгруппу, но привлекать при рассмотрении других парадигм. Так, заглавия «Островитяне», «Австралиец», «Африканский гость» могут быть включены как в пространственную, так и в субъектную парадигмы. Последовательность рассмотрения групп заглавий в нашем исследовании продиктована их соотносительностью с различными этапами творчества Е.И. Замятина.

Временные заглавия

В литературе вообще «время действия названием становится очень редко, но структурно такие заглавия характеризуются большим разнообразием» [3, с. 26] как формально, так и семантически. Временная группа заглавий Е.И. Замятина соотносится с ранним периодом его творчества и представлена очень кратко, по сути, двумя названиями «Апрель» и «Три дня». Все произведения, имеющие в названии сему темпоральности, являются для писателей экспериментами в процессе творческого поиска. «Апрель» – одно из первых произведений Е.И. Замятина, уже этот факт переводит текст в ранг ученических. Рассказ «Три дня» также исключение из правил замятинского творчества: художественность текста здесь граничит с публицистичностью. Это единственное произведение, созданное по реальным событиям (восстание на броненосце «Потемкин»), свидетелем которых был автор.

Остальные заглавия с оттенком темпоральности в

значении отнесены в группу переходных, что, по нашему мнению, свидетельствует о дальнейшем разноаспектном исследовании Е.И. Замятиним проблемы художественного времени. Оно не интересует писателя как непосредственный объект изображения, но рассматривается как характеристика субъектов, предметов, процессов. Так, «Полуденница» – заглавие неоконченной повести Е.И. Замятина, впоследствии переработанной в рассказ «Куны». В семантике названия «Полуденница» время (полдень) соединяется с субъектностью (суффикс -иц- обозначает субъект женского рода). Полуденницы (денницы, ночницы, утренницы) в славянской мифоло-

гии – духи плодородия, принадлежали к «богам денного оборота солнца» [4, с. 46]. Видимо, незаконченность повести связана с тем, что автор отказывается от способа характеристики субъекта только через время, точнее, писателю неинтересен субъект, напрямую маркированный временем. Поэтому заглавие «Куны» уже гораздо сложнее для интерпретации: неподготовленному читателю не ясны смысл слова и его этимология. Использование заглавия «Куны» в качестве ключа к тексту рассказа предполагает не только высокую языковую компетентность читателя, но и его сотворчество с автором, способность контаминировать и дополнять разные варианты полисемичного слова. «Куны» не встречается в словаре В.И. Даля, но мы находим форму «куна» (ряз., тамб.), имеющую несколько значений: 1. «Пригоршня». 2. «Оковы, железная цепь, вязы, железный ошейник». Отдельно В.И. Даль приводит омоним «куна», также многозначный: 1. «Куница. Святая девку, ее в речи величают куницей». 2. «Окуп за невесту владельцу, подать с новоженов; выводное, плата за невесту, вышедшую в чужую вотчину» [5, с. 218]. Рядом приведен глагол «кунеть» со значением «вступать в возраст и перебираться в должную шерсть, пух, перо (входить во все года, мужать, складываться)» [5, с. 218]. Можно предположить, что заглавие «Куны» синтетично, вбирает в себя различные значения, содержит сему субъектности, времени и пространства. Если считать «куны» формой множественного числа от «куна», то понятно, что названия «Полуденница» – «Куны» противопоставлены по признаку «единичности/множественности». Рассказ написан в тот период, когда Е.И. Замятин интересуется массовый субъект (см. в таблице рядом с заглавием «Куны» находятся «Мы», «Все»). В данном случае автора интересуют люди определенного возраста: периода взросления, мужания, наступления половой зрелости. «Куны» это еще и кунные хороводные круги (весенний обряд).

В заглавии «Десятиминутная драма» время выступает лишь в качестве определения к слову «драма», которое уже указывает на наличие некоего процесса, его пространственную закреплённость. Поэтому заглавие мы рассматриваем как пограничное, несущее сему темпоральности и пространства. «Часы» – последнее по хронологии произведение, где автор обращается к проблеме времени. Слово, вынесенное в заглавие, многозначно: с одной стороны, это множественное число от «час» (единица измерения времени), с другой – предмет, механизм для учета времени. Сопоставляя оба значения лексемы «часы», можем предположить, что Е.И. Замятин в зрелый период творчества интересуется вопросы опредмечивания времени, власти над временем, власти самого времени.

Пространственные заглавия

Выделяя внутри метатекста заглавий пространственную и временную подгруппы, мы, однако, понимаем, что в текстах, ориентированных на мифопоэтику, к каким относится произведения Е.И. Замятина, пространство хронопоэтично, время может сгущаться и становиться

формой пространства, отсутствие пространства влечет и отсутствие времени [11]. Можно сказать, что примат пространственной темы в ранних заглавиях произведений Е.И. Замятина обусловлен и культурологически, и спецификой мировосприятия автора. Очевидно, что в семантической группе «пространство» заглавия относятся к раннему периоду творчества писателя (до 1923 г.). Вероятно, что в ранних произведениях Е.И. Замятин ориентируется на космоцентричные архаические мифологии, где положение в пространстве является главной характеристикой любого предмета. Все до единого заглавия здесь репрезентируют замкнутое, закрытое пространство, для которого актуальны понятие границы. Особенно ярко эта тенденция обозначена в заглавии переходной группы «Островитяне», совмещающем значения субъектности (жители) и пространства (остров). Наличие открытого, незамкнутого пространства на уровне заглавий писатель не указывает. Однако фигура умолчания зачастую очень значима в творчестве художника. В названиях «Уездное», «На куличках» важна сема периферийности пространства, противопоставленности воображаемому центру, который и представляет безграничное пространство в художественной структуре этих произведений.

Закрытое камерное пространство («Пещера», «Детская») противопоставлено закрытому географически закреплённому («Русь», «Африка», «Север», «Алатырь»). Однако географичность этих пространств оказывается мнимой и оборачивается их повышенной мифологизированностью. Алатырь – мифический город, Африка – мечта Федора Волкова о счастливой жизни, а Русь – скорее былинная земля, ушедшее в прошлое, утерянное государство, противопоставленное современной географической обозначенной России. Переходные заглавия «Австралиец», «Африканский гость» также репрезентируют географическое пространство. Выстраивается ассоциативный ряд, – Австралия, Африка – подразумевающий продолжение «Америка», поэтому не случайно в субъектной группе дважды появляется заглавие «Колумб» (первооткрыватель Америки). В этой же ассоциативной логике «Русь» воспринимается как синтез и пересечение Европы и Азии.

«Африка» и «Север» противопоставлены друг другу как пространства, за которыми закреплены соответственно мифологемы «счастливой жизни» и «суровой жизни». Но эти же два названия можно объединить, т.к. они представляют экзотические, далекие, «находящиеся где-то там», «не здесь», пространства по отношению к «Русь». Эти три заглавия также позволяют предположить, что основополагающими в творчестве писателя являются мифологемы рая (как утраченного пространства) и земли обетованной (как пространства «находящегося где-то там», «не здесь», идеально мыслимого и бесконечно желаемого). Объединив названия «Чрево» и «Детская», мы можем понять, что Е.И. Замятина чрезвычайно интересуют тема зарождения жизни, а также тема детства.

Заглавие «Надежное место», отнесенное нами в подгруппу «пространство», сопровождается подзаголовком «В Задонск на богомолье». Из всех названий метатекста подзаголовки имеют всего два [12]. Безусловно, эта информационная избыточность должна иметь причины и объяснения. Автор вступает с читателем в некую языковую игру: читателю предлагается малоинформативное заглавие-загадка («Надежное место», «Тулумбас»), чтобы найти отгадку, необходимо обратиться к тексту. При этом автор услужливо предлагает подзаголовок в качестве подсказки. Однако после знакомства с текстом оказывается, что ожидания читателя не только не оправдались, но были прямо противоположны смыслу рассказа.

«Надежным местом» оказывается не церковь в Задонске на богомолье, а нижнее белье под юбкой вдовы Полипановой.

С точки зрения грамматики, названия типа «На куличках», «Уездное» не являются ни субъектами, ни предикатами, что дает им огромную смысловую емкость, расширяет границы интерпретации. Читатель вправе подставить любой, кажущийся ему вероятным, субъект («уездные нравы», «уездный быт», «люди на куличках», «у черта на куличках» и т.д. до бесконечности). Так пространство приобретает измерения: не только горизонталь и вертикаль, плоскость в разных ее модификациях, но возможность иерархии (при соотношении пространства с представлениями о социуме). Смысловая емкость заглавий подобного типа позволяет обнаружить, предугадать наличие специфического, психологического пространства в произведениях данного автора. Заглавие «Русь», последнее в хронологическом ряду пространственной группы, является итогом осмысления темы пространства в творчестве Е.И. Замятина.

Субъектные заглавия

Заглавия субъектной группы наиболее многочисленны, восемь названий, вынесенных нами в группу переходных, тоже имеют значение субъектности. Именно в субъектную группу входит заглавие «Атилла»; работа над этой пьесой длилась беспрецедентно долго для Е.И. Замятина: начиная с периода подготовки материала и заканчивая последним вариантом текста, около десяти лет. По словам самого автора, пьеса оказалась лишь подготовительным этапом к роману об Атилле. Учитывая этот факт, можно сказать, что проблема субъекта становится основной в зрелый период творчества писателя. Человек в заглавиях Е.И. Замятина изначально является нам не как личность, индивидуальность, представитель рода, фамилии (ср. «Рудин» И.С. Тургенева), но как член социума, маркированный определенным образом. Психологическое пространство героев ограничено властью общества, поэтому возникает оппозиция «личность – социум». Данная антиномия становится одной из основных в творчестве Замятина и рассматривается им в самых различных ракурсах, означенных уже на уровне заглавия текстов:

общество вершит судьбу героя, навешивая ярлыки, принимая или отвергая его как члена социума («Непутевый», «Старшина», «Студенческий сынок»);

социум полностью подавляет индивидуальность героя («Мы», «Все»). Морфологически данные названия – местоимения, то есть слова, употребляемые вместо имени. Личность, полностью подавленная массовым сознанием, унифицируется до безымянной;

яркая личность («Мамай», «Атилла», «Колумб») решает ход мировой истории, творит судьбу социума.

Обращает внимание удвоение заглавия «Колумб» (рассказ и неоконченная повесть), что свидетельствует о мучительном авторском поиске адекватного замыслу образа субъекта.

Переосмысление картины мира Е.И. Замятиным обуславливает смещение внимания от пространства как главного к главному-субъекту. Видимо, с этим связано большое количество субъектно-пространственных заглавий внутри переходной группы.

Переходное название «Кряжи» представляет собой такой способ номинации, когда автор в качестве заглавия использует полисемичное слово, разные значения которого далеки друг от друга по смыслу. «Кряж» – исконное русское слово, определяемое у В.И. Даля следующим образом: 1. «Материк» и противоположное «остров». 2. «Твердая, отдельная часть чего-либо, составляющая по себе целое». 3. «Крепыш, здоровяк» (о человеке). 4. «Ловушка на крупного зверя». 5. «Кряж

гор, гряда, хребет». 6. «Непаханое место...» [5, с. 208]. Так как лексико-семантические варианты слова можно отнести и к пространству (1, 5, 6), и к субъекту (3), то в идеальном варианте заглавие «Кряжи» должно стоять в первой и второй группах одновременно, в соответствии с моделью «пространство есть субъекты, а субъекты есть пространство». Заглавия «Островитяне», «Австралиец», «Землемер», выстроенные в одну синтагму, позволяют понять, каковы были авторские эксперименты по выбору субъекта и соотношению его с пространством: «Островитяне» – пространственно маркированные различные представители социума; «Австралиец» – пространственно маркированный индивидуум; «Землемер» – безличный герой, но выполняющий креативную функцию в пространстве (измерение, передел земли).

Многие заглавия субъектной группы связаны с христианской тематикой, что указывает на присутствие в текстах Е.И. Замятина целого комплекса структурно-семантических элементов, заимствованных из христианской мифологии. Восстановленная оппозиция «христианство/язычество» влечет за собой ряд антиномий: «святость/грех», «мученичество/насилие», «порядок/анархия» и т.д. Заглавие «Студенческий сынок» свидетельствует об использовании автором христианских мифологем «отца» и «сына». С учетом оппозиции «христианство/язычество», уже на уровне заглавий просматривается гипотетическая инвариантная система художественных образов Е.И. Замятина. Можно выделить два мужских образа: воин-язычник («Атилла», «Мамай») и хриstopодобный герой («Ловец человеков», «Огни Св. Доминика»). Из многочисленных субъектных заглавий женский образ заявлен лишь в одном – «Сподручница грешных», в котором обобщенно, инвариантно выражена функция героинь в произведениях писателя. Безличность этого заглавия свидетельствует о большей, по сравнению с мужскими, мифологизированности женского образа, вплоть до образов абстрактной женщины, Матери-Природы, Праматери. Само отсутствие женских имен внутри метатекста тоже значимо: можно предположить, что именно табуированные в заглавиях женские образы обладают особой семантической нагруженностью внутри текстового пространства.

Переходные заглавия

Заглавия данной подгруппы отражают весь спектр субъектно-объектных и внутриобъектных отношений, исследуемых Е.И. Замятиным. Об этом свидетельствуют названия, имеющие в лексическом значении различные наборы сем. Так, можно выделить субъектно-пространственные, субъектно-временные, пространственно-временные заглавия. Выше, рассматривая временные, пространственные, субъектные названия, мы уже обращались ко многим переходным заглавиям. Помимо того, большая часть переходных названий вступает в смысловые отношения с заглавиями других подгрупп. Название «Огни Св. Доминика» можно соотносить с подзаголовком «Послание смиренного Замутия, епископа обезьянского». Объединение этих названий в синтагму возможно на том основании, что они имеют схожую структуру (S + P) и в качестве определения (предиката) в них используются имена собственные. Возникает параллель «Св. Доминик (основатель инквизиции) – смиренный епископ Замутий». Понятно, что уже на уровне заглавий автор трагически обыгрывает образ Великого инквизитора. Объединение в синтагму названий «Огни Св. Доминика» – «Наводнение» на основе семы «природная стихия» свидетельствует о значимости эсхатологического мотива в произведениях Е.И. Замятина.

Ментальные заглавия

Заявленное уже на уровне заглавий «Мы», «Все» коллективное сознание предполагает интерес Е.И. Замятина и к сфере коллективного бессознательного. Подтверждение тому находим среди неодушевленных заглавий объектной парадигмы. Названия «Знамение», «Видение», «Наводнение» показывают, что автора интересует механика, специфика ментальных, психических процессов (связанных и не связанных с религией) на грани сознания и бессознательного. Рассмотрение заглавия «Наводнение» в качестве ментального требует пояснений. На первый взгляд, оно совпадает со «Знамением» и «Видением» лишь в фонетическом и грамматическом планах. Толкование лексемы «наводнение» в словаре В.И. Даля приводится следующим образом: «действие и состояние по глаголу. Разлив, водополь, водополье, половодье, потоп, выступление вод из берегов при вешнем таянии снегов либо от ливня, набегом вод с гор» [5, с. 387]. Почему из всего ряда синонимов Е.И. Замятин в качестве заглавия выбирает «наводнение»? Оказывается, глагол «наводнять» имеет следующее толкование: 1. «Затоплять, понимать, заливать водою». 2. «Наполнять местность в избытке чем-либо, переполнять до излишка» [5, с. 387]. Процесс наводнения одновременно может считаться и процессом глубокого понимания, постижения, т.е. психоментальным процессом. Е.И. Замятин осуществляет семантический сдвиг внутри лексемы, от бытового понимания – к философскому, прямое номинативное значение отходит на второй план, уступая главенство переносному.

Заглавие «Правда истинная» объясняет, какова цель психоментальных процессов, что именно постигается внутри объекта. Словосочетание «правда истинная» на первый взгляд может показаться плеоназмом, так как слова «правда» и «истина» обозначают две стороны одного и того же общепризнанного концепта. Однако более внимательный анализ показывает, что «правда» и «истина» противопоставлены в определенном аспекте: «Что важнее для русского языкового сознания: “правда” или “истина”? На этот вопрос однозначного ответа нет. С одной стороны “истина” важнее, поскольку она принадлежит Богу, или “горнему миру”. “Правда”, с этой точки зрения, оказывается приземленной, относящейся к “дольнему” миру» [10, с. 481-482]. Заглавие «Правда истинная» постулирует некий универсальный концепт, совмещающий в себе качества «правды» и «истины», некое знание, контаминирующее человеческую правду и божественную истину. Обретение такого знания и есть цель и результат всех психоментальных процессов.

Другие заглавия

Заглавия, отнесенные нами в эту подгруппу, иллюстрируют наиболее значимые в творчестве Е.И. Замятина темы. Лексема «чрево» толкуется в словаре В.И. Даля следующим образом: 1. «Брюхо, живот, пузо, брюшная полость с нутром своим и с покровами». 2. «Утроба женская». 3. «Все, что выпятилось дугой, горбом, что выпучилось пузом; (арх.) изгиб, излучина, локоть, колено» [6, с. 590]. Заглавие «Чрево» репрезентирует тему тела в произведениях писателя, которая подтверждается еще и заглавием субъектной группы – «Глаза». Объединение этих названий в один ряд дает большие возможности. Возникает оппозиция «тело (чрево – квинтэссенция телесности) – дух (глаза – зеркало души)». Априори ясно, что человек рассматривается Е.И. Замятиным сквозь призму диалектики души и тела. Становится понятно, какие части человеческого тела автор считает наиболее значимыми. Необходимо отметить, что в первом и третьем значении слова «чрево» присутствуют

пространственные понятия (полость, нутро, покров, изгиб, излучина), а второе значение соотносится с субъектом женского пола. Поэтому можно сказать, что в произведениях Е.И. Замятина телесность оказывается характеристикой как субъекта, так и пространства.

Заглавия «Дракон», «Лев» объединяются значением «животное». Дракон, лев – символы, встречающиеся в различных мифологиях (иранской, славянской, китайской, христианской и др.). Поэтому можно предположить, что в творчестве Е.И. Замятина проявляются элементы мифологических систем разных народов. Подзаголовок «Послание смиренного Замутия, епископа обезьянского» открывает новый ракурс темы, заявленной названиями «Дракон», «Лев». Становится понятно, что проблема животного начала в человеке также разрабатывается в замятинских текстах.

Название «Слово предоставляется товарищу Чурьгину» свидетельствует о важности темы слова в произведениях Е.И. Замятина. Особую функцию играет слово письменное, закрепленное материально (ср. заглавие «Письменное»). Именно в такой форме слово становится наукой, официальным знанием (не случайно в метатексте есть заглавие «Мученики науки»). Показательно, что само заглавие как знак возводится Е.И. Замятиным в ранг тайного магического знания, заклинания. Так, чтобы дешифровать названия «Куны», «Ела», «Тулумбас», читатель должен обладать значительной языковой компетенцией или же обратиться к словарям. При этом автор зачастую наделяет особым смыслом не прямое номинативное значение лексем, а переносное, очень ред-

кое, понятное немногим. Например, слово «тулумбас» имеет прямое номинативное значение «большой турецкий барабан, в который бьют одною колотушкою» [6, с. 442]. Однако есть еще одно очень редкое толкование слова: «удар кулаком» [6, с. 442]. Лишь в этом значении нам открывается глубокий пародийно-философский смысл подзаголовка «Послание смиренного Замутия, епископа обезьянского».

Заглавие «Встреча», видимо, постулирует типичный сюжетобразующий ход в текстах Е.И. Замятина. «Рассказ о самом главном», «Икс» представляют такие заглавия, которые, с одной стороны, сами по себе малоинформативны, переключают внимание читателя непосредственно на текст произведения, но с другой – указывают на наличие в тексте той искомой, главной для автора темы, которая является основной в последнем тексте автора.

В заключение нужно заметить, что все выводы, полученные в результате исследования метатекста заглавий Е.И. Замятина, пока лишь не что иное, как подготовительный материал для изучения и попытки реконструкции итогового произведения автора. Метатекст заглавий – ступеньки лестницы, которые ведут к вершине творческой эволюции, заглавию романа (т.е. и самому роману) «Бич божий». Построение метатекста дает возможность предположить смысл произведения, его темы, мотивы, образную систему исходя не из одного заглавия, а из совокупности заглавий более ранних текстов автора.

Библиографический список и примечания

1. Замятин, Е. И. Мы / Е. И. Замятин. – М.: Книга, 1990. – 639 с.
2. Кржижановский, С.Д. Страны, которых нет / С. Д. Кржижановский. – М.: Радикс, 1994. – 157 с.
3. Арнольд, И. В. Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста / И. В. Арнольд // Иностранные языки в школе. – 1978. – № 4. – С.23–30.
4. Шеппинг, Д. О. Мифы славянского язычества / Д. О. Шеппинг. – М.:Терра, 1997. – 239 с.
5. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – Т. 2. – М.:Русский язык, 1989. – 779 с.
6. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – Т. 4. – М.: Русский язык, 1991. – 683 с.
7. Кубрякова, Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения / Е. С. Кубрякова. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1997. – 327 с.
8. Философский словарь. – М.: Республика, 2001. – 719 с.
9. Желтова, Н. Ю. «Народный характер в «северно-русской» тетралогии Е. И. Замятина («Кряжи», «Африка», «Север», «Ела»)» / Н. Ю. Желтова // Творческое наследие Евгения Замятина : Взгляд из сегодня. – Кн. XI. – Тамбов: Изд-во ТГПИ, 2004. – С. 26–55.
10. Булыгина Т. В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 576 с.
11. В отечественном литературоведении эта проблема подробно разработана в трудах Ю. М. Лотмана и В. Н. Топорова.
12. Мы имеем в виду заглавия «Надежное место (В Задонск на богомолье)» и «Тулумбас (Послание смиренного Замутия, епископа обезьянского)». Еще два названия имеют подзаголовки, указывающие на жанровую принадлежность текстов: «Колумб» (повесть) и «Все» (Отрывок из повести). В первом случае подзаголовок необходим во избежание путаницы повести «Колумб» и одноименного рассказа. Во втором случае подзаголовок, возможно, является элементом языковой игры: автор заявляет о несамостоятельности текста, однако рассказ обладает сюжетной завершенностью.

Материал поступил в редакцию 03.12. 07

УДК 028.02

Ю.В. Конькова

Проблема художественной коммуникации

Предмет статьи – проблема художественной коммуникации, заключающаяся в особенностях взаимодействия писателя и читателя. Процесс восприятия художественной информации рассматривается с точки зрения теории эвокации.

«Выразить словами то, что понимаешь так, чтобы другие поняли тебя, как ты сам, – дело самое трудное, и всегда чувствуешь, что далеко не достиг того,

Говоря о художественной коммуникации, следует прежде всего вспомнить о понятии «информация». Если рассматривать это слово лингвистически, то представляется возможным понимать под информацией «то, что вкладывается в форму». Сравните: *in-forma* («в форме»).

При этом информация бывает различной в зависимости от аспекта рассмотрения. Если рассматривать информацию как эстетическую категорию, то словосочетание в этом случае будет звучать как «художественная информация». Таким образом, в обозначенную форму (текст) вкладывается содержание эстетического плана (художественные средства выражения информации). Художественная информация в нашем случае как раз и предстает в виде художественного текста.

Информация имеет свойство распространения, и если мы говорим о художественной информации, а именно: о художественном тексте, то необходимо представить адресата и адресанта в процессе (соответственно) посылки и получения художественной информации. В случае названной художественной коммуникации данными коммуникантами предстают субъекты в роли (соответственно) повествователя и читателя. Уточняет понятие информации в эстетическом аспекте семиотическая теория художественных средств, основным сторонником которой считается Ю.М. Лотман. По данной версии, художественный текст – это упорядоченная совокупность средств, несущих эстетически ценную информацию. Основным результатом художественной коммуникации – общения писателя и читателя посредством художественного текста – понимание. К проблеме результативности мы еще вернемся в нашей работе чуть позже.

Рассмотрим само понятие эстетического, которое является общим по отношению к художественному.

Прежде всего, эстетическое является общей гранью общения, является объединяющим элементом двух коммуникантов: повествователя и читателя. Выявляется объединяющая функция эстетического в общей потребности: писатель нуждается в выражении информации эстетическими средствами, а читатель имеет потребность в испытании эстетического наслаждения.

При этом актуальным становится название видов наслаждения: эстетическое (метафизическое) наслаждение и физическое наслаждение (бытовое). Однако их объединяет понятие гедонизма (в переводе с греческого «наслаждение»). Эстетическое наслаждение предполагает получение удовольствия от метафизических явлений жизни, физическое наслаждение предполагает получение удовольствия от бытийных, бытовых явлений и вещей. Типология удовольствий строится в зависимости от явлений и предметов самой жизни и актуальности их свойств для человека. Физическое и эстетическое наслаждение противопоставляются на уровне восприятия или же, напротив, ощущения явлений и вещей в жизни.

Выделяют несколько категорий эстетического, одна из которых является для нас актуальной, а именно: категория прекрасного. Диалог повествователя и читателя становится возможным благодаря преобразованию информации как таковой в художественную на основании стремления человека к прекрасному: прекрасное создается повествователем и прекрасное вбирается читателем.

Таким образом, стремление понять друг друга появляется в результате существования потребности обоих коммуникантов относительно прекрасного: а) удовлетворяется потребность повествователя в создании и пе-

Сравните:

редаче эстетического; б) удовлетворяется потребность читателя в принятии эстетического.

В данной коммуникативной ситуации предметом, передающим эстетически важную информацию, является художественный текст, а средством передачи – художественные средства, использованные в тексте, а также околотекстовая информация, или внетекстовая информация, которая важна для понимания художественного текста (биография автора, его мировоззрение, пристрастия в жизни вообще и пр.).

Уровень художественного в эстетике определяется актуальным в данный момент каналом создания и принятия эстетической информации. Иначе говоря, в данном случае для нас при анализе художественной коммуникации будет важно, идет ли процесс понимания через психический процесс «ощущения» (и тогда мы дальше от эстетического), или же процесс понимания идет через психический процесс «восприятия» (и тогда мы ближе к эстетическому). Разница объясняется в более сложном (по отношению к ощущениям) устройстве такого психического процесса, как «восприятие».

При анализе художественной коммуникации необходимо увидеть разницу понятий, обозначенную в следующей схеме и отражающую изменение качества эстетического по возрастающей: «реальность» → «художественное» → «искусство».

Ю.Б. Боров употребляет понятие художественной коммуникации в рамках проблемы понимания / интерпретации. Ю.Б. Боров различает данные понятия: «Художественная коммуникация начинается с творческого акта, а завершается пониманием художественного текста» [1, с. 624].

Действительно, понимание сложнее, чем интерпретация, так как понимание не укладывается в простую систему декодирования художественных знаков произведения. Понять в художественной коммуникации – значит понять не только смысл предложений и текста в целом. Понять в данном случае означает понять помимо текста еще и автора данного произведения, иными словами, «возделывать общее поле говоримого» [2, с. 223]. Общность этого поля – информация, которая имеет разное качественное наполнение, ясно отраженное ниже:

*содержание повествователя – форма (информация)
– содержание читателя*

Поэтому актуальны объекты понимания. Ими могут быть и мысли, и чувства, и различные знаки (иконика). И тем сложнее осуществление процесса понимания. «Понимаемое интерпретируется в процессе понимания», – пишет Ю.Б. Боров [1, с. 625]. Таким образом, интерпретация – частное по отношению к пониманию как к общему. В то же время, интерпретация – основа понимания текста.

Историческое развитие растоществляет художественный текст. Подтверждая данную точку зрения Ю.Б. Борева, дополним, что историческая эпоха по-разному смотрит на один и тот же текст. При этом мировоззрение автора прошедшей эпохи все же понимается за счет существующего в процессе понимания – частной интерпретации. Почему новое поколение все же в основном понимает старое? Да потому, что кроме коммуникативного свойства языка есть понятие знака. Ср.:

Старая кодировка – текст прошедшей эпохи – новая кодировка

Ситуация «Наложение старого и нового сознания на объект понимания»
 Вариант А: интерпретация текста старым сознанием (современниками автора)
 Основа – текст; наложение – старое сознание

понимание	понимание	<i>непонимание</i>
понимание	понимание	<i>непонимание</i>
понимание	понимание	<i>непонимание</i>

Вариант Б: интерпретация текста новым сознанием
 Основа – текст; наложение – новое сознание

понимание	понимание	понимание
понимание	понимание	понимание
понимание	понимание	<i>непонимание</i>

Вывод таков: современники автора с большей вероятностью не понимают автора (70% из 100%), современники же сегодняшней эпохи понимают 90% из 100%. Однако данная закономерность не является постоянной и обязательной, поскольку в любом случае «нам не дано предугадать, как наше слово отзовется».

Почему в процессе понимания обязательно фигурирует процесс наложения эвокационной матрицы? Потому что, понимая некий объект, мы смотрим на него сквозь какую-либо призму. Например, один и тот же текст А.С. Пушкина может принимать разные формы своего существования, в зависимости от сетки, характера эвокационной матрицы, жанра, фрейма и т.п. Так, в результате наложения на текст А.С. Пушкина эвокационной матрицы – мы можем увидеть, что перед нами: и балет, и опера, и спектакль, и научное произведение; математик, накладывая свою эвокационную матрицу (свою систему понимания мира, представляющую собой математические знаки и их соотношения), – предложит увидеть текст А.С. Пушкина в качестве формулы, которая для математика имеет определенный смысл.

Однако вернемся к понятию эстетического. Для писателя информация становится эстетически ценной и превращается в художественный текст опять же при условии наложения эвокационной матрицы на его быденное сознание. Но это происходит при определенных условиях. Во-первых, появление текста обусловлено стремлением автора осуществить потребность в общении с миром, во-вторых, «эстетическая образность является лишь условием для сообщения писателем некой информации» [2, с. 258].

Теория эвокации [4] предполагает наличие двух видов действительности: действительность реального мира и действительность художественного произведения. Причем последняя «имеет свою коммуникативную силу» [2, с. 256]. Это значит, что художественный текст содержит информацию – объект понимания, который с первых же букв начинает непроизвольно поступать в мозг понимающего (читающего) человека.

Но все ли понимаемое лишь в данный момент является существующим? Нет. Ведь объект понимания и доказательство его существования складывается из совокупности рефлексирующей деятельности нескольких субъектов общества, а не только лишь одного человека. Мы живем не в те времена, когда информация была сакральной (вспомните деятельность церкви). Сегодня информация сама врывается в жизнь человека. Если иметь в виду доказательство существования предмета посредством его понимания как минимум двумя людьми (читателями, которые знают об этом тексте и прочитали его), то в этом случае можно утверждать, что текст реален, что он существует, а не рассматривается как объект потенциально возможной реальности. Если же текст известен лишь самому автору, то в существовании текста можно усомниться.

Однако вдруг текст все же существует, даже если о нем никто не знает? Элементарным доказательством этой (уже противоположной точки зрения) может являться условие существования Бога вездесущего. Иными словами, если брать религиозный аспект существования человека и его деятельность в целом (и деятельность художника в частности), то текст, таким образом, виден и Богу. Следовательно, о существовании текста знают уже более чем один. Соответственно, можно сделать вывод, что любой написанный текст существует априори.

Таким образом, наблюдаем двойственность проблемы и ответа на вопрос о существовании текста, впрочем, как и в целом существования какой-либо информации, направленной вовне изначально, направленной на диалог. Дело в том, что диалогичность как свойство текста решает проблему выхода информации вовне: в любом случае рано или поздно информация найдет выход. То, что «пишется в стол», свет все равно увидит. Дело лишь в условии и во времени. Если Бог позволил этому тексту появиться, значит, «это кому-нибудь нужно».

Но вернемся к эстетическому. По В.Г. Белинскому, эстетическое чувство должно перерасти в эстетический вкус. Природное должно совершенствоваться и «окультуриваться» – стать искусством.

Однако понятие эстетического и художественного – различны. При этом одно включает в себя другое, или одно типизируется за счет обобщенного свойства другого явления. Иными словами, эстетическое восприятие может быть различным, в том числе и художественным. Любое восприятие является эстетическим, если следовать логике П.М. Якобсона, утверждающего, что восприятие – это чувственное познание. Восприятие же, в свою очередь, складывается из ощущений как простейших видов психических процессов. Тогда восприятие художественного текста и его автора начинается с ощущений: моих ощущений книги, внешней оболочки, души автора (если я его лично знаю или посредством изучения его биографии). Мы говорим: «Я ощущаю человека», но не воспринимаю его таким, каким ощущаю» (ср.: понимаю, но простить не могу). Таким образом, восприятие – это включение не физиологических рецепторов, а еще и «мозговых» рецепторов: « Не воспринимаю (сверхощущение), не принимаю и, как следствие, – не понимаю». Хотя при этом ощущаю. Восприятие, в свою очередь, зависит от настроения. Сегодня я его воспринимаю, завтра – нет. Но это немного другое значение слова «воспринимаю». Если смотреть на данную мысль с позиции творца, то каждый человек ищет как раз нужную для него (по П.М. Якобсону [5]) ситуацию отображения действительности. Яблоко прекрасно. Чтобы отразить эту эстетику и вызвать эстетические чувства, человек-художник нарисует натюрморт; человек-писатель напишет художественный текст, человек-музыкант сочинит и сыграет музыкальное произведение на фортепьяно; ак-

тер покажет пантомиму и т.п. Все зависит от характера таланта человека. Объективность восприятия доказыва-ется действительными фактами ощущений (я действи-тельно вижу буквы, слышу звуки и пр.). Восприятие может быть разной степени сложности. Самое сложное восприятие – это и есть восприятие художественное. Целостность текста обуславливает особенность его вос-приятия. Ощущения дают лишь фрагментарное впечат-ление. Следует различать некрасивость реальную и не-красивость эстетическую, которая имеет свои, эстетиче-ские цели, и таким образом в принципе не входит в рам-ки понятия некрасивого (безобразного). Разъясним крат-ко вышесказанное.

Картина с некрасивыми лицами (объект восприятия).

Первый вариант восприятия: «не нравятся лица» (неэстетическое).

Второй вариант восприятия: «вызывают ужас» (эсте-тическое). При неэстетическом восприятии (восприятии объекта в качестве предмета реальной жизни) – объект восприятия является самоцелью, самой информацией, и больше ничего сверх того. При эстетическом же воспри-ятии объекта человеком – способы изображения (урод-ливые лица) являются не самоцелью, а лишь средством достижения цели: провокации чувства эстетического, то есть сверх информации об уродливости лиц (это может быть символом или аллегорией какого-либо события, изображенного автором картины).

В свою очередь, художественный текст – это эстети-ческая форма осмысления жизненной реальности. И

каждый художник осмысляет жизнь по-своему, пользу-ясь своим, неповторимым стилем. Если мы не знаем имя художника, то по его стилю мы узнаем работу гения. Необходимо помнить о сочетании понятий «эстетика» и «гармония». Существует эстетическое восприятия наме-ренно созданного (художественный текст) и восприятие случайных жизненных событий (удивительное сочета-ние облаков на небе в данную секунду времени). Худо-жественный объект эстетического восприятия – это объ-ект воспроизведенный, так как произведенный объект – это объект жизни человеческой, реальной. В данном случае имеет значение эвокационный аспект, актуаль-ный в нашей работе. Таким образом, эвокация и этимоло-гия позволяют проникнуть в суть значения слова «ис-кусство»: от исконно-русского «искусити» (испытать). Таким образом, художник «искусшает» произведенный объект действительности, пытаясь поставить его в раз-личные, «искусшающие» его – ситуации, в которых дан-ный реальный объект становится воспроизведенным, опытным образцом, который прошел определенный этап эксперимента (что будет, если).

Вопросы – в результате размышления о воздействии художественного текста на читателя – возникают сами собой: как это происходит? каково это воздействие? какие стороны души и сознания затрагивает в нас худо-жественный текст?

Это вопросы ментального характера, на которые, возможно, ответит литературоведение будущего.

Библиографический список

1. Боров, Ю.Б. Эстетика / Ю.Б. Боров. – Ростов н/Д: «Феникс», 2004. – 704 с.
2. Гадамер, Г.-Г. Актуальность прекрасного/ Г.-Г. Гадамер. – М.: «Искусство», 1991. – 367 с.
3. Лушникова, Ю.В. (Конькова) Лингвоэвокационное исследование текстов рассказов В.М. Шукшина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. / Ю.В. Лушникова (Конькова). – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2003.- 21 с.
4. Чувакин, А. А. Смешанная коммуникация в художественном тексте: Основы эвокационного исследования / А.А. Чувакин. – Барнаул: Изд – во АлтГУ, 1995. – 126 с.
6. Якобсон, П.М. Психология художественного восприятия / П.М. Якобсон. – М.: «Искусство», 1964. – 87 с.

Материал поступил в редакцию 03.12.07

УДК 821.161.1-32

П. В. Маркина

К поэтике рассказа Ю.К. Олеши «Лиомпа»

В работе анализируется рассказ Ю.К. Олеши «Лиомпа» в аспекте антропоцентрической проблемы. Поэтика рассказа раскрывается через предметно-вещный, зооморфный, цветовой, гастрономический коды. Рассмотрены система персонажей, структурные особенности и пространственная организация.

Николаев Д.Д. в своем монографическом исследова-нии, посвященном русской прозе 20–30-х годов, анали-зируя культурный фон эпохи начала XX века, обобщает: «Философы, писатели, литературные критики говорили о том, что жизнь... рассыпалась на цепь эпизодов, каж-дый из которых в отдельности представлялся малозна-чимым и не заслуживающим серьезного внимания... необходимо было переосмыслить место и роль человека в мире» [7, 26]. В этом аспекте рассказ «попутчика» Ю. Олеши вписывается в решение антропоцентрической проблемы своего времени. Раскадровка «Лиомпы» де-монстрирует иллюстративную членимость мира: в рас-сказе три пространства, с каждым из которых сопряжен свой тип персонажа. Подобное распадение художест-венного мира на ряд незначительных событий отсутст-

вием исключительности, абсолютной противопостав-ленности не претендует на решение глобальных задач, в то же время высвечивает проблемы личные, временные. Последние в попытке определить человека в движущем-ся мире определяются как качественно новые – вечные.

Ю.К. Олеша в статье «Литературная техника» ут-верждал: «Я не верю, что неинтересно читать вещи без головоломного сюжета» (490) [17]. Рассказ «Лиомпа» подтверждает этот тезис. Сюжет здесь не беллетризован, не насыщен занимательными подробностями, в описа-нии персонажей подчеркивается лишь деталь, например, синие трусы резинового мальчика. В той же статье на-ходим: «При подробном описании читатель получает механическое накопление черт и, несмотря на то, что таких черт бывает очень много... все-таки читатель ни-

чего не видит. Подробное описание не приводит ни к какому воздействию. Описываемая вещь не приобретает существования. Мы только в том случае можем увидеть лицо, о котором нам говорят, если художник нашел черту, вызывающую в нас краткое, мгновенное впечатление» (478). В подобном минимализме кроется секрет не только рассказа, но и всей прозы Ю. Олеши.

Рассказ «Лиомпа», поднимающий проблему соотношения имени и вещи, привлекает внимание исследователей [15]. В целом предметно-вещный мир произведений Ю. Олеши занимает многих критиков и литературоведов. Наиболее развернуто этот аспект изучен в монографии Н.Р. Скалона «Вещь и слово: предметный мир в советской философской прозе». Ученый не останавливается на констатации значимости вещного мира, а определяет философские возможности «предметного» стиля прозы Ю. Олеши.

Уже критики 20-х гг. обратили внимание на специфику «вещного сознания» [2, с.100]. Л. Славин, характеризуя олешинский стиль, отмечает его конкретность и вещественность [4, С.11].

Б. Галанов обозначает многогранность семантики предметной сферы: «Вещь для Олеши всегда полна значения и красоты. Не одно, а множество удивительных свойств открывает в ней наблюдательный глаз» [5, с.13].

В.П. Полонский в своей работе «Преодоление «Зависти» (о произведениях Ю. Олеши)» замечает следующее: «Он умеет так показать качество вещи и фактуру, шершавую поверхность, что восприятие наше становится как бы материализованным, видимым на ощупь, до осязательности реальным» [12, с.150]. Исследователь прибегает к средствам языковой выразительности для того, чтобы передать авторскую специфику предметного мира. Он говорит о том, что вещи шумят вокруг автора «Зависти». «Они открывают ему не только имена, но все свои тайны, поэтому с такой легкостью воспроизводит он их неслышную жизнь. Он – повелитель вещей, они послушны его руке; он слышит их дыхание» [12, с.150].

Н.Я. Берковский в работе «О реализме честном и реализме вороватом» замечает: «У Олеши речетворчество служит фиксации материальных вещей. Олеша, ориентируя свои метафоры и сравнения на «грубое вещество», тем самым вводит «грубое вещество» в наш кругозор и повышает его в оценке. Олеша ставит под прожектор стиля самые простые вещи и заставляет нас их доузнавать...» [2, с.100]. Исследователь видит специфику стиля в следующем: «Олеша сравнивает вещь с вещью (что довольно редко – сравнивают вещь обыкновенно с абстрактным или обратное), вещи у него берутся почти того же эмоционального ранга, если есть неравенство эмоциональной ценности, то несущественное (бульвар – торт); поэтому ощутимы в его сравнениях по преимуществу предметные совпадения, вещь как бы напластана на вещь, и ее конкретность как бы умножена» [2, С. 100–101].

Ключевым в этом аспекте становится рассказ «Лиомпа», где умирающий размышляет над сутью происходящего. «Смерть меряется удалением от вещей – для умирающего все укорачивается, власть над вещами... Таким образом, смерть, умирание представлено как укорачивание хозяйственной роли человека во вселенной» [2, с.279].

«Смерть – это утрата интимной, сокровенной связи с вещами, обретающими неповторимый смысл только от соприкосновения с полнокровными чувствами и неестественным предубеждением разумом» [14, с.31].

В.О. Перцов предположительно определяет первоос-

нову столь пристального внимания писателя к предметам. Отделение имени от вещи значимо в прозе Ю. Олеши. Вещи покидают больного Пономарева, оставляя ему лишь свои имена. Умирающий пугает резинового мальчика, что заберет все вещи с собой. «Только они имеют значение для него в мире, их не хочет он оставить людям, как тот первобытный вождь, в могилу которого клали его личное оружие, коня, пищу, жену» [11, с.185]. Если следовать логике ученого, то в особой значимости предметного мира Ю. Олеши видится связь с древним ритуалом.

Таким образом, ряд исследователей и мемуаристов вплотную приближается к пониманию прозы Ю. Олеши как неомифологической. Во всей прозе активно исследуется авторская роль «назывателя вещей». В этом наблюдается некоторый крен в сторону исследования стиля, в сторону аутентичности выбранных имен для вещи.

Персонажи рассказа решают философский вопрос о соотношения предмета и его наименования. В примечаниях к рассказу В. Бадиков отмечает: «Первый вариант имел заголовок «Вещи...» [1, С.470]. Авторский выбор [18] в пользу названия «Лиомпа» определяет и способ прочтения литературного произведения. Заглавие становится ключом к тексту.

Появление крысы рождает в голове умирающего Пономарева беспоконную мысль о том, «что крыса может иметь собственное имя, неизвестное людям» (234). И вдруг в ужасном крике рождается страшное слово: «Лиомпа».

Рассказ назван именем крысы, которая появляется в начале и конце рассказа. О значимости зооморфного кода для Ю. Олеши вспоминают современники писателя: «В заметке «Метафоры» Олеша писал: «Животные, как ничто другое, дают повод для метафор. О, я берусь из любой пасти, самой маленькой, вытащить целую ленту сравнений!»» [4, с.77]. Определяющим становится не только мистическое животное, имеющее собственное имя, но и любое включение зооморфного кода [19].

Так, например, паук – насекомое, обозначающее движение времени: «Мальчик только вступил в познание вещей. Он не умел еще различать разницу во времени их существования... Каждая секунда создавала ему новую вещь. Удивителен был паук. Паук улетел при одной мысли мальчика потрогать паука рукой» (233). В «Лиомпе» появляется знакомый по «Зависти» образ раков. В отличие от романа, в рассказе раки уже не служат метафорическим стартом в другую реальность (имеется в виду звуковая игра «РАКИ – ИКАР») [20], данный образ цепко соединен с кухонным топосом. «Раковые» пассивные трансформации определены возмущением особой сферы. По цепочке (одно изменение будит другое) оживает предметно-вещный мир: «Один жилец варил раков. Живого рака брал он двумя пальцами за талию. Раки были зеленоватого, водопроводного цвета. Из крана вылетали вдруг сами по себе две-три капельки. Кран тихо сморкался. Потом наверху вдруг сами по себе заговаривали несколькими голосами трубы. Тогда сразу определялись сумерки» (231). Различное отношение к образу раков вытекает из того, в каком качестве он представлен в тексте. В романе «Зависть» раки-крабы поданы Ивану Бабичеву в виде пищи. В рассказе «Лиомпа» кран, будто в тихой скорби оплакивая, провожает в последний путь «живого рака» – обладателя талии.

Анализируя творчество Ю. Олеши 20-х годов, И.П. Вдовина приходит к выводу: «Излюбленный прием Олеши – контраст – противопоставление характеров» [3, с.14]. Трудно не согласиться и вместе с тем нельзя согласиться, это не контраст в привычном понимании, который «образуют три вида противоположности – кон-

трарная, контрардикторная и комплементарная» [16, 320]. В прозе Ю. Олеси оппозиционность двух персонажей всегда нарушается вмешательством третьего лица.

В рассказе «Лиомпа» перед мальчиком Александром открывается новый мир, для Пономарева жизнь заканчивается. Смерть по дороге к больному уничтожает вещи (ср. с резиновым мальчиком, для которого каждая секунда создает новую вещь). Исчезновение вещей просто объяснимо, чем слышнее приближается смерть, тем больший круг вещей покидает Пономарева. Уходящие вещи оставляют умирающему только свои имена (233). Вещи отмеряют время жизни человека умирающего, а так же строят новое время для резинового мальчика.

Если обратиться к структурным особенностям рассказа, то произведение кинематографично разделяется на несколько частей: смена пространств и чередование персонажей позволяет говорить об определенной семантической закреплённости.

Первое пространство кухни. Это пространство разомкнутое, включающее в себя весь мир: «Кухня вышла во двор... двери не закрывались, у порога росла трава...» (231). Мотив еды зачастую связан в прозе Ю. Олеси со сниженными коннотациями, [21] но пространство кухни всегда позиционируется как исключительное (например, в романе «Три Толстяка»). В рассказе «Лиомпа» обозначенный топос (как место апофеоза еды) становится сосредоточением жизни. Скопление людей, оппозиция смерти, тема детства – все это является функционально значимыми характеристиками указанного пространства.

Место рождения еды становится определяющим в доме. В рассказе все начинается именно с этого знакового места («Мальчик Александр строгал на кухне планки» (231), которое распространяет свое мистическое качество на все явления здесь происходящие: «Порезы на пальцах у него покрывались золотистыми съедобными корками» (231).

Второе пространство комнаты умирающего Пономарева. Это место контрастирует с первым, как жизнь и смерть. В тексте происходит противопоставление двух топосов: кухня, включающая съестную лавку, и комната тяжело больного – первый связан с предстоящей жизнью, второй – с ожидаемой смертью.

Третье пространство коридора. Это табуированная зона, проникают туда только резиновый мальчик и гроб. Иное качество этой области определяется таким свойством, как переходность.

В этом пространстве находится велосипед. Это единственная вещь, маркирующая особенный топос, власть над которым уже утратил больной Пономарев (232): «Велосипед педалью был прислонен к стене. На обоях педаль провела царапину. На этой царапине как бы и держался велосипед у стены» (233). Смещение каузальных связей (велосипед не падает, потому что царапиной держится за стену) свидетельствует как об уникальности обозначенного пространства, так и о специфичности единственного предмета, в этом месте находящегося.

Яркой чертой, характеризующей предметно-вещную сферу, становится мальчишеская жажда обладания вещью, например в романе «Три толстяка» кнутом (120), в рассказе «Цепь» велосипедом. Последний становится той вещью, которую хочется и нельзя иметь одновременно. В данном аспекте актуализируются автобиографические и автопсихологические установки Ю. Олеси [22].

Велосипед – предмет особого рода. Аэроплан имеет велосипедные колеса (263). В рассказе «В цирке» проти-

востояние велосипеда и мотоцикла строится по принципу – одушевленность / неодушевленность: велосипед – стрекоза, мотоцикл – ракета (323). «Колесо велосипеда звучит, как арфа» (263) в рассказе «Цепь», следовательно, выражает жизнь души как музыкальный инструмент. Велосипед характеризует Уточкина: «Он одним из первых стал ездить на велосипеде... Он был чемпион, а в Одессе думали, что он городской сумасшедший» (267). И в то же время встает в оппозицию автомобилю: «Затем мой велосипед ставят поперек автомобиля. Страшная машина получает прозрачное украшение» (268).

«Тема «инициации» – это тема приобретения социального статуса, или «социальной маски»... важна она для творчества и жизни Олеси... На противоположении «я не могу участвовать в жизни века» (отсутствие социального статуса) и «я хочу участвовать в жизни века» (проблема приобретения социального статуса) построен и рассказ «Цепь»... Проблема «обладания велосипедом» есть проблема «инициации», приобщения к взрослому миру, к «жизни века», но и включение в «цепочку» другого, более высокого иерархического уровня: «отец – мать», т. е. «родители» и так далее. Герой не приобщен к нему, как не имеющий социального статуса, он никто, обделенный даже именем, не вписывающийся в социальную иерархию, лишенный или почти лишенный «речи» [10, 17–18].

Таким образом, пространство коридора напрямую связано с инициацией. Соотнесение с этим пространством характеризует героев произведения Ю. Олеси.

В рассказе поочередно появляются три персонажа (мальчик Александр, тяжело больной Пономарев, голый резиновый мальчик в синих трусах), каждый из которых обладает своей пространственной закреплённостью и не нарушает границ чужого топоса. Лишь резиновый мальчик, за счет того, что он «другой» (233), способен находится везде.

Анализируя новеллистическое творчество Ю. Олеси, Е.И. Розонова отмечает: «Многогранна тематика олесинских новелл, отчетливо ощущается тяготение писателя к созданию различных тематических циклов... Общее для всех циклов – философская основа, стремление осмыслить жизнь в ее наиболее существенных проявлениях. Для Олеси-новеллиста характерна также попытка раскрыть философскую суть происходящего с помощью внешних, зримых деталей» [13, с.13]. Система персонажей раскрывается через предметно-вещную (детальную) закреплённость.

В творчестве Ю. Олеси обладание ничего не значащей вещью убивает саму суть владения, уж лучше ничего не иметь (концепция ничего), чем иметь что попало, вещь как у всех [23].

Бред больного Пономарева в рассказе «Лиомпа» связан с трагедией его жизни – с утратой вещей. Переход из мира яви определен оживанием вещи: «Флакон смотрел на него. Рецепт тянулся, как шлейф. Флакон был бракосочетающейся герцогиней... Он разговаривал с одеялом... Одеяло сидело рядом, ложилось рядом, уходило, сообщало новости» (231–232). Упрек больного ожившему одеялу: «Ну, как тебе не стыдно?» – читается как просьба о его присутствии рядом. Больной утрачивает право выбирать вещи.

Мальчик Александр делает летающую модель. Новый человек, способный подчинить себе стихию воздуха. Он знает законы мира и следует им.

Взросление резинового мальчика из рассказа «Лиомпа» обусловлено способностью понимать разницу во

времени существования вещей (233).

Резиновый мальчик выделяется своим костюмом [24]. В этом аспекте значимостью обладает не только сама одежда (нижнее белье). Маленький резиновый мальчик в том возрасте, когда запреты еще не действуют. Ему можно то, в чем отказано другим персонажам. Он как существо другого мира, на него не распространяются привычные законы. Интимность вещи отрицается. Актуализируется цветовой код.

Язык цвета [25] в данном рассказе – это еще один способ прочтения текста. Цветовые обозначения также обладают пространственной, темпоральной, персонажной, предметно-вещной закрепленностью. Цвет имеет устойчивое значение, образует семантические поля, попадает под влияние обозначенных трех сфер, отражает момент перехода из одной в другую, [26] и в то же время преодолевает их замкнутость. Цвет Ю, Олеси специфичен, он не совпадает с общепринятыми трактовками, например, синий и голубой – это цвета противоположные по своему значению.

Цветовые пометы ограничены (синий; зеленоватый, водопроводный цвет; желтый; бледный; голубой; черный). Распределяются они скорее не по оценочной шка-

ле от положительного к отрицательному полюсу, [27] а в аспекте реализации в определенной сфере.

В итоге, анализ рассказа приводит к определенной системе ценностей, воплощенной в нем. В дневниковых записях Ю. Олеша запишет: «Смерть есть опасность, которая не исчезает» [9, С.63]. Хозяйка простраства жизни (судомойка) приходит в рассказе «Лиомпа» в виде крысы [28]. Ее «женская» принадлежность, оппозиционность мужской системе персонажей поднимают проблему пола. Женское через обостренное противостояние оценивается как негативное. Об этом свидетельствует сам автор в своих дневниках, вспоминая, как он сталкивается со смертью: «Мир становится женским, материнским, объемлющим. Как унижительно это и ненавистно! Страх смерти заставляет меня тянуться к людям; я как бы готов признать за всеми право участия в том тайном, сосредоточенном, сокровенном общении, которое может существовать только между мной и матерью, когда она купает меня – мальчика, видит меня голым. Все ради того, чтобы спрятаться от смерти! С отвращением я ощущаю, что материнское неодолимо стоит над моей жизнью и что оно есть не что иное, как мысль о неизбежной смерти» [9, с.63].

Библиографический список и примечания

1. Бадиков, В. Примечания // Олеша Ю. Избранное / Пред. В. Шкловского; Прим. В. Бадикова; ил. и оф. А. Маркевича. – М.: Правда, 1987. – 480 с.
2. Берковский, Н.Я. Мир, создаваемый литературой / Н.Я. Берковский; сост., авт. коммент. и библиогр. С.И. Тимина; вступ. ст. Г.А. Белой, С.И. Тиминой. – М.: Советский писатель, 1989. – 494 с.
3. Вдовина, И.П. Творчество Юрия Олеси 20-х годов. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. – М., 1966. – 19 с.
4. Воспоминания о Юрии Олеше. – М.: «Советский писатель», 1975. – 304 с.
5. Галанов, Б. Вступительная статья // Олеша Ю.К. Повести и рассказы / Ю.К. Олеша; вступ. ст. Б. Галанова. – М.: Художественная литература, 1965. – 551 с.
6. Маркина, П.В. Мифопоэтика художественной прозы Ю.К. Олеси / П.В. Маркина ; АлтГАКИ. – Барнаул: Издательство АлтГАКИ, 2007. – 186 с.
7. Николаев, Д.Д. Русская проза 1920–30-х годов: авантюрная, фантастическая и историческая проза / Д.Д. Николаев; отв. Ред. О.Н. Михайлов; Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького РАН. – М.: Наука, 2006. – 688 с.
8. Олеша, Ю. Неоконченные варианты повести // Литературная учеба. – 1989. – № 2. – С. 160–169.
9. Олеша, Ю.К. Книга прощания / Юрий Олеша; сост., предисл., примеч. В. Гудковой. – М.: Вагриус, 2006. – 480 с.
10. Пашин, Д. Человек перед зеркалом (Несколько фрагментов о жизни и о сюжете) // Олеша Ю.К. Зависть. Три толстяка. Рассказы. – М.: Олимп; ООО «Издательство АСТ», 1999. – С. 5–22.
11. Перцов, В.О. «Мы живем впервые». О творчестве Юрия Олеси / В.О. Перцов. – М.: Советский писатель, 1976. – 239 с.
12. Полонский, В.П. Преодоление «Зависти»: О произведениях Ю. Олеси // Полонский В.П. О литературе: избранные работы / В.П. Полонский; вступ. ст., сост. и примеч. В.В. Эйдиновой. – М.: Советский писатель, 1988. – С. 150–177.
13. Розанова, Е.И. Проза Юрия Олеси. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. – Киев, 1968. – 19 с.
14. Скалон, Н.Р. Философские возможности «предметного» стиля (проза Ю. Олеси) // Н.Р. Скалон. Вещь и слово: Предметный мир в советской философской прозе. – Алма-Ата: Гылым, 1991. – С. 24–35.
15. Фуксон Л.Ю. Мир рассказа Ю. Олеси «Лиомпа» как система ценностей // Филологические науки. – 1992. – № 1. – С. 38–44.
16. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / Под ред. А.П. Сковородникова. – М.: Флинта : Наука, 2005. – 480 с.
17. Здесь и далее тексты Олеси цитируются по: Олеша, Ю.К. Заговор чувств. Романы. Рассказы. Пьесы. Статьи. Воспоминания. Ни дня без строчки / Ю.К. Олеша – СПб.: ООО «Издательство «Кристалл»», 1999. – 848 с. Номера страниц указываются в круглых скобках после цитат.
18. На осознанность этого выбора, указывает и то, что «Лиомпа» имела многочисленные черновые варианты, которые свидетельствуют о «напряженных творческих поисках Ю. Олеси» [13, 15].
19. Фауна в прозе Ю. Олеси реализована на нескольких типологических уровнях: орнитологический код (птицы), собственно зооморфный код (все животные), энтомологический код (насекомые) и герпетологический код (пресмыкающиеся), ихтиологический код (обитатели водной стихии). Общность всех уровней получает в работе название зооморфного кода.
20. Об авторской осознанности этой игры свидетельствует публикация И. Озерной неоконченных вариантов «Зависти» в журнале «Литературная учеба»: «...чужак в зеленой шляпе потребовал раков. Ему подали полное блюдо раков, запутанных водорослями... Он разрушал их как жрец, как божество. Это был пожиратель раков... Он сидел среди рачьих обломков, сам похожий на тухлого рака... Сперва они пили в молчании, потом пожиратель раков повел добрыми глазами по стене и громко прочел вывеску:
– Раки.
И потом добавил, ни к кому не обращаясь, но также громко:
– Прочтите справа налево. Раки – Икар. Я Икар!» [8, 160–161].
21. Это реализовано в столкновении двух сфер романа «Зависть», в оппозиции «культура – цивилизация»: новый мир поглощает, пожирает наследие культуры 19-го века. Иллюстрация к «Тарасу Бульбе» в мире советской цивилизации воспринимается лишь как обертка для чего-то съестного. Подробнее в книге: Маркина, П.В. Мифопоэтика художественной прозы Ю.К. Олеси [6].
22. Яркое это звучит в финале рассказа «Цепь»: «Мечтой моей было: иметь велосипед. Ну вот, теперь я стал взрослым. И вот, взрослый, я говорю себе, гимназисту:
– Ну, что ж, требуй теперь. Теперь я могу отомстить за себя. Высказывая заветные желания.
И никто не отвечает мне...» (269).
23. Об этом свидетельствуют эдипальные мотивы в рассказе «Я смотрю в прошлое».

24. Труссы не единственная вещь, принадлежащая резиновому мальчику. В финале рассказа, исполняя роль вестника, он бежит, шлепая сандалиями (234).
25. Световые обозначения (свечение, блеск, сияние и пр.) цепко связаны с цветовым кодом. В дневниковых записях, отвечая на вопрос, какое воспоминание можно назвать первым, Ю. Олеша свидетельствует, что одним из самых радостных является ощущение света: «Это пространство освещено солнцем... Вот первое воспоминание. Солнечный свет...» [9, 61]. Неслучайно мечта о женщине напрямую соотнесена с насыщенностью солнечного цвета: в «Зависти» про Валю: «комната где-то, когда-то будет ярко освещена солнцем» (42); в «Вишневой косточке» про Наташу: «...когда-нибудь... Будет ярко светить солнце» (274).
26. Голубой, с желтыми украшениями гроб, с трудом проникая из кухни в коридор, делается сразу черным (235).
27. Оценочная трактовка цвета общепринята, что отражено в словарях символов, например: Жульен, Н. Словарь символов / Н. Жульен, Пер. с фр. С. Кагомова, И. Устьянцевой. – Челябинск: «Урал LTD», 1999. – 500 с; Керлот, Х.Э. Словарь символов / Х.Э. Керлот; Под ред. С. В. Пролеев; Пер. Н. А. Богун и др. – М.: REFL-book, 1994. – 608 с.
28. В дневниковых записях она принимает другой вид: «Приближаясь, я увидел смерть, повисшую на втором этаже. Это было окно. Оно чернело, дико распахнутое среди зимы» [9, 62] (ср. с рассказом «Пророк»).

Материал поступил в редакцию 03.12.07.

УДК 802.0

С.В. Федотова

МИКРОКОНЦЕПТ «ИНФОРМАЦИЯ» КАК АКТУАЛЬНЫЙ ЭЛЕМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА «МЕНЕДЖМЕНТ»

В статье демонстрируется актуальность микроконцепта «информация» как одного из составляющих концепта «менеджмент». Автор анализирует языковые средства репрезентации данного микроконцепта в английском языке, определяет свойства данного микроконцепта и выявляет соотношение этого микроконцепта с концептом «менеджмент».

Интерес к исследованию концепта management и его репрезентации в английском языке определён назревшей необходимостью его идентификации как совокупности лингвистических средств и приёмов управления производством, персоналом для достижения лучших результатов, что реализуется в английском языковом сознании.

История возникновения и развития феномена управления в жизни общества насчитывает 7 тысячелетий. За начало отсчёта обычно принимают зарождение письменности в древнем Шумере, относимое к пятому тысячелетию до нашей эры «Управление появилось, во-первых, с разделением и специализацией труда; во-вторых, с необходимостью организации коллектива для достижения какой-либо цели; в-третьих, с необходимостью в защите и охране социума, в установлении определённого законопорядка, в координации и регулировании развития различных сфер деятельности» [1; с. 31]. Впервые проблему управления пытались решить древние египтяне. Они признали необходимость целенаправленной организации деятельности людей, ее планирования и контроля за результатами, а также рассредоточения функций управления.

Термин «управление» произошел от старорусского слова «управа», т.е. способность с кем-то управляться. «В широком смысле под ним понимается деятельность по упорядочению процессов, протекающих в природе, технике и обществе, устранению их энтропии (дезорганизации), неопределённости и приведению в нужное состояние с учётом тенденций их развития и изменения среды (для различных ее типов нужны свои способы управления)» [2; с. 7]. Как видно из определения, управление должно обеспечивать упорядоченность соответствующей системы, ее целостность, нормальное функционирование и развитие.

Менеджмент является особой формой управленческой деятельности, характерной для человеческого общества. Любая управленческая деятельность состоит из

следующих этапов: получение и анализ информации, выработка и принятие решений, организация их выполнения, контроль, оценка полученных результатов, внесение корректив в ход дальнейшей работы, вознаграждение и наказание исполнителей.

Исходя из вышеизложенного, можно утверждать, что концепт management включает такие микроконцепты как: «информация», «решение», «организация», «контроль», «оценка», «результат», «аналитическая деятельность», «коррективная деятельность», «вознаграждение», «наказание», «исполнитель». В рамках данной статьи мы рассмотрим микроконцепт «информация».

Информация (от лат. Informatio – разъяснение, изложение) – 1) сообщение о положении дел где-либо, о каких-либо событиях; 2) сведения об окружающем мире и протекающих в нем процессах, воспринимаемые человеком или специальными устройствами [3; с.248]. Актуализация микроконцепта «Информация» через языковые единицы обладает высоким потенциалом функционально-семантического и коммуникативно-прагматического свойства.

1. Organizations are increasingly converting their telephone and data networks to run on a single infrastructure based on Internet protocol (IP) technology [4; с.7]. В данном высказывании семантика «управление» реализуется именными лексемами: telephone, data, networks, internet, technology, которые являются средствами выражения управленческого действия, т.к. способствуют осуществлению операций с информацией. Кроме того, лексемы networks, internet, technology подчёркивают качественный характер управления. Организация не ограничивается в своей деятельности телефоном, она стремится к новым, передовым информационным технологиям.

Рассмотрение лексико-семантической парадигмы со значением «информация» было предпринято на основании данных словарей Oxford Dictionary of Synonyms and

Antonyms и Macmillan English Dictionary for advanced learners. В результате были отобраны 18 синонимических рядов, соответствующих избранной семантике. Далее приводится список отобранных существительных.

1.1. Information (u)	knowledge or facts about someone or something.
1.2. Announcement (c)	a public or official statement that gives people information about something.
1.3. Knowledge (u)	what someone knows about particular subject.
1.4. Intelligence (u)	information collected about the secret plans and activities of a foreign government.
1.5. Statistics	a group of numbers that represent facts or describe a situation.
1.6. Briefing (c)	7. a meeting or document in which people receive information or instructions; • the process of giving information or instructions.
1.7. Bulletin (c)	– a short news broadcast; • an official statement about something important; • a magazine or newspaper that a club or organization produces regularly to give information to its members.
1.8. Communication (u)	the process of giving information or of making emotions or ideas known to someone.
1.9. Instruction (c)	printed information explaining how to use or do something.
1.10. Message (c)	a piece of written or spoken information that you send to someone, esp. when you cannot speak them directly.
1.11. News (u)	information about something that has happened recently.
1.12. Report (c)	spoken / written summary (document) that gives information about a particular subject, situation, or event.
1.13. Statement (c)	a written or spoken announcement on an important subject that someone makes in public.
1.14. Data (u)	facts or information used for making calculations or decisions.
1.15. Database (c)	computing, a large amount of information stored in a computer in an organized way that allows individual pieces of information to be found quickly.
1.16. Dossier (c)	a set of document about a person or situation.
1.17. Evidence (u)	facts or physical signs that help to prove something.
1.18. Fact (c)	• a piece of true information; • things that are true or that really happened, rather than things that are imaginary or not true.

В соответствии с приведёнными словарными дефинициями, выделим пять групп существительных.

Существительные, включающие сему «процесс передачи информации»: briefing, communication, statement. Основанием для объединения этих существительных является трактовка «the process of giving information», у лексемы «communication» это ведущая сема, в то время как у других существительных латентная.

Ведущая сема данной группы – «документ, предоставляющий информацию». В группу включены существительные: report, dossier, briefing, statement, announcement. Включение лексем «statement», «announcement» опирается на следующее рассуждение: обычно официальные заявления оформляются на бумаге и при необходимости на них можно сослаться как на документ.

Основной семой следующей группы существительных является сема «размещение информации в печатном (письменном) виде»: bulletin, instruction, message, report, statement, dossier, announcement, intelligence, statistics, briefing, news, data, database, evidence. Четко это значение находим у существительных: bulletin, instruction, message, report, statement. Хотя в толковании других слов нет точных указателей типа «written information»; следует в данную группу отнести такие слова, как dossier, intelligence, поскольку набор документов, как правило, компрометирующего характера предпочитают делать в письменном виде. Лексемы «data», «database» включают сему «использование компьютера» «information stored in a computer», т.е. с размещением информации в электронном виде. Существительные news,

evidence включаются в данную группу, так как новости и свидетельские показания должны быть оформлены в печатном виде.

Существительные с семой «передача информации устным путем». Сюда попали существительные с толкованием «spoken information». Это message, report, statement, news, communication. И можно включить такие лексемы как: briefing, bulletin, instruction, announcement, поскольку толкования словарей и интерпретативный подход способствуют этому.

Существительные следующей группы объединяет сема информация «information».

News – это информация о недавних событиях.

Fact – это истинная информация, подтверждённая аргументами.

Data – это информация, используемая для принятия решений.

Database – большой объем информации, размещаемой в компьютере

Message – фрагмент информации для отправки адресату.

Intelligence – информация о секретных планах иностранного государства.

Фактический материал способствует выявлению новых характеристик данного микроконцепта.

2. We delegate the responsibility for mastering this vast jumble of information to the media, who masticate this semantic mountain into manageable portion for our consumption. [7; с. 64]. В данном высказывании необработанная информация сравнивается с семантической горой, т.е.

«множеством фактов», которые лишь в результате обработки, группировки, анализа можно превратить в информацию, актуальную для процесса управления. Автор использует лексическую метафору «semantic mountain». Сходство между явлениями объективной действительности обнаруживается по форме (горы обычно поражают своим размахом), и метафорический перенос осуществляется по количественному и качественному сходству, лежащему в основе восприятия и оценки объекта. Этот пример иллюстрирует особенность английского неисчисляемого существительного «information», которое употребляется только в форме единственного числа.

3. Wonderful news, isn't it? I don't know what's wrong with these children. You'd think it would cheer them up to hear that the war's over, but they don't seem to hear me. [8; с. 79]. В данном высказывании оценочное эллиптическое предложение требует объективного подтверждения (isn't it?) факта присутствия объекта (wonderful news), поэтому используется глагол в единственном числе, сочетающийся с местоимением 3 лица единственного числа it, что свидетельствует о наличии семы «неисчисляемость» в существительном news. Чтобы показать небольшой фрагмент информации, в английском языке часто употребляются выражения: a piece of information, a bit of information, one bit of information, every scrap of information.

4. She spent endless hours in the law library checking for procedures and defenses, and with her client, drawing from him every scrap of information she could [9; с. 83]. Следующие тексты демонстрируют источники получения информации.

5. Prime Minister Churchill cabled to Stalin a request to help the Poles, but Stalin refused [8; с. 52].

6. He radioed for help to Britain and America [8; с. 52].

Подчеркнутые лексемы репрезентируют такое свойство информации, как передача сведений с помощью технических средств.

Знакомство с информацией происходит благодаря текстам и, соответственно, языковые единицы, обозначающие технические или иные средства передачи информации, увеличивают лексический объём данного микроконцепта.

Из глагольных лексем, раскрывающих понятие «информация», следует выделить: inform, advise, know, apprise, notify, instruct, announce, state, communicate, cable, broadcast, radio, report, mail, advertise.

7. She was going to inform him that she was resigning from Abraham Wilson's defense [9; с.86].

8. Just to keep you up-to-date as we so successfully established... [10; с. 98].

Выражение «to keep you up-to-date» означает «быть проинформированным, быть в курсе дела». Среди лексико-семантических вариантов глагола to keep находим под «сохранять новизну, свежесть», и в слове up-to-date дублируется сема «новейший», что представляет свойство информации – новая, «свежая» [11; с. 390].

9. ISA provides orientation based on very reliable data that include university statistics, job market statistics and sample censuses. Thus we know what is in the pipeline and the needs are. For instance we know how many mechanical engineers will leave the job market over the next ten years. And we know how many people are studying mechanical engineering at university. We can thus create a scenario for the next six or eight years. This kind of perspective allows us to predict which sectors will show promise and which will not [12; С. 55]. Этот пример показывает употребление глагола know и существительных data, statistics вхо-

дящих в микроконцепт «информация». Повтор лексемы know в тексте подчеркивает уверенность автора, он точно знает, т.е. владеет информацией о статистических данных по поводу рабочих мест. Происходит анализ информации: известно, сколько нужно инженеров, сколько есть выпускников, сколько человек учится, сколько специалистов покинет рынок труда в ближайшие 10 лет. Такие данные позволяют предсказать востребованность в специалистах на определенный период. В предложении We can thus create a scenario for the next six or eight years имплицитно подразумевается механизм управления потребностью в конкретных рабочих местах.

Микроконцепт «информация» включает в себя форманты «качество» и «количество», которые представлены соответствующими языковыми средствами.

Количество	Качество
information	intelligence
knowledge	announcement
statistics	bulletin
data	briefing
database	report
internet	statement
	dossier
	evidence
	fact
	instruction
	technology

Отбор существительных происходил на основании вышеприведенных дефиниций и логических рассуждений. В лексемах, репрезентирующих формант «качество», сосредоточена не информация вообще, а отобранная специальная и оптимально необходимая информация о конкретной фирме, человеке или журнале, т.е. о любом объекте.

Итак, анализ данных словарей и фактического материала показал, что лексический коррелят микроконцепта представлен разными классами слов:

1.Существительными: information, knowledge, data, database, message, report, statement, news, communication, briefing, bulletin, instruction, announcement, dossier, intelligence, fact, statistics, evidence, internet, telegram, telephone, cable, mail, radio, TV, newspaper, book, magazine, fax, broadcasting, advertisement, technology.

2.Глагольными лексемами: inform, advise, know, report, cable, mail, radio, fax, broadcast, phone, advertise, apprise, notify, instruct, announce, state, communicate.

3.Глагольными словосочетаниями: to keep smb up-to-date, to have some knowledge.

4.Прилагательными: informative, informational, informative, instructional, instructive, educational, educative, up-to-date, knowledgeable, new.

Микроконцепт «информация» тесно связан с концептом «менеджмент», поскольку для лучшей организации управления компанией руководители постоянно изучают, анализируют информацию с помощью a management information system (MIS), IT- management (information technology system) или других источников. В настоящее время у имени «IT- management» появился дублет, имеющий омонимичное написание, но содержательно еще более расширенный – Internet Technology management, номинирующий процессы управления, осуществляемые при помощи еще более продвинутой технологии на глобальном уровне через доступ во всемирную сеть – World Wide Web. Информация позволяет субъек-

ту управления иметь представление о состоянии дел в данный момент времени, о достижении (или недостижении) заданных целей, с тем чтобы воздействовать на организацию и добиваться эффективного результата.

Библиографический список

1. Поршнева, А.Г. Менеджмент: теория и практика в России / А.Г. Поршнева. – М., 2003. – 528с.
2. Веснин, В.Р. Менеджмент / В.Р. Веснин. – М., 2004. – 440с.
3. Современный толковый словарь русского языка / Гл. Ред. Кузнецов С.А. – СПб., 2004. – 959с.
4. King, B. When systems converge but people don't / B.King // Financial Times, Friday, January 6, 2006.
5. Oxford Dictionary of Synonyms and Antonyms, Oxford University Press, 1999. – 572 p.
6. Macmillan English Dictionary for advanced learners, International Student Edition, 2006. – 1629 p.
7. Schuemer, D. Globalized Man / D.Schuemer // Deutschland, Nr. 5 / 2001 October/November.
8. Serrailier, I. Escape from Warsaw. Scholastic Inc / I.Serrailier. – New York, Toronto, London, Sydney, Auckland, 2004. – 218 p.
9. Sheldon, S. Rage of Angels / S. Sheldon. – USA: A Warner Communications Company, 1985. – 504 p.
10. Ludlum, R. The Scarlatti Inheritance / R. Ludlum. – New York, Toronto, London, Sydney, Auckland: Bantam Book, 1989. – 354 p.
11. Мюллер, В.К. Англо-русский словарь / В.К. Мюллер. – М., 1987. – 848 с.
12. Weegen, M. Jobs with a future / M. Weegen // Deutschland, Nr. 5/2001 October/November.

Материал поступил в редакцию 11.01.08

SUMMARIES OF THE ARTICLES IN THE ENGLISH

P.4 *Baldakov, A.I., Galakhov, V.P., Zinoviev, A.T., Marusin, K.V., Shibkikh, A.A.* **HYDROLOGICAL INVESTIGATIONS FOR THE ESTABLISHMENT OF BOUNDARIES OF WATER PROTECTION ZONES AND RIVERSIDE SHELTER BELTS OF RIVERS OF REPUBLIC OF ALTAI (UNDER A NEW WATER CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION).** The establishment of the boundaries of water protection zones and riverside shelter belts (WPZ and RSB) for determination of the territories with the special types of economic activities near water objects is the important problem for water quality improvement. Some rules of investigations have been changed after the implementation of a new Water Code of the Russian Federation since January 1, 2007. At present special hydrological research is necessary for determination of WPZ and RSB. The paper considers some case studies realized according to a new Water Code.

P.7 *Bezmaternykh, D.M.* **WATER SALINITY AS A FACTOR OF ZOOBENTHOS FORMATION IN LAKES OF BARABINSK-KULUNDA LIMNOBIOLOGICAL REGION.** The paper shows the influence of water salinity on taxonomic composition and biomass of zoobenthos in lakes. It is revealed that with the increase of water salinity a part of zoobenthos taxons eliminates, and the rest eurialine species adapt to new environmental conditions. The eurybiontic organisms include larvas Ephidridae, Chironomidae and some Ceratopogonidae. Crustacean, Dragonflies, gastropods and bivalvians, bloodsuckers and larvas of caddis flies refer to stenogaline organisms and occur in oligogalnic and sometimes in mesogalnic lakes. Water salinity has a pronounced effect on the composition and structure of zoobenthos, and when it exceeds 3 g/l, the taxonomic diversity and the abundance of benthic invertebrates usually decrease.

P.12 *Yanygina, L.V.* **THE MACROINVERTEBRATE COLONIZATION OF DECOMPOSED PLANT.** The results of investigation of colonization rate and macroinvertebrate succession during the plant decomposition are presented. Abundance of macroinvertebrate depends on substrat type: the maximum quantity of macroinvertebrate were observed on fallen leaves, while the minimum – on horsetail (*Equisetum fluviatile*).

P.14 *Meshkinova, S.S.* **GEOCHEMISTRY OF CARBONATES IN SOILS OF THE MID KATUN VALLEY** The content of carbonates in soils of the Mid Katun valley is investigated. It was found that carbonates concentration increased in all types of soils downwards along the soil profile. Carbonate forms were defined.

P.16 *Egorova, I.A., Puzanov, A.V., Balykin, S.N., Saltykov, A.V., Gorbachev, I.V.* **NATURAL RADIOACTIVE NUCLIDE (^{238}U , ^{232}Th , ^{40}K) IN MOUNTAIN SOILS OF NORTH-WEST ALTAI.** Main regularities of interprofile distribution of natural radioactive nuclides (^{238}U , ^{232}Th , ^{40}K) in mountain-tundra and mountain-meadow soils of north-west Altai have been defined. The extent of influencing the physicochemical properties of soils on the level of radioactive nuclides concentration is determined.

P.20 *Baboshkina, S.V.* **ARSENIC CONTENT IN PLANTS OF ALTAI.** Arsenic in plants of Altai that is the geochemical province with the increased content of arsenic in soils is investigated. It has been found that arsenic concentration in Altai plants don't exceed a world background level and is not determined by total arsenic amount in the paedosphere. The bioavailability indexes of arsenic are calculated. It is shown, that most intensively arsenic is involved in biological circulation by grassy plants of high-mountainous automorphic tundra and meadows, and desert-steppe valley of South-East Altai.

P.23 *Arkhipov, I.A., A.V. Puzanov, A.V.* **THE AKTASH MERCURY DEPOSIT (SOUTH-EASTERN ALTAI) AS A POTENTIAL SOURCE OF MERCURY EMISSION INTO THE ENVIRONMENT OBJECTS.** Mercury concentrations in the mining-industrial landscapes of south-eastern Altai were studied. The comparative analysis of mercury in the environment objects was made. It was found that the ore recreation is the main source of pollution; hence the major nature protection activities should be aimed at the reduction of pollutants emission into the environment.

P.27 *Balykin, D.N., Puzanov, A.V.* **MANGANESE, COPPER, MOLYBDENUM AND BORON IN SOIL OF MIDDLE MOUNTAIN DEPRESSIONS.** The comparative analysis of manganese, copper, molybdenum and boron concentration in soil of middle mountain depressions in Altai was carried out. Main regularities of microelements behavior in soil were revealed. The influence of basic physical-chemical properties of soils on microelements behavior in soil of middle mountain depressions in Altai was determined.

P.30 *Bezmaternykh, D.M.* **ON SYSTEMATICS, ECOLOGY AND DISTRIBUTION OF CHIRONOMIDES, GENUS CHIRONOMUS OF OBTUSIDENS GROUP (DIPTERA, CHIRONOMIDAE).** This paper deals with issues of systematics, ecology and zoogeography of chironomides, *Chironomus* genus of obtusidens group. The new data on morphology and ecology of one of this group species – *C. acutiventris* is given. Its pupa is described for the first time. The role of the larval form such as *fluviatilis*, as adaptation to the certain environmental conditions, namely silted grounds of the rivers' and lakes' shoals is analyzed.

P.35 *Belocurova, S.M.* **THE FORMING OF THE ETHNIC WORLD OUTLOOK AS PHENOMENON OF CULTURE (ETHNO GENESIS OF OIRADS AS A CASE OF POINT)**

It is regarded in the article the forming of the ethnic world outlook of the oirad ethnic group, its basic viewpoints which influenced the culture of the oirads.

P.39 *Bortnikov, S.D.* **THE DEVELOPMENT OF THEATER ART IN SIBERIA IN THE 60s-85ths OF THE 20th CENTURY.** Based on extensive archival studies there presented a contradictory social-cultural process of theatre art development in Siberia in the second part of the 20th century before the market reforms in Russia.

P.47 *Vakalova, N.V.* **THE ROLE OF SOCIAL AND STATE ORGANIZATIONS IN THE PRESERVATION OF THE COLLECTION OF THE BARNAUL MINING MUSEUM IN THE LATE 19th – EARLY 20th CENTURY.** The article presents the historical analysis of the regional process of development of museum science in the Altai and Tomsk Territory. Here is defined the role of social organizations and educational institutions of West Siberia in this process.

P.51 *Hechmann, L.P.* **THE THEOLOGICAL GENEALOGIES AS A PERSONOSPHERE OF TRADITIONAL CULTURES (THE TRIAL OF SOCIAL-CULTURAL INTERPRETATION).** It is researched in the article the epic area of traditional cultures, it is proved the existence of national personosphere which is treated in context of the noosphere conception and the methodology of myth research by M.Eliade and M.Meletinsky

P.54 *Davydenko, M.V.* **THE PROBLEM OF ARTISTRY IN ART SCIENCES ON THE BOUNDARY OF 20th-21st CENTURIES.** Here is studied artistry as a scientific category of art, which tends to distortion because of actualization of the notions “artistic success” and “artistic luck”.

P.57 *Zubov, A.E.* **TRANSFORMATION OF THE NOTION “CONTEMPORANEITY” IN THE WORK OF THE THEATER ARTISTS IN BARNAUL.** The article is about the process of shorthand language confirmation in the theatres of Barnaul from the 40s to the 70s of the 20th century in the framework of the transformation of the category of “contemporaneity” in the work of theatre artists in Barnaul.

P.60 *Kuzhuget, A.K.* **THE PROBLEMS OF STUDYING OF TUVINIAN CULTURE IN THE 21st CENTURY.** The article is about the concept of development of traditional cultures on the example of the republic Tuva. Here are researched the most fundamental problems in the sphere of revival of ethnic cultural values. There also researched the ways out of the crisis of Tuvian culture with the attraction of positive experience of developed civilizations of the East.

P.62 *Mongush, A.D.-B.* **“NATURE AND HUMAN” IN THE MUSIC CULTURE OF TUVINIANS.** Here are regarded the questions of connection of intonation peculiarities of traditional Tuvian music with the world outlook and culture of the given ethnos. The author relies on the research of musicologists of Far East school (S.B. Lupinos, E.M. Alkon) and shows the reflection of the main idea of unity of nature and human, cosmogony images and elements of nomadic civilization in the musical structures.

P.65 *Pervushina, O.V.* **NATURAL-GEOGRAPHIC FOUNDATION OF FORMATION OF THE RUSSIAN CULTURE.** Here are studied the foundations of geosociocultural approach to the phenomenon of culture which allows to regard the formation of culture in the context of its historical-cultural and social factors in a spatial-temporal continuum.

P.68 *Hertek, L.K.* **SYMBOLISM OF MYTHOLOGICAL IMAGES IN THE CEREMONIES OF CHANGE BY TUVINIANS.** It is analyzed in the article the syntagmatics of

culture texts (myths about eclipses, folklore texts, wedding ceremonies, beliefs, legends and so on) in the framework of traditional Tuvian cultures with the attraction of the work on culture of Turki-Mjngolian people. Here it is found out a number of mythological images, which contain the semantics of change and it is shown their functioning in the text.

P.73 *Belinskaja, O.N.* **STRUCTURAL-FUNCTIONAL ANALYSIS OF PROFESSIONAL SKILLS OF A SOCIAL TEACHER WORKING WITH DISABLED CHILDREN IN ORPHANAGES.** The article is about the functional model of professional skills of a social teacher working with disabled children in orphanages with the purpose of optimization of professional training of social teachers in art and culture institutions.

P.76 *Bulgakova, S.N.* **CORE EDUCATION AT THE HIGHEST LEVEL OF GENERAL EDUCATION IN THE CONTEXT OF RUSSIAN AND INTERNATIONAL EXPERIENCE.** The traditional non-core training of pupils leads to the failure in succession of education between a school and a university. At higher school was formed a steady opinion about the necessity of extra training of senior pupils. Educational reforms of most developed countries in the world aim at the core differentiation of education. In the article is viewed the operational experience in this way.

P.78 *Goloveeva, L.U.* **CONDITIONS OF REALIZATION OF INTEGRATIVE APPROACH IN EDUCATION.** Integrative approach includes all modern approaches to the education. Execution of the integrative approach will be possible if it means following conditions: showing up the basis of the integration, stage-by-stage application to the school practice, using specific organizational forms of education, readiness of the teacher to integration, co-operation of teachers and scientists.

P.79 *Desjatov, V.I.* **QUALIMETRICS IN A HUMANITARIAN AND EDUCATIONAL CONTEXT: METHODOLOGICAL ASPECTS.** The article is about a methodological character of an important for educational and humanitarian sciences qualimetric approach in a scientific paradigm of mathematics, philosophy, social sciences. Here is underlined a humanitarian nature of qualimetrics.

P.83 *Krestnikov, S.A.* **A.V. PERISHKIN – THE FOUNDER AND THE LEADER OF SCIENTIFIC METHODOLOGICAL SCHOOL.** In work Alexander Vasiljevicha Pyoryshkina's historical role as founder and the leader of Scientific school by a technique of teaching of physics in the Moscow pedagogical high schools which began to be formed by one of the first in the country is considered.

P.84 *Novikova, I.A.* **THE ESSENTIAL FEATURES OF INTERNATIONAL COMMUNICATION CULTURE.** There are defined in the article the essential features of international communication culture with the help of the analysis of its images and adjacent notions discussed in the Russian and foreign educational science and practice.

P.92 *Olenina, G.V., Medvedenko, V.V.* **ANIMATION OF CORPORATE LEISURE TIME OF THE TOURIST COMMERCIAL BODY.** The article is devoted to the research of the role of games and drama in animation tech-

nologies of corporate leisure time of the tourist commercial body with the purpose of raising the level of culture and quality of the given type of relaxation.

P.94 *Olenina, G.V.* **OPTIMIZATION OF THE IMAGE OF VOLUNTARISM IN THE HIGHER EDUCATION AREA WITH THE USE OF PR-CAMPAIGN TECHNOLOGIES.** Here is analyzed the experience of students of the artistic higher educational institution on the organization of social-cultural voluntary action in the local and municipal society with the use of modern communication technologies of promotion of the given initiative.

P.97 *Gubina, N.V.* **POETICS OF THE TITLES IN THE PROSE OF E.I. ZAMJATIN: TITLE – TEXT – METATEXT.** It is researched in the article creative work of E.I. Zamjatin from the viewpoint of the title problem. By means of exarticulating the level of the title and its forming into some metatext, a new method is worked out. It helps to analyze a group of titles of a big number of texts belonging to the same author and to find out structural-semantic peculiarities of the given synthetic text.

P.105 *Konkova, J.V.* **THE PROBLEM OF ARTISTIC COMMUNICATION.** The subject of the article is the problem of art communication, which consists in the peculiarities of writer and reader relations. The process of perception of art information is regarded from the viewpoint of evocation.

P.107 *Markina, P.V.* **TO THE POETICS OF THE NOVEL “LIOMPA” BY J.K. OLESHA.** Here is analyzed the novel “Liompa” by J.K. Olesha in the anthropocentric aspect. The poetics of the novel uncovers itself through the material, zoomorphic, color and gastronomic codes. Here is regarded the system of characters, structural peculiarities, spatial organization.

P.111 *Fedotova, S.V.* **MICROCONCEPT “INFORMATION” AS AN ACTUAL ELEMENT OF REPRESENTING THE CONCEPT “MANAGEMENT”.** The article demonstrates the actuality of the microconcept “information” as one of the constituents of the concept “management”. The author analyses linguistic means of representation of the microconcept “information” in the English language, defines the properties of the microconcept and shows the correlation of this microconcept with the concept “management”.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Архипов Игорь Александрович, кандидат географических наук, старший научный сотрудник лаборатории биогеохимии Института водных и экологических проблем СО РАН, г. Барнаул.

Бабошкина Светлана Вадимовна, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник лаборатории биогеохимии Института водных и экологических проблем СО РАН, г. Барнаул.

Балдаков Анатолий Иванович, инженер лаборатории гидрологии и геоинформатики Института водных и экологических проблем СО РАН, г. Барнаул.

Балькин Дмитрий Николаевич, младший научный сотрудник лаборатории биогеохимии. Институт водных и экологических проблем СО РАН, г. Барнаул.

Балькин Сергей Николаевич, кандидат биологических наук, научный сотрудник лаборатории биогеохимии Института водных и экологических проблем СО РАН, г. Барнаул.

Безматерных Дмитрий Михайлович, кандидат биологических наук, доцент, ученый секретарь Института водных и экологических проблем СО РАН, г. Барнаул.

Белинская Олеся Николаевна, соискатель кафедры педагогики и психологии Московского государственного университета культуры и искусств, г. Москва.

Белокурова Софья Михайловна, младший научный сотрудник отдела организации научно-исследовательской работы Алтайской государственной академии культуры и искусств, г. Барнаул.

Бортников Сергей Дмитриевич, доктор культурологии, профессор Алтайской государственной академии культуры и искусств, г. Барнаул.

Булгакова Светлана Николаевна, доцент, заведующая кафедрой музыкального образования, Челябинской государственной академии культуры и искусств, г. Челябинск.

Вакалова Наталья Владимировна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры музееведения и наследия Алтайской государственной академии культуры и искусств, г. Барнаул.

Галахов Владимир Прокопьевич, кандидат географических наук, старший научный сотрудник лаборатории гидрологии и геоинформатики Института водных и экологических проблем СО РАН, г. Барнаул.

Гекман Лидия Павловна, доктор культурологии, профессор Алтайской государственной академии культуры и искусств, г. Барнаул.

Головеева Лариса Юрьевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры права и методики преподавания истории Барнаульского государственного педагогического университета, г. Барнаул.

Горбачев Иван Владимирович, младший научный сотрудник лаборатории биогеохимии Института водных и экологических проблем СО РАН, г. Барнаул.

Губина Нина Валерьевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела организации научно-исследовательской работы Алтайской государственной академии культуры и искусств г. Барнаул.

Десятов Владимир Иванович, кандидат педагогических наук, доцент Алтайской государственной академии культуры и искусств, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования, г. Барнаул.

Давыденко Марина Вячеславовна, кандидат философских наук, старший преподаватель Алтайского государственного университета, г. Барнаул.

Егорова Ирина Александровна, аспирант лаборатории биогеохимии Института водных и экологических проблем СО РАН, г. Барнаул.

Зиновьев Александр Тимофеевич, кандидат физико-математических наук, заведующий лабораторией гидрологии и геоинформатики Института водных и экологических проблем СО РАН, г. Барнаул.

Зубов Александр Евгеньевич, старший преподаватель Новосибирского государственного театрального института, г. Новосибирск.

Конькова Юлия Владимировна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры литературы, социальной психологии и педагогики Алтайской государственной академии культуры и искусств, г. Барнаул.

Крестников Сергей Андреевич, кандидат педагогических наук, доцент Челябинского государственного педагогического университета, г. Челябинск.

Кужугет Айлана Калиновна, главный научный сотрудник Тывинского института гуманитарных исследований, Республика Тыва.

Маркина Полина Владимировна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры литературы, социальной психологии и педагогики Алтайской государственной академии культуры и искусств, г. Барнаул.

Марусин Константин Валерьевич, научный сотрудник лаборатории гидрологии и геоинформатики Института водных и экологических проблем СО РАН, г. Барнаул.

Медведев Вера Васильевна, старший преподаватель Алтайской государственной академии культуры и искусств, г. Барнаул.

Мешкинова Сырга Семеновна, инженер лаборатории биогеохимии Института водных и экологических проблем СО РАН, г. Барнаул.

Монгуш Аясмаа Данзы-Белековна, научный сотрудник сектора культуры Тывинского института гуманитарных исследований, Республика Тыва, г. Кызыл.

Новикова Ирина Алексеевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и истории художественной культуры Алтайской государственной академии культуры и искусств, г. Барнаул.

Оленина Галина Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент Алтайской государственной академии культуры и искусств, г. Барнаул.

Первушина Ольга Васильевна, кандидат культурологии, доцент кафедры социально-культурной деятельности, проректор по научной работе и международным связям Алтайской государственной академии культуры и искусств, г. Барнаул.

Пузанов Александр Васильевич, доктор биологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, заведующий лабораторией биогеохимии Института водных и экологических проблем СО РАН, г. Барнаул.

Салтыков Алексей Владимирович, младший научный сотрудник лаборатории биогеохимии Института водных и экологических проблем СО РАН, г. Барнаул.

Федотова Светлана Владимировна, аспирант, старший преподаватель Алтайской академии экономики и права, г. Барнаул.

Хертек Любовь Кенденовна, заведующая рукописным фондом Тывинского института гуманитарных исследований, Республика Тыва.

Шибких Андрей Александрович, младший научный сотрудник лаборатории гидрологии и геоинформатики Института водных и экологических проблем СО РАН, г. Барнаул.

Яныгина Любовь Васильевна, кандидат биологических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории водной экологии Института водных и экологических проблем СО РАН, г. Барнаул.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

А	Архипов И.А. 23	К	Конькова Ю.В. 105 Крестников С.А. 83 Кужугет А.К. 60
Б	Бабошкина С.В. 20 Балдаков А.И. 4 Балыкин Д.Н. 27 Балыкин С.Н. 16 Безматерных Д.М. 7, 30 Белинская О.Н. 73 Белокурова С.М. 35 Бортников С.Д. 39 Булгакова С.Н. 76	М	Маркина П.В. 107 Марусин К.В. 4 Медведенко В.В. 92 Мешкинова С.С. 14 Монгуш М.Д.-Б. 62
В	Вакалова Н.В. 47	Н	Новикова И.А. 84
Г	Галахов В.П. 4 Гекман Л.П. 51 Головеева Л.Ю. 78 Горбачев И.В. 16 Губина Н.В. 97	О	Оленина Г.В. 92, 94
Д	Давыденко М.В. 54 Десятков В.И. 79	П	Первушина О.В. 65 Пузанов А.В. 16, 23, 27
Е	Егорова И.А. 16	С	Салтыков А.В. 16
З	Зиновьев А.Т. 4 Зубов А.Е. 57	Ф	Федотова С.В. 111
		Х	Хертек Л.К. 68
		Ш	Шибких А.А. 4
		Я	Яныгина Л.В. 12

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЬИ

в журнале «МИР НАУКИ, КУЛЬТУРЫ, ОБРАЗОВАНИЯ. ФИЛОЛОГИЯ»

Авторы представляют статьи на русском языке объемом от 0,5 до 1 авторского листа (20 – 40 тыс. знаков). Объем сообщений, рецензий, заметок не должен превышать 0,2 авторского листа (8 тыс. знаков).

Рукопись должна быть отредактирована, сопровождается рецензией доктора филологических наук. Редакция оставляет за собой право вносить редакторскую правку и отклонять статьи в случае получения на них отрицательной экспертной оценки.

Статью необходимо печатать в редакторе **MS WORD 6-7**, формате А4, шрифтом 12 пт. (Times New Roman), межстрочный интервал – 1,5; отступ от сторон листа 2,5 см. Статья оформляется следующим образом:

Ф.И.О. автора (авторов), название статьи заглавными буквами и аннотация на английском языке (до 300 знаков);

УДК;

Ф.И.О. автора (авторов), название статьи заглавными буквами и аннотация на русском языке (до 300 знаков).

Ключевые слова.

Примеры в тексте статьи оформляются курсивом.

Примечания к тексту оформляются в виде постраничных сносок и имеют сквозную нумерацию.

Все таблицы и рисунки (черно-белые) должны быть встроены в текст статьи.

Библиографический список (в порядке цитирования) оформлять по ГОСТ 7.1.-2003. Библиографические ссылки в тексте статьи оформляются квадратными скобками. Например, [1, с. 25-27].

В конце статьи указывается дата ее отправки в редакцию.

Статья (бумажный вариант и электронный вариант на дискете) **вместе с заявкой и рецензией**, должна быть выслана обычной почтой на адрес редакции, кроме того, необходимо данную информацию продублировать электронной почтой на два адреса (E-mail: lmce@mail.ru, PSA@gasu.ru). Файлы необходимо именовать согласно фамилии первого автора, например «Завьялов, Самара». Нельзя в одном файле помещать несколько статей. В разделе «Тема» указывать «В редакцию журнала». За ошибки и неточности научного и фактического характера ответственность несет автор (авторы) статьи. Поступившие в редакцию материалы возврату не подлежат.

После экспертизы статья может быть отклонена, послана автору на доработку или рекомендована к публикации.

МАТЕРИАЛЫ, НЕ СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ДАННЫМ ТРЕБОВАНИЯМ, К ПУБЛИКАЦИИ ПРИНИМАТЬСЯ НЕ БУДУТ.

В случае принятия статьи к публикации автору необходимо подписаться на журнал «Мир науки, культуры, образования» в каталоге агентства «Почта России» индекс 31043 и выслать копию платежного поручения в адрес Редакции. **ВНИМАНИЕ! В платежном поручении обязательно укажите «За подписку на журнал «Мир науки, культуры, образования».**

АДРЕС РЕДКОЛЛЕГИИ:

649000, г. Горно-Алтайск, ул. Ленкина, 1, Университет, кафедра физики и МПФ.

Контактные телефоны: 8 (388-22) 2-30-76, 2-21-86.

Телефон для справок: 8 (388-22) 2-21-86; Факс: 8 (388-22) 2-67-35.

E-mail: psa@gasu.ru

Главный редактор журнала доктор педагогических наук, профессор, член международного союза журналистов Петров Анатолий Викторович.

Ответственный секретарь редколлегии Цыркевич Татьяна Михайловна.

МАТЕРИАЛЫ И РЕЦЕНЗИИ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ: 649000, г. Горно-Алтайск, ул. Ленкина, 1 Университет, Редакция международного журнала «Мир науки, культуры, образования» заместителю главного редактора, профессору Гурьеву Александру Ивановичу.

Контактные телефоны: 8 (388-22) 2-30-76, 2-21-86.

Факс: 8 (388-22) 2-67-35 . E-mail: PSA@gasu.ru

Образец оформления статьи

Suzukey, V.J. TUVINIAN THROAT-SINGING «КНООМЕИ» IN A CONTEMPORARY LIFE. The article is about a special genre of making music by Tuvinians in the framework of interdisciplinary humane paradigm. It shows the work of professional and amateur groups in the genre of throat-singing which enriches an universal human system of musical education.

УДК 784.4 (47=943.84)

Сузукей В.Ю.

ТУВИНСКОЕ ГОРЛОВОЕ ПЕНИЕ «ХООМЕИ» В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОСТИ

В рамках междисциплинарной гуманитарной парадигмы рассматривается особый жанр народного музицирования тувинцев, анализируется опыт профессиональных и самодеятельных коллективов, работающих в этом жанре горлового пения, которое обогащает общечеловеческую универсальную систему музыкального образования.

Ключевые слова: **этнос, горловое пение, музицирование, хоомей, тувинцы.**

Хоомей как особый жанр народного музицирования в общей системе культурных ценностей тувинцев выступает довольно автономным и весьма специфическим явлением. Для того, чтобы донести эту традицию до современности, сохранить ее живой и действенной, народу необходимо было накапливать и в течение веков передавать ее от поколения к поколению. «Сохранять и передавать ценный художественный опыт с тем, чтобы через преемственность породить своеобразную целостность искусства – в этом, как известно, особый смысл и историческая миссия традиции, представляющей неповторимое лицо, национальное своеобразие этноса» [1, с. 95]. ТЕКСТ...

Библиографический список

1. Будегечиева, Т.Б. Горловое пение в системе народной культуры тувинцев / Т.Б. Будегечиева // Мелодии «Хоомей»: материалы I Международного симпозиума «Хоомей-92». – Кызыл, 1994. – С. 16 – 28.
2. Аксенов, А.Н. Тувинская народная музыка / А.Н. Аксенов. – М., 1964. – 180 с.
3. Кыргыз, З.К. Тувинское горловое пение / З.К. Кыргыз. – Новосибирск, 2002. – 234 с.

Статья отправлена в редакцию 18.11.2007